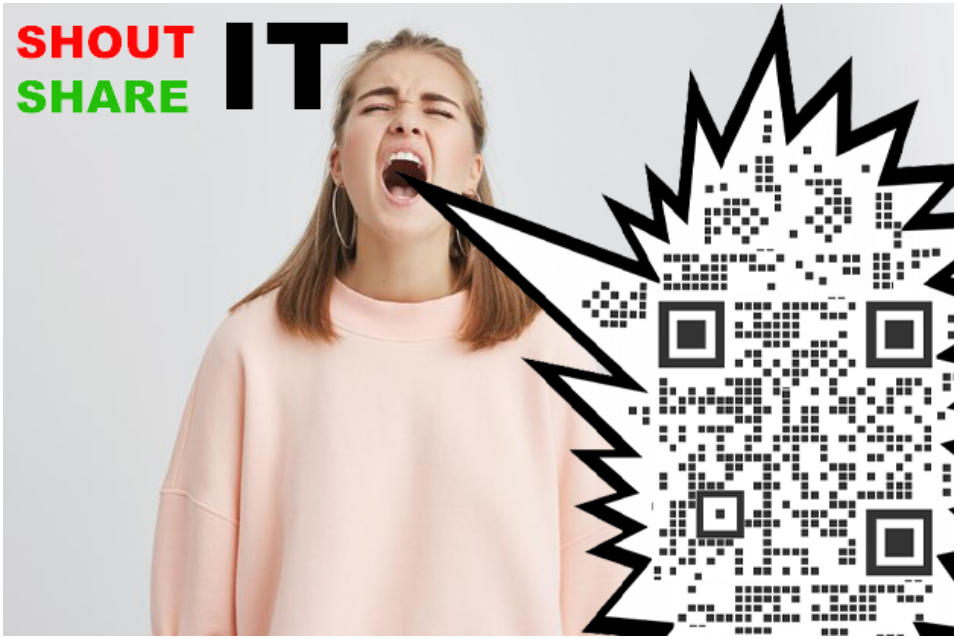
АЙН РЭНД

Людмила Никифорова
Михаил Кизилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пожалуй, Айн Рэнд (Алиса Розенбаум) — самый популярный англоязычный писатель российского происхождения. Она родилась в столичном Петербурге, бежала в Крым из революционного Петрограда, написала первые произведения в советском Ленинграде, откуда эмигрировала в США, где стала романисткой, драматургом, киносценаристом, философом, культурологом. Своими интеллектуальными бестселлерами она повлияла на становление идеологии современного капиталистического мира. Ими зачитываются американские президенты и бизнесмены, они входят в программу учебных заведений США. Аллюзии на ее произведения можно встретить в современной музыке, книгах, молодежной субкультуре и даже компьютерной игре, а ее бурная личная жизнь стала сюжетом нашумевшего голливудского фильма. Она ненавидела коммунизм и считала, что любая страна «свободного мира» имеет моральное право напасть на СССР, создала философию объективизма и провозгласила эгоизм главной добродетелью человека. Имея всемирную славу, она почти не известна на родине. Восполняет этот пробел биография Айн Рэнд — история еврейской Золушки из России, ставшей королевой американской интеллектуальной жизни.

- Айн Рэнд
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая
    - В поисках подлинной Айн Рэнд
    - Семья Розенбаум
    - Дом на углу Забалканского и Клинского проспектов
    - На Невском и Знаменской площади
    - Детские впечатления
    - Роль религии и еврейской идентичности
    - Первый писательский опыт
    - Поездка за границу и начало войны
    - Гимназия Стоюниной и радость творчества
    - Роковой семнадцатый
  - Глава вторая
    - Бегство на юг
    - Город солнца
    - В домике Бредихина
    - В гимназии Рущинской и Миронович

- Проигравший платит!
- Розенбаумы и ликбез
- Алисины победы и поражения

- Глава третья
  - Возвращение
  - Алиса — студентка
  - Привыкая к Совдепии
  - Он
  - Второе образование
  - Книжный дебют
  - Семья
- Глава четвертая
  - Письмо из Зазеркалья
  - Подготовка к отъезду
  - Долгая дорога
  - «Сидя на вершине мира»
  - Превращение в Айн Рэнд
  - Первый штурм Голливуда
  - Идеальный муж
- Глава пятая
  - Американские пробы пера
  - «Красная пешка»
  - «Ночью 16 января»
  - Первый роман
  - «Петербургский текст», антисоветский контекст
  - Персонажи и их прототипы
  - Мы — живые!
  - Экранизация и переиздание романа
  - Судьбы близких, оставшихся в СССР
- Глава шестая
  - «Гимн»
  - Новые пьесы и участие в президентской кампании
  - «Источник»
  - Успех
- Глава седьмая
  - «Забастовка»
  - Судьбоносная встреча
  - Последний роман
  - Институт Натаниэля Брэйдена
  - Философ, публицист и общественный деятель
  - Кризис 1968 года
  - Без Натаниэля
  - Гостья из прошлого

        - The End
    - Глава восьмая
        - Наследие
        - Путь на родину
    - ПОСЛЕСЛОВИЕ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АЛИСЫ РОЗЕНБАУМ — АЙН РЭНД
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202

- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246

- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290

- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334

- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378

- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381

Айн Рэнд
Людмила Никифорова, Михаил Кизилов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Айн Рэнд — псевдоним Алисы Розенбаум, выдающейся американской писательницы российско-еврейского происхождения, философа, идеологического гуру современного капиталистического мира. Несмотря на впечатляющие тиражи и многочисленные переводы на русский язык, ее имя до сих пор недостаточно хорошо известно в России. Между тем в США, куда она эмигрировала, да и вообще за рубежом Айн Рэнд уже давно стала культовой фигурой: ее книги переиздают миллионными тиражами, читают и обсуждают. Можно сказать, что западный мир поделен на поклонников и противников ее идей.

Знаменитость пришла к писательнице после публикации ее первых бестселлеров — монументальных интеллектуальных романов «Источник» (1943) и «Атлант расправил плечи» (1957), привлекших к себе самую широкую читательскую аудиторию. По первому из них в 1949 году в Голливуде Кингом Видором был поставлен одноименный фильм с выдающимися актерами того времени Гари Купером и Патрицией Нил. В Америке вскоре началась настоящая «рэндомания», а имена писательницы и ее героев стали нарицательными. У идей Айн Рэнд появился широкий круг последователей, а на выступления писательницы надо было записываться за несколько месяцев. Идеологическая система, названная ею «объективизм», начала завоевывать всю планету.

Айн Рэнд стала, пожалуй, первой женщиной-интеллектуалом, проинтервьюированной знаменитым журналом «Плейбой» в марте 1964 года, наряду с такими выдающимися мыслителями, как Жан Поль Сартр, Эрнест Хемингуэй и Бертран Рассел (это мы к тому, что в мужской журнал ее пригласили не за сногсшибательную фигуру или ослепительную улыбку). Ровно за два месяца до этого «Плейбой» опубликовал интервью с другим выдающимся американским писателем русского происхождения — Владимиром Набоковым, с которым Айн Рэнд связывает несколько любопытных биографических параллелей. Добавим, что в ту эпоху, в отличие от современности, «Плейбой» наряду с откровенной эротикой нес в массы свежие мысли популярных писателей и философов.

В 1950-е и 1960-е годы Айн Рэнд привлекала к себе внимание крупнейших американских политиков консервативного направления. Ее книгами зачитывался знаменитый «охотник за красными» сенатор Барри Голдуотер (1909–1998), кандидат в президенты от Республиканской партии (1964). Другой

претендент на президентский пост, конгрессмен Рон Пол (род. 1935), вел свою избирательную кампанию (2012) под лозунгом «В традициях Айн Рэнд».

Как бы удивительно это ни звучало, но после смерти писательница стала еще более популярной. По некоторым оценкам, ежегодно продаются сотни тысяч экземпляров книг Айн Рэнд только на английском языке. Ее антиутопия «Гимн» вошла в программу американских учебных заведений наряду с такими произведениями, как «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «1984» Джорджа Оруэлла. Современный английский философ Джон Грей назвал Айн Рэнд самым влиятельным атеистическим мыслителем XX века, полагая, что герой ее романа «Атлант расправил плечи» Джон Голт заменил собой «сверхчеловека» Ницше{1}.

Бурная личная жизнь Айн Рэнд была положена в основу сюжета нашумевшего голливудского фильма, а книги переведены практически на все языки мира. По некоторым статистическим данным, в США и других англоязычных странах ее публикации далеко опередили по популярности труды Карла Маркса и соперничают по известности и тиражам с романами Джона Толкина или Джорджа Мартина. Согласно исследованию 1991 года, проведенному Библиотекой Конгресса США и клубом «Книга месяца», ее «Атлант…» во влиянии на человечество уступает только Библии. Отделения основанного в 1985 году Института Айн Рэнд, занимающегося продвижением ее идей, есть в США, Китае, Индии, Великобритании, Аргентине, Мексике. Недавно один из ее поклонников, решив, по его словам, сделать «свою страну и весь мир лучше», объехал на автомобиле 30 штатов, преодолев расстояние в 12 238 миль (19 695 километров) и используя GPS-навигатор, чтобы его маршрут образовал на карте гигантскую фразу «READ AYN RAND» («Читайте Айн Рэнд»).

Такие выдающиеся фигуры, как нобелевский лауреат по экономике (1976) Милтон Фридман и советник президента США Рейгана Мартин Андерсон, считали, что во многом под влиянием идей Айн Рэнд правительство США в 1980-е годы перешло на позицию поддержки свободного рынка, отвергнув активную роль государства в экономике.

Еще один интересный факт: в блокбастере режиссера Оливера Стоуна «Сноуден» (2016) также красной нитью проходит идеология Айн Рэнд. В самом начале фильма во время собеседования при поступлении на работу в Агентство национальной безопасности, отвечая на вопрос, какие книги повлияли на него, герой цитирует строчку из «Атланта…»: «Один человек может остановить двигатель мира». Позднее спецагент

лично оправдывает эту максиму — в одиночку вступает в неравный бой с гигантским аппаратом американских спецслужб.

Особенно активно об Айн Рэнд и ее идеях заговорили после начала кризиса 2007 года, который она фактически предсказала в своем главном романе «Атлант расправил плечи». Учеником и соратником Айн Рэнд, немало поспособствовавшим продвижению ее идей, является крупнейший американский экономист Алан Гринспен (Alan Greenspan), председатель совета управляющих Федеральной резервной системой при четырех президентах США (1987–2006), один из влиятельнейших людей современности.

Пожалуй, нет такого американского президента, который не читал и не цитировал Айн Рэнд. Впрочем, несмотря на восторженное отношение к ней Рональда Рейгана, писательница отзывалась о нем резко негативно. И если Барак Обама в интервью журналу «Роллинг стоун» заявил, что книги Айн Рэнд хороши только для тинейджеров, думающих, что «их неправильно понимают», то лидеры республиканцев относятся к ней с нескрываемым восхищением.

Нынешний президент США Дональд Трамп сразу после избрания окружил себя *объективистами* — последователями философии и идеологии Айн Рэнд. Рекс Тиллерсон, политик, предприниматель и Государственный секретарь США в 2017–2018 годах, сообщил, что «Атлант расправил плечи» — его любимая книга, а сменивший его на посту госсекретаря Майк Помпео назвал творчество писательницы главным источником, вдохновлявшим его в личной жизни и профессиональной деятельности. Поклонником Айн Рэнд является Эндрю Паздер, в прошлом кандидат на пост министра труда в кабинете Трампа.

Многие другие советники и союзники американского президента также неоднократно заявляли о своем восхищении Айн Рэнд, ее философией и книгами. К примеру, бывший спикер палаты представителей американского конгресса (2015–2019) Пол Райан признавался, что дарит ее книги всем знакомым на Рождество и даже заставляет своих стажеров читать их. По его мнению, философия Айн Рэнд «крайне необходима сейчас», ибо мы «живем в романе Айн Рэнд». Он также заявлял, что «Айн Рэнд более, чем кто-либо другой, проделала фантастическую работу по разъяснению морали капитализма и морали индивидуализма». Наконец, сам Дональд Трамп сообщил, что является поклонником писательницы и отождествляет себя с главным героем романа «Источник» — индивидуалистом Говардом Рорком, архитектором, вознесшимся на вершину успеха, несмотря на ярое противодействие всех и вся. Есть знаменитые поклонники ее творчества и среди демократов — например Хиллари Клинтон.

Отношение политических элит России к Айн Рэнд резко поляризовано. Среди ее поклонников — ведущие либералы и лидеры правых сил, в то время как центристы и левые в основном резко критикуют ее идеи. Активный интерес к писательнице проявляют также отечественные бизнесмены и… спортсмены. Роман «Источник» назвал своей любимой книгой Федор Смолов, один из лучших бомбардиров сборной России по футболу. Любит творчество Айн Рэнд, в особенности роман «Мы живые»[1], нападающий футбольного клуба «Урал» Владимир Ильин. Сооснователь сети салонов сотовой связи «Евросеть» Евгений Чичваркин, во многом сформировавшийся как личность под влиянием Айн Рэнд, дарил ее книги президенту Дмитрию Медведеву на день рождения и инаугурацию, а Андрей Илларионов в бытность советником президента Владимира Путина советовал тому прочесть их. Правда, неизвестно, прочли ли Медведев и Путин эти книги и на какие размышления их навели романы писательницы…

Вообще история проникновения идей и книг Айн Рэнд в нашу страну непроста. Две ее первые брошюры — «Пола Негри» и «Голливуд, американский киногород», — посвященные истории Голливуда и его актеров, появились в СССР в 1925 и 1926 годах (!), причем первая — даже без указания фамилии автора. Это были единственные произведения Алисы Розенбаум, написанные на русском языке. Ее американские романы, а также философско-политические трактаты и публицистика вследствие их резкого антисоветского и антикоммунистического содержания не могли дойти до русскоязычного читателя. (Несколько странно, почему их уже тогда не перевели антисоветские эмигрантские издательства типа «Ардиса» или «Континента».)

Первые русские переводы художественных и философских трудов писательницы, появившиеся в 1990-е годы, также имели ограниченную известность. Тогда вообще мало кто в России знал, что за знаменитым брендом «Айн Рэнд» скрывается хрупкая петроградская еврейская девочка. Читательский рынок, что называется, «прорвало» лишь после кризиса 2008 года: практически сразу различные российские издательства начали издавать не только романы Айн Рэнд, но и все ее незавершенные произведения, а также философские и публицистические работы. Только в одном из них, «Альбина Паблишер», трехтомник, включавший «Атланта…», был издан 12 раз! По успешности «Атланта…» можно сравнить с хитами продаж типа акунинских романов про Фандорина или Поттерианы Джоан Роулинг. Однако на рынке российской интеллектуальной и философской литературы (а к ней, без сомнения, принадлежат произведения

Айн Рэнд) ее успех попросту не имеет аналогов.

О чем же расскажет читателю наша книга? Прежде всего о том, как юная Алиса Розенбаум из питерской еврейской семьи со средним достатком, во время бегства из Советской России в далекую Америку практически не знавшая английского, стала своим человеком в Голливуде и позднее превратилась в несравненную Айн Рэнд — властительницу дум гигантской заокеанской державы; о дореволюционном Санкт-Петербурге — Петрограде и советском Ленинграде в первой половине 1920-х годов; о Крыме в страшное время Гражданской войны; об увлекательной и полной замысловатых интриг истории американской киноиндустрии… Однако прежде всего мы, конечно, будем говорить о секретах жизни, любви, творчества и философии Айн Рэнд.

Одной из важных задач нашей книги является неизбежная деромантизация биографии писательницы. Айн Рэнд, как почти любой на ее месте, рассказывая о своей жизни, очень часто искажала реальные события, опуская некоторые из них и приукрашивая другие. К сожалению, предыдущие биографы писательницы некритично приняли на веру подавляющее большинство этих мифов. Однако обнаруженные нами архивные источники зачастую показывают картину, несколько отличную от той, которую пыталась нарисовать она сама.

Хочется верить, что, изучив биографию писательницы, читатель сможет понять секрет ее успеха и научится пробивать лбом многочисленные и, казалось бы, непреодолимые преграды, которые ставят государство, социум, коррупция и равнодушие окружающих. Некоторые, быть может, попробуют воплотить ее идеи в реалиях нашего неуступчивого мира и… да-да, смогут добиться финансового успеха. Ведь именно этим критерием писательница измеряла успешность чьей-либо, да и своей собственной, жизни. В конце концов, удалось же это ей самой и героям ее книг…

Анализируя публикации Айн Рэнд, мы используем преимущественно уже существующие русские переводы, при этом вынуждены периодически указывать на серьезные ошибки (порой просто диву даешься, насколько неудачно выглядят некоторые произведения в том виде, в каком их представляют читателю переводчики).

На наш взгляд, крайне любопытным для читателей будет также анализ интереса к Айн Рэнд уже после ее смерти, как в нашей стране, так и за рубежом: рассказ о том, кто ее нынче обожает, а кто ненавидит, может многое пояснить в природе ее идей.

От других биографий Айн Рэнд (а их, кстати, не так уж и много) нашу книгу отличает использование ранее неизвестных архивных источников, обнаруженных нами как в Крыму и Санкт-Петербурге, так и за рубежом, прежде всего в США. Ни одно другое исследование биографии писательницы, опубликованное как в России, так и на Западе, не уделило так много внимания российскому и советскому периоду ее жизни и не исправило многочисленные ошибки и недоработки предыдущих жизнеописаний Айн Рэнд. Все диалоги, приведенные в нашей книге, являются реальными фразами, зафиксированными современниками. В книге нет выдуманных эпизодов и художественных домыслов — жизнь писательницы достаточно хорошо задокументирована, чтобы обойтись без них.

Поскольку авторы данной книги не являются рэндоманами, она не имеет апологетического характера, не прославляет всё сказанное и сделанное Айн Рэнд, однако и не пускается в другую крайность — безудержной критики и высмеивания ее жизненного пути и достижений. Авторы постарались быть максимально объективными, оценивая как достоинства, так и недостатки своей героини.

Выражаем признательность коллегам и организациям, без поддержки которых книга вряд ли была бы написана, прежде всего сотрудникам Архива Айн Рэнд (Ирвайн, Калифорния) Ану Сеппала и Джеффу Бриттингу. Отдельно благодарим историка А. Б. Кустова (Санкт-Петербург); работников библиотеки «Таврика» (Симферополь) и ее директора Н. Н. Колесникову; А. И. Хаеша и А. В. Ефимова за содействие в работе с материалами Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга; А. А. Кудрявцеву за предоставленное фото Н. Е. Бредихина и его семьи; сотрудников Евпаторийского краеведческого музея и евпаторийских историков К. С. Батозского, И. М. Слепкан; К. И. Финкельштейна за любезно предоставленные фотографии Евпатории периода Гражданской войны. Мы высоко ценим помощь и поддержку |В. Г. Зарубина|, Ари Тапонена, Голды Ахиезер, Брэда Сэбина Хилла, Питера Голдена, Криса Шабарры и Дженнифер Бёрнс.

Глава первая
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — ПЕТРОГРАД

В поисках подлинной Айн Рэнд

Можно перечитать все художественные произведения и публицистические статьи Айн Рэнд, пересмотреть тысячи интернет-сайтов и блогов, посвященных жизни и творчеству писательницы, проштудировать несколько ее биографий — и так и не проникнуть в тайну ее истинной жизни и судьбы.

В настоящий момент существует несколько биографий Айн Рэнд, знакомство с которыми необходимо для любого исследователя, занимающегося любым аспектом ее жизни и творчества. Самая ранняя — и, пожалуй, самая важная из них — опубликованная в 1986 году «Страсть Айн Рэнд», принадлежащая перу Барбары Брэнден[2] (1929–2013), ее ученицы и подруги с 1950 по 1968 год{2}, основанная на серии бесед и интервью с самой писательницей и хорошо знавшими ее людьми. Удивительно, но данная монументальная книга, созданная столь близким к писательнице человеком, была принята в штыки сторонниками объективизма и философии Айн Рэнд. Дело в том, что в ней впервые была поднята многолетняя завеса тайны над личной жизнью писательницы, рассказана история ее тайного романа с Натаниэлем Брэйденом, в ту пору являвшимся… мужем самой Барбары.

Рэндисты до сих пор отказываются верить в подлинность этого эпизода из жизни их кумира и попросту игнорируют многие факты, известные нам из этой биографии{3}. Мы с вами тем не менее будем часто пользоваться данной книгой, так как многое сказанное в ней, вне всякого сомнения, является правдой. Конечно, книга, основанная главным образом на сведениях, предоставленных самой Айн Рэнд, не может являться истиной в последней инстанции: найденные нами архивные документы однозначно показывают, что в своих интервью писательница иногда искажала реальные события. К примеру, опасаясь за ближних, оставшихся за «железным занавесом», она нигде не указывала точные адреса мест проживания и учебы, скрывала многие имена и фамилии. Кроме того, Барбару Брэнден, в 1968 году исключенную из круга людей, приближенных к писательнице, даже после смерти последней не допускали к личному архиву ее бывшей подруги, хранящемуся в Институте Айн Рэнд. Однако опубликованные недавно дневники Айн Рэнд и другие источники показывают, что супруги Брэнден в основном предоставляли достоверные биографические сведения; в том же, что касается интимной стороны отношений Натаниэля и Айн Рэнд, они, несомненно, слишком субъективны и далеко не всегда

правдивы. Приведем высказывание независимой исследовательницы Дженнифер Бёрнс в защиту воспоминаний Брэйденов: «Я была удивлена, обнаружив, насколько точны обе книги. Я не обнаружила каких-либо серьезных ошибок или искажений в основной хронологии или ходе событий».

В этом контексте становится особенно важной биография Айн Рэнд, написанная в 2004 году Джеффом Бриттингом[4], куратором ее личного архива в вышеуказанном институте. Его исследование, полностью игнорирующее книгу Б. Брэнден, впервые представило читателям жизнь писательницы на основании исключительно ценных письменных, иллюстративных, фотографических и даже материальных источников. Из него мы узнаём, где именно она училась, жила и работала, какие открытки и марки собирала, каких художников и актеров обожала, а также о многом другом. Книга проиллюстрирована десятками ценнейших фотографий и документов, открывающих важнейшие стороны Айн Рэнд как личности и как писателя. Среди недостатков этой биографии можно отметить ее краткость и некоторую апологетичность. Кроме того, в ней не совсем верны некоторые данные относительно российского периода жизни писательницы.

Наконец, для правильного понимания Айн Рэнд крайне важна книга Энн Хеллер «Айн Рэнд и мир, который она создала» (2009)[5]. Несмотря на то что по разным причинам исследовательнице было отказано в работе с материалами личного архива писательницы[6], Хеллер нашла силы продолжить работу над книгой, взяла интервью у ее родственников, знакомых и друзей, а также (внимание!) у ее «protégé» и любовника Натаниэля Брэйдена, отыскала в американских архивах интересные документы, а также прослушала 40 часов биографических интервью, записанных Барбарой Брэнден. Важно принимать во внимание, что писательница, никогда не отрицавшая свое еврейское происхождение, тем не менее крайне редко вспоминала о нем даже тогда, когда рассказывала Барбаре о своем детстве. Книга Хеллер возвращает жизни Айн Рэнд еврейский контекст, без которого, пожалуй, невозможно понять не только ранние этапы ее биографии, но и американский ее период. Однако нельзя не отметить, что исследовательница порой чрезмерно подчеркивает еврейскую линию; Айн Рэнд происходила из не слишком религиозной семьи и никогда не стремилась сознательно подчеркивать свою этническую принадлежность.

В ряду источников для написания биографии Айн Рэнд мы воспользовались недавно опубликованными ее дневниками и письмами, а также книгой Скотта Макконнелла (2010)[7], в

которой напечатаны 100 новых интервью людей, в разные годы знавших писательницу, зачастую сообщающие потрясающие данные, позволяющие изменить некоторые общепринятые — и не слишком верные — мнения об отдельных эпизодах ее биографии. Важным источником для нашей книги стали также многочисленные выступления и записи самой героини, включая продолжительные устные рассказы биографического характера, которые сейчас можно обнаружить в различных цифровых архивах. Интерес представляют и воспоминания Натаниэля Брэйдена[8], повествующие о восемнадцати годах, проведенных вместе с Айн Рэнд, помогающие понять характер и личные качества писательницы. При этом, конечно, нельзя забывать, что эти воспоминания написаны крайне эмоционально и апологетически; кроме того, следует иметь в виду, что их автор, естественно, как мог выгораживал собственное, далеко не всегда ответственное и честное, поведение.

Единственная отечественная биография Айн Рэнд, созданная А. В. Вильгоцким, не слишком убедительна: практически все биографические данные автор берет из книги Э. Хеллер, не используя важнейшие публикации Б. Брэнден и Дж. Бритгинга, не говоря уже о данных российских и американских архивов[9]. Попытку «разоблачить» идеологию писательницы и философа предпринял известный интеллектуал Анатолий Вассерман. Увы, дальше громкого заголовка дело не пошло: книга Вассермана не содержит сколько-нибудь обоснованной и глубокой критики взглядов Айн Рэнд[10].

Но даже знакомства со всей вышеперечисленной литературой мало, чтобы найти настоящую Айн Рэнд. На наш взгляд, только всестороннее и детальное сравнение воспоминаний Барбары Брэнден и других людей, знавших и любивших писательницу, с данными ее личного архива и сведениями, обнаруженными нами в архивах Крыма и Санкт-Петербурга, позволит понять, какой в действительности была эта удивительная женщина — писатель, драматург, публицист, сценарист, философ, политолог и культуролог.

Семья Розенбаум

Начнем биографию традиционно — с места и времени рождения героини. Алиса Зиновьевна Розенбаум появилась на свет 20 января (2 февраля) 1905 года[3]. Впрочем, в ее еврейской метрике{11} дата была указана в соответствии с иудейским календарем — 27-е число месяца швата 5665 года от Сотворения мира. Рождение ребенка зафиксировал в синагогальной метрической книге раввин Авраам Нотович Драбкин (1844–1917), известный еврейский ученый и общественный деятель.

Все дети в семье Розенбаум — Алиса, Наталья и Элеонора — получили европейские, а не традиционные библейские или идишские имена. Подобное предпочтение является достаточно необычным, но не то чтобы совсем удивительным: во многих образованных и секуляризированных еврейских семьях того времени, проживавших в больших городах и занимавшихся коммерцией, уже начинали предпочитать европейские имена традиционным. Вспомним, к примеру, что родившийся в 1890 году будущий нобелиат по литературе Пастернак получил славянское имя Борис, в отличие от его отца Леонида Осиповича, по документам звавшегося Аврум Ицхок-Лейб. Ради интереса мы проверили в архивной папке с метрическими данными за 1905 год имена других еврейских детей, родившихся в Санкт-Петербурге в том же году, что и Алиса. Большая часть из них (в особенности девочки) также получила христианские или славянские, а не традиционные еврейские имена.

Впрочем, существует созвучное Алисе еврейское имя Ализа, означающее «веселая», «радостная», «ликующая»{12}. То же самое можно сказать и об именах других дочерей в семье Розенбаум. Так, имя Элеонора, предположительно имеющее древнегреческое или германское происхождение, похоже на имя Элиор, переводящееся с иврита как «Бог — мой свет», а имя Наталья (отдали, natalis — родной) — на еврейское имя Анат. Однако неизвестно, принимали ли родители это фонетическое сходство; записи в метрической книге велись только по-русски, и там содержится лишь русская форма имени будущей писательницы.

Алиса родилась в Санкт-Петербурге — столице Российской империи и одном из самых красивых европейских городов. Тем не менее, чтобы понять, как жила семья Розенбаум до потрясений 1917 года, необходимо проанализировать историю петербургской еврейской общины. Первые евреи появились там еще в эпоху его основателя Петра I. Правда, это в основном были выкресты — любимый шут царя Ян д'Акоста (Лакоста), первый петербургский

генерал-полицеймейстер Антон Девиер, вице-канцлер барон Петр Шафиров и др. Санкт-Петербург с его белыми ночами был, прямо скажем, не слишком удобен для проживания религиозных иудеев. Раввин Лев Эпштейн в 1750-е годы писал: «Провидением предуказано, чтобы евреи не жили в Санкт-Петербурге, так как в летние месяцы ночи нет (белые ночи) и, следовательно, невозможно определять время утренней и вечерней молитв».

Тем не менее в XVIII веке в городе появляются уже и евреи-иудаисты, нашедшие возможность преодолевать подобные религиозно-правовые трудности. С 1860-х годов, когда правительство ввело определенные послабления в закон о черте оседлости[4], количество евреев в столице начинает неуклонно расти, достигая двух процентов от общего числа обитателей города — вроде бы немного, однако в абсолютных цифрах, по данным на 1910 год, это около 35 тысяч человек.

В 1910 году только 55 процентов евреев Петербурга называли идиш родным языком. Вырвавшиеся из черты оседлости евреи зачастую жаждали полностью порвать с местечковым прошлым, и идиш был для них символом жизни тягостного и беспросветного гетто. Отец и мать Айн Рэнд, вне всякого сомнения, знали идиш, но не учили ему своих дочерей, предпочитая преподавать им русский и европейские языки.

Проживавшие в столице евреи, безусловно, входили в интеллектуальную и финансовую элиту еврейской общины империи. В распоряжении общины были величественная Хоральная синагога, отдельный сектор и синагога на Преображенском кладбище, многочисленные школы-хедеры. Еврейская пресса Санкт-Петербурга была разнообразна и многоязычна. К примеру, на иврите печатался еженедельник «Ха-Мелиц» (1871–1904), на идише — ежедневная газета «Дер фрайнд» (1903–1909) и толстый журнал «Ди идише велт», на русском — журнал «Восход», еженедельник «Рассвет» (1879–1884), еженедельная газета «Русский еврей» (1879–1884) и др. Из тридцати девяти русско-еврейских газет и журналов, выходивших в России между 1860 и 1910 годами, 21 издание публиковалось в Санкт-Петербурге. Именно здесь увидела свет шестнадцатитомная «Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона» (1908–1913).

Первая в России консерватория была открыта в Санкт-Петербурге в 1862 году усилиями композитора, пианиста и дирижера Антона Рубинштейна. В столице работали академик живописи Моисей Маймон, художники Исаак Аскназий и Лев Бакст, скульптор Марк Антокольский, воспевал в стихах любимый город Осип Мандельштам. В Санкт-Петербурге действовало

несколько еврейских партий, особенно активных во время революционных событий 1905—1907 годов. Среди местных евреев были сотни аптекарей, фотографов, юристов, ученых, врачей, коммерсантов. В 1859 году здесь был открыт первый частный банк западного типа «И. Е. Гинцбург»[{13}].

К началу XX века евреи селились в нескольких районах города: в районе Коломны обитали небогатые переселенцы из еврейских местечек[5]; более зажиточные селились в районе Николаевского (Московского) вокзала; самые богатые — миллионеры Гинцбурги, Поляковы и др. — имели дома в аристократической Адмиралтейской части. Пороки и болезни большого города в значительно меньшей степени касались еврейской общины, чем остальных его обитателей: смертность ее членов от острых инфекционных заболеваний была значительно меньше средней по городу, а от алкоголизма — ниже в 18,2 раза! В целом община была достаточно секуляризованной, важную роль в ней играли не религиозные авторитеты, а просветители-*маскилы*.

Увы, время появления на свет будущей писательницы было омрачено одним из самых драматических событий российской истории — Кровавым воскресеньем 9 января 1905 года, послужившим толчком к началу первой русской революции. 6 августа того же года был обнародован манифест об учреждении Государственной думы, а 17 октября — манифест об усовершенствовании государственного порядка. Таким образом, Россия сделала шаг от неограниченной власти к конституционной монархии. Подданным предоставлялись гражданские свободы слова, печати, собраний, союзов, вероисповедания и неприкосновенность личности. К сожалению, в манифесте ничего не говорилось об отмене ограничений для евреев — им по-прежнему предписывалось жить в черте оседлости, их всё так же принимали в университеты только по процентной норме и не давали продвигаться по штатской или военной службе. Более того, вскоре после провозглашения манифеста 17 октября, с энтузиазмом принятого левыми партиями (Бундом, Социалистической еврейской рабочей партией, эсерами, социал-демократами), активными членами которых были евреи, по империи прокатилась волна беспримерных по жестокости еврейских погромов, зачинщиками которых были Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и другие черносотенные организации.

В октябре 1905 года в России произошло около 690 погромов в 660 городах, селах и местечках, во время которых были зверски убиты более трех с половиной тысяч человек, более десяти тысяч

ранены. Подавляющее число жертв составляли именно евреи, но пострадали и лица других национальностей: случайные прохожие, сторонники левых партий, прислуга еврейских домов. Петербургский поэт Семен Надсон писал об этих ужасных событиях:

Но в наши дни, когда под бременем скорбей Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья, В те дни, когда одно название «еврей» В устах толпы звучит как символ отверженья, Когда твои враги, как стая жадных псов, На части рвут тебя, ругаясь над тобою, Дай скромно встать и мне в ряды твоих бойцов, Народ, обиженный судьбою.

К счастью для родителей Алисы, основная волна погромов затронула лишь черту еврейской оседлости на юге и западе России, не добравшись до столицы. Тем не менее зверства черносотенцев, о которых постоянно писала российская и зарубежная пресса, не могли не волновать семью Розенбаум. Из кого же она состояла?

Отцом семейства являлся Зельман-Вольф Захарович (Зорахович) Розенбаум. Многие светские евреи того периода меняли сложные для произношения традиционные еврейские имена на европейские или славянские, начинавшиеся с той же буквы: Абрамы зачастую становились Александрами или Адольфами, Симхи — Семенами, Барухи — Борисами, Ривки — Раисами или Розами и т. п.[6] Розенбаум тоже предпочитал для светского общения не использовать имя Зельман (Залман) — идишский вариант иудейского имени Шломо (Соломон). В повседневности Зельмана-Вольфа называли в основном Зиновием, а в семье — фамильярно З. З. или Захаровичем. Энн Хеллер предположила, что наличие нескольких имен могло помочь петербургским евреям, в том числе Зельману-Залману-Зиновию Розенбауму, избежать возможных проблем с регистрацией.

Поскольку дети Розенбаума да и сам он предпочитали использовать имя Зиновий, так его будем называть и мы.

В этом контексте выглядит весьма странным, что в биографии Барбары Брэнден, основанной в основном на беседах с самой Айн Рэнд, ее отец именуется исключительно Фронцем (идишский аналог немецкого имени Франц) Розенбаумом. Однако этот вариант не встречается ни в одном другом доступном нам источнике. Возможно, сама Айн Рэнд специально называла его так, чтобы не навлечь репрессий на родственников, остававшихся в СССР.

Родившийся, по некоторым сведениям, 18 ноября 1869 года (по другим данным — в 1871-м), Зиновий Розенбаум был, что называется, *self-made man* — человек, всего добившийся сам. Это

любили подчеркивать и он, и его дочь, будущая Айн Рэнд. Зиновий Захарович был красивым темноволосым широкоплечим мужчиной, выше среднего роста, с пышными, слегка подкрученными усами. Высокий лоб и внимательный взгляд свидетельствуют о большом интеллекте и богатом жизненном опыте. Семья, из которой он вышел, бедная и многодетная, происходила из городка Брест-Литовск (на иврите и идише — Бриск или Бриск де Лита), находившегося на западе империи, в черте оседлости. Некогда крупный торговый центр, ко второй половине XIX века Брест-Литовск превратился в типичное еврейское местечко. Заработок населению давали в основном легкая и перерабатывающая промышленность, торговля, транспорт, частная и общественная служба.

Амбициозный и умный юноша Зиновий Розенбаум не хотел повторить судьбу большинства своих соплеменников и приложил все силы, чтобы вырваться из местечкового уклада. Увы, бедные родители не могли оплатить учебу сына в университете. По этой причине Зиновию пришлось до двадцати семи лет работать, чтобы накопить деньги на образование. Отметим, что он завел семью только в 34 года, что было необычно: как правило, юноши из черты оседлости вступали в брак в 18–20 лет.

В 27 лет молодой человек смог поступить в Варшавский университет и два года спустя, в 1899 году, получил европейское образование со специализацией в шагавшей тогда семимильными шагами фармацевтике — науке, спасавшей миллионы людей от многих болезней. Изначально Зиновий не хотел быть фармацевтом. К этому его принудили обстоятельства. Во-первых, далеко не во все российские университеты можно было поступать евреям; во-вторых, даже в тех из них, где это было разрешено, существовали специальные еврейские квоты. Как только на факультете химии Варшавского университета появилось свободное место, Зиновий решил немедля воспользоваться этой возможностью.

Увы, из-за своего происхождения он был вынужден довольствоваться статусом слушателя, а не полноправного студента. По этой же причине он не смог получить официального звания бакалавра медицины. Тем не менее полученное им свидетельство о завершении двухлетних курсов позволило покинуть черту оседлости и начать зарабатывать на жизнь в качестве аптекаря. Необходимо отметить, что Зиновий не забывал о своих корнях и помог получить медицинское образование своим шести сестрам и брату (некоторые из них потом также переехали в Санкт-Петербург). Кстати, по какой-то причине родственники Зиновия не очень любили его жену и поэтому почти не общались

с его семьей.

Айн Рэнд рассказывала:

> «У него были строгие убеждения, о которых практически не было известно, так как он в основном молчал и редко спорил. Мать рассуждала о политике, а отец этого никогда не делал. Казалось, что он не был заинтересован в интеллектуальных вопросах, однако, даже будучи ребенком, я чувствовала, что он воспринимает идеи гораздо более серьезно, чем мать. Однажды он сказал мне, что хотел бы быть писателем; он считал идеи и их распространение самой важной вещью на свете… Его самой главной темой был индивидуализм; он был привержен к рассудочному мышлению, но, к сожалению, никогда не заявлял о своих убеждениях; он был не религиозен, хотя никогда не возражал против религиозных идей матери — он выражал мысль: “Ну, ни в чем нельзя быть уверенным”».

Сестра Алисы, Элеонора, в замужестве Дробышева, также говорила об отце с глубоким уважением и описывала его как «высокого и красивого» мужчину. Однако и она отмечала отсутствие в нем энергичности, свойственной матери. По ее словам, полная жизненной энергии мать была «домашним тираном» и «начальником в семье».

Красивая осанистая женщина со смуглым цветом кожи и несколько надменным обликом, с полными чувственными губами, любившая дорогую одежду и украшения, Анна Борисовна (Хана Берковна) Розенбаум родилась в Санкт-Петербурге 16 октября (11 хешвана) 1879 года{14}. Айн Рэнд называла ее просто Борисовной. В отличие от бедняка Зиновия, Анна происходила из достаточно успешной еврейской семьи. Ее отец Берко Ицкович Каплан был портным. По данным петербургского историка А. И. Хаеша, Б. И. Каплан был мещанином города Лиды Виленской губернии и отцом семерых детей. В столице он проживал с 1873 года, а в 1876-м стал цеховым мастером по портновскому цеху. Лишь 29 мая 1907 года, после тридцати четырех лет обитания в столице, ему было официально разрешено постоянно проживать в Санкт-Петербурге независимо от занятия ремеслом{15}.

Семейная легенда гласит, что граф Игнатьев[7], окончив Пажеский Его Императорского Величества корпус, обратился к Каплану с просьбой пошить для него офицерскую униформу. Вскоре после этого, увидев высокое качество работы еврейского мастера, к нему стали ходить другие гвардейские офицеры. Случилось это, вероятнее всего, около 1896 года. Впрочем, по

другой, менее правдоподобной, версии Берко Каплан или кто-то из его родственников шил сапоги для военнослужащих[16].

В метрических книгах Хоральной синагоги Санкт-Петербурга с 1873 по 1893 год, хранящихся в городском Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СПб), нам удалось обнаружить имена четверых рожденных в Санкт-Петербурге детей лидского мещанина Берко Ицковича (его фамилия дважды записана как Каплун и дважды как Каплан) и его законной жены. 28 сентября 1877 года у них родился Яков, 16 октября 1879-го — Хана (будущая мать Айн Рэнд), 4 сентября 1880-го — Израиль, 14 июня 1886 года — Аркадий.

Некоторые вопросы вызывает имя бабушки писательницы по материнской линии. Во всех четырех метрических записях она названа Сарой, причем один раз записана без отчества, дважды как Сара Авелева и еще один раз — возможно, ошибочно — как Сара Абрамовна. Тем не менее в книге Энн Хеллер жена Берко Ицковича Каплана названа Розалией Павловной. Впрочем, вполне вероятно, что исследовательнице был известен лишь европейский, а не еврейский вариант имени.

Из имеющихся, согласно документам, на 1907 год семерых детей семьи Каплан нами выявлены имена четырех других родных братьев и сестер Ханы Берковны (Анны Борисовны)[8]: Добруля — жена Иезекииля Конгейма, Елизавета — жена врача Исаака Моисеевича Гузарчика, Йосель (Яков)[9] и Мойша (Михаил).

Все вышеуказанные родственники Алисы Розенбаум по материнской линии, а также некоторые из восьми братьев и сестер Зиновия Захаровича проживали в центре Санкт-Петербурга совсем недалеко друг от друга. Таким образом, маленькая Алиса Розенбаум провела всё детство в окружении многочисленных родственников. И несмотря на то, что семья Розенбаум была не слишком религиозная (таковыми были, пожалуй, 80–90 процентов проживавших в Санкт-Петербурге евреев), попытки некоторых биографов (да и самой писательницы) вырвать ее детство и юность из еврейского контекста, безусловно, в корне неверны.

В Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) сохранилась анкета Анны Борисовны Розенбаум, которую она как служащая советского учреждения заполнила при регистрации в отделе управления Евпаторийского ревкома, очевидно, в декабре 1920 года. Из анкеты мы узнаём, что она окончила Литейную женскую гимназию Санкт-Петербурга, посещала врачебные курсы, а также курсы современных языков. Из других источников известно, что она получила профессию зубного врача, но после

замужества перестала работать по специальности. Анна была, несомненно, более широко образованна, чем ее муж. В дополнение к медицинским знаниям она прекрасно владела французским, английским и немецким языками, что очень помогло ей в 1920-е годы: как многие бесприютные российские интеллигенты того времени, она могла преподавать иностранные языки и заниматься переводами зарубежной литературы для государственных издательств.

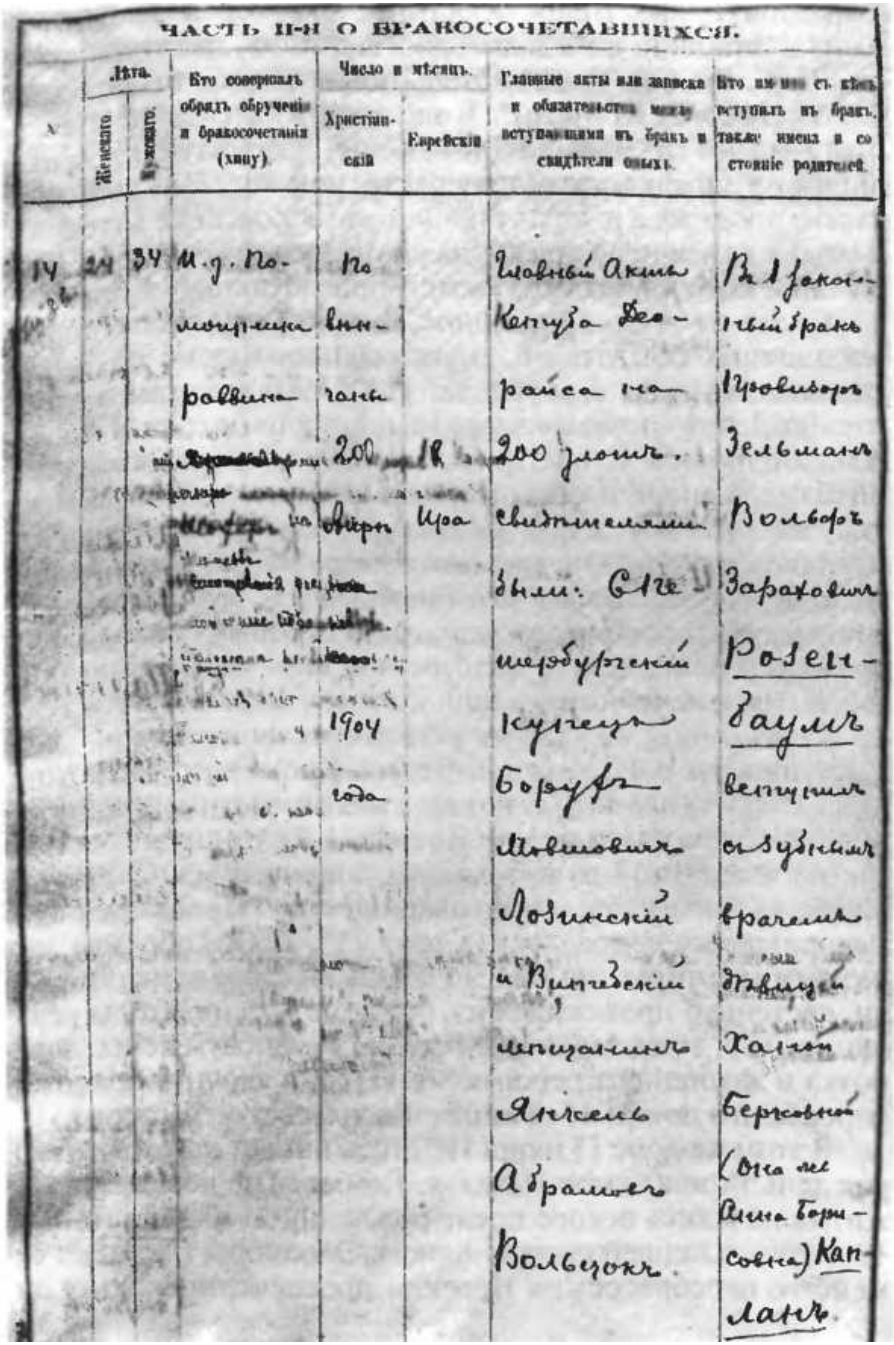
Дом на углу Забалканского и Клинского проспектов

Точно не известно, чем именно занимались родители Зиновия Розенбаума; по предположению Энн Хеллер, они также имели отношение к медицине. Известно, что Арон Розенбаум, дядя Зиновия, и его дети были врачами, акушерами, фармацевтами и стоматологами в Брест-Литовске и Санкт-Петербурге. Интересное совпадение: семья Анны Каплан также переехала в столицу из Брест-Литовска.

Вполне вероятно, что члены семей Каплан и Розенбаум были знакомы со времен жизни в этом местечке и Анна была обручена с Зиновием еще до того, как он перебрался в столицу. На это, в частности, указывает тот факт, что по прибытии в Санкт-Петербург в 1902 году молодой человек сразу же занял должность в аптеке, принадлежавшей сестре Анны Каплан Добруле и ее мужу Иезекиилю Конгейму. То, что недавно лицензированный фармацевт был нанят не как ученик или помощник, а как заведующий аптекой, может указывать на то, что это было заранее согласовано. Впрочем, не исключено, что всё было совсем по-другому и Зиновий встретил Анну только в Санкт-Петербурге, когда та общалась со своими родственниками — владельцами аптеки.

Поженились Зиновий и Анна в Хоральной синагоге Санкт-Петербурга 20 апреля по юлианскому календарю (3 мая по григорианскому, 18 ияра по еврейскому) 1904 года{17}, за девять месяцев до рождения старшей дочери, Алисы. В то время молодая семья жила на углу Забалканского и Клинского проспектов, поэтому иногда в качестве ее адреса указывают: Забалканский проспект, дом 40; Клинский проспект, дом 27 (ныне — Московский проспект, дом 42). Судьба этого здания довольно интересна. В 1895 году во владение доходным домом вступил потомственный дворянин А. Я. Брафман, спустя три года перестроивший его в стиле эклектики. Острый угол дома был украшен балкончиками на уровне третьего и четвертого этажей, а также возвышающейся над ними изящной башенкой. В нем разместились одна из кондитерских крупной фирмы «Блигкен и Робинсон», фотоателье Марка Петровича (Мордхеля Пейсаховича) Кадысона, проживали несколько еврейских зубных врачей, купцов и аптекарей. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что примерно половину обитателей дома составляли зажиточные еврейские семьи.

С угла был вход в «Забалканскую» аптеку, просуществовавшую, невзирая на все политические потрясения, вплоть до конца 1990-х годов. Квартира, в которой проживали Анна и Зиновий, находилась, по-видимому, на втором этаже, над аптекой. Содержательницей аптеки была сестра Анны, Добруля Конгейм[10]. В адресной книге Санкт-Петербурга за 1906 год Зальман Зиновьевич Розенбаум, проживающий на Забалканском проспекте, дом 40/27, указан в качестве провизора и управляющего «Московской» аптекой{18}, находившейся неподалеку, на улице Разъезжей, дом 7, владельцем которой был его свояк Борис Исакович Конгейм.



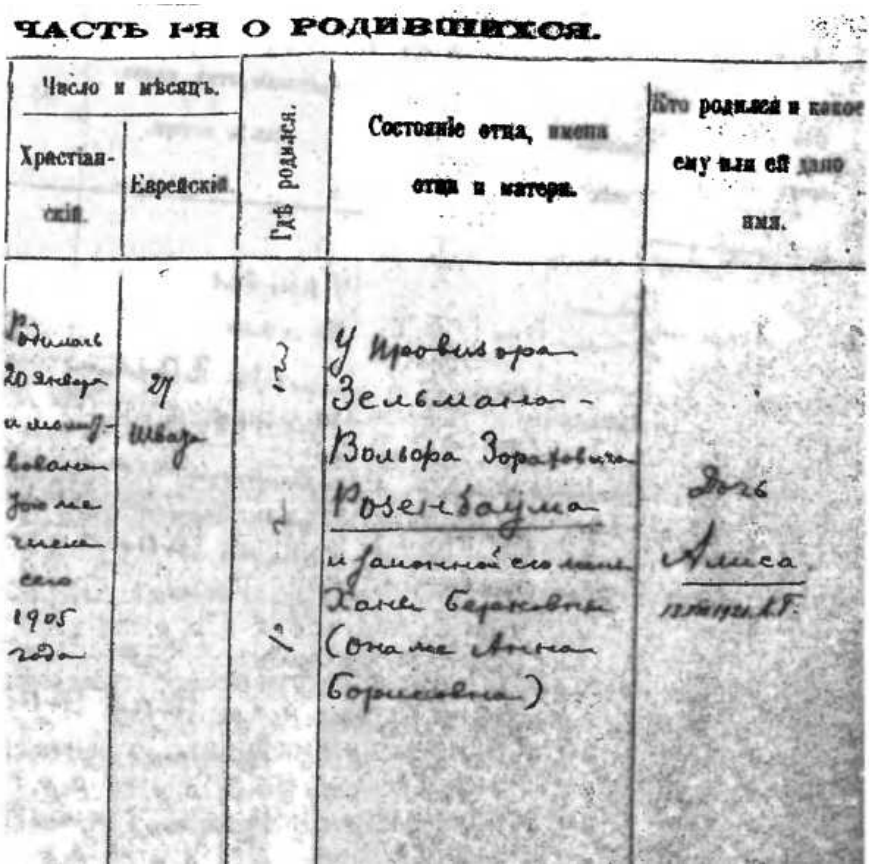
ЧАСТЬ II-Я О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ.

№	Лета. Женского	Лета. Мужского	Кто совершал обрядъ обрученія и бракосочетанія (хину)	Число и мѣсяцъ. Христіанскій	Число и мѣсяцъ. Еврейскій	Главные акты или записка и обязательства между вступавшими въ бракъ и свидѣтели оныхъ.	Кто именно съ кѣмъ вступилъ въ бракъ, также имена и состояніе родителей.
14	24	34	м. д. По-	По		Главный Акта	В 1 закон-
			лоцкаго	вин-		Капуза Дво-	ный бракъ
			равина	чаль		райса на-	Провизоръ
				200	18	200 злот.	Зельманъ
				Апрѣл	Ціа	свидѣтелями	Вольфъ
						Зыли: Сѣ-	Зараховичъ
						мерѣургскій	Розен-
				1904		куртецъ	баумъ
				года		Борухъ	вступили
						Мовшовичъ	съ взаимнымъ
						Лозинскій	врачемъ
						и Винчевскій	Двинскомъ
						мѣщанинъ	Хаимъ
						Янкель	Берковичъ
						Абрамовъ	(Она же
						Вольфовъ	Анна Бори-
							совна) Кап-
							ланъ.

Регистрационная запись о бракосочетании Зиновия Захаровича (Зельмана-Вольфа Зораховича) Розенбаума и Анны Борисовны (Ханы Берковны) Каплан от 20 мая 1904 года.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Публикуется впервые

Сколь же велико, наверное, было бы изумление добропорядочных обывателей, проживавших в доме на Забалканском, если бы они узнали, что с 1906 года там находилась конспиративная квартира революционерки Татьяны Александровны Словатинской (1879–1957). В своих неопубликованных воспоминаниях она писала: «Мою квартиру выбрали потому, что она была очень удобна в конспиративном отношении. Она находилась на 4-м этаже, на 5-м была лечебница, а на 3-м зубной врач. К врачу и в лечебницу всегда ходило много народа, и поэтому приходившие товарищи не вызывали подозрений. Они расспрашивали у швейцара о лечебнице, а шли ко мне». В начале 1906 года, во время одной из тайных встреч революционеров, здесь выступил сам В. И. Ульянов-Ленин. Кроме того, возможно, что у Словатинской был роман с малоизвестным тогда грузинским революционером Иосифом Джугашвили; доподлинно известно, что его письма доставлялись Словатинской в «Книгоиздательное товарищество “Просвещение”», находившееся неподалеку, в доме 75{19}. Таким образом, под окнами квартиры, где Алиса Розенбаум сделала первые шаги, частенько прохаживались будущие организаторы революции 1917 года, лишившей семью Розенбаум денег, заработка и жизненных перспектив. (Позже явочную квартиру перенесли в дом 35 16-й линии Васильевского острова.)


ЧАСТЬ I-Я О РОДИВШИХСЯ.

Число и мѣсяцъ. Христіанскій	Еврейскій	Гдѣ родился.	Состояніе отца, имена отца и матери.	Кто родился и какое ему или ей дано имя.
Родился 20 января и удостоверено Законоучителем сего 1905 года	27 Шевата	[illegible]	У провизора Зельмана-Вольфа Зораховича Розенбаума и законной его жены Ханы Берковны (она же Анна Борисовна)	Дочь Алиса

Регистрационная запись о рождении Алисы Розенбаум.
20 января 1905 г. ЦГИА СПб. Публикуется впервые

В этом же доме 15 июня 1907 года на свет появилась вторая дочь Розенбаумов Наталья. Глобальные перемены в их жизни начались вскоре после рождения 21 августа (29 ава) 1910 года младшей сестры Алисы, Элеоноры (Норы)[20]: семейство перебралось на Невский проспект, поскольку Зиновий Захарович стал управляющим расположенной там «Александровской» аптекой[11]. В известной степени переезд Розенбаумов в этот район вполне вписывается в общую канву еврейской истории города: с начала XX века район Николаевского вокзала, где теперь находились жилье семьи и место службы ее главы, стал новым центром еврейской общины[21]. Причем туда переселялись в основном зажиточные европеизированные семьи, для которых была важна близость к вокзалу и Невскому проспекту — основным торговым артериям столицы.

На Невском и Знаменской площади

«Александровская» аптека, находившаяся по адресу Невский проспект, дом 120, принадлежала немцу-лютеранину Александру Клинге. Почему Зиновий Захарович решил оставить работу в аптеке родственников жены? Вполне возможно, по той причине, что находившаяся в самом центре города «Александровская» аптека была более престижным и прибыльным местом. В тот же дом вскоре переехала и семья Розенбаум, состоящая к тому моменту уже из пяти человек, с прислугой. Многие авторы пишут, что аптека находилась на первом этаже, Розенбаумы жили на втором, а на третьем — семья сестры Анны, Елизаветы, и ее мужа Исаака Гузарчика[12]. Энн Хеллер пишет о том, что Розенбаумы занимали *second floor* — третий этаж (в Европе и Америке нижний этаж считается нулевым — *ground floor)*.

И тут нам на помощь приходят данные филокартии (один из авторов этой книги является страстным собирателем старинных открыток). Почтовые карточки зачастую дают уникальные сведения о давно утраченных памятниках и зданиях. К сожалению, многие профессиональные историки пренебрегают этим важным источником, в основном из-за того, что их собиранием и систематизацией занимаются частники-коллекционеры, а не государственные библиотеки или архивы.

Так вот, на одной из них, с видом Знаменской площади (ныне площадь Восстания), выпущенной издательством «Г. М. Б.», четко видно, что «Александровская» аптека занимала угловой второй этаж здания, с окнами, выходящими с одной стороны на Невский, а с другой — на Знаменскую площадь. Следовательно, семья Розенбаум жила, вероятнее всего, в аналогичных помещениях на третьем этаже, а Гузарчики — на четвертом. Таким образом, балкон, с которого Алиса Розенбаум наблюдала за ходом драматических событий 1917 года на Знаменской площади, находился на углу дома, на третьем этаже. Вход в подъезд, где жили Розенбаумы, был там же, где и сейчас, — в центре фасадной части здания, выходящей на Знаменскую площадь. В ту эпоху его увенчивали надпись «аптека» и массивный двуглавый орел (естественно, до наших дней не дошедшие). Несколько забегая вперед, скажем, что после национализации аптеки Розенбаума и конфискации его квартиры победившим пролетариатом с 1921 по 1923 год семья будет жить в трех комнатах на четвертом этаже[13]. Таким образом, вся угловая часть дома 120 на Невском проспекте так или иначе связана с семьей Розенбаум.

Дом был расположен в весьма удобном, можно сказать,

стратегическом месте: рядом находился Николаевский вокзал, куда прибывала львиная доля гостей столицы. На противоположной, нечетной стороне Невского проспекта, в доме 87, находилась известная Балабинская гостиница. Окна квартиры Розенбаумов выходили на Невский проспект и на Знаменскую площадь, получившую название от Знаменской церкви (сейчас на месте церкви, разобранной в 1941 году, находится наземный вестибюль станции метро «Площадь Восстания»).

Посередине площади стоял величественный памятник царю Александру III. В 1919 году монумент окрестили «пугалом» и выбили на нем строки пролетарского поэта Демьяна Бедного:

> Мой сын и мой отец при жизни казнены,
> А я пожал удел посмертного бесславья.
> Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
> Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Во время революционных праздников памятник заключали в символическую металлическую клетку, а перед ним ставили винтообразную башню с колесом истории, надписью «СССР» и изображением серпа и молота. Глумиться над скульптурой перестали лишь в 1937 году, переместив его в запасники Русского музея.

Так выглядела повседневная реальность, которую ежедневно приходилось видеть из своих окон семье Розенбаум с 1910 по 1923 год (с перерывом на проживание в Крыму с 1918-го по 1921-й).

Детские впечатления

Какой была жизнь семьи в первые годы после переезда на Невский проспект? Судя по всему, союз Анны и Зиновия Розенбаум был достаточно устойчивым и бесконфликтным. Муж по много часов работал в аптеке; его супруга занималась воспитанием, образованием, медицинской и религиозной подготовкой девочек, пока они в возрасте восьми или девяти лет не поступили в школу. Главой семьи была, однозначно, Анна Борисовна. Об этом свидетельствуют все доступные семейные источники, прежде всего сама Айн Рэнд и ее сестра Нора. Следует отметить, что подобная «матриархальная» ситуация была достаточно типична для еврейских образованных семей той эпохи.

С каждым годом Розенбаумы становились всё богаче. В 1912 году Зиновий Захарович стал совладельцем «Александровской» аптеки, в которой работали не только он сам с компаньоном Александром Клинге, но и шестеро помощников фармацевтов, трое учеников и несколько служащих. В 1914 году, в начале Первой мировой войны, по-видимому в связи с ростом антинемецких настроений в стране, Клинге передал аптеку Зиновию Захаровичу в полную собственность. По мере роста доходов Зиновий приобрел не только саму аптеку, но и квартиру, которую ранее снимал, а также, возможно, и весь четвертый этаж. Тем не менее авторы, писавшие, что Зиновию Захаровичу принадлежал *весь* гигантский дом на Невском проспекте, безусловно, преувеличивают богатство семьи: им могли принадлежать квартиры лишь одного из подъездов.

Процветающий бизнес мужа позволил Анне нанять повара, горничную, няню для дочерей и даже бельгийскую гувернантку, чтобы девочки овладели французским еще до поступления в школу. Американский философ Джон Хосперс, основываясь на личных беседах с Айн Рэнд, сообщает, что у семьи было более пяти слуг и поэтому после революции большевики посчитали их «капиталистами»{22}. Кроме того, все три дочери брали уроки музыки и рисования. Как большинство детей российских среднего и высшего классов, сестры Розенбаум начальное образование получали дома. Как мы видим из их дальнейшей судьбы, все они прекрасно знали иностранные языки и умели рисовать. Наташа позднее серьезно займется музыкой, Нора — живописью, а Алиса — историей, киноискусством и литературой. И всё это, несомненно, благодаря азам, полученным в детстве.

Ранние воспоминания Айн Рэнд неизменно связаны с

матерью, взаимоотношения с которой она, как правило, описывала в достаточно мрачных тонах. По ее словам, мать была поверхностным, придирчивым, капризным, авторитарным человеком, чьим основным интересом в жизни было посещение и устройство пустых светских раутов. По словам писательницы, как-то раз мать торжественно сказала ей, что вообще не хотела детей и родила их только из чувства долга, принеся в жертву свои амбиции. Однажды Анна Борисовна так рассердилась на дочку, что сломала ногу кукле, которую та очень любила.

Приведем другие примеры конфликтных ситуаций между Анной Борисовной и ее старшей дочерью. Во время переезда на Невский (то есть в 1909 или 1910 году) Алису оставили на попечении родственников — семьи Конгейм. Вернувшись к родителям, Алиса попросила мать купить ей миди-блузку, такую же, какие носили ее кузины, однако Анна Борисовна отказала. «Она не одобряла миди-блузки или другие модные одежды для детей», — вспоминала об этом эпизоде Айн Рэнд полвека (!) спустя. Вскоре произошел еще один неприятный эпизод. Анна Борисовна дома наливала чай себе и гостям. Алиса попросила налить чашку и ей. Мать вновь ответила отказом: детям нельзя пить чай! Алиса не стала спорить, но про себя спросила: «Почему они не позволяют мне получить то, чего я хочу?» В тот же момент она приняла решение: «Когда-нибудь у меня всё это будет!»

Другие детские столкновения Алисы с матерью зачастую были вызваны ее нежеланием играть с другими детьми и делать то, что делают они. Однажды, войдя в детскую комнату и обнаружив, что пол усеян игрушками, Анна Борисовна объявила Алисе, которой было около пяти лет, и двухлетней Наташе, что им надо сделать выбор: оставить себе игрушки, с которыми они хотели бы играть в настоящий момент, а другие передать ей на хранение — и получить их через год в обмен. Наташа выбрала те игрушки, которые ей нравились больше всего; Алиса же отдала матери свои любимые игрушки, представляя, какое удовольствие получит от них спустя год (вспоминая об этом событии через 50 лет, она в подробностях описала механическую заводную курочку, отданную матери). По прошествии года Алиса попросила мать вернуть ей игрушки, а та со смехом ответила, что отдала их в приют, поскольку если бы дочери действительно нуждались в этих игрушках, то никогда не отказались бы от них. Возможно, это была первая встреча Айн Рэнд с альтруизмом и благотворительностью — врагами, с которыми она будет бороться всю жизнь.

Сама Анна Борисовна считала свою старшую дочь «трудным ребенком». Впрочем, она действительно была такой. Алиса редко

с кем-то играла и терпеть не могла физические нагрузки. «Двигайся, Алиса, двигайся!» — раздраженно кричала ей мать. Когда маленькой Алисе купили дорогой спортивный снаряд, она отказалась даже подойти к нему. Эта нелюбовь к спорту (в отличие от интеллектуальных нагрузок) сохранится у нее до конца жизни. Мать не понимала и не одобряла, что Алиса с энтузиазмом принимала некоторые детские песни и картинки — и резко отклоняла другие. «Мне она (мать. — *Л, Н., М, К.)* очень не нравилась, — вспоминала писательница много лет спустя. — Мы действительно не ладили. Она была моей полной противоположностью; так мне казалось и в детстве, и сейчас… Наши конфликты в детстве состояли в том, что я была необщительной, я была недостаточно заинтересована другими детьми, я не играла с ними, у меня не было подружек».

Но так ли уж права Айн Рэнд, столь резко отзываясь о матери и выставляя свои отношения с ней в виде некоего перманентного конфликта? Анна Борисовна до приезда бельгийской гувернантки учила дочерей читать и писать по-французски; именно она выписывала иностранные журналы, в том числе детские, которые так сильно повлияли на Алису, когда та начала сочинять свои собственные ранние истории. Не чужда была Анна Борисовна и идеям индивидуализма, столь сильно занимавшим ее старшую дочь. К примеру, в письмах 1930-х годов она заявляла: «Каждый человек является архитектором своей судьбы». Анне Борисовне нравилась идея «американской мечты»; она так хотела посетить США, что даже дала своим домашним котам клички Лос-Анджелес[14] и Миссури[15].

Анна Борисовна всегда гордилась умственными способностями своей старшей дочурки и часто демонстрировала ее сообразительность гостям. Это, кстати, нравилось самой Алисе, любившей находиться в компании взрослых, которым всегда можно задать вопросы. Увидев дома нового человека, маленькая Алиса всегда серьезно вопрошала: «А он умный?» Остальные качества — доброта, благородство, красота, богатство — интересовали ее гораздо меньше.

Сестра Нора утверждала, что между Алисой и матерью не было серьезных конфликтов, а сама старшая дочь являлась любимым ребенком в семье. Правда, сама Нора также писала о матери как о «домашнем тиране», которого она боялась даже после замужества{23}.

Словом, можно констатировать, что, с одной стороны, Анна Борисовна была авторитарна и нетерпима, считала свое мнение истиной в конечной инстанции, а себя — главной в доме. С другой стороны, она была прекрасно образованна и умна, что, в

свою очередь, помогло ей вырастить трех умных и всесторонне образованных дочерей, одна из которых — конечно, не без ее участия — стала всемирно известным писателем и идеологическим вдохновителем новаторского течения в философии. Нет также никаких сомнений в том, что в своих поздних воспоминаниях Айн Рэнд серьезно преувеличивала степень антагонизма между ней и матерью, выдавая мелкие конфликты, случающиеся в каждой семье, за серьезную и глубокую вражду, которой попросту не было. Доказательством тому служат, к примеру, сотни нежных и прочувствованных писем, которые Анна Борисовна слала дочери после ее эмиграции в Америку, на которые та отправляла сотни ответов[16].

Студийная фотография 1910 года запечатлела облик Алисы — очаровательного ребенка с длинными, слегка вьющимися волосами, огромными умными глазами, в белом платьице с оборками. Рядом стоит вторая маленькая очаровашка, как две капли воды похожая на Алису, только поменьше, — ее трехлетняя сестра Наташа. Хотя черно-белое фото не позволяет нам определить цвет глаз Алисы, но из поздних анкет мы знаем, что они были карие{24}. А вот другое семейное фото: двухлетняя Алиса сидит на коленях у отца.

По словам самой писательницы, ее первые воспоминания относятся примерно к возрасту двух с половиной лет, то есть к лету 1907 года. Она с отцом сидела у окна и смотрела вниз на первые в России электрические трамваи. Зиновий Захарович объяснил маленькой Алисе, как работают трамваи, — и ей было приятно, что она смогла понять его объяснения.

Нет сомнений, что писательница романтизировала данный эпизод своей биографии. Первый петербургский электрический трамвай в торжественной обстановке отправился в свой первый рейс по маршруту Главный штаб — 8-я линия Васильевского острова 16 сентября 1907 года, то есть действительно в то время, когда Алисе было чуть больше двух с половиной лет. Однако этот трамвай не ходил по Московскому проспекту, на котором в то время жила семья Розенбаум. Скорее всего, она могла видеть трамвай несколько позднее, уже на Невском проспекте, в четыре-пять лет.

И тут особенно важно отметить, что первая трамвайная линия Санкт-Петербурга была построена *американской* компанией «Вестингауз электрик» (Westinghouse Electric). Такие предзнаменования будущей судьбы Айн Рэнд, выражающиеся в безмолвном отчаянном восхищении всем американским, будут и далее пронизывать ее российскую и советскую жизнь.

А вот раннее воспоминание, на сей раз связанное со страхом.

Прогуливаясь с нянькой, девочка увидела стекло в деревянной раме, прислоненной к стене. Заинтересовавшись, Алиса подошла и притронулась к нему. Испуганная нянька оттащила ее в сторону, объясняя, что стекло острое, трогать его опасно. Воспоминания о пережитом страхе долгие дни беспокоили Алису.

Другое важное событие случилось с ней в шесть лет. Во время отдыха на морском курорте она случайно услышала музыку военного оркестра, игравшего марши, а также легкие немецкие, английские и американские песни — такие как «Долог путь до Типперери» («It's a Long Way to Tipperary»), «Йиппи йи йиппи йи йэй» («Yippy Yi Yippy Yi Yay») и др. Как завороженная, маленькая Алиса слушала эти простенькие мелодии, уводящие вдаль от повседневных проблем и огорчений, разительно отличающиеся от русской народной или классической музыки с ее экзистенциальным надрывом и поисками смысла жизни. В дальнейшем такая легкая музыка, позволявшая забыть обо всех проблемах и неудачах ее советской, а позднее и американской жизни, станет для нее своеобразным культом. Она даже станет называть этот жанр специально изобретенным термином «tiddlywink[17] music», что можно приблизительно перевести как «ерундовая музыка» (насколько нам известно, только Айн Рэнд применяла этот термин к музыке).

Поначалу Алиса вообще не принимала классику, но позднее, по мере взросления, полюбила произведения Рахманинова, Шопена, Верди и других известных композиторов. Да и обожаемая ею «ерундовая музыка», помимо маршей и песенок конца XIX — начала XX века, постепенно стала включать в себя и такие разножанровые произведения, как марш Прокофьева из оперы «Любовь к трем апельсинам», народная шотландско-ирландская «Моя ирландская Молли» («My Irish Molly»), джазовая «Давай, будь счастлив» («C'mon Get Happy»), вальс «Минутка» Шопена, арии из оперетт Ференца Легара и Имре Кальмана.

Кстати, поначалу ее любовь к «ерундовой музыке» вызвала резкое негодование матери. «Почему такое сообразительное дитя любит эту глупую музыку?» — вопрошали она и другие родственники, которые, к немалой досаде маленькой Алисы, не могли понять, что это *ее* выбор, с которым им придется смириться, а не пытаться на него повлиять. Это были *ее собственные* вкусы, и объяснять кому-то, «почему» и «зачем» она их имеет, Алиса попросту не желала. Резкий выбор интеллектуальных предпочтений, который она порой не в состоянии объяснить, станет в дальнейшем повторяющимся алгоритмом. Ее окружению придется смириться с этим, так как своих вкусов будущая писательница никогда не меняла и, более

того, формировала свое окружение только из людей, которые разделяли ее предпочтения. Вот и в данном случае бабушке Розалии Павловне приходилось безропотно ставить пластинку с любимой «ерундовой музыкой» Алисы на патефон фирмы «Виктрола» (кстати, один из первых экземпляров патефонов такого типа в Санкт-Петербурге). Всю жизнь, в моменты радости и счастья, Айн Рэнд будет слушать эту музыку в своей комнате, пританцовывая и на мгновение возвращаясь в детство, к тому незабываемому оркестру на набережной.

А вот еще одно значительное событие, произошедшее, когда Алисе было семь лет. (Давайте еще раз поразимся тому, что писательница столь ярко помнила происшествия шестидесятилетней давности, будто они случились только вчера. Невольно приходит на ум автобиографическая книга Набокова, где знаменитый писатель-эмигрант так же детально разбирал свое русское детство. Несколько забегая вперед, скажем, что «набоковские» параллели с жизнью Айн Рэнд будут анализироваться нами еще неоднократно.) Вновь морской курорт. Прекрасный отель, в котором останавливались в основном иностранцы, с роскошным теннисным кортом, что было крайне редко в тогдашней России. Случайно проходившая мимо корта Алиса увидела двенадцатилетнюю англичанку, играющую в теннис. Казалось бы, что в этом особенного? Однако образ юной, грациозной и стройной спортсменки в черных чулках и белых теннисных туфлях, стремительно передвигающейся по корту, навсегда врезался в ее память как символ чего-то прекрасного и независимого… Прекрасного и независимого настолько, что маленькая Алиса уже тогда не строила иллюзий — она прекрасно понимала, что не станет такой никогда. Однако ничто не мешало ей описывать этот идеал в своих романах. Черты ее любимого женского персонажа, Дагни Таггарт из романа «Атлант расправил плечи», будут в известной степени навеяны этим детским впечатлением.

Маленькая Алиса откуда-то узнала и запомнила имя прекрасной незнакомки — Дейзи Герхарди. Насколько нам известно, сама Айн Рэнд в дальнейшем никогда не пыталась познакомиться с Дейзи. А ведь это было так просто: ее старший брат Уильям Герхарди (1895–1977) позднее станет знаменитым британским писателем. В своих воспоминаниях он напишет и о своей сестре Маргарет, по прозвищу Дейзи, и о том, как любил играть с ней в теннис[25]. (Кстати, семья торговца хлопком Герхарди жила в Санкт-Петербурге недалеко от Невского проспекта, так что теоретически Алиса могла встретиться с Дейзи и в родном городе.)

Где произошли встречи с «ерундовой музыкой» и символом независимой женственности Дейзи Герхарди? По мнению Барбары Брэнден, это случилось в Крыму, куда Розенбаумы якобы ездили отдыхать каждое лето и проводили там два месяца. Однако нам кажется, что в данном случае автор классической биографии Айн Рэнд ошибается. Ни один другой источник не упоминает о регулярных поездках семьи в Крым. А вот о том, что Розенбаумы ежегодно отправлялись на разные курорты Финского залива (например, Териоки, Сестрорецк или Лисий Нос), сообщают практически все. Кроме того, Уильям Герхарди в своих воспоминаниях также пишет о поездках его семьи в Сестрорецк, а не в Крым. Именно там они играли в теннис и слушали на набережной симфонический оркестр{26}. Об этом же в одном из интервью упоминает сестра писательницы Нора{27}. Кроме того, в Териоки у Розенбаумов даже была собственная дача, где они проводили время вместе с семьей Гузарчик{28}. Так что, на наш взгляд, знакомство Алисы с «ерундовой музыкой» и встреча с Дейзи произошли именно на берегу Финского залива, а не в Крыму.

Приблизительно в это время юная Алиса стала заниматься коллекционированием разных бумажных и прочих мелочей. «Я всегда собирала всякие разности», — вспоминала позднее писательница, добавив, что мать часто сетовала и на это увлечение дочери, считая, что та приносит в дом хлам. К счастью для девочки, бабушка, услышав жалобы Анны Борисовны, приобрела для внучкиных коллекций специальный комод с выдвижными ящиками.

Что же собирала маленькая Алиса? Она очень любила открытки с репродукциями известных живописных полотен, продававшиеся в галантерейных магазинах, но выбирала лишь те, на которых были запечатлены люди; пейзажи и натюрморты ее не интересовали. Кроме того, она коллекционировала фотооткрытки с видами различных местностей, где она побывала. К примеру, в ее коллекции были почтовые карточки с репродукцией «Русалки» художника С. С. Со-ломко, портретом Виктора Гюго, бюстом Аристотеля, видами пика Маттерхорн в Швейцарии и Санкт-Петербурга, фотографиями любимых актеров. Помимо этого, она обожала собирать другие бумажные мелочи — газетные вырезки, наброски, документы, эскизы, записи и т. п. Это коллекционирование всяческих мелочей продолжится и позднее. Писательница привезет с собой в эмиграцию — и сохранит до конца жизни — не только практически все свои советские документы, включая «Матрикул студента Ленинградского института экранного искусства», серпасто-молоткастый

заграничный паспорт, но даже билет на корабль «Де Грасс», привезший ее в Америку в 1926 году. Некоторые из этих открыток и вырезок будут найдены после ее смерти в папке под названием «Фотографии, которые мне нравятся» (ныне они хранятся в Институте Айн Рэнд в США).

И последний важный штрих. С самого раннего детства мать, имевшая медицинское образование, привила Алисе привычку очень (пожалуй, даже слишком) внимательно относиться к любой, даже самой минимальной опасности контакта с бактериями или вирусами. Позднее эта привычка приобретет у нее гипертрофированный характер: она будет часами пускать воду в ванну, чтобы уничтожить бактерии, и ошпаривать кипятком тарелки после ухода гостей. Ей будет казаться невыносимой сама мысль о том, что ее рациональный образ жизни может быть нарушен такой неожиданностью, как банальная простуда{29}.

Роль религии и еврейской идентичности

У нас не так много сведений о том, как именно выглядела религиозная жизнь семьи. Тем не менее важно отметить (хотя сама писательница и некоторые из ее биографов это явно старались скрыть), что Алиса Розенбаум и ее сестры так или иначе выросли в лоне иудаизма и соблюдали основные праздники. Мы знаем, к примеру, что семья достаточно традиционно отмечала Песах — основной праздник всех иудеев, связанный с памятью о массовом исходе евреев во главе с пророком Моисеем из египетского плена.

Это было, пожалуй, главное событие в религиозном календаре семьи. Согласно тексту библейской книги «Исход», Египет покинули 600 тысяч мужчин-евреев, члены их семей и представители иных племен. Воины фараона настигли беглецов у Красного моря, однако воды расступились, пропустив Моисея и его последователей, и сомкнулись, поглотив преследователей. Наиболее аргументированной выглядит датировка события примерно XIII веком до н. э.

Перед началом праздника из дома надо было удалить весь хлеб, изготовленный с помощью закваски *(хамец)*. Из воспоминаний сестры Айн Рэнд мы знаем, что Зиновий Захарович сам готовил для праздника мацу (опресноки) — специальные лепешки из бездрожжевого теста. Это был непростой процесс — необходимо было соблюсти множество религиозных предписаний. В память о горечи египетского рабства маца заедалась горькой зеленью (российские евреи, как правило, использовали хрен и латук-салат). Все присутствующие на празднике должны были выпить — как минимум пригубить — четыре чаши вина или виноградного сока. В пасхальный вечер *(лейл а-сэдер)* к Розенбаумам приходили многочисленные родственники со стороны матери, так что праздник отмечали все вместе. Вечером кем-то из мужчин (возможно, самим Зиновием Захаровичем) читалась на древнееврейском языке пасхальная Аггада (Хаггада) — предание об исходе евреев из Египта. Следовательно, дочери так или иначе должны были слышать Аггаду и молитвы на древнееврейском языке в ашкеназском произношении, свойственном евреям России и Восточной Европы и сильно отличающемся от современного сефардского произношения иврита, принятого в Государстве Израиль. Родственники наверняка переговаривались друг с другом на родном идише, так что и этот язык юная Алиса Розенбаум также слышала в детстве.

Элеонора Дробышева позднее подчеркивала, что они

праздновали *первый* сэдер Песаха; то есть, по всей видимости, семья вряд ли продолжала отмечать следующие шесть дней праздника, во время которых также полагалось не работать, а молиться и думать о событиях многовековой давности{30}[18].

Известно также, что Розенбаумы в той или иной степени соблюдали Шаббат — праздник субботы. По еврейской традиции Шаббат начинался в пятницу вечером и продолжался до вечера субботы. В течение субботнего дня была запрещена любая трудовая деятельность, не разрешалось зажигать огонь, топить печь и включать электрическое освещение. Но если освещение было включено до наступления пятничного вечера, его оставляли на весь следующий день. Перед началом праздника, во время вечернего богослужения, торжественно зажигались свечи, читались особые молитвы и произносились благословения. Затем начиналась обильная трапеза *(сеуда),* на которую полагалось приглашать родственников и знакомых. Можно предположить, что по пятницам к Розенбаумам приходили многочисленные родственники.

Выполняли ли Розенбаумы полностью все предписания относительно ритуально чистой — кошерной — пищи? Думается, семья не придерживалась закона о необходимости разделять мясное и молочное и вряд ли выполняла все предписанные Талмудом (средневековым сводом правовых и религиозно-этических положений иудаизма) правила. Тем не менее едва ли юная Алиса Розенбаум имела возможность попробовать свинину до своего отъезда в Америку. (Впрочем, нам неизвестно, как она относилась к запрету на употребление свинины после иммиграции.)

Вряд ли семья соблюдала все строгие еврейские посты и отмечала такие святые для иудеев дни, как Иом Кипур (Судный день), Шавуот (Пятидесятницу) и др. Маловероятно также, чтобы Розенбаумы регулярно посещали синагогу; во всяком случае, ни Айн Рэнд, ни Элеонора Дробышева об этом не упоминают. Однако нет никаких сомнений, что их родители хотя бы иногда туда захаживали и, скорее всего, порой брали с собой детей. В конце XIX века на Большой Мастерской улице (ныне Лермонтовский проспект, дом 2) в мавританском стиле была построена сохранившаяся до наших дней величественная Большая хоральная синагога, вмещавшая 1200 человек. Именно туда могли по большим праздникам ходить Зиновий Захарович и Анна Борисовна; при этом супруга должна была сидеть отдельно, в *эзрат нашим* — женской галерее на втором этаже.

Именно там в 1904 году состоялась их свадьба. В нашем распоряжении нет фотографий этого торжества, однако можно

представить себе пышно одетых молодоженов, стоящих под хулой (свадебным балдахином на четырех столбиках) перед входом в великолепное здание синагоги. Затем раввин должен был прочесть два благословения: над вином и обручальное. После этого брачующиеся должны были отпить из бокалов благословленное вино. Зиновий Захарович надел на правый указательный палец невесты кольцо, торжественно произнес на древнееврейском: «Вот, с этим кольцом ты посвящаешься мне согласно закону Моисея и Израиля» — и разбил стакан, после чего под возгласы «Мазл тов!» («На счастье!») новоиспеченные супруги отправились в долгий совместный жизненный путь. Из архивных документов известно, что процедуру обручения и бракосочетания выполнил помощник главного раввина Яков Шохет, свидетелем со стороны невесты был петербургский мещанин Борух Лозовский, а со стороны жениха — витебский мещанин Якоб Вольцок. Анна Борисовна получила от жениха официальный документ на арамейском языке, названный в метрической записи «кетуба деорайса» — брачный договор по законам Торы (Моисеева Пятикнижия) с перечислением ее приданого{31}.

Другая синагога, выстроенная в более строгом стиле, находящаяся на еврейском Преображенском кладбище, функционировала скорее в качестве места отпевания умерших (кстати, забегая вперед, отметим, что супруги Розенбаум были похоронены именно на еврейском кладбище Ленинграда, что также свидетельствует о сохранении ими еврейской идентичности до конца жизни).

Однако на Рождество квартиру Розенбаумов украшала традиционная рождественская елка. А вот праздновали ли они Хануку, приходящуюся практически на те же дни, неизвестно. Важно отметить также, что ни одна из их дочерей не посещала традиционную еврейскую школу-хедер, несмотря на то, что в 1910 году в Петербурге было аж 33 хедера. Религиозность в семье, равно как и любая активность, исходила от матери. По словам самой Айн Рэнд, Анна Борисовна была религиозна на «эмоционально-традиционный лад, основываясь не на убеждениях, а, скорее, вследствие верности религии ее матери». По мнению Энн Хеллер, вплоть до событий 1917 года мать хотела, чтобы ее дочки достигли значительного положения не просто в обществе, а именно в *еврейской* иерархии города.

Айн Рэнд нигде и никогда не говорила, сталкивалась ли она в России с юдофобией; более того, она утверждала, что проблема государственного и бытового антисемитизма никогда не обсуждалась в семье. Едва ли этому можно поверить. К примеру, в

гимназию М. Н. Стоюниной, находящуюся в двух километрах от их дома на Невском проспекте, она и ее сестры были отправлены лишь по той причине, что туда принимали евреев без процентных ограничений. Исключено, чтобы об этом не знали и не говорили в семье.

Итак, Розенбаумы были не слишком набожны, однако иудейская вера и религиозная традиция играли в их жизни достаточно важную роль. Можно предположить, что богобоязненность семьи должна была практически сойти на нет после событий 1917 года; пожалуй, только очень религиозные люди продолжали оставаться верными своим взглядам в атмосфере советского воинствующего атеизма, а Розенбаумы к таковым вряд ли принадлежали.

Позднее Айн Рэнд будет отрицать, что иудаизм и еврейская идентичность сыграли определенную роль на начальном этапе ее жизни. Однако не подлежит сомнению, что в детстве она верила в Бога и считала религиозную обрядность естественной частью жизни — пока в 13 лет, на втором году революции, не приняла сознательное решение стать атеисткой[19]. К примеру, сама писательница вспоминает, что в шестилетнем возрасте она вместе с двоюродной сестрой со стороны матери (по всей видимости, Ниной Гу-зарчик) молилась Богу, прося о выздоровлении котенка. Но даже после решения стать атеисткой Айн Рэнд никогда не отрицала — правда, и не подчеркивала — свою этническую принадлежность. «Я *родилась* еврейкой», — говорила она в прошедшем времени, как будто в момент произнесения этой фразы уже перестала таковой являться.

Мими Саттон, дальняя родственница, дружившая с писательницей с 1930-х годов вплоть до ее смерти, вспоминала: «Поначалу она не хотела, чтобы кто-нибудь знал о том, что она была еврейкой. Нет, она этого *не хотела.* Был длительный период, вплоть до начала [Второй мировой] войны, когда она *не хотела,* чтобы кто-либо об этом знал». Мими, в девичестве Папурт, сообщила также, что Айн Рэнд просила не говорить, что ее (Мими) отец был родом из Бер-дичева: «Это ужасно, Мими! Это еврейское гетто!» По этой причине, представляя родственницу своим друзьям, Айн Рэнд никогда не называла ее еврейскую фамилию. После Холокоста, когда европейских евреев стали преследовать и убивать, отношение писательницы к этой проблеме изменилось, однако и тогда она крайне редко говорила о своей этнической принадлежности.

Впрочем, Айн Рэнд вспоминала о ней каждый раз, когда сталкивалась с проявлениями антисемитизма. Один из наиболее значимых эпизодов подобного рода случился уже в Америке. Дело

в том, что друзья писательницы и ее мужа зачастую не знали, что настоящее имя Айн Рэнд — Алиса Розенбаум. Мать одной из ее знакомых, Милли Уилсон, сказала, что ей не очень-то нравится Гитлер, однако она солидарна с ним в том, что «следовало бы сжечь всех этих евреев». В образовавшейся паузе Айн Рэнд прекрасно модулированным голосом спокойно сообщила, что она еврейка. Это была последняя встреча писательницы с семьей Уилсон{32}. Другой случай. В 1946 году писательница познакомила свою соратницу по идеологической борьбе за свободную Америку Изабель Паттерсон с еврейско-американским драматургом Морри Рискиндом и его женой. Когда чета Рискинд ушла, Изабель заявила: «Я не люблю еврейских интеллектуалов». «Значит, ты не любишь меня», — холодно ответила Айн Рэнд. Через какое-то время она прервала отношения с Паттерсон{33}.

Уже после войны, узнав о нацистских зверствах в концлагерях, писательница сказала: «Они убивали *меня*». Айн Рэнд однозначно одобрительно относилась к Государству Израиль, считая его возникновение (1948) в известной степени продолжением политики США на Ближнем Востоке. Несмотря на декларируемое ею неприятие концепции альтруизма, она начиная с 1973 года переводила деньги в помощь независимому еврейскому государству.

Добавим, что в США практически всё окружение Айн Рэнд состояло из ее еврейских родственников и потомков евреев-иммигрантов из Российской империи и СССР.

Первый писательский опыт

По словам самой Айн Рэнд, читать и писать она научилась практически без посторонней помощи, в шестилетием возрасте. Попросив родителей написать «Алиса Розенбаум», она выучила буквы своего имени, а потом таким же образом запомнила написание других слов. Если верить свидетельству самой Айн Рэнд (а она, увы, достаточно часто преувеличивала собственные достижения), вскоре она знала уже весь алфавит и с легкостью читала и писала.

В дошкольные годы Алиса занималась игрой на скрипке, фортепиано, а также училась рисовать и изучала иностранные языки. Французский и немецкий ей преподавала бельгийская гувернантка. Английским она стала заниматься, по-видимому, незадолго до отъезда из СССР, в 1925 году. Французским Алиса владела, по-видимому, в совершенстве; на немецком могла как минимум читать художественную литературу{34}. Известно также, что сразу после приезда в США в 1926 году ее английский, мягко говоря, оставлял желать лучшего.

Знала ли она хоть в какой-то степени иврит и идиш? И тот и другой язык она должна была достаточно часто слышать не только в синагоге, но и дома: во время Шаббата и других религиозных праздников отец или самый старший из присутствующих мужчин должен был читать молитвы и благословения на древнееврейском, а члены семьи — вторить ему. Хотя языком семейного общения Розенбаумов был русский, мать с отцом, а также многочисленные родственники нет-нет да и перебрасывались смачными идишскими словечками и фразами. Однако в традиционную еврейскую школу, где изучался древнееврейский, Алису и ее сестер не отдавали. А значит, их знание идиша и иврита едва ли превышало минимальный уровень. Впрочем, это было характерно для многих эмансипированных еврейских семей того времени.

Как мы помним, в детстве друзей у нее практически не было. Из немногочисленных подруг Алисы особо стоит выделить старшую кузину Нину Гузарчик (1903–1942), дочь Елизаветы Каплан-Гузарчик, сестры Анны Борисовны. Как уже говорилось, семья Гузарчик жила в том же доме на Невском проспекте, что и Розенбаумы, только этажом выше. Второй подругой и верной последовательницей стала сестра Нора, которая была младше ее на пять лет. «Алиска» — так Нора ласково называла сестру; вполне возможно, что так ее именовали и остальные родственники. Со средней сестрой, Наташей, отношения были

менее теплые.

По мнению Барбары Брэнден, в возрасте семи-восьми лет, то есть в 1912 или 1913 году, Алиса начала посещать школу, которую считала ужасно скучной и бесполезной{35}. Это утверждение противоречит установившейся точке зрения других биографов, что первым учебным заведением, в которое будущая писательница стала ходить с 1914 года, была гимназия М. Н. Стоюниной. Остается предполагать, что либо Брэнден имеет в виду какую-то подготовительную школу, либо ошиблась с датировкой.

Есть несколько предположений относительно важнейшего момента в биографии Айн Рэнд — начала увлечения писательством. По словам Б. Брэнден, это случилось во время учебы в той самой школе: забаррикадировавшись учебником, Алиса неистово писала очередную порцию приключенческих историй, не обращая внимания на скучный урок{36}. Впрочем, как мы уже заметили выше, скорее всего, биограф перенесла на более ранний период воспоминания Айн Рэнд, относящиеся к эпохе учебы в гимназии. Согласно версии Джеффа Бриттинга, в восемь лет Алиса стала посещать первые петербургские синематографы, в которых демонстрировались немые фильмы, и вскоре начала придумывать киносценарии{37}. По третьей версии, также принадлежащей Барбаре Брэнден, в 1914 году, в Лондоне, прогуливаясь с гувернанткой по берегу Темзы в районе Вест-Энд, юная Алиса увидела на афише труппу британских танцовщиц. Красочно одетые, подстриженные «под пажа», стройные длинноногие блондинки произвели на нее такое же неизгладимое впечатление, как и игравшая в теннис Дейзи Герхарди. К вечеру она придумала цикл приключенческих историй, главными героинями которых являлись эти разноцветные танцовщицы. Вскоре она начала рассказывать свои истории первым слушателям — младшим сестрам. Много лет спустя писательница будет вспоминать:

> «Я запомнила этот день и этот час. Я не стала начинать пытаться описывать своих соседей; я стала выдумывать людей, которые делали что-то, что соседи никогда не сделают. Я не могла найти в себе интереса или энтузиазма по отношению к людям “как они есть” — в то время как у меня в голове была ослепительная картина людей, какими они могли бы быть»{38}.

Мы точно знаем, какие именно книги перевернули внутренний мир юной Алисы и повлияли на ее писательскую деятельность. Одной из них была принадлежавшая ее сестре

Наташе книга о детстве императрицы Екатерины II. Сама Айн Рэнд (а также ее биографы) не упоминала названия и автора этой книги, но зато кратко пересказывала ее кульминационный момент. По словам Барбары Брэнден, записавшей — или интерпретировавшей — ее устный рассказ, таким моментом является встреча будущей императрицы — а в то время маленькой и некрасивой немецкой девочки из Штеттина — с предсказателем, который узрел над ее челом две короны{39}.

Нам удалось установить, какой книгой зачитывалась юная Алиса. Нет сомнений, что это была повесть «Цербстская принцесса», сочиненная Наталией Ивановной Манасеиной (1869–1931) и опубликованная в Санкт-Петербурге в 1912 году. Тогда же (или год-два спустя), по всей видимости, ее прочитала юная Алиса. Однако центральный эпизод книги на деле выглядел несколько иначе: предсказатель и хиромант граф Менгден не обращает внимания на приведенную к нему во время бала прелестную принцессу Марианну, но, бросив взгляд на неприметную Екатерину, видит у нее на голове не одну, а как минимум три короны{40}. Почему же юную девочку так взволновал этот эпизод? Маленькая Алиса явно отождествляла себя с неприметной немецкой принцессой, чье великое будущее увидел прорицатель. Такое же великое будущее, решила девочка из Санкт-Петербурга, ждет и ее. Много лет спустя Айн Рэнд вспоминала:

> «Будучи ребенком, я точно так же чувствовала себя. Я думала, что я точно такая же, как Екатерина. Я не вписывалась в ничьи схемы, и люди не знали, что у меня на лбу был знак… Как же я хотела, чтобы кто-нибудь увидел его…»

Другой книгой, повлиявшей на становление Айн Рэнд как писателя и мыслителя, была практически никому ныне не известная приключенческая повесть «Таинственная долина» французского писателя Мориса Шампаня (1868–1951){41}, опубликованная в одном из французских журналов, которые выписывала мать Алисы, и изящно иллюстрированная художником Рене Жиффи. Действие ее происходит в Индии под властью англичан. Британский капитан пехоты по имени Кир (Сайрус) Полтон и четверо его сослуживцев похищаются специально обученными бенгальскими тиграми и попадают в плен к кровожадным индуистским шаманам в тайной долине в горах Западной Бенгалии (забегая вперед, скажем, что эта местность явно послужила прототипом прекрасной долины, в которой укрылись бастующие бизнесмены в романе «Атлант

расправил плечи»). Кир, заключенный с товарищами в тюрьму в глубине пещеры, — смелый, целеустремленный и высокомерный (!) воин просвещенной империи. Именно он (а также Лев Беккерман, первая взрослая любовь Алисы Розенбаум) станет прототипом для всех героев мужского пола в книгах Айн Рэнд. Писательница будет вспоминать о нем так:

> «…высокий, длинноногий, в солдатских лосинах, но без куртки, просто в… рубашке с открытым воротником, разорванной спереди и открытой, с закатанными рукавами».

После многих приключений Кир убегает и благополучно выводит из страшной долины своих друзей, спасателей — двух младших офицеров и французского археолога — и красивую молодую британку (вскоре ставшую его женой). Обернувшись, герои видят, как пожар и наводнение поглощают злополучную местность и уничтожают ее кровожадных жителей. Кир Полтон был «единственной любовью» Алисы с девяти до двенадцати лет — с начала 1914 года до событий 1917-го. Девочка обожала его — и отождествляла себя с ним точно так же, как с юной немецкой принцессой. Как ни странно, именно им был навеян женский образ решительной Киры Аргуновой в романе «Мы живые», а также все последующие герои — Говард Рорк, Хэнк Реарден, Джон Голт и др.

И еще одно важное замечание: Алиса была раздосадована, когда узнала, что девочка из ее класса, которая ей совсем не нравилась, также выписывала французский журнал, где была опубликована полюбившаяся ей повесть. Подобную зависть — и ревность, и раздражение — она будет испытывать практически всегда, когда кто-то, ей не очень приятный, будет говорить о ее любимых героях, книгах или музыкантах.

Поездка за границу и начало войны

Ничего не предвещавшее блаженное лето 1914 года Айн Рэнд будет вспоминать всю жизнь как один из лучших моментов своей жизни. Алисе было девять лет. В конце мая или начале июня вместе с бельгийской гувернанткой семья Розенбаум, на пике своего финансового благополучия, отправилась в первую поездку за границу — шестинедельный вояж по Европе. Для начала путешественники посетили тогдашний интеллектуальный центр Европы, столицу Австро-Венгерской империи, величественную Вену, а оттуда отправились в Швейцарию. В Монтрё — знаменитом курорте на берегу Женевского озера — Алиса, к всеобщему изумлению, подружилась со сверстником, семья которого остановилась в том же отеле, что и Розенбаумы. Отбросив отвращение к физической деятельности, она отправлялась с ним в горы, собирала дикие ягоды и наслаждалась удивительной свободой швейцарской природы… Спустя 40 лет в романе «Атлант расправил плечи» эти детские впечатления найдут отражение в описании совместных прогулок главных героев — юной Дагни Таггарт и Франсиско д'Анконии. Доподлинно известно, что Розенбаумы осмотрели расположенный неподалеку романтический Шильонский замок. Наверняка в их туристическую программу входили также посещение окрестных живописных гор, катание на лодке по озеру и поездка по горной железной дороге.

После этого семья решила посетить любимый город всех русских эмигрантов — Париж. О начале войны они узнали, по-видимому, на пути во Францию. Так как путь через охваченный войной континент был закрыт, Розенбаумы в ужасе отправились через Ла-Манш в Лондон. Там они, как и тысячи других европейских путешественников, захваченных войной врасплох, ожидали, когда корабли доставят их домой. Как мы упоминали выше, возможно, именно в те несколько дней, которые семейство провело в британской столице, Алиса начала писать художественную прозу.

Вскоре Розенбаумы покинули Туманный Альбион на переполненном пассажирском судне, направлявшемся в Россию. Так как не удалось купить билеты в каюту первого класса, они были вынуждены спать на столах в корабельном ресторане{42}. Во время поездки Алиса в первый (но отнюдь не последний) раз столкнется со смертельной опасностью: судно, отправившееся в путь чуть раньше парохода, на котором она плыла, подорвалось на немецкой мине; то же произошло и с пароходом, отчалившим

следом.

К началу августа семья благополучно добралась домой. Однако они вернулись совсем не в ту страну, из которой уезжали. Их родной Санкт-Петербург стал называться Петроградом, улицы были переполнены солдатами, добровольцами, медсестрами, повсюду можно было видеть сцены прощаний, звучали марши. «Война стала концом света», — скажет Айн Рэнд много лет спустя.

Гимназия Стоюниной и радость творчества

Той осенью, когда Россия спешно мобилизовала свою огромную армию, чтобы вступить в войну против кайзеровской Германии, Алиса начала обучение в знаменитой частной женской гимназии, созданной в 1881 году Марией Николаевной Стоюниной (1846–1940). Наташа и Нора пока оставались дома с гувернанткой. Чем был обусловлен выбор именно этой гимназии, находившейся неблизко от их дома, в доме 20 на Кабинетской улице (ныне улица Правды)?[20] На наш взгляд, репутация учебного заведения, отличавшегося либеральными взглядами, была для семьи не столь важна, как отсутствие нормы приема еврейских детей. Именно по этой причине их количество порой доходило до 30–40 процентов, в отличие от казенных училищ, где число еврейских детей не должно было превышать двух процентов. К примеру, из тридцати девяти учащихся второго класса, который посещала Алиса Розенбаум, около трети составляли ее соплеменники.

Как ни странно, но в эту женскую гимназию принимали и мальчиков — правда, в значительно меньших количествах, чем девочек. К примеру, в классе Алисы учились три мальчика — зато какие! Это были будущий великий композитор Дмитрий Шостакович, сын знаменитого философа Н. О. Лосского Борис и ставший впоследствии известным архитектором Федор Пащенко. После революционных событий гимназию преобразовали в 10-ю единую трудовую школу. В 1918 году, когда Алиса с семьей уехала в Крым, на освободившееся место в ее класс поступил будущий знаменитый физик Александр Шальников. По воспоминаниям его дочери, поначалу девочки-одноклассницы даже дразнили его «Алисой»{43}.

Из одноклассниц будущей писательницы особо следует выделить Ирину Владимировну Троицкую — внучку композитора Н. А. Римского-Корсакова. Впоследствии она напишет роман «Лебединая песнь» (известен под названием «Побежденные»){44}, посвященный мукам российской интеллигенции в революционные и постреволюционные годы и во многом схожий с романом Айн Рэнд «Мы живые», также посвященном тяготам жизни в стране в двадцатые годы. Удивительно, что две девочки, учившиеся в одном классе, позднее в одном ключе выразили свои впечатления о страшных годах большевизма. Известны также имена нескольких других одноклассниц: Леля Полякова, Нюра Тиндес, Лиля Шевлагина, Лена Долгинцева-Грекова, Марианна Граменицкая. Впрочем, насколько нам известно, ни с кем из них

Алиса дружбы не водила.

Говоря об общей атмосфере гимназии Стоюниной, надо отметить, что это была одна из самых демократичных школ столицы. Среди ее преподавателей стоит выделить историка и правоведа Михаила Александровича Дьяконова (1855–1919), поэта и литературоведа Василия Васильевича Гиппиуса (1890–1942) и в особенности знаменитого философа Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965), с которым Алиса Розенбаум общалась и позднее, во время учебы в университете. Одна из выпускниц школы, этнограф Нина Гаген-Торн, вспоминала: «Стоюнинцы гордились своей гимназией и своей свободой обращения. Детей не стесняли. Девочкам даже разрешалось одеваться мальчиками, что тогда было неслыханной вольностью. Учителя в гимназии были выдающиеся: профессора Петербургского университета и Политехнического института».

К сожалению, юная Алиса не воспользовалась возможностью насладиться одним из лучших гимназических образований того времени. Основными эмоциями, которые наиболее часто проявляются в школьных воспоминаниях Айн Рэнд, были… скука и презрение. Школа производила на нее тягостное впечатление, учителя и их способ преподавания навевали тоску, а одноклассницы и одноклассники вызывали раздражение и разочарование. К примеру, в школе заставляли читать русскую классику, которую Алиса считала «чистейшей официозной скукотищей». Единственным утешением для нее была возможность высказывать свои взгляды во время уроков, что она делала с отчаянной храбростью конкистадора, идущего в бой с туземцами.

Увы, умение тактично и дипломатично выражать свое мнение никогда не было присуще Айн Рэнд — ни в детстве, ни в последующие времена. По ее воспоминаниям, она была, с одной стороны, исключительно застенчивой, а с другой — резкой, бескомпромиссной и, пожалуй, даже агрессивной, особенно во время споров{45}. Добавим, что мнение других людей, отличное от ее собственного, априори воспринималось ею как ошибочное, и потому слушать его она, как правило, попросту не желала. Ей было важно, чтобы слушали *ее*.

Какие предметы вынуждена была изучать Алиса? Подчеркиваем — вынуждена, так как едва ли какая-либо из школьных дисциплин доставляла ей радость и удовольствие. По мнению Энн Хеллер, в число предметов, изучавшихся школьницей Алисой, входили французский и немецкий языки, математика, естествоведение, история, русский язык и литература, рисование и живопись, а также, по-видимому,

музыка, медицина, юриспруденция, гимнастика и рукоделие. По правилам российской гимназии еврейские ученицы, включая Алису, должны были присутствовать на занятиях по Закону Божьему, преподававшемуся православным священником. Вряд ли эти занятия могли производить благоприятное впечатление на Алису Розенбаум, которая в то время продолжала номинально принадлежать к иудейской религиозной традиции. Пожалуй, даже уроки, посвященные Ветхому Завету, вряд ли могли особо ей нравиться. Тем более удивительно, что в иммиграции, много лет спустя, Айн Рэнд могла исправлять ошибки, совершаемые ее друзьями при произнесении православных молитв.

Приведем пару примеров того, как Алиса относилась к творческим школьным заданиям, при выполнении которых можно было продемонстрировать свой литературный талант и особую, отличную от всех, точку зрения. Однажды ее класс отправился в зоологический музей. По мнению юной Алисы, это было пыльное хранилище чучел зверей, пресмыкающихся и птиц. Учитель попросил класс выбрать какое-нибудь животное и написать о нем рассказ. Алиса остановила свой выбор на аисте и сочинила историю о девушке, жившей в доме, на крыше которого гнездился аист. Рассказ вышел, строго говоря, о девушке, а не об аисте, который просто упоминался. Однако на учителя (вероятно, В. В. Гиппиуса) он произвел впечатление, и Алиса получила высокую оценку. Позже тот признался Алисе, что дал такое простое задание, поскольку полагал, что девочки слишком юны, чтобы писать о людях. Для Алисы, как мы видим, это не было проблемой.

В другой раз девочек попросили написать сочинение о том, почему быть ребенком — счастье. Алиса, в корне несогласная с этим утверждением, сочинила резкое эссе, в котором яростно атаковала детство. В качестве эпиграфа она поставила взятые из энциклопедии цитаты из Декарта и Паскаля, чтобы подчеркнуть, что дети не могут мыслить столь же ясно, как взрослые. Так какая же польза от детства, вопрошала она, если оно — лишь ожидание взросления, наполненное скучными играми и чтением глупых книг? С одной стороны, нельзя не восхититься критическим умом Алисы, столь резко оценивающим собственное — всё еще детское — состояние. С другой — нельзя не пожалеть этого слишком рационально мыслящего ребенка, эдакого маленького старичка, неспособного радоваться тому прекрасному, что есть в детстве, — дружбе со сверстниками, спортивным играм, походам в цирк и зоопарк, вылазкам на природу и многому другому, что расцвечивает золотую и невинную пору…

Алиса, ни с кем не дружившая, всё же пыталась найти

собеседников. Однако одноклассницы неизменно разочаровывали ее. К примеру, в школе училась девочка, за которой Алисе было интересно наблюдать. Уверенная в себе, независимая и умная, та прекрасно училась и дружила с другими ученицами. Алиса заинтересовалась, как ей это удается, и, подойдя, спросила: «Что для тебя самое важное в жизни?» Ответ «Моя мама» настолько разочаровал Алису, что идея подружиться с одноклассницей была оставлена.

Позднее Айн Рэнд будет рассказывать Барбаре Брэйден, что ее единственной подругой в школе была Ольга Набокова (1903–1978), сестра уже упоминавшегося нами В. В. Набокова. Поначалу предположение, что Алиса Розенбаум общалась с сестрой будущего великого писателя, вызывало сомнения; однако в последнее время, в основном благодаря свидетельству Елены Набоковой-Сикорской (1906–2000), кстати, учившейся в той же гимназии, этот факт стал общепризнанным.

Ольга поступила в гимназию Стоюниной в 1915 году, однако, похоже, девочки подружились только в третьем классе, во время бурных событий 1917 года. По словам Е. В. Набоковой, Алиса была частой гостьей в их доме. Учитывая общий демократический настрой отца семейства, юриста Владимира Дмитриевича Набокова (1869–1922), одного из виднейших деятелей кадетской партии, вряд ли визиты девочки из еврейской семьи были чем-то неожиданным и из ряда вон выходящим. Набоковы жили в массивном розово-гранитном особняке флорентийского стиля на Морской улице (ныне — Большая Морская, дом 47), неподалеку от Адмиралтейства, Зимнего дворца и Исаакиевского собора. Можно предположить, что, посещая его, юная Алиса могла видеть и будущего автора «Лолиты», который был старше ее на шесть лет. Впрочем, вряд ли тот обратил на юную посетительницу особое внимание.

Конечно, для самой Алисы и ее семьи (если еще кто-то из ее членов имел возможность посетить дом на Морской) жизнь Набоковых должна была казаться удивительной. В доме служили лакеи, кучера, шоферы, консьержки, повара, горничные, гувернантки и т. п.; его посещали выдающиеся деятели российской политики, культуры и искусства, о которых Алиса могла разве что прочесть в газете. Не вызывает сомнений, что образ описанного в романе «Мы живые» «величественного гранитного особняка», принадлежавшего семье Аргуновых, был навеян именно посещением дома Набоковых. В раннем варианте романа Кира спрашивает милиционера, как пройти на Морскую улицу (потом Айн Рэнд поменяла Морскую улицу на Мойку).

В компании Ольги одинокая Алиса, вероятно, чувствовала

себя в своей тарелке. Они «бесконечно беседовали» о политических идеях и событиях. Ольга повторяла идеи своего отца, что Россия не готова к чистой демократии. По ее мнению, наилучшим строем для России была бы конституционная монархия английского образца. Алиса же стояла на республиканских позициях и поддерживала идею государства, главой которого человек становился бы за заслуги, а не благодаря принадлежности к династии. Страстные споры на эту тему не только не охлаждали дружбу девочек, но, напротив, усиливали ее. Закончилась эта дружба после отъезда Набоковых в Крым осенью 1917 года. Несмотря на то что туда же вскоре попала и семья Розенбаум, пути Ольги и Алисы больше не пересекались.

Во время учебы в гимназии взрослые запрещали Алисе читать газеты со статьями на политические темы. Однако однажды мать предложила ей прочесть статью педагога, в которой утверждалось, что единственным местом, где дети могут выработать жизненные и нравственные идеалы, является школа. Алиса была с этим решительно не согласна, считая, что у нее *уже* сформировалась целостная картина мира, которая не имеет ни малейшего отношения к школе. Она поставила себе задачу на будущее: опровергнуть изложенную в статье точку зрения.

Основной отдушиной от гимназической скуки для Алисы было творчество, причем занималась она им, чтобы не тратить время зря, прямо во время уроков: прикрывшись учебником, начинающая писательница кропала свои приключенческие истории. К 1916 году, когда ей исполнилось 11 лет, она уже написала четыре произведения, в каждом из которых главным персонажем была девочка ее возраста. Ее первые героини были высокими, стройными, голубоглазыми блондинками. Одну из них звали Гром. В другом ее раннем романе юная англичанка, которую не брали в армию из-за ее пола и возраста, убеждает военное начальство взять ее на службу. В результате она спасает страну, установив пулемет на берегу моря и единолично разгромив немецкую армию{46}. Придумывание историй давалось ей с потрясающей легкостью — это был не труд, а сладостная игра. В Америке Айн Рэнд вспоминала об этих золотых днях с ноткой сожаления:

> «Легкость, с которой я писала, по сей день остается для меня ушедшей Атлантидой, утраченным райским садом»{47}.

Позднее, когда Айн Рэнд начнет писать на английском языке, каждое предложение будет рождаться в муках творчества; к примеру, речь героя романа «Атлант расправил плечи» Джона

Голта она будет писать целых два года. Пока же, сочиняя на родном русском, она не будет испытывать никаких проблем. Придумывание нового мира, столь отличающегося от серых будней, и героических образов, совсем не похожих на окружающих ее обывателей, было для Алисы чистым и незамутненным интеллектуальным удовольствием. В те дни она начинает создавать в своей прозе мир «таким, каким он может и должен быть».

Интересно отметить, что уже тогда юная Алиса выработала свои антифеминистские взгляды. Это вовсе не значит, что она была против того, чтобы женщины делали карьеру, получали образование и работали. Однако идеалом будущей писательницы всегда был герой-мужчина, а значение женщины определялось «ее отношением к мужчине». Кстати, несмотря на ее либеральный подход к обществу и экономике, Айн Рэнд всегда была противником нетрадиционных сексуальных отношений, потому что они противоречили ее романтической концепции «героического человека» и разрушали разработанные ею архетипы героя-мужчины и восхищающейся им женщины.

Роковой семнадцатый

Вскоре в размеренный ход российской истории безжалостно вторглась суровая политическая реальность, страшные события которой полностью изменили жизнь семьи Розенбаум. С конца 1916 года страну сотрясали хлебные бунты. 21 февраля в Петрограде начался разгром булочных магазинов и лавок. С криками «Хлеба, хлеба!» толпа двигалась по улицам. 23 февраля антивоенные митинги начали стихийно переходить в массовые демонстрации, участники которых выкрикивали: «Долой царя!» 26-го числа крупная демонстрация прошла по Невскому проспекту, произошло несколько столкновений с полицией. Самый кровавый инцидент случился в непосредственной близости от дома Розенбаумов, на Знаменской площади: рота лейб-гвардии Волынского полка стала стрелять по демонстрантам, около сорока человек были убиты и столько же ранены. Однако уже на следующий день полк присоединился к восставшим рабочим.

Алиса вместе с сестрами наблюдала за событиями со своего балкона:

> «…первое, что мы увидели, была эта толпа, собирающаяся и заполняющая всю площадь. Я всё еще помню… целое море лиц и первые красные знамена… А затем, на второй день, там уже была вооруженная полиция или казаки, которые появились и стали приказывать людям убрать знамена. И толпа отказалась… На третий день на площади не было людей, однако на улицах начались бои. И я увидела, что на углу площади и на ответвляющейся от нее улице были цепи солдат, стреляющих в сторону улицы»{48}.

Двадцать седьмого февраля вооруженная толпа заняла резиденцию Государственной думы — Таврический дворец, а следующей ночью свежесформированный Временный комитет Государственной думы объявил о переходе власти в свои руки. 2 марта царь Николай II отрекся в пользу своего брата Михаила, однако тот отказался принять престол. Вскоре вся полнота власти в стране перешла к Временному правительству.

Революция, конечно, не прошла незамеченной для Алисы и ее семьи, тем более что за некоторыми событиями они могли наблюдать из собственных окон. Кроме того, управляющим делами Временного правительства стал не кто иной, как

Владимир Дмитриевич Набоков, отец школьной подруги Алисы. От Ольги Розенбаумы наверняка получали последние инсайдерские новости и слухи. Айн Рэнд вспоминала:

> «…все, любой политической ориентации, поддержали Февральскую революцию. И все были против царя. Что особенно восхищало меня, так это то, что всё это совпадало с моим собственным развитием; это был единственный момент, когда я шла в ногу с историей. Это было как фантастика, ставшая реальностью. Именно поэтому я была так заинтересована. Я знаю, что очень романтизировала события. Мне казалось, что это — борьба за свободу»[49].

Отметим, что и религиозные лидеры еврейской общины поддержали революционные события: 11 марта Марк Варшавский, председатель хозяйственного правления Хоральной синагоги, торжественно поздравил собравшихся в синагоге верующих с достигнутой свободой. Членов общины можно было понять: революционеры обещали уравнение в правах, которого в течение нескольких веков не давала царская власть. Тем не менее Зиновий Розенбаум смотрел на всё происходящее крайне пессимистично. Еще в феврале 1917 года он забрал из банка лежавшие там на депозите деньги и драгоценности жены, предполагая, что революционные преобразования добром не закончатся.

В это время Алиса находит себе нового кумира, пришедшего на смену Киру Полтону. Им становится (здесь, как и на протяжении всей ее жизни, сказалось ее увлечение либеральными ценностями) глава Временного правительства с июля 1917 года Александр Федорович Керенский (1881–1970). Надо сказать, в своем выборе Алиса была отнюдь не оригинальна. Пожалуй, ни о ком другом не говорили так много в короткий период между февралем и октябрем 1917 года, как о Керенском. Газеты высокопарно именовали его «спасителем Отечества», «добрым гением русской революции» и «первым народным главнокомандующим». Сам Керенский всячески поддерживал аскетический имидж народного избранника, облачаясь в военный френч. Вскоре он стал кумиром либеральных кругов. О нем слагали стихи, его портреты висели на каждой стене, а женщины забрасывали его цветами. Сергей Есенин в поэме «Анна Снегина» писал:

Свобода взметнулась неистово.

И в розово-смрадном огне Тогда над страной калифствовал Керенский на белом коне.

Нам остается несколько непонятным всеобщее дамское увлечение Керенским, поскольку особой мужской красотой или атлетической фигурой он не отличался. Впрочем, политическая харизма и аура власти могут преобразить в глазах восторженной толпы даже самого заурядного временщика. Позднее Айн Рэнд признавалась:

«Мое слепое увлечение Керенским оказало на меня сильное влияние в том смысле, что я решила, что никогда не смогу быть влюбленной в обыкновенного человека. Я сказала матери: “Я влюблена в Керенского”. Взрослые сказали, что это — увлечение, а не любовь, так что я перестала говорить с ними об этом. Я же пришла к выводу, что я действительно *влюблена,* что это не просто увлечение. А так как он был женат, я никогда не выйду замуж, потому что я смогу полюбить только героя… Позднее я оставила идею, что я никогда не выйду замуж; сохранилось лишь одно [убеждение], которое осталось и по сей день: я могу быть влюблена только лишь в героя».

Самое удивительное в этой истории, пожалуй, то, что много лет спустя, в Америке, писательница Айн Рэнд лично пообщается с Керенским. Около 1938 года она пошлет кумиру своей молодости свою антисоветскую книгу «Мы живые» со словами: «Из всех великих русских этого мира Ваше мнение наиболее ценно для меня»{50}. Тем не менее их встреча на вечеринке в Нью-Йорке в 1945 году произведет на Айн Рэнд ужасающее впечатление:

> «…к тому моменту у меня не осталось никаких иллюзий относительно него. И он был даже хуже, чем я ожидала. Он был настоящей посредственностью»{51}.

В 1917 году Розенбаумы провели последнее беззаботное лето в Териоки (сегодня — Зеленогорск), небольшом курорте на северном берегу Финского залива Балтийского моря, примерно в 50 километрах от Петрограда. Алиса тогда открыла для себя роман Вальтера Скотта «Айвенго». Этим прекрасным романтическим произведением тогда традиционно зачитывались практически все российские подростки из образованных семей. Но Алиса интерпретировала его содержание совсем не так, как ее сверстники. Во-первых, значимым персонажем, помимо главного героя — рыцаря, лишенного наследства, — для нее несколько неожиданно становится еврейка Ревекка, чей отец Исаак, по мнению Энн Хеллер, явно воспринимался Алисой как носитель зарождающихся капиталистических ценностей, которым было суждено в будущем стать двигателем экономического прогресса. Рыцарь Айвенго не мог не понравиться Алисе толерантным

отношением к евреям. А вот Робин Гуд, напротив, произвел на юную читательницу отталкивающее впечатление: в благородном разбойнике, грабившем богатых и отдававшем награбленное беднякам, она увидела предшественника большевистской политики экспроприации. Позднее, в романе «Атлант расправил плечи», писательница «расправится» с Робин Гудом, создав образ пирата XX века Рагнара Даннешильда — своеобразного антипода Шервудского стрелка. Даннешильд ненавидит и презирает Робин Гуда, так как тот захватывал «богатства, которыми никогда не владел, раздавал блага, которых не производил, став символом идеи, что нужда, а не достижение является источником прав» на частную собственность.

Увы, вскоре революционные жернова завертелись еще быстрее. В ночь на 25 октября 1917 года отряды рабочих Красной гвардии и матросов Балтийского флота, разоружив правительственные части, захватили вокзалы, телефонную станцию, почту и телеграф. Утром 25 октября Военно-революционный комитет опубликовал воззвание «К гражданам России!», в котором сообщил о переходе власти в руки Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Ночью 26 октября был взят штурмом Зимний дворец и арестовано Временное правительство. Российская империя окончательно прекратила существование. По улицам некогда самого прекрасного российского города теперь бродили банды вооруженных люмпенов, избивавшие и издевавшиеся над всеми, кто казался им похожим на «бывших», а в воздухе звучал клич «Грабь награбленное!».

Последствия вооруженного переворота не замедлили сказаться на жизни семьи Розенбаум. В один из дней, который Алиса запомнит на всю жизнь, она стояла у входа в аптеку, принадлежавшую ее отцу, и с недоумением наблюдала, как тот в спешке собирает немногочисленные личные вещи и уносит их в расположенную на третьем этаже квартиру. Когда он вернулся, в аптеку ворвались вооруженные солдаты, объявили о ее национализации «именем народа» и поставили на дверях красную сургучную печать. За мгновение до того, как мать втолкнула ее в квартиру, Алиса посмотрела на отца:

> «На его лице было выражение беспомощного, смертельного оскорбления и возмущения — но он совершенно ничего не мог поделать… Это было ужасное молчаливое зрелище жестокости и несправедливости. Я подумала: вот *это* один из [главных] принципов коммунизма»{52}.

По всей стране подобным образом национализировались (проще сказать, отбирались) магазины, предприятия, банки и вклады. Тетя Алисы (скорее всего, Елизавета Гузарчик), хранившая деньги в одном из банков, горько оплакивала утрату всего состояния. То, что Зиновий Захарович вскоре после Февральской революции предусмотрительно забрал деньги и драгоценности из банка, позволило его семье худо-бедно существовать и после тотальной национализации частной собственности новыми властями — «красногвардейской атаки на капитал». Айн Рэнд позднее скажет:

> «Даже в том возрасте я могла видеть, что не так с коммунизмом. Коммунизм значил — “жизнь для Государства”… Я видела невыразимое зло коммунизма в требовании пожертвовать лучшими людьми ради укрепления серого обывателя»[{53}].

Ее ответом на принципы коммунизма стало убеждение, что *ничто* не может быть важнее, нежели право личности на собственную жизнь, право более значимое, нежели все требования или претензии общества, группы лиц, государства или всего населения планеты.

На смену сценам экспроприаций вскоре пришли более страшные картины. 5 января 1918 года колонны рабочих, служащих и интеллигенции в составе мирной демонстрации двинулись к Таврическому дворцу. Уставшие от голода, разрухи и красного террора, они требовали передать власть демократически избранному Учредительному собранию. В ответ войска открыли стрельбу из пулеметов. В результате были убиты и ранены несколько десятков манифестантов. Эти события ужаснули даже тех, кто изначально поддерживал революцию. Пролетарский писатель Максим Горький возмущенно писал: «5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы». В тот же день была расстреляна и мирная манифестация в Москве. События этого страшного дня вошли в историю под названием Кровавая пятница.

Алиса не видела петроградский расстрел, хотя он произошел не так далеко от ее дома. Однако вскоре со своего излюбленного наблюдательного пункта — балкона на третьем этаже дома на Невском проспекте — она могла с ужасом взирать на похоронную процессию. В знак протеста против действий большевистской власти в день похорон жертв Кровавой пятницы были закрыты все магазины и школы Петрограда, люди заполнили центр города.

Открытые гробы медленно проплывали под балконом, и слишком рано повзрослевшая двенадцатилетняя девочка смотрела вниз на мертвенно-бледное лицо и черные волосы красивой молодой женщины, контрастировавшие с алой подушкой{54} (возможно, это была эсерка Е. С. Горбачевская).

Что делала будущая писательница в эти страшные дни? Как ни удивительно, гимназия продолжала работать, и Алиса посещала ее как минимум до конца 1917/18 учебного года. Однако ее единственная подруга Ольга Набокова к тому моменту уже уехала с семьей в Крым, и девочке было не с кем обсуждать последние политические события.

В 1918 году она начала читать романы Виктора Гюго (1802–1885) — по ее собственному признанию, единственного автора, повлиявшего на становление писательницы Айн Рэнд. Приохотила Алису к творчеству Гюго Анна Борисовна — по вечерам она читала его произведения в оригинале бабушке Алисы, Розалии Павловне. Алиса, лежавшая в кровати, с восхищением слушала — а потом и сама читала «Отверженных», «Человека, который смеется», «Собор Парижской Богоматери», «Девяносто третий год» и другие произведения классика.

Чтобы понять Айн Рэнд как писательницу, необходимо прочувствовать ее отношение к Виктору Гюго и его произведениям. На наш взгляд, обожая и превознося Гюго, она, пожалуй, несколько перегнула палку, в собственном творчестве следуя стилистике и сюжетным ходам своего любимого писателя. Айн Рэнд жила уже в совсем другое время, и ее стремление описывать социальные проблемы и конфликты XX века языком и стилем, присущими французскому классику XIX столетия, было изначально обречено на непонимание со стороны профессионалов — слишком уж мелодраматичны и ходульны были некоторые ее персонажи и сюжетные линии. Тем не менее тот факт, что ее произведения, написанные в стиле, по ее собственному определению, «романтического реализма», были непопулярны у критиков и одновременно пользовались ошеломляющим успехом у читателей, показывает, что романтика и мелодраматизм в подражание Гюго были в моде.

Неоднозначное отношение Айн Рэнд к революционным событиям и героям, на наш взгляд, также во многом определено влиянием Виктора Гюго. Как мы помним, Алиса всецело поддержала Февральскую революцию, но была всей душой против Октябрьской. У Гюго тоже было амбивалентное отношение к революциям и их движущим силам. Классик в романе «Девяносто третий год» выделял два типа революционеров: беспощадного фанатика Симурдена и милосердного идеалиста Говена. Если

первого он, скорее, осуждал, то второго, пожалуй, одобрял. Нечто сходное мы можем найти и в произведениях Айн Рэнд: она с несомненной симпатией пишет об истинных романтических революционерах типа коменданта Кареева из повести «Красная пешка» и Андрея Таганова из «Мы живые» — и при этом резко осуждает беспощадных большевистских фанатиков, убийц и приспособленцев. Одним из любимых образов Гюго для нее навсегда остался молодой революционер Анжольрас из романа «Отверженные», так описываемый автором: «Это был очаровательный молодой человек, способный, однако, внушать страх. Он был прекрасен, как ангел, и походил на Антиноя, но только сурового». По мнению Энн Хеллер, именно Анжольрас — литературный персонаж, а не реальный человек — послужил прототипом для образа Андрея Таганова в романе «Мы живые». Добавим еще, что любовь Айн Рэнд к Гюго останется у нее на всю жизнь.

Однако в рамках гимназической программы Алису заставляли читать русскую классику, к которой она отнеслась с глубоким отвращением. По словам писательницы, в русской литературе не было ничего, что соответствовало бы ее вкусам:

> «В ней есть великие натуралисты, как Тургенев или Чехов, или романтики, как Пушкин, или некоторые другие, в основном поэты, которые всегда были байронически настроены и озлоблены. Я ненавидела истории трагической безнадежной любви, я исключительно презирала любовные романы»{55}.

Здесь опять проявляется либерально-презрительное отношение Айн Рэнд к своей стране и ее культурному наследию. Ей нравятся западноевропейские романтики Гюго, Ростан, Дюма и Скотт, но почему-то отвратительны отечественные романтические писатели — даже при том, что она сама говорит, будто те подражают Байрону. Айн Рэнд осуждает «истории трагической безнадежной любви», но обожает роман «Собор Парижской Богоматери», центральным мотивом которого является безнадежная любовь горбуна Квазимодо к красавице Эсмеральде. Во всём этом сказывается не объективное отношение к прочитанному, а изначально заданная установка, что всё хорошее — за рубежом, а всё плохое и бездарное — в отечестве.

В это время юная Алиса изобрела новый способ мышления, назвав его «размышление правилами» («thinking in principles»):

> «Я *сознательно* начала формулировать причины. Я стала задавать себе вопросы, *почему* я верю в мои

> идеи, — и стала интегрировать их. До этого у меня были резкие оценочные суждения, однако они были не очень взаимосвязаны».

Трансформация способа мышления привела к изменениям в писательской манере. Ранее, по ее собственным словам, к Алисе приходила мысль «было бы интересно, если ли бы…» — и вскоре рождалось целое законченное произведение. Теперь же, когда она стала выражать свои идеи в *абстрактных* понятиях, ей стало гораздо сложнее; в известной степени с ней случился творческий кризис. У нее появлялась сначала абстрактная идея, потом персонажи, однако… решительно не удавалось придумать сюжет и кульминацию. Кроме того, после Октябрьской революции темы ее произведений стали крайне политизированы. Все они так или иначе были связаны с героическими индивидуумами, сражающимися с царем, королем или коммунистами. Айн Рэнд вспоминала:

> «Все они (события, описываемые в ее произведениях. — *Л. Н., М. К.)* обыкновенно происходили за границей, я никогда не хотела писать рассказы о том, что происходит в России. Россия была слишком плоской, слишком банальной… глупой, отсталой, иррациональной и сентиментальной. А вот за границей или в исторических драмах — там была цивилизация, там были интеллектуальные, рациональные люди»{56}.

Решив мыслить рационально, она окончательно разочаровалась в «мистической и иррациональной» России и искала идеальное государство на Западе, в лице Великобритании (в то время она еще не была знакома с устройством Соединенных Штатов Америки).

Как же эти слова и мысли юной писательницы напоминают высказывания современных российских либералов: абсолютно то же неприятие и даже отвращение к собственной стране и поиски политических идеалов на Западе! И вышеприведенное, и другие, похожие, высказывания Айн Рэнд постоянно цитируют как ее противники, так и почитатели[21]. Тем не менее писательница явно сгущала краски, работая на аудиторию. В конце концов, при всех недостатках государственного антисемитизма, ее семье не так уж плохо жилось до начала революционных потрясений: отличная квартира, прибыльный бизнес, слуги, прекрасное образование, светские рауты, поездки на отдых… Недаром до конца жизни Айн Рэнд будет любить русскую кухню и

классическую музыку, читать некоторые произведения русской литературы и помнить о светлых минутах своего российского детства.

Кроме того, надо помнить, что все подобные высказывания Айн Рэнд относятся к послевоенному периоду, когда писательница уже изрядно подзабыла свое безмятежное дореволюционное детство и, напротив, должна была показать себя американской аудитории извечным противником русского иррационализма и сентиментальности. Не стоит забывать также, что одной из причин неприязненного отношения Айн Рэнд к родине было ее еврейское происхождение, о котором ей достаточно часто напоминали антисемиты как царского, так и большевистского времени. Увы, Алиса Розенбаум всегда понимала, что она чужая в своей стране, в то время как в Америке она, несмотря на сильный русский акцент и статус иммигрантки, чувствовала себя как дома. Так что можно понять причины отсутствия у нее теплых чувств к родине: ей, изначально чужой, не принадлежащей к «титульной» нации, к тому же довелось жить в России и СССР в наихудший период, когда даже самому патриотически настроенному человеку было сложно не озлобиться и не разочароваться.

Глава вторая
ЕВПАТОРИЯ

Бегство на юг

Зимой 1917/18 года Петроград выглядел, как в страшном сне. Вот каким его увидел писатель Исаак Бабель (1894–1940), в то время — переводчик иностранного отдела ЧК: «Базальтовая, остывшая Венеция стояла недвижимо. Я вошел в Гороховую, как в обледенелое поле, заставленное скалами… Невский Млечным Путем тек вдаль. Трупы лошадей отмечали его, как верстовые столбы. Поднятыми ногами лошади поддерживали небо, упавшее низко. Раскрытые животы их были чисты и блестели… Два китайца в котелках, с буханками хлеба под мышками стояли на углу Садовой. Зябким ногтем они отмечали дольки на хлебе и показывали их подходившим проституткам. Женщины безмолвным парадом проходили мимо них»{57}.

А вот выдержки из дневника знаменитого еврейского историка Семена Дубнова (1860–1941): «Растоптано всё духовное в человеке. Люди, кроме красных, не ходят, а пресмыкаются, измученные голодом, холодом, приниженные насилием… Сейчас пришли и сказали, что наш дом может быть превращен в казарму для красной армии, и тогда жильцы в несколько дней будут выселены. Это теперь проводится с особою жестокостью… Город наводнен мобилизованными, для которых старые казармы неудобны: холодные, перемонтированные, грязные. И вот гонят обывателей на улицу… Ходишь по улице, стоит стон, проклятия носятся в воздухе, особенно теперь, когда вместо пайка хлеба выдают лошадиный овес… Ходишь по засыпанным снегом мертвым улицам, с закрытыми магазинами без товаров, видишь изможденные лица. В вагонах трамвая нет возможности проезжать из-за мобилизованных красноармейцев, наполняющих все вагоны… На этой неделе, благодаря почтовой посылке и ожидаемому академическому пайку, мы впервые ели хлеба вдоволь, без опасения остаться на следующий день без еды. Заношу в дневник это событие, после с лишком двухлетнего недоедания. Сколько лет еще уйдет, пока нам станут вновь доступны молоко, масло, мясо, сахар, ванна, частая смена белья, новая одежда вместо нынешних лохмотьев, обувь, новые книги, свободные газеты, свобода собраний, свобода слова, неприкосновенность личности, возможность сообщаться со всем миром и тому подобные блага, отнятые у нас и ныне недосягаемые?..»{58}

К концу августа 1918 года Розенбаумы почувствовали, что больше не могут и не хотят оставаться в некогда прекрасном и удобном для жизни, а ныне таком страшном городе. Угроза

«уплотнения», когда пришлось бы жить под одной крышей с совершенно чужими и враждебными к ним людьми, скудное питание, опасение обысков и новых реквизиций — всё это повлияло на решение покинуть Петроград. Всё еще ожидая, что большевистский режим вскоре рухнет, они думали, что уедут не более чем на шесть месяцев. На деле же они отсутствовали три долгих года.

По мнению Барбары Брэнден, решение об отъезде на юг было принято Анной Борисовной; она же продумала маршрут следования{59}. Из Петрограда они бежали осенью 1918-го; более точная дата нам неизвестна, но, учитывая, что, по описанию самой Айн Рэнд, во время поездки было очень холодно и почва промерзла, вероятнее всего, это произошло в ноябре — декабре — ранее этого времени на юге Украины заморозков не бывает. Любое путешествие в те неспокойные времена было рискованным, в особенности по той причине, что семье Розенбаум приходилось пробираться через территории, захваченные самыми разными вооруженными формированиями, обыкновенно не признававшими друг друга. Приблизительно в это же время похожими маршрутами из Москвы и Петрограда на юг переехали сотни тысяч других людей, не желавших оставаться в большевистской России.

По воспоминаниям Айн Рэнд, где-то на территории современной Украины (по-видимому, недалеко от Одессы) на второй день путешествия их поезд внезапно остановился: железнодорожные пути были взорваны — белыми, красными или бандитами, точно никто не знал. Какую-то часть пути (вероятнее всего, до ближайшего населенного пункта) пришлось проделать пешком{60}. Некоторые пассажиры решили остановиться в соседней деревне; другие, в том числе и семья Розенбаум, предпочли для продолжения путешествия нанять запряженные лошадьми повозки. Алиса забросила свой чемодан на телегу и села за спиной кучера на солому, тонким слоем устилавшую дно. Караван двигался через степь, колеса катились по мерзлой почве. Стемнело. Внезапно возле повозки, в которой ехала Алиса, прогремел выстрел и грубый голос прокричал: «Стоять!» Появившись из темноты, группа вооруженных людей в оборванной солдатской форме приказала всем сойти с повозок. Главарь банды предупредил, что те, кто попытается скрыть имущество, будут убиты на месте. Испуганные пассажиры стали отдавать деньги, а бандиты начали обыскивать телеги.

В этот напряженный момент Зиновия Захаровича не подвела его природная смекалка. Спрятав несколько тысяч рублей в соломе, он отдал одному из бандитов кошелек с восемью

рублями. Какая-то женщина стала кричать, что их сейчас всех убьют, рыдала и крестилась. Что чувствовала юная Алиса, стоя спиной к бандитским ружьям, дрожа всем телом, одетая в грубый свитер и черную юбку, вглядываясь в беспредельную украинскую ночь? По ее собственным словам, она хотела встретить свою смерть так же смело, как и Анжольрас. Окруженная бандитами, она думала:

> «Если они начнут стрелять, я хочу умереть так же, как это сделал он… вот о чем я хочу думать в последние мгновения — а не о России и не об ужасах».

Через несколько минут, показавшихся несчастным пассажирам вечностью, налетчики разрешили им продолжить путешествие. Рано утром перед ними замаячили очертания Одессы. Кто были эти бандиты, осталось неизвестным{61}.

В Одессе они пробыли недолго — не более двух месяцев. По-видимому, город не произвел на будущую писательницу особого впечатления: в своих достаточно подробных воспоминаниях Айн Рэнд не говорит о нем практически ничего. Чем же Розенбаумов привлекла именно Одесса? По сведениям, полученным Джоном Хосперсом от самой Айн Рэнд, там жил ее дядя — скорее всего, по линии отца{62}. По мнению Энн Хеллер, в Одессе в сфере медицины работали родственники Зиновия Захаровича и он рассчитывал там устроиться на службу. Однако что-то не срослось. В Одессе в это время царила полная неразбериха. Антанта, гетман, Директория, Добровольческая армия Деникина — все эти силы противоборствовали друг другу, да и войска красных были в опасной близости. Эта неспокойная обстановка или отсутствие постоянной работы у Зиновия Захаровича вынудили семью принять решение о продолжении бегства. После крушения надежд на благополучное обустройство в Одессе Розенбаумы покинули ее, сменив сумбурный, многолюдный, тревожный город на небольшой курортный крымский городок.

В Крыму семья оказалась в начале 1919 года: в школьной ведомости, полученной Алисой в Евпатории, указывается, что она поступила на учебу в январе{63}.

Город солнца

Трудно даже предположить, какой была конечная цель и тем более маршрут передвижения семьи из Одессы в конце 1918-го — начале 1919 года, чтобы по какому-то случайному поводу она оказалась в Евпатории, в силу географического положения находившейся далеко от революционных событий. Привлекательность Евпатории для бежавших от большевистского террора была обусловлена прежде всего ее относительной политической и экономической стабильностью. В городе стояли 1-я и 6-я Прибрежные батареи, 5-я и 6-я сотни 2-го Волжского полка терских казачьих войск, 2-я пешая пограничная крымская сотня{64}. Кроме того, в это время в Евпатории находились германские войска, численность которых городской управе не была известна.

К середине 1918 года население города насчитывало без малого 32 тысячи человек плюс семь тысяч приезжих. 40 процентов горожан составляли русские, по три с небольшим процента — армяне, греки и евреи; кроме того, здесь проживали почти десять тысяч татар, а также около двух тысяч караимов — тюркоязычных последователей неталмудического иудаизма — и свыше шестисот поляков{65}.

В связи с общим ослаблением государственной власти положение евреев в Крыму значительно ухудшилось, возросли неконтролируемый антисемитизм и погромные настроения. С 1917 по 1920 год тамошняя еврейская община пережила самый тяжелый период голода и страданий. И всё же, несмотря на все тяготы, во время Гражданской войны еврейское население Крыма практически удвоилось и достигло, по некоторым данным, рекордной цифры в 100–150 тысяч человек. Причина была проста: несмотря на разруху и волнения, Крым оставался последним островком белогвардейской России{66}.

К моменту переселения в Крым семьи Розенбаум управление полуостровом осуществляло правительство, возглавляемое председателем Таврического земского собрания караимом Соломоном Самойловичем Крымом. «На кабинет С. С. Крыма возлагались большие надежды. Как же — демократы, наследники славного Февраля!» — пишут крымские историки А. Г. и В. Г. Зарубины. «Петербургскими “орлами”» крымского правительства называли кадетов В. Д. Набокова и М. М. Винавера. Один из представителей земств и городов юга России с трибуны съезда, организованного этой властью, восторженно обобщал: «Здесь, в Крыму, посреди пылающего вокруг пожара гражданской войны,

словно на каком-то счастливом острове, “Утопии”, создан свободный строй силами демократии, гарантирующий права всех граждан»{67}.

К 1920 году Крым напоминал цыганский табор. «Здесь, — утверждают А. Г. и В. Г. Зарубины, — буржуа, служащие, интеллигенция, люмпены и всякого рода темные личности со всей России… Здесь собрались известные русские писатели и поэты: А. Т. Аверченко, В. В. Вересаев, О. Э. Мандельштам, С. Н. Сергеев-Ценский, К. А. Тренев, И. С. Шмелев, И. Г. Эренбург. Здесь русские журналисты, актеры и киноактеры. Здесь очень много духовных лиц. Здесь всевозможные тыловые части. Здесь, наконец, масса дезертиров, а также раненых и выздоравливающих»{68}. Большое количество раненых воинов Второй Отечественной, как сразу назвали Первую мировую войну, попали на излечение в Евпаторию. Для них специально открыли Приморскую санаторию; функционировали также офицерские лазареты Красного Креста, Сакско-Евпаторийская военно-санитарная станция.

Почему, оставив Одессу, Розенбаумы поселились в Евпатории? Видели ли они Крым «счастливым островом»? Внушали ли уверенность в спасении политические вожди Крыма? Может, существовала какая-то личная связь между семьей Розенбаум и «петербургскими орлами»? (Как мы помним, Ольга Набокова была близкой подругой Алисы.) Или, может, у семьи существовали какие-то старые связи с крымчанами со времен, когда они проводили на полуострове лето? Возможно, в провинциальной Евпатории обитали родственники Айн Рэнд по материнской линии. Достоверно известно, что в городе проживали несколько семей с распространенной фамилией Каплан, которую в девичестве носила Анна Борисовна (они зафиксированы в списках избирателей Евпатории 1918–1919 годов{69}).

До закрытия большевиками всех культовых зданий разных конфессий в Евпатории функционировали две синагоги: главная — купеческая (или торговая) — и ремесленная Егия Капай, построенная и освященная 19 августа 1912 года; обе функционировали на момент проживания в городе семьи Розенбаум. В списках прихожан Егия Капай за 1912 и 1913 годы обнаружены прихожане Капланы{70}, но в главной синагоге верующих с такой фамилией не было. Должно быть, евпаторийские Капланы были люди небогатые. Конкретный род их занятий сегодня назвать невозможно. Но, к примеру, адрес-календарь-справочник В. Г. Пьянкова «Вся Евпатория» за 1913 год указывает, что в доме Мангуби по улице Лазаревской находилась

электротехническая контора Ф. В. Каплана. Фалик Вульфович Каплан фигурирует в списке прихожан Егия Капай. Возможно, именно он был избран членом правления потребительского общества, о создании которого известила в мае 1916 года газета «Крымский вестник»[71].

Документы евпаторийских гимназий свидетельствуют о тяге к знаниям отпрысков Капланов. В 1915 году Хацкель Каплан окончил седьмой класс с наградой 1-й степени[72]. Двося (Двойра) Каплан, которую «по бедности» освобождали от платы за обучение, в 1918 году также с наградой окончила семь классов женской гимназии, в сентябре по решению педагогического совета была принята в дополнительный, восьмой класс и, очевидно, в тяжелом 1919 году завершила образование[73]. В 1917 году здесь же окончила восьмой класс и получила звание классной наставницы по русскому языку и литературе Мария Каплан[74]. В списках избирателей Евпатории 1918–1919 годов упомянута Хана Каплан, 38 лет. В основном в названных списках представительницы женского пола, что естественно, если брать во внимание исторический момент. Есть среди них женщины с отчеством Яковлевна, Израилевна, Берковна. Местами их проживания значатся в основном съемные квартиры, и только в одном случае указан собственный дом на Катлык-базаре, в старом районе Евпатории, где до сегодняшнего дня неплохо сохранилась древняя часть города.

Поскольку именно наличие родственников первоначально привлекло внимание беглецов из Питера к Одессе, вполне возможно, что кто-то из евпаторийских Капланов был родственником Анны Борисовны Розенбаум, подтолкнувшим семью к переезду в Евпаторию. Иначе бы они отправились в более известную и привлекательную Ялту, губернский Симферополь или имперский, ощетинившийся военными кораблями Севастополь. Правда, Барбара Брэйден писала, что в детстве Алисы семья ежегодно ездила в Крым на отдых, проводя там по два месяца[75]. Нам, однако, данное предположение кажется ошибочным: ни сама Айн Рэнд, ни ее родственники ни разу не упоминали о прежних визитах в Крым.

Как выглядела Евпатория — уездный город Таврической губернии — ко времени приезда Розенбаумов? Она только к первому десятилетию XX века стала превращаться в модный курорт, притягательное место для вложения капиталов в недвижимость. Город, возникший после разрухи Крымской войны с американской (так утверждали в Крыму) быстротой, интенсивно развивался. Он уже имел канализацию и водопровод, снабжавший людей водой из артезианских колодцев, что в значительной мере

удовлетворяло бытовые запросы избалованных цивилизацией столичных жителей, приезжавших на отдых. Электрическая станция обеспечивала курорт, лечебные учреждения и климатическую станцию освещением; электрический трамвай был прекрасным средством передвижения по городу, а суда Русского общества пароходства и торговли ходили вдоль побережья. Бесперебойно функционировала почтовая и телеграфная сеть.

Евпатория быстро застраивалась частными и общественными зданиями в модном в то время стиле «модерн». В 1910 году торжественно открыли городской театр, а в 1911-м началось строительство здания городской библиотеки. Уже имелись уличное освещение электрическими фонарями и телефонная связь. Городская управа в 1912 году выписала из-за границы подметальную машину для уборки центра города.

Евпатория успешно развивалась в том числе и как курорт с бальнео- и грязелечебницами. Росло количество приезжающих, а вместе с ним и слава города как одного из лучших курортов страны. За четыре года число горожан увеличилось на пять тысяч человек, составляя в 1912 году 30 тысяч жителей. В 1915 году Евпатория даже получила статус государственного курорта.

Что еще могло привлечь в Евпаторию Розенбаумов и запомниться им? В древности люди безоглядно верили, что у каждого места есть свой дух-хранитель, свое божество. Поэт, писатель и драматург Илья Сельвинский (1899–1968), чьи детство и юность прошли в Евпатории, в своих беллетризованных воспоминаниях «О, юность моя!» называет покровителем Евпатории Шамаша{76} — бога солнца у вавилонян и ассирийцев. Знал ли писатель, что в городе проживало несколько караимских семейств, носивших фамилию Шамаш? Скорее всего, ему это было известно. Согласно Сельвинскому, город этого божества «был чувственным». Такое эмоциональное самоощущение давало обилие в Евпатории солнца, моря, дюн золотого песка, дельфинов, рыбы. Чувственностью были переполнены восточный базар и пляж с томными женщинами. Таким представал этот город солнца в художественном восприятии Сельвинского.

Главным в открытом, архитектурно организованном пространстве Евпатории было море. «Море, — писал Сельвинский, — самое основное, ежеминутное, непреходящее событие города. Если говорить о градостроительстве, то море — главная площадь Евпатории, как Плас де ля Конкорд в Париже или Трафальгарская в Лондоне. Огромная, как бы асфальтированная голубо-сизо-синим блеском, начиналась она небольшим сравнительно собором, но завершалась на горизонте колоссальным зданием Чатыр-Дага, который вписывался в

Евпаторию, как небоскреб “Эмпайр” в Нью-Йорке»[77]. Действительно, в хорошую погоду с городской набережной можно увидеть шатрообразный силуэт горы Чатырдаг. Первые звуки морского прибоя заменяли евпаторийцам будильник. Море кормило всех: рыбаков, хозяев маленьких шхун, боцманов, матросов, владельцев гостиниц, меблирашек, водолечебниц, санаториев, врачей, медсестер, санитаров, швейцаров, комиссионеров.

Согласно Сельвинскому, у Евпатории было два лица: весенне-летнее, курортное, и осенне-зимнее лицо города гимназистов и рыбаков. По приезде из Одессы Розенбаумы, безусловно, столкнулись с осенне-зимним обликом города.

В центре города возвышался построенный при активном содействии караимского благотворителя С. Э. Дувана монументальный театр, один из лучших на юге России. Далеко не все русские города того времени могли похвастаться столь масштабным храмом искусства. В Евпатории также имелись общественная библиотека-читальня имени императора Александра II, Пушкинская аудитория, мужская и женская казенные гимназии, частная женская гимназия, высшее начальное училище, 23 прочих учебных заведения, а также единственное в своем роде Александровское караимское духовное училище. Православный собор в византийском стиле и ханская мечеть, напоминающая мечеть Айя-София в Константинополе, — визитные карточки города. Так рекламировали Евпаторию дореволюционные путеводители[78].

Звездный час города, обласканного Шамашем, — 1912–1913 годы. Евпатория десятых годов привлекала талантливых людей. В июле 1912-го молодые писатель Алексей Толстой, актер и режиссер Юрий Ракитин, танцовщица-босоножка Инна Быстренина и поэт Максимилиан Волошин совершали творческое турне по городам Крыма с «вечерами гармонии, слова и жеста» (так значится в афише с анонсом концерта 14 июля 1912 года). Евпатория не могла не войти в их маршрут. (Такие публичные поэтические вечера были модны и позже, в революционное время. С Евпаторией связано имя яркого, но ныне забытого авангардного поэта Тихона Чурилина, которым восхищались Маяковский и Хлебников. Чурилин и его товарищи из творческого содружества футуристов «Молодые Окраинные Моз-гопашцы» (среди которых был Лев Евгеньевич Аренс — тот самый, который со своей женой-евпаторийкой Сарой Иосифовной, в девичестве Савускан, скрашивал на даче в Комарове последние годы Анны Андреевны Ахматовой), организовали в 1920 году в городе публичные вечера поэзии[79].)

Летом 1915 года в евпаторийском театре пел Леонид Собинов, играл скрипач-виртуоз Михаил Эрденко. Осенью 1916-го евпаторийцы благосклонно принимали драматическую труппу Льва Сабинина с хором, танцорами и еврейским репертуаром. Городской театр жил активной жизнью и в 1917 году. На Пасху состоялись выступления трупп из Москвы, в июне — из Петрограда. Согласно газетной информации, евпаторийские театралы могли посмотреть пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» и Алексея Толстого «Касатка» в исполнении петербуржца Всеволода Всеволодского и актеров его труппы.

Именно тогда сценические деятели Евпатории объединились в товарищество «Народный театр», задачей которого провозгласили движение навстречу культурным запросам трудящихся. В течение всего лета 1917 года товарищество планировало давать представления на русском, «малорусском» и «еврейском» (идише) языках. 4 июня 1917 года состоялась вечерняя лекция известного политического деятеля и врача Д. С. Пасманика «О сионизме». А на следующий день сцена театра была предоставлена уездному комитету помощи раненым и больным воинам для благотворительного спектакля{80}. Правда, сведений о том, ходила ли семья Розенбаум в евпаторийский театр, у нас нет; думается, вряд ли — иначе Айн Рэнд обязательно упомянула бы об этом в своих воспоминаниях.

Но было же что-то, что связывало Алису Розенбаум с городом? В нем функционировало несколько библиотек-читален: при Общественном собрании, при Обществе пособия бедным евреям на Купеческой улице, при Армянском благотворительном обществе. На время летнего сезона в городском сквере, в павильоне, открывалась городская читальня. Но центральным местом для серьезных встреч и выступлений являлся читальный зал публичной библиотеки имени Александра II. В этом главном собрании книг Евпатории решили использовать опыт московской городской библиотеки. В январе 1917 года в Первопрестольную командировали первую заведующую учреждением Н. Н. Ромодину для ознакомления с новой для Евпатории культурно-просветительской деятельностью московского городского самоуправления{81}. С каждым днем количество читателей библиотеки имени Александра II росло, заметно пополнился ее книжный фонд, поэтому сменившая Ромодину Е. Ю. Соторо добивалась через евпаторийскую городскую управу увеличения штата библиотеки; возникла даже необходимость соорудить новые книжные шкафы{82}.

Айн Рэнд вспоминала, что в евпаторийской гимназии, в которой она стала учиться, занятий по зарубежной литературе

попросту не было. А ей, как мы уже говорили, нравилась только зарубежная литература. Поэтому, чтобы продолжить знакомство с творчеством любимых авторов, она ходила в «маленькую городскую библиотеку», где брала книги французских писателей, например Эдмона Ростана и Виктора Гюго. Прочитав «Сирано де Бержерака», она «выплакала глаза», будет вспоминать писательница. Другим произведением, которое произвело на нее сильнейшее впечатление, оказался, несколько неожиданно, роман «Камо грядеши» («Quo vadis») нобелевского лауреата Генрика Сенкевича. Она читала и Жорж Санд, но та ей не понравилась: сентиментальная феминистка.

Можно предположить, что городская публичная библиотека имени Александра II, расположенная в пяти минутах ходьбы от дома Алисы и от гимназии, где она училась, казалась ей «маленькой». Несомненно, петербургской барышне, привыкшей к столичным пространственным объемам, она действительно могла казаться небольшой. Однако эта библиотека была единственным функционирующим очагом книжной культуры в период пребывания в Евпатории семьи Розенбаум. Конечно, Евпатория, несмотря на ярких людей, побывавших там, всё же не могла для Алисы Розенбаум соперничать с величием, масштабностью и богатством ее родного города.

Насколько полюбила она солнечное божество города, спросит пытливый читатель. На единственной сохранившейся фотографии евпаторийского периода Алиса выглядит вполне загорелой. Любила загорать и альтер эго писательницы Кира Аргунова из романа «Мы живые». А возлюбленного Киры Лео Коваленского солнце и воздух Крыма спасли от туберкулеза. Тем не менее едва ли солнечный Шамаш нашел отклик в душе Алисы: по неоднократным признаниям самой писательницы (в частности, Джону Хосперсу), она не очень любила природу и с безразличием относилась к пляжам{83}. А ведь именно залитые солнцем золотые пляжи Евпатории были магнитом, притягивавшим в город тысячи отдыхающих.

Но важнее, в том числе и для Алисы, было то, чем воодушевленно жил город непосредственно перед приездом Розенбаумов. После подписания Николаем II манифеста об отречении от престола и образования Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым, жесткой ломки старых устоев и отказа от «мрачного прошлого» развитие Евпатории обратилось вспять.

Политические события в Петрограде и во всей Российской империи развивались стремительно. Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта и обращение

новой власти к народу 6 марта вызвали необычайный подъем у разных групп населения. 6 марта в городском театре Евпатории состоялось экстренное собрание городской думы, превратившееся, по свидетельству местной газеты, в народное празднество{84}. Люди заполнили партер, ложи, балкон, галереи, стояли у стен в боковых проходах. Ораторы говорили об исключительности переживаемого момента, поздравляли евпаторийцев с обновлением русской жизни, призывали к единению с новым правительством. Трижды зал оглашался мощным «ура!»: в честь обновленной России, доблестной русской армии, Временного правительства.

На этом фоне восторженного восприятия событий в стране, эйфории свободы в марте в Евпатории разогнали полицию и жандармерию, что сразу же привело к росту преступности. Принятие присяги евпаторийского гарнизона Временному правительству было сорвано: сомнения в подлинности ее текста, высказанного одним-единственным человеком, членом Комитета общественной безопасности А. С. Зарубовым, оказалось достаточно, чтобы важная гражданская политическая процедура не состоялась — настолько нестабильным и зыбким было понимание людьми права и долга.

Однако подъем национального самосознания был очевиден для всех. Съезд караимской общины Евпатории отправил телеграмму с приветствием Временного правительства, «благовестника свободы, равенства и братства», а также сообщил, что «отдаст в его распоряжение все свои скромные силы». 5 марта во всех евпаторийских храмах читали «Послание пастве Таврической о спасении отечества» архиепископа Таврического и Симферопольского Дмитрия, призывавшее каждого верующего «хранить великое сокровище наше — Святую Веру — и посильно жить по ее заветам»{85}. Конечно, архиерейское послание, наставлявшее «преуспевать в премудрости и возрасте, и в любви у Бога и человеков», было тотчас доведено до сведения учащихся в гимназической церкви Кирилла и Мефодия. Педагогические советы евпаторийских гимназий рассматривали предложение попечителя Одесского учебного округа «восстановить нормальное течение школьной жизни», однако не усмотрели нарушений в ней. Смена власти в стране не вызвала в Евпатории особых потрясений.

По всей России создавались Комитеты общественной безопасности. Был он организован и в Евпатории. Он призывал горожан записываться в боевые дружины для защиты от всевозможных покушений на свободу. Активизация политической жизни была особенно заметной в многочисленных профсоюзных

объединениях: рабочих порта и рейда, служащих аптек, врачей, металлистов, работников земли и леса, в организациях с поэтичными названиями «Союз работников пера» или «Профессиональный союз работающих иглой» (последний для своих членов играл на сцене городского театра спектакль на идише)[86].

Неожиданно организовался строго внепартийный Евпаторийский еврейский клуб юношей, целью которого было объединить всю еврейскую молодежь и устроить для нее разумные развлечения: разные кружки, балы, вечера. В июне избирали уполномоченных местной караимской общины и старост кенасс (караимских молитвенных домов), которые потом обсудили вопросы религиозного характера на съезде представителей всех караимских общин[87].

Четырнадцатого июня в городе появилась известная деятельница революционного движения, народница, прозванная «бабушкой русской революции», — Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934), вызвав своим приездом всеобщее возбуждение. Никогда еще новый вокзал Евпатории не видел такого количества народа. На перрон прибыли делегации от социалистов-революционеров, Совета рабочих и солдатских депутатов, сионистов, украинской громады, татарского политического клуба, студенческой организации, представители городского и земского начальства. Союз строительных рабочих передал ей 275 рублей на издание литературы для народа, а старая татарка Аджи Фатьма, сообщила городская газета, подарила целый набор женского белья. Из Евпатории Брешко-Брешковская отбыла в Севастополь[88].

Курорт готовился к июльским выборам в Учредительное собрание. 16 июля прошли досрочные выборы гласных городской думы, на которых большинство получили эсеры. Городским головой Евпатории стал П. В. Иванов, бывший секретарь управы, но уже через полгода, 25 января 1918-го, он сложил с себя полномочия[89]. (Частая сменяемость городской власти — один из признаков нестабильности в обществе.)

До лета 1917 года большевики в политической жизни города значительной роли не играли. К примеру, Евпаторийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в ответ на распространившиеся слухи о приезде Ленина (в городе проживал его брат Дмитрий Ильич Ульянов) принял 27 апреля жесткую резолюцию: «Ленина в Евпаторию не пускать… Просить начальника гарнизона выделить караул для поездок в Саки, с целью проверок поездов, следующих на Евпаторию… в случае обнаружения указанного Ленина его арестовать и выслать за

пределы Крыма»[90]. После событий 25 октября в Петрограде политический градус в Евпатории существенно повысился.

Между тем керосин и сахар в городе продавались уже по талонам. Городские власти обсуждали, не воспретить ли немедленно выпечку на продажу сдобных булок и куличей. Член городской управы караим С. Д. Джигит оценивал финансовое положение города как критическое. Поэтому предлагалось получить у одесского Бессарабско-Таврического земельного банка заем в 1,5 миллиона рублей под залог здания театра, стоившего тогда три миллиона. Насколько плохо обстояли дела у муниципальных властей, показывает решение заседания управы в декабре 1918 года о продаже с публичных торгов трех лошадей из городского обоза[91]. Чтобы как-то выжить, в тяжелые дни 1918 года городская власть также пыталась получить ссуду под залог здания и земельного участка гимназии[92]. Сам же городской голова С. Э. Дуван в октябре выехал в Петроград для ходатайства об отпуске сахара, пшеницы, кожи, керосина и о других городских нуждах[93]. По Евпатории поползли панические слухи. Гробовых дел мастер И. Л. Аленьков через газету «Евпаторийские новости» отчаянно опровергал домыслы, будто в гробах его мастерской спрятан сахар, предназначенный для спекуляции[94].

А ведь была еще жива память о посещении Евпатории венценосным семейством в мае 1916 года. Императорскую фамилию принимали сердечно и просто. В меню завтрака были ботвинья, холодное консоме, фрикасе из цыплят, биточки с молодым картофелем и чай «из свежих вишен». А ученица 3-го отделения Донузлавского земского двухклассного училища Антонина Саранча поднесла императрице трогательный букет из полевых цветов. Городской голова произнес речь о безграничном счастье приветствовать императора от имени населения, какового удостаивался и его дед в 1825 году[95]. Но через десять месяцев, 21 марта 1917 года, тот же Семен Эзрович Дуван, выступая в городской думе по поводу Февральской революции, говорил о свободе, которую дала революция, называл самодержавный строй «отжившим свой век и сгнившим в самых основах своих». Так кардинально менялось настроение в городе.

Евпаторийцам были памятны и январские события 1918 года — революционные действия товарища председателя Евпаторийского военного революционного комитета Матвеева, делегированного для взыскания надбавочной платы сельскохозяйственным рабочим с правом применения самых крайних мер «к уклоняющимся от конфискации ценностей и движимого имущества, вплоть до ареста». Удостоверение Матвеева предписывало всем должностным лицам и гражданам

оказывать ему всяческое содействие{96}. Тогда у зажиточного населения Евпатории изымались ювелирные украшения, серебряные молочники, денежные чеки и т. п. К примеру, член Исполнительного комитета большевик Кебабчиянец в ходе этой кампании изъял папку, в дорогом серебряном окладе, с поздравительным адресом, приготовленным именитыми горожанами ко дню рождения директора гимназии А. К. Самко{97}. Дальнейшая судьба подарка неизвестна, хотя комиссия при Евпаторийском совете рабочих и крестьянских депутатов постановила его возвратить. После подобных акций, ставших преддверием будущих, освященных новой властью масштабных «экспроприаций экспроприаторов», симпатии горожан однозначно не были на стороне большевиков.

Тринадцатого января 1918 года был зверски убит председатель Евпаторийского совета рабочих и солдатских депутатов Давид Лейбович Караев. Немедленно появилась траурная листовка, а ревком Евпатории в связи со смертью лидера издал распоряжение… переименовать город в Караев, и ретивые революционеры в своих документах уже писали «Караевский военно-революционный комитет»{98}. Стачечный комитет Евпаторийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно отреагировал на трагические события, обратившись к горожанам с воззванием: «Сегодня евпаторийский пролетариат даст свой полный мощи и достоинства ответ врагам революции, посягнувшим на священнейшее ее завоевание — свободу и неприкасаемость личности» — и получил немедленную поддержку революционных моряков Севастополя.

Ранним утром 15 января к городу подошли гидрокрейсер «Румыния», транспорт «Трувор», буксиры «Геркулес» и «Даная». Под прикрытием артиллерии прибывшие заняли город без боя. В Евпатории была провозглашена советская власть, создан Военно-революционный комитет во главе с Н. М. Дёмышевым. Было арестовано, по разным источникам, от ста до трехсот человек. 15–17 января на «Труворе» и «Румынии» были убиты и утоплены офицеры, зажиточные граждане и «контрреволюционеры». Зловещую роль в «варфоломеевской ночи», как позже была названа историографами эта трагедия Гражданской войны в Крыму, сыграли евпаторийские большевики: Немичи, Николай Дёмышев, Василий Матвеев и др. Эти события имели большой общественный резонанс в России. Стало ясно, что непоколебимые моряки Черноморского флота были главной репрессивной силой большевизма в Крыму. В газете «Новая жизнь» (№ 51 (266) и № 59 (274) за 1918 год) на эти события отозвался «Несвоевременными

мыслями» Максим Горький, осудивший массовые убийства нескольких сотен грамотных людей в Севастополе и Евпатории[99], которые с долей иронии, по аналогии с событиями Великой французской революции, назвали «справедливостью в грубой форме»[100].

«Крыму история отвела мрачную роль — первому открыть ужаснейшую страницу Гражданской войны — красную страницу массового террора», — утверждают историки А. Г. и В. Г. Зарубины. — Самым страшным преступлением коммунистической власти стало возобновление… террора, от которого полуостров и так уже пережил немало. Возобновление войны с безоружными»[101].

Одним из заметных явлений Гражданской войны в Крыму было так называемое зеленое движение стихийных повстанческих групп. Наибольшую известность получил евпаторийский отряд «Красная каска», руководителем которого был И. Н. Петриченко (? —1919). Как многие большевики, во время срочной службы он стал членом РСДРП(б). После Февральской революции вернулся домой, вступил в Красную армию, возглавил в ней конную группу, а потом повстанческий отряд, скрывавшийся в каменоломнях под Евпаторией. Набеги, совершаемые отрядом Петриченко, наносили существенные потери белым войскам и прилегающим к каменоломням имениям. Объединенными силами, в том числе высадившимися с военных кораблей Антанты, отряд Петриченко был уничтожен.

Евреи Евпатории реагировали на революционные события по-разному. Кто-то, как Д. Л. Караев, возглавил революционное движение города, кто-то остался в стороне, а кто-то, как семья Розенбаум, был резко против новой власти. Интересно, что в то же время, когда Розенбаумы с презрением и ужасом наблюдали за революционными преобразованиями в Евпатории, неподалеку от нее жил и формировался как литератор Илья Сельвинский, сын Лейба Эль-Шаиновича Селевинского, прихожанина евпаторийской синагоги Егия Капай[102]. Сам поэт на склоне лет скажет о том времени: «И вот, лишенные науки и искусства, отрезанные от военной, морской, железнодорожной и других профессий, еврейские юноши, не желавшие корпеть над заплатами и нюхать аптекарские капли, увидели романтику… Октябрь сдул с России все рогатки, барьеры… Россия ста народов хлынула в революцию»[103].

Еще один приезжий еврей, оказавшийся в Крыму в июне 1919 года, — Яков Александрович Тугендхольд (1882–1928). Художественный критик, искусствовед европейского масштаба, «выученик европейской культуры, энтузиаст станковой

живописи», «западник и эстет» (по определению искусствоведа Давида Аркина), был направлен отделом по делам музеев и охране памятников Народного комиссариата просвещения РСФСР{104} для обследования местных музеев. Но с обследованием музеев Крыма по заданию большевиков пришлось повременить: Крымская ССР (апрель — июнь 1919 года) сменилась властью Вооруженных сил Юга России, которая продержалась до ноября 1920-го. Так что жить Тугендхольду пришлось как сотруднику журнала «Аполлон». По какой-то причине он с семьей поселился именно в Евпатории. Его жена Зинаида Борисовна, художница, состояла членом евпаторийского отделения Всероссийского профессионального союза работников искусств (Всерабис) вместе с евпаторийскими художниками П. Чепуриной и Г. Бояджиевым{105}.

Когда Якова Александровича перевели в Симферополь, пришлось разрываться между Евпаторией и столицей Тавриды. Тем не менее в публичной библиотеке Евпатории Тугендхольд нес горожанам знания о новой европейской живописи: рассказывал о Ренуаре, Сезанне, Гогене, Ван Гоге, Матиссе, Пикассо и при этом демонстрировал цветные диапозитивы. Человек такого профессионального уровня и просветительского темперамента, как Тугендхольд, в этих публичных выступлениях с удовольствием популяризировал то, о чем блестяще писал в своих многочисленных статьях и книгах. При этом европейски образованный, объехавший полмира творческий человек ни минуты не сомневался в своем политическом выборе, сделанном еще в 1902 году после ареста за участие в студенческой сходке.

Многолетняя дружба (они были знакомы еще по Парижу) связывала Якова Александровича с писательницей Софьей Захаровной Федорченко{106}. Возможно даже, что в Евпаторию они прибыли вместе. Точно известно, что уже в 1919 году бывшая сестра милосердия, участница Первой мировой войны, Федорченко жила в Евпатории, а способствовал ее устройству машинисткой в евпаторийскую контору Центросоюза именно Тугендхольд. По утверждению М. А. Волошина, именно в Евпатории Федорченко писала вторую часть книги «Народ на войне»{107}. Газета большевиков информировала горожан, что Крымревком (очевидно, с подачи того же Тугендхольда) намеревался «переиздать талантливую книжку Федорченко “Народ на войне”, о которой восторженно писали вожди М. Горький и Л. Троцкий»{108}. Правда, по какой-то причине переиздание не состоялось.

Юная Алиса и всё ее семейство категорически не приняли большевистскую власть. Они были свидетелями того, как власть в

Крыму менялась шесть раз. Летом 1919 года, когда большевики в очередной раз покинули город и пришли белогвардейцы — Вооруженные силы Юга России, созданная ими Особая комиссия включилась в расследование злодеяний большевиков для выявления «перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма», работавшая на основе последнего в России Устава уголовного судопроизводства Российской империи (1914) и имевшая право допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски и другие следственные действия. Дело № 56 Особой комиссии было посвящено злодеяниям большевиков в Евпатории{109}.

Безусловно, о работе комиссии знали и Розенбаумы. В деле № 56 раскрывались события «варфоломеевской ночи» в Евпатории. Жесткость работе комиссии придавала позиция главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А. И. Деникина, не шедшего ни на какие компромиссы с большевиками: «Мое единственное желание — это совершенное уничтожение советского режима. Я должен вешать всех, причастных к ужасам большевизма»{110}. Тюрьмы Крыма были переполнены заподозренными в симпатиях к большевикам. Политику репрессий продолжил и генерал П. Н. Врангель. Белогвардейцы устраивали в Крыму публичные казни. Например, в центре Симферополя в 1920 году на трамвайных столбах постоянно висели тела десяти — пятнадцати человек с надписью «коммунист»{111}.

«Послереволюционная Россия — кладбище» — так жестко обобщит свой печальный опыт жизни в Крыму американская писательница Айн Рэнд.

Знала ли юная Алиса, что в 1918 году сделали большевики с семьей последнего российского императора, которую евпаторийцы с любовью принимали всего двумя годами ранее? И куда смотрел Шамаш, бог солнца у вавилонян, ассириян и евпаторийцев?! Или, по философу Ивану Шмелеву, он был уже только «солнцем мертвых»?

В домике Бредихина

Розенбаумы прибыли в Евпаторию в период, вполне благополучный для людей со статусом успешного петроградского буржуа. Есть архивные сведения об обстоятельствах обитания семьи в Евпатории, известно также конкретное место ее проживания в 1921 году. По воспоминаниям Элеоноры Дробышевой, это был двухэтажный домик с террасой. Вероятнее всего, там они жили с момента приезда; во всяком случае, Айн Рэнд упоминает только об *одном* месте жительства в этом городе. Благодаря архивным документам нам удалось установить, где этот домик находился и кто был его владельцем. Это была дача евпаторийского мещанина Никиты Евстафьевича Бредихина (1873 или 1875–1956) на Гоголевской улице, в центре так называемого Нового города. Адрес проживания самого Бредихина, согласно архивному документу — Санаторская улица, дом 2/53{112}; именно такой номер имело строение на участке 249 на пересечении Гоголевской и Санаторской по данным на 1912/13 год. А на другой стороне Гоголевской улицы с трамвайной линией находилась гимназия Рущинской и Миронович, в которую поступила учиться Алиса. К сожалению, мы не знаем, почему именно у Бредихина сняли жилье Розенбаумы и что связывало две семьи. Но фигура самого Никиты Евстафьевича очень интересная.

Многое об этом человеке нам стало известно из общения с Кудрявцевыми, родственниками Бредихина, по сей день живущими в Евпатории. Родился он там же, окончил шесть классов гимназии. Женился на Анне Романовне Пересаде. В 1920 году ей было 40 лет; следовательно, она была несколькими годами моложе супруга. Как утверждают Кудрявцевы, Анна Романовна происходила из состоятельной семьи харьковских дворян. Супругов Бредихиных объединяли глубокая любовь и очевидная забота друг о друге. Благодаря достатку (в первую очередь богатому приданому жены) Никита Евстафьевич мог лечить легкие в Швейцарии. За границей он, по сведениям родственников, продолжил образование, возможно, получил специальность архитектора. Их единственный сын умер лет шести, согласно трогательному семейному преданию, сказав накануне: «Завтра, мамочка, я умру и стану ангелочком».

В семье Никиты Евстафьевича во время окончательного утверждения в городе большевиков проживала его сестра Кирикия, по-домашнему Кира, которой тогда было 35 лет. Эта большелобая глазастая женщина в молодости ушла в монастырь,

но, очевидно, после отделения церкви от государства и начала тотального уничтожения обителей вернулась в дом брата, где было легче пережить время борьбы с верой. Так что в 1920/21 году на даче по Санаторской улице жили как минимум восемь человек: трое членов семьи Бредихина, неизменно указывавшего в документах именно этот адрес, и пятеро Розенбаумов. Возможно, одноклассник Ильи Сельвинского Иван Бредихин, чью фамилию поэт использовал в своем мемуарном романе «О, юность моя!», был дальним родственником Никиты Евстафьевича.

Евпаторийский мещанин Никита Евстафьевич Бредихин был в городе известен как дачевладелец; в местном путеводителе можно обнаружить рекламу его дачи{113}. По-видимому, с 1906 года он проводил свои первые операции с недвижимостью и землей, оформляя в Симферопольском окружном суде купчие крепости{114}. Так, он приобрел участок земли на Дувановской улице и в 1908 году подал в евпаторийскую управу прошение об утверждении проекта каменного дома, где обязался, что «дом будет построен, отступая четыре сажени от границы участка по Дувановской улице, и означенное пространство будет засажено деревьями и вместо стены по Дувановской улице на протяжении 15 сажень будет устроена ограда с железными решетками». Городская управа разрешила мещанину Бредихину возвести по проекту евпаторийского архитектора М. В. Германа особняк в неоромантическом стиле. Строительство здания, напоминающего средневековый замок, украшенного с северной стороны башней с металлическим флюгером, из местного ракушечника теплого желто-коричневого цвета, добытого в Мамайских каменоломнях в окрестностях Евпатории, было завершено в 1908 году.

К 1914 году дачный бизнес Бредихина был поставлен основательно. Дача, где пять лет спустя поселились Розенбаумы, находилась, как сообщала реклама, «в лучшей новой части города, вблизи моря, Приморской санатории и городского театра»: «Светлые, сухие и хорошо меблированные комнаты со всеми удобствами сдаются по цене от 25 до 60 руб. в месяц и до 170 руб. в сезон с 1-го мая и до 1-го сентября. До 15 мая и после 15 августа цены на комнаты значительно снижены»{115}.

В октябре 1918 года Н. Е. Бредихин успешно баллотировался в гласные Евпаторийской городской думы. Красноречивый факт: среди семидесяти семи лиц, претендовавших на места в городском органе самоуправления по первой курии, Бредихин стал тринадцатым, набрав 165 голосов — больше, чем, например, уважаемый городской архитектор А. Л. Генрих.

Согласно статье 19 Закона о выборах, избранными оказались 22 человека, среди которых, естественно, был Бредихин. 15

октября результаты выборов были утверждены, но уже на следующий день он почему-то подал в городскую управу заявление: «Ввиду моего отъезда из г. Евпатории на очень продолжительное время звание гласного городской думы принять не могу»{116}. Была ли тому причиной политическая нестабильность периода первого Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича, опиравшегося на германские войска, или на решение Бредихина повлияли какие-то личные обстоятельства, неизвестно. Возможно, он выехал на лечение в Европу «на очень длительное время». Но зачем тогда он участвовал в избирательной кампании?

Дача Бредихина сохранилась, хотя была значительно перестроена. Она представляет собой двухэтажное здание с верандой. И, как везде на юге, тем более в дачном доме, здесь, как вспоминала Айн Рэнд, не было нормального отопления.

Первое время семья писательницы жила в Евпатории в основном за счет продажи ювелирных изделий Анны Борисовны, которые удалось провезти с собой. Но вскоре Зиновий Захарович сумел открыть маленький аптечный магазинчик, хотя соперничать с известными евпаторийскими аптекарями Рофе, Лельчиным, Ефетом, Якобсоном он, конечно, не мог. Так что в документах, заполняемых при приеме дочерей на учебу, он указывал свой статус — «мещанин» или «провизор».

Плохо отапливаемый сырой дачный домик с поломанной старой мебелью — это всё, что Розенбаумы могли себе позволить в Евпатории. Большую часть времени Алиса и члены ее семьи были голодны, ходили в обносках, мерзли. Красные и белые постоянно сменяли друг друга; сама Айн Рэнд утверждает, что на их глазах это происходило как минимум четырежды. К 1920 году пачка папирос стоила миллион рублей. В морозную зиму этого года появились проблемы с подачей воды, практически невозможно было добыть топливо для печи. Свирепствовала холера; люди ходили с бритыми головами, чтобы бороться со вшами. Летом с едой стало еще хуже. Такой Евпатория сохранилась в памяти Айн Рэнд. Много лет спустя, в Америке, она вспоминала:

«Мы жили, как на поле битвы. В результате мы начали голодать. Нельзя было найти еду. В конце концов, мы ели только пшено. Мама настаивала, чтобы мы доставали сырой лук, который она жарила на льняном масле; цинга превратилась в ужасную проблему, и мама считала, что лук предотвращал ее»{117}.

Надо сказать, что Анна Борисовна была права: лук действительно является одним из народных средств против

цинги.

Невозможно сказать, с кем общались Розенбаумы в Евпатории. Вполне вероятно, что впоследствии Айн Рэнд не хотела называть имен, опасаясь, что упомянутые ею лица будут преследоваться советскими властями. Пока нам удалось найти только одну ссылку: по словам писательницы, Антонина Платошкина, вульгарная женщина средних лет, персонаж из фильма «Мы живые», была списана с образа некоей русской вдовы с двумя детьми, которых Розенбаумы знали в Крыму{118}. Еще она, конечно, вспоминала о спорах и беседах с одноклассницами. Однако особой дружбы Алиса с ними не водила. Может быть, семейный круг общения был шире; но, повторимся, со слов Айн Рэнд об этом неизвестно.

В гимназии Рущинской и Миронович

Вернемся ненадолго к евпаторийскому роману Ильи Сельвинского. Чуть ли не таким же значимым, как море, в этом романе является образ альма матер автора: «В сущности, это была самая обыкновенная гимназия. Необыкновенной ее делало только одно: море. Оно поднималось до середины окон, и комната казалась увешанной импрессионистическими панно, исполненными в два цвета: снизу огневая синева, сверху нежная, нежная лазурь. Иногда на одном из панно белел парус. Иногда на другом летали птицы. В хорошую погоду яркие живые краски этой картинной галереи придавали наукам какой-то праздничный тон»{119}.

У самого моря, по словам Сельвинского, «жужжали» казенные гимназии, мужская и женская. И в этом «жужжании» слышалось не только школьное многоголосие. В стенах этих школ в ту пору звучали разные наречия: здесь учились гимназисты из православных семей, иудеи-крымчаки, католики и армяне, евреи-ашкеназы, евангелические лютеране, караимы и представители многих других этнических и религиозных групп.

Нужно сказать, что бежавших с занятых большевиками территорий беспокоила возможность получения их детьми образования: местные школы были переполнены. Розенбаум-отец сделал всё возможное, чтобы в такое тяжелое время его дочери продолжили учебу. Младших девочек приняли в женскую казенную гимназию, где за обучение следовало платить. Окна гимназических классов, как вспоминала уже в постсоветское время Элеонора Дробышева, выходили «в гавань». Как и мужская гимназия, женская находилась на берегу моря — точнее, Каламитского залива.

В 1919 году «дочь провизора» Наталья Розенбаум, которой было тогда 12 лет, прошла испытания за курс первого класса по русскому языку, арифметике, рукоделию и географии. А в мае 1920-го она сдала экзамены за второй и третий классы. Но семью очень печалила Наташина болезнь — прогрессирующий туберкулез[22].

Осенью 1919 года Нора в девять лет пошла в ту же самую гимназию. По уровню подготовленности к учению ее могли бы зачислить сразу в первый класс, но поскольку места были только в приготовительном, она поступила в него и успешно окончила.

По какой-то неизвестной нам причине старшая, Алиса, в январе 1919 года была определена в другое учебное заведение — частную женскую гимназию А. П. Рущинской и А. А. Миронович.

Это было учебное заведение, обеспечивающее «все права для учащих и учащихся», что, безусловно, устраивало родителей. Быть может, Розенбаумы остановили свой выбор именно на этой гимназии по той же причине, по какой в свое время выбрали гимназию Стоюниной? Фамилии учениц гимназии Рущинской и Миронович свидетельствуют, что бблыпую часть составляли ученицы иудейской веры — караимки и еврейки ашкеназского происхождения. Из пятидесяти четырех одноклассниц Алисы Розенбаум за два года обучения лишь около пятнадцати были славянского происхождения, около тридцати — еврейки и караимки (остальные принадлежали к другим национальностям и вероисповеданиям). Можно предположить, что родители желали оградить дочь от проявлений антисемитизма, который был весьма вероятен среди учениц старших классов в казенной школе: в то время в белогвардейской среде были очень сильны юдофобские настроения, вызванные деятельностью Троцкого и других революционеров из еврейской среды. Учитывая состав учениц в частной гимназии Рущинской и Миронович, вероятность антисемитских преследований там была минимальна.

Архивные документы гимназии убедительно иллюстрируют очевидную заботу неизвестных лиц о том, чтобы петроградская гимназистка была принята на учебу. Ученица Розенбаум значится принятой в гимназию в протоколе педагогического совета от 10 января 1919 года — правда, на удивление, под именем Анна; зачислена она была тоже с ошибочной формулировкой — «по отметкам московской гимназии»{120}. Можно предположить, что хлопотавший за дочку Розенбаума отдаленно знал его семью и обращался с администрацией гимназии, очевидно, неофициально. Не могли же родители сообщить образовательному учреждению столь неточные сведения!

Алиса Розенбаум поступила в гимназию Рущинской и Миронович в 1918/19 учебном году в пятый класс на основании документов Санкт-Петербургской женской гимназии Стоюниной{121}. Возможно, ученица не посещала уроки регулярно, а только номинально числилась, потому что даже по итогам учебного года за пятый класс она, согласно сохранившимся документам, не была аттестована. Тем не менее в список «Ведомости V класса» под номером 47 красными чернилами поверх ошибочно повторно записанной фамилии ученицы Е. Павловой внесена фамилия Розенбаум без имени и отчества, как того требовала форма документа. Никаких иных сведений о внесенной в список ученице не приведено: нет оценок ни по четвертям, ни годовых, как у всех других учениц, хотя зафиксировано: «Переведена в VI класс». Запись подкреплена

подписью А. А. Миронович[122].

Согласно архивному документу, в пятом классе, куда была зачислена Алиса в 1919 году, обучались 48 девочек. 20 из них по какой-то причине поступили в частную женскую гимназию Рущинской и Миронович по свидетельству Евпаторийской женской казенной гимназии. Были среди одноклассниц Алисы и прибывшие из Петрограда, Харькова, Кинешмы, Симферополя, Царского Села. Так что половина одноклассниц Алисы были зачислены в частную гимназию именно в 1917 и 1918 годах[123]. Лишь пять из сорока восьми учениц пятого класса учились здесь с первого класса: дочери купцов Сара Юфудовна Авах, Марьям Георгиевна Нахшуньянц, Генриэтта-Эльфрида Фридриховна Папе и дочери мещан Элька Гершовна Гулько и Бейла Абрамовна Пекерман (еще одна иллюстрация пестрой этнической палитры населения Евпатории). Лишь 70 процентов пятиклассниц продолжили обучение вместе с Алисой Розенбаум в шестом классе.

Анализ социального состава учениц этого класса дает картину сословного многообразия, а также представляет удивительный этноконфессиональный срез. С Алисой учились дочь личного почетного гражданина караимка Елизавета Бабакаевна Бобович, дворянка Елена Владимировна Павлова из московской гимназии Алферовой, дочь харьковского канцелярского чиновника Лидия Сергеевна Ка-ковина, дочь офицера лейб-гвардии Семеновского полка Андрея Квашнина-Самарина Варвара; Малка, дочь еврейского землевладельца Урия Канторовича; Ирен Лор Амели, дочь агронома Эдуарда Кульбаха; дочь лютеранского пастора Карла Артура Гансона Мария Елизавета, дочь поселянина Мелитта Эдуардовна Лютц. В основном ученицами гимназии были мещанки, в большинстве своем из широко известных в городе еврейских и караимских семей: Бе-беш, Казас, Катык, Кац, Пигит, Ходжаш, Пригор-Цадкина, Шрейберг, Шулимзон. Здесь же числились купеческие дочери Ольга (Иохевед) Айзиковна Зайчик и Либретта Рей-ниц. Приведенные фамилии дали бы специалистам по ономастике убедительную информацию о национальном составе Евпатории в период смутного времени Гражданской войны, а имена крестьянских дочерей — Анна Харитоновна Кулиш, Надежда Назаровна Петруфная, Клавдия Никифоровна Шалобаева, Александра Трофимовна Шляхова, Феофания Тимофеевна Шмалий — порадовали бы слух славянофила.

Согласно протоколу заседания педагогического совета от 30 мая 1919 года, Алиса была переведена в шестой класс гимназии Рущинской и Миронович[124].

История учебного заведения, где училась Алиса Розенбаум, — удивительная история профессиональной инициативы и ответственности, коллективного труда школьного строительства, преодоления исторических обстоятельств. Это и синодик ярчайших имен евпаторийского учительства, аккумулировавшего и сохранившего столетний опыт государственного просветительства в Евпатории: Евгения Милентьевна Крыжановская, Надежда Петровна Таргониева, Владимир Федорович Штифтар, Павел Александрович Алипов, Олимпиада Николаевна Газиева. Здесь, конечно же, преподавала и сама Анна Павловна Рущинская, в свое время окончившая Евпаторийское женское училище и в 1880 году ступившая на учительскую стезю{125}. По разрешению попечителя Одесского учебного округа она в 1911 году открыла в доме караима Савускана на углу Новой и Александровской улиц подготовительное училище для детей обоего пола; уже на следующий год по решению управляющего учебным округом под ее руководством начало функционировать частное женское семиклассное училище I разряда, позже ставшее гимназией{126}.

С Анной Павловной разделяла радости и невзгоды на первых порах единственная учительница с высшим образованием Анна Андреевна Миронович. Выпускница Одесских высших женских курсов начала службу в 1899 году, с 1906-го шесть лет отработала учительницей Одесской нормальной школы № 67, а с 1907 по 1912 год параллельно содержала в Одессе вечернюю женскую школу для взрослых с курсами женской гимназии Министерства народного просвещения{127}.

Следует назвать еще одно имя — Андрея Антоновича Погоржельского, доктора хирургическо-терапевтической лечебницы, содержавшего ее вместе с компаньоном. Он был связан с частной гимназией как член ее попечительского совета и хозяин здания, которое с 1912 года она арендовала по сносной цене{128}. В тяжелейшую пору, в 1919 году, ему пришлось вдвое увеличить арендную плату — до 12 тысяч рублей в год, и всё равно она не покрывала расходы хозяина по уходу за домом{129}. Но большевики, окончательно придя к власти в 1920 году, лишили хозяина права даже на благотворительность, забрав его собственность в общественное пользование.

Как ни удивительно, всё имущество учебного заведения две его учредительницы приобретали на собственные средства, так что в нестабильное время Первой мировой войны попечительский совет предусмотрительно решил выкупить у них по инвентарной книге все материальные ценности школы, 11 июня 1915 года ставшей женской гимназией Ру-щинской и Миронович{130}.

Положение школы в годы войны и революции на глазах ухудшалось. Рухнула мечта учредительниц и всего педагогического коллектива о собственном здании. А ведь еще в 1916 году Евпаторийская городская дума безвозмездно отвела попечительскому совету гимназии участок земли в тысячу квадратных саженей стоимостью 45 тысяч рублей для постройки здания на Надеждинской улице, в замечательном месте, в центре Нового города, недалеко от моря. Если гимназия прекращала существование, участок вместе со зданием и всем оборудованием бесплатно возвращался городу{131}.

Первым сигналом о неблагополучии стало сообщение уездного Совета в марте 1918 года, что деньги, ассигнованные на постройку, не будут выделены до начала возведения здания{132}. Позже уже власти ни о каком строительстве разговор с учредительницами и попечительским советом гимназии не вели.

К самому началу 1917/18 учебного года до школ довели циркуляр Министерства народного просвещения № 10100 от 31 августа «О всемерном облегчении учащимся петроградских учебных заведений тех формальных трудностей, какие могут встретиться при перемещении в провинциальные учебные заведения». Впервые в школьной практике также стал активно применяться пятый параграф Правил для учеников — об отчислении из учебного заведения «за безвестную неявку на занятия»{133}.

Это были самые тяжелые для педагогического коллектива годы. Цены на предметы первой необходимости в Крыму подпрыгнули до небес, всё, даже самое необходимое, стало недоступно дорогим. Прибавки к жалованью при возрастающих ценах учителям не выплачивались. Тяжелое материальное положение хотя бы в какой-то мере могло облегчить предусмотренное законом повышение оклада каждые пять лет, но его тоже не было{134}. Правда, ставка за час основных гимназических предметов выросла с 200 до 300 рублей{135}, но это несущественно укрепило материальное положение учительства. Цены становились просто запредельными: один карандаш стоил столько же, сколько учитель с хорошим образованием зарабатывал за урок. Кусок турецкого мыла в ноябре 1920 года в 1-м городском потребительном кооперативе продавался за две тысячи рублей, фунт мыла завода Цыпурского — за 280 тысяч; за пуд крупной соли просили 1200 рублей{136}.

Гимназия Рущинской и Миронович — единственное из учебных заведений Евпатории, существовавшее без постоянных ассигнований из казны. Ее попечительскому совету приходилось поднимать плату за обучение выше, чем в остальных средних

учебных заведениях города[137]. Только-только в середине августа 1920 года определили ее рамер за первое полугодие в 40 тысяч рублей, а уже непосредственно перед самым началом учебного года по согласованию с попечительским советом увеличили до 50 тысяч рублей. Чуть позже уже родительский комитет постановил довести оплату до 100 тысяч рублей за полугодие[138]. Чтобы помочь неплатежеспособным семьям и сохранить в гимназии ученический контингент, создали систему поддержки через стипендии — городские, земские, от частных лиц. Около 20 процентов учеников нуждались в финансовой поддержке. Правда, в списке таковых Алисы Розенбаум нет[139].

Поддерживали учителей и учащихся и другими способами. При Крымском краевом правительстве по заявке попечительского совета гимназии продовольственный отдел Евпаторийской городской управы отпускал сахар к чаепитиям, которые родительский комитет организовывал на переменах. Тоже через продотдел распределяли между обносившимися педагогами мануфактуру и нитки — чуть ли не первую необходимость в быту: по две катушки черных ниток № 40 или № 50 и по столько же белых № 50![140] Распределительный принцип в отношениях государства и граждан только формировался, но вскоре стал их неотъемлемой частью.

Если в начале Первой мировой войны было сделано смягчение в отношении требований к внешнему виду учениц и Одесское попечительство рекомендовало «ввиду вздорожания жизни не принимать стеснительных мер к учащимся в соблюдении установленной формы одежды и обуви»[141], то в конце 1917 года администрация учебных заведений заказывала в продовольственной управе галоши (!) для учащихся и учителей: мужские, женские, детские[142]. А в 1920-м уже никто не обращал внимания на одежду. Алиса, преодолевая пронизывающий евпаторийский ветер, шествовала в свою гимназию в тонких заплатанных башмаках, в летней куртке, перешитой из материнской вещи. Как водится, после нее одежду и обувь донашивали Наташа и Нора.

Гражданская война не только принесла смерти и лишения, создала острейшие проблемы воспитания сирот и обучения калек, но и углубила расслоение населения по идеологическому принципу. Управление учебными заведениями Одесского учебного округа в период власти в Крыму Деникина и Врангеля информировало школы, что денежная прибавка по семейному положению выдавалась только чинам армии и военного ведомства. А семьи, находившиеся на территории, контролируемой Советами, прибавок вообще не получали[143].

Аттестаты и свидетельства, выданные учащимся по декрету большевиков, были признаны недействительными, и их заменили новыми документами; учащимся, переведенным с неудовлетворительными знаниями в следующий класс, после возвращения белогвардейцев были назначены обязательные испытания{144}.

Кроме того, школьная жизнь осложнялась проблемой беженцев, существовавшей еще с 1915 года. Вышестоящее начальство призывало руководителей учебных заведений принять самые энергичные меры к обеспечению учащимся-беженцам полной возможности продолжить образование и зачислять их сверх комплекта. Конечно, евпаторийские педагоги принимали требования к неуклонному исполнению. Дом Погоржельского, в котором на тот момент находилась гимназия Рущинской и Миронович, из пяти комнат, оборудованных 85 партами, еще до начала войны стал тесен для развивающейся гимназии. По этой причине руководство школы заявляло, что больше 250 учениц принять никак не может{145}. Сущим адом были несколько месяцев с февраля 1920 года, когда за эти же 85 парт сели во вторую смену ученицы казенной женской гимназии, здание которой было реквизировано врангелевским правительством для размещения военнопленных{146} (впоследствии большевики разместили в нем, кроме школы II ступени № 2 — бывшей женской гимназии, еще и школы I ступени № 17, 18, 19 и 20).

Каждая власть предъявляла жесткие требования к начальствующим лицам ведомства народного просвещения, сообщая о жалобах на формальное и безучастное отношение к детям беженцев, и циркулярно наставляла: беженцев принимать сверх комплекта; снисходительно относиться к утрате ими документов, уровню их знаний и возрастной норме, освобождать от платы за обучение и испытания{147}.

Первого сентября 1919 года Алиса начала и 29 мая 1920 года завершила обучение в шестом классе гимназии. Решением педагогического совета она была переведена в седьмой класс{148}. В классе Алисы числились 43 ученицы. 26 из них (60,5 процента) поступили в гимназию в революционные годы: в 1917 году — девять, в 1918-м — 11, в 1919-м — шесть, в том числе Алиса.

«Движение» учащихся, то есть прибытие в учебные заведения и выбытие из них, в эти годы было интенсивно как никогда. Его география много говорит о политической ситуации в стране. В гимназию Рущинской и Миронович были приняты бывшие ученицы московских образовательных учреждений: гимназии Шписс, частной гимназии Алферовой и Елизаветинского института; харьковских Мариинской Александровской гимназии

и гимназии Левковец; кинешемской гимназии; царскосельских Мариинской и Юрьевской гимназий; петроградских Черкасской гимназии, гимназий Мушниковой и Кротовой; Симферопольской гимназии Станишевской{149}.

В апреле 1919 года, в период власти Советов, было прекращено преподавание Закона Божьего, а преподаватели уволены (как мы помним, в Петрограде девочки семьи Розенбаум, будучи иудейками, эти уроки посещали; то же было и в Евпатории).

По воспоминаниям Айн Рэнд, в Евпатории ее учительницами были «старомодные дамы-монархистки, переживавшие восход коммунизма с мрачной покорностью». В 1919 году штат гимназии Рущинской и Миронович составляли 16 учителей, а также врач и письмоводитель. Русский язык преподавала Е. М. Крыжановская, математику и физику — К. А. Есаев. Алиса изучала немецкий и французский языки, а также латынь. В 1919/20 учебном году по всем трем предметам у нее была оценка «удовлетворительно» — «тройка», выражаясь современным языком{150}. Это довольно странно, ведь мы помним, что в Петербурге у нее была гувернантка из Бельгии.

Алиса оказалась самой младшей в своем классе. Ее одноклассницы были на два-три года старше, что не странно, зная тогдашние политические реалии. По словам Айн Рэнд, она, приехавшая из столицы, вскоре стала интеллектуальным лидером класса. Писательница вспоминала:

> «…было молчаливое признание моего превосходства. У меня не было личных друзей, у меня не было подружек, но меня сразу посчитали “мозгом класса”, что меня удивило».

Математика и логика больше всего нравились Алисе:

> «Мой учитель математики был от меня в восторге. Когда я покидала школу, он сказал: “Это будет преступлением, если ты не пойдешь в математику”. Я только лишь сказала: “Этого недостаточно, чтобы сделать карьеру”. Я чувствовала, что это слишком абстрактно, что математика не имеет ничего общего с настоящей жизнью. Она мне нравилась, но я не хотела быть инженером или овладевать какой-либо иной технической профессией».

Алису стала интересовать, как она напишет позднее, «героическая концепция человека». Именно в Крыму она решила,

что будет писать по-русски, но жить в основном за границей. Изначально Алиса не собиралась переезжать в США. По ее словам, на уроках по американской истории в шестом и седьмом классе (по-видимому, в рамках занятий по всемирной истории) она узнала о Декларации независимости США, а также об американской государственной системе. В воспоминаниях Айн Рэнд утверждала:

> «Для меня это было невероятно. Я видела Америку как страну индивидуализма, сильных людей, свободы и важных задач. Я подумала: вот *это* тот вид государства, который я считаю правильным».

Писательница также вспоминала, как одна девочка, очень симпатичная, но глупенькая, пришла к ней, потому что не могла решить сложную геометрическую задачу. Это школьное событие запомнилось ей и оказало на нее влияние:

> «Я тщательно объяснила ей [это задание], я показала ей, как всё взаимосвязано. Я поняла, что та не могла сделать это самостоятельно, — я должна была показывать ей каждый шаг. Девочка изумленно сказала: “Почему наши учителя не объясняют так, как это делаешь ты?”»{151}.

Алиса пришла к выводу, что можно добиться внимания людей и активного восприятия ими информации, если знаешь, как презентовать материал в его логическом развитии. Вопрос логического построения и чистоты мысли стал для нее принципиально важным.

К сожалению, нельзя быть уверенными, что в воспоминаниях о своем школьном детстве Айн Рэнд была полностью объективна. Ее оценки за шестой класс, прямо скажем, не впечатляют. Практически по всем предметам (русский язык, русская письменность, алгебра, геометрия, физика, история, география, французский, немецкий и латинский языки) во всех четвертях стоит «удовлетворительно». «Четверку» она получила по рукоделию и за внимание, а «пятерку» — по рисованию, поведению и прилежанию{152}.

Фамилія и имена учениць

II класса.

Постановленія Педагогическаго Совѣта

29 мая 1920

Перевести в

Прод. Пр. Со

		Законъ Божій.	Русск. яз.	Русск. письм.	Арифметика.	Алгебра.	Геометрія.	Физика.	Космография.	Естеств. исторія.	Исторія.	Географія.	Педагогика.	Гигиена.	Французскій яз.	Нѣмецкій яз.	Латинскій.	Чистописаніе.	Рисованіе.	Рукодѣліе.	Пѣніе.	Прилѣжаніе.	Поведеніе.	Число проп. урок. По болѣзни	По уваж. пр.	По неув. пр.
Розенбаумъ Анисья Эммануиловна-Аугуста	Четверти 1-я	4	4	4							4	4			4	4	4		4	4	4	5	5		13	
родилась Витеб.	2-я	4	4		4	4	4	4			4	4			4	4	4		3	4	4	5	5		15	
дочь	3-я	4	4	4	4	4	4				4	4			4	4	4		4	4	5	5	5	2	21	
поступила по С. Петр. м. г.	4-я	4	4		4	4	4				4	4			4	4	4		4	4	5	5	5	2	11	
въ VIII кл.	Годовой	4	4		4	4	4				4	4			4	4	4		4	4	5	5	5		60	
кл. № пріемн. журн. выбыла	Экзамены: Выпускъ.																									
	Экзамены: Повторн.																									
	Экзамены: Переэкзам.																									
въ / кл.	Выводъ.	4	4	4	4	4	4	4			4	4	4	4	4	4	4		5	4	5	5	5			
ЗА ГОДЪ																										
На экзаменѣ																										

Аттестат ученицы Алисы Розенбаум за шестой класс гимназии Рущинской и Миронович. *1920 г.*

Могла ли ученица с такими оценками быть «молчаливо признана мозгом класса»? Пожалуй, вряд ли. К тому же она попросту не могла изучать такой предмет, как логика: в те годы он преподавался только в мужских гимназиях[23]. Возможно, правда, что с какими-то элементами логики она познакомилась в рамках занятий по алгебре и геометрии.

В ноябре 1920 года в Евпатории в очередной раз — и теперь уже окончательно — утвердились Советы. Именно большевистские комиссары просвещения совершили то, что так и не сделало Министерство народного просвещения Российской империи, — начали введение единой трудовой школы; на уровне законодательного акта был установлен принцип обязательности обучения. Евпаторийцев, имевших детей от восьми до семнадцати лет, отдел народного образования призывал спешно записывать их в школы, ближайшие к месту жительства. Школьные советы были обязаны принимать учащихся независимо от числа свободных мест{153}. Следует с удовлетворением отметить: в калейдоскопе идеологий о праве на образование всё же не забывали.

Но керосина и угля, чтобы осветить помещения и согреть 250 учениц гимназии во время уроков, не хватало. При Советах снабжение школьников бумагой и другими письменными принадлежностями полностью легло на государство. Их выдавали школам по ходатайствам учебного заведения перед Наробразом с указанием, какое количество нужно для всех учащихся{154}.

Чтобы выжить в тяжелейшее время, педагоги отказались от своей независимости и сами запросились под юрисдикцию земства{155}. В ноябре 1920 года женская гимназия Рущинской и Миронович изменила статус — стала земской гимназией совместного обучения{156}. Отделом народного образования в должности директора с 1 августа 1920 года была утверждена Анна Андреевна Миронович, а Анна Павловна Рущинская стала инспектором гимназии{157}. Большевики преобразовали земскую гимназию в единую трудовую советскую школу II ступени № 4. А. А. Миронович осталась председателем школьного совета{158}.

«Для ознакомления учащихся со свершившимся переустройством жизни» и разъяснения основных законов РСФСР вводились новые предметы: «Советская конституция» и «Политическая экономия»{159}, для преподавания которых Союз правозаступников делегировал в гимназию большевика С. Г. Голомба{160}. Алиса Розенбаум изучала их уже в седьмом

классе{161}. Забегая вперед, скажем, что только по этим двум — явно не слишком любимым ею предметам — она получит в 1921 году вместо оценки пометку «обучалась» (то есть прослушала курс). Есть основания полагать, что знания учеников в данном случае не оценивались, возможно, в силу новизны предметов в учебном плане, отсутствия учебников, стабильной программы, подготовленных преподавательских кадров.

Окончательно утвердившаяся в Крыму власть Советов приказом № 57 Крымревкома «О перестройке работы учебных заведений» от 30 ноября 1920 года объявила седьмой класс средней школы последним{162}. По затейливой новой нумерации выпускной, седьмой класс в школе, где училась Алиса, стал IV группой II ступени. 30 июня 1921 года будущая писательница получила свидетельство об окончании средней школы в Евпатории — на год раньше, чем должна была бы, благодаря революционным событиям и радикальному преобразованию государства и системы образования.

Согласно школьному аттестату за седьмой год обучения (1920/21), она показала «весьма удовлетворительные» знания в русском языке, математике, физике, космографии, истории, географии, естествознании, французском, немецком и латинском языках, психологии, рисовании и ручном труде{163}. Однако нужно оговориться, что в раннее советское время старая пятибалльная система, включавшая в себя оценки «худо», «плохо», «посредственно» или «удовлетворительно», «хорошо» и «отлично», была отменена постановлением народного комиссара просвещения (май 1918 года) «во всех без исключения случаях школьной практики». Перевод в следующий класс и выдача свидетельств производились «на основании успехов учащихся по отзывам педагогического совета об исполнении учебной работы»{164}. Таким образом, «весьма удовлетворительные» оценки юной писательницы на деле ничего не говорили о ее школьных успехах. Система советской уравниловки не давала учителям хоть как-то выделять успешных учеников.

Как себя чувствовала в школе Алиса Розенбаум? Не очень комфортно — ни при белых, ни при красных. Она ни с кем не дружила и уж тем более ни в кого не влюблялась. Детство и подростковый период были для нее не более чем увертюрой, «подготовкой к будущему, без особого значения». Она почти всегда всем перечила:

> «Я спорила по малейшему поводу, хотели ли люди слышать об этом или нет. Я критиковала себя за это. Я прекрасно понимала, что они не особенно хотели

говорить, но я заставляла их делать это. Я знала, что это было неправильно».

1920/21 учебный год стал для трех сестер последним в Евпатории.

Проигравший платит!

Розенбаумов, бежавших из Петрограда от власти Советов осенью 1918 года, большевики всё же настигли — в ноябре 1920-го в Евпатории. Пришел час, когда Крым стали покидать тысячи знакомых и незнакомых Розенбаумам людей. Бурная политическая жизнь Евпатории этого периода подпитывала в Алисе рано пробудившийся интерес к политике. Кроме того, для нее это было повторением пережитого в Петрограде, интересным — хотя и жутковатым — материалом для анализа и сопоставления. Два с половиной года жизни в Евпатории представили будущей писательнице ярчайшие картины того, как в Крыму реализовывался главный догмат коммунистической доктрины — отрицание частной собственности, как ее повсеместно и беспощадно экспроприировали.

В четверг 11 ноября 1920 года белогвардейские войска получили приказ о приготовлении к эвакуации из Евпатории. «В ночь на 12 ноября морская контрразведка даже погрузилась на пароход», — могли прочитать Розенбаумы в газете. На следующий день в евпаторийскую бухту вошло шесть пароходов. К вечеру уже было известно, что войска Врангеля оставили Ишунь — форпост, прикрывающий путь на север Крымского полуострова, в 100 километрах от Евпатории. Военным поступил приказ немедленно уходить из города, так что «на скорую руку началась эвакуация»{165}. Прошла она довольно спокойно.

Именно из Евпаторийского порта в 23 часа 13 ноября, первыми из Крыма, вышли в море корабли с «крымскими контрреволюционерами», взяв курс на Константинополь. Официальные «Известия Военно-революционного комитета» со ссылкой на французские газеты через несколько дней сообщили евпаторийцам, что «к 22 ноября в Константинополь прибыло 140 000 крымских беженцев, из них военных не менее 29 000»{166}. Розенбаумы могли знать и то, что еще годом ранее, 15 ноября 1919-го, министр юстиции второго Крымского краевого правительства в 1918–1919 годах В. Д. Набоков вместе с семьей покинул Крым на греческом судне «Надежда».

Правитель и главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России П. Н. Врангель навсегда запомнил эпическую картину: «13 ноября полуостров Крым в величайшем молчании принимал красные войска, направлявшиеся для занятия городов: Евпатории, Севастополя… Феодосии, Керчи». Действительно, в ночь на 14 ноября части Латышской советской дивизии заняли Евпаторию. Так как политические процессы в Крыму задержались,

большевики вынуждены были, энергично наверстывая упущенное, исполнять советские декреты. Таким образом, Розенбаумам дважды пришлось испытать на себе большевистское переустройство жизни — в столице и в провинциальной Евпатории.

В ноябре 1920 года евпаторийцы, включая семью Розенбаум, стали свидетелями того, как красные сразу же по возвращении в город организовали комиссию по увековечению памяти своих товарищей, погибших от рук белогвардейцев{167}. 19 декабря в Евпатории состоялось торжественное погребение «жертв контрреволюции, погибших от рук Врангеля». Учебные заведения получили установку: учащимся от двенадцати лет, а также членам Союза просвещения и социалистической культуры строго обязательно принять участие в траурном шествии. Сбор школьной колонны назначили на девять утра возле здания 1-й женской гимназии; школьная колонна под флагами Союза просвещения и соцкультуры присоединилась к процессии около бывшей земской больницы{168}.

Через печатный орган Военно-революционного комитета до евпаторийцев сразу же были донесены первые директивы новой власти, в том числе разъяснено, как будут строиться отношения с местным населением и в первую очередь с «нетрудовым элементом», к которому новая власть, безусловно, причисляла и Зиновия Розенбаума. Для точного учета профессионального состава населения и всех «трудообязанных» Крымревком объявил «обязательную регистрацию всех работающих, безработных, ищущих труда и не занимающихся общественно-полезным трудом»{169}: все отделы управления уездных и городских ревкомов в десятидневный срок должны были произвести регистрацию враждебных Советам лиц, а существующие в городе организации и учреждения — в короткий срок провести учет трудоспособного населения.

Многие владельцы предприятий тотчас выполнили требование новой власти: были зарегистрированы паровая мельница Якубовича, круподерка Верещаковского, маслобойные заводы Улицкого, Барановского и Обуховского, три мельницы — мукомольная Духина, паровая-вальцевая Баллеров, моторно-мукомольная и маслобойня Лейбова. Зарегистрировались и кустари: жестянщики, часовщики, сапожники, портные, шапочники — всего 373 человека, с криками «ура!» приветствовавшие власть Советов. Зарегистрировались серебряники, баштанщики, сборщики сырья для технических и других видов промышленности, мелкие торговцы, рабочие чугунолитейного и машиностроительного завода братьев

Мильрудов, рабочие порта и рейда и многие другие{170}.

По итогам регистрации отдел управления Военно-революционного комитета через газету «Известия» сообщил: на 1 декабря 1920 года в Евпатории проживали 950 лиц, служивших в гражданских учреждениях Врангеля, 1105 беженцев, 206 иностранных подданных и — дословно — «пока 210 человек нетрудового элемента»{171}. Именно для работы с этой категорией жителей при отделе управления Евпаторийского ревкома был организован специальный подотдел принудительных работ, сотрудники которого должны были работать с представителями нетрудового класса обоего пола от 18 до 45 лет, к которым относились «все бывшие помещики, фабриканты, заводчики, торговцы, все пользовавшиеся наемным трудом». Названных лиц согласно графику вызывали для регистрации. Так, 12 декабря в подотдел принудительных работ должны явиться лишенцы-беженцы, чьи фамилии начинались с букв Р, С, Т, У, Ф, Х, а значит, и Зиновий Розенбаум, которым объявили, что им выдадут особые карточки, и предупредили: нарушившие требование власти будут караться по законам военного времени{172}.

А 13 декабря началась выдача хлебных карточек. С этой целью всё население распределили по трем категориям: А — взрослое население города, занятое физическим трудом; Б — безработные, домашние хозяйки, служащие учреждений, занятые умственным трудом; В — все остальные горожане{173}.

Конечно, Розенбаум мог рассчитывать только на категорию В, и ему с семьей, представителям нетрудового элемента, было особенно сложно выжить в трудное время. Засуха весны и лета 1921 года привела к страшному, ранее невиданному в благословенной Тавриде голоду, в результате которого Крым потерял 20 процентов населения{174}. В марте в Евпаторийском округе голодали 37 тысяч человек. В городе было зарегистрировано 250 голодных смертей, что составляло 80 процентов от общего количества умерших{175}.

Опубликованный 9 декабря 1920 года в газете «Известия» приказ № 17 о регистрации, видимо, не привел к ожидаемому результату: никто особенно не спешил в подотдел принудительных работ. Поэтому вскоре один за другим последовали приказы № 52, 62 и 85, которые были напечатаны в той же газете соответственно 30 декабря, 4 и 10 февраля. Последний приказ был особенно важным, так как определял механизм исполнения директивы: «Заполнившим в отделе управления анкеты нетрудового класса и не явившимся по каким-либо причинам, но подпадающим под приказы 52, 62, явиться для окончательной проверки в отдел управления с 22 по 24 февраля».

Тут же приводилось расписание приема нетрудового элемента по дням. Пришедшие должны были получить особую карточку с печатью отдела управления. Названные документы, по-видимому, являлись для большевиков безусловной юридической базой для административных действий.

Кроме того, все председатели квартальных комитетов Евпатории, которых на тот момент было в городе более тридцати, дали письменное обещание: «Я, нижеподписавшийся, даю свою подписку в том, что я обязуюсь принять все меры к выполнению приказа Уревкома № 85»[176].

В приказе № 52 конкретизировано понятие «нетрудовой элемент». К нему были отнесены:

бывшие землевладельцы, помещики, имевшие не меньше 150 десятин собственной земли и не обрабатывающие ее своим трудом, и арендаторы, имевшие не менее 300 десятин;

бывшие заводчики, фабриканты, владельцы паровых мельниц, маслобоен и прочих технических предприятий;

бывшие владельцы копей, каменоломен, соляных и рыбных промыслов;

владельцы магазинов, бывшие содержатели ресторанов, кофеен и т. д.;

банкиры и т. д.;

домовладельцы, дачевладельцы, владельцы пароходов, судов и т. д.

Таким образом, под определение «нетрудовой элемент» попадали все, эксплуатировавшие чужой труд, а также жившие на проценты от своего капитала.

Регистрации подлежали лица обоего пола от восемнадцати до пятидесяти пяти (а не сорока пяти, как указывалось ранее) лет[177]. Позже в приказе Крымревкома № 255 от 27 января 1921 года уточнялось, что к трудовой повинности не должны привлекаться женщины старше сорока лет, а мужчины — старше пятидесяти[178].

Приказ № 62 понадобился власти, потому что она «потеряла» бывших офицеров, военных чиновников, полицейских, а также духовенство и собственников, «по мирному времени имевших больше 25 000 рублей», и всех эвакуированных, приехавших в Крым при Деникине и Врангеле, которые по определению были враждебны новому государству, РСФСР, и требовали особого учета.

Архивные дела, включающие документы управления Революционного комитета Крыма первого полугодия 1921 года, содержат большое количество приказов именно по теме трудовой повинности. Опираясь на Основной закон РСФСР и Кодекс

законов о труде, «обязывающие всех трудоспособных граждан к выполнению общественно полезной работы в интересах социалистического общества», Крымревком объявлял свое право на привлечение даже иностранных подданных к отработке трудовой повинности (параграф 1 приказа № 195 от 3 января 1921 года). В списках лиц, зарегистрированных в Евпаторийском отделе управления согласно приказам № 62 и 52, на конец 1920 года значатся уже не 210, а 550 человек{179}, а на июль 1921-го — 679{180}.

Как все эти приказы коснулись Розенбаумов? По-видимому, Зиновий Захарович по первому призыву городской власти зарегистрироваться не явился в подотдел принудительных работ — в самом первом списке его имя не обнаружено. Зато в документе, датируемом концом декабря 1920 года, в «Списках нетрудового элемента» под № 425 мы найдем Розенбаума З. В.{181}

В сопроводительном письме отдела труда Евпаторийского ревкома от 27 июля 1921 года, направленного в отдел управления, поясняется, что представлены три списка разных категорий нетрудовых элементов на тринадцати листах{182}. В списке № 1 были 93 человека, «отправленные на работу в уезд». Список № 2, с адресами и фамилиями известных в Евпатории людей, включает 161 человека; например, там зафиксирован уже знакомый нам Н. Е. Бредихин и указан адрес его проживания: Санаторская улица, дом 2/53{183}. Наконец, список № 3, составленный строго в алфавитном порядке, с указанием возраста, адресов, рода занятий и, вероятно, количества членов семьи, включает 432 человека. Именно здесь под номером 297 числится «Розенбаум Зельман Вольфов» (большевистские делопроизводители явно не поняли, что Зельман Вольф — это двойное еврейское имя, и записали его вторую часть как отчество): 51 год; проживает по адресу: улица Гоголевская, дом Бредихина; род занятий — слесарное дело. В графе неизвестного значения указана цифра «4»; скорее всего, это количество иждивенцев: жена и три дочери{184}. Как видим, химик, бывший владелец крупной аптеки в Петербурге на Невском проспекте, «провизор» по евпаторийским документам 1919 года, в 1921-м занимался в Евпатории «слесарным делом»{185}.

На принудительные работы не брали с пятидесяти одного года. Розенбауму, родившемуся в ноябре 1869 года, в июле 1921-го было 50 лет, так что его тоже могли привлечь к принудработам, однако, похоже, по каким-то причинам всё же не привлекли.

В цепкой памяти Алисы Розенбаум сохранился эпизод

проведения в городе «недели бедноты», в ходе которой у буржуазии изымали «излишки» для бедных евпаторийцев. Действительно, в начале 1921 года красное правительство Крыма объявило такую «неделю». Солдаты ходили из дома в дом и, если обнаруживали «слишком много» вещей, изымали их. В список излишков порой входили самые необходимые вещи, отнюдь не являвшиеся предметами роскоши. «Некоторые люди оставались лишь в той одежде, что была на них», — вспоминала Айн Рэнд. У Розенбаумов солдаты забрали единственную оставшуюся у них «бесценную роскошь» — несколько кусков мыла{186}.

Эти действия осуществлялись в строгом соответствии с установкой на «ущемление буржуазии». Существовала даже — конечно, снабженная грифом «Совершенно секретно» — «Инструкция по производству операции в гор. Евпатории с целью изъятия излишков у буржуазии». Согласно этому документу, конфискация должна была производиться тройкой с участием председателя квартального комитета (или замещающего его лица). Изъятое имущество складывалось на подводы и в сопровождении одного из членов тройки отправлялось к уполномоченному либо складировалось в одной из комнат дома, где проводился обыск, которая опечатывалась. Излишками объявлялись предметы обихода сверх установленной нормы на человека, включавшей в себя один мужской костюм или два женских, одну пару обуви, два комплекта постельного белья, три пары носков или чулок, три носовых платка, один головной убор, летнее и зимнее пальто или шубу, два комплекта нижнего белья, два полотенца, головной платок, одеяло, подушку; продовольствие: по три фунта сахара, соли, кондитерских изделий, по фунту мыла, свечей, чая, кофе или какао, 45 фунтов муки, десять коробков спичек; 15 тысяч рублей (напечатанная цифра «50 000» зачеркнута), по одному перстню, нательному кресту и т. д.{187}

Читатель может предположить, что после национализации магазина отца и реквизиции «излишков» Алиса Розенбаум должна была возненавидеть красных и преисполниться любви к белым. Но это было не так. Для нее были одинаково неприемлемы методы и тех и других, о чем красноречиво свидетельствует высказывание, опубликованное уже после ее смерти:

> «Когда он (Крым. — *Л. Н., М. К.)* был оккупирован Белой армией, я почти жаждала возвращения Красной армии, и наоборот. На практике между ними не было особой разницы, была лишь в теории. Красная армия выступала за тоталитарную диктатуру и власть с

помощью террора. За Белой армией не стояло ничего; я повторяю: *ничего*. В ответ на чудовищное зло, с которым они боролись, белые не нашли ничего лучше, как провозглашать самые пыльные, банальные и пропахшие лозунги того времени: мы должны сражаться, говорили они, за Святую Матерь Россию, за веру и традиции… Пассивным и безразличным образом большинство русских людей стояли за Белой армией: они были не *за* белых, а только *против* красных; они боялись злодеяний красных… У красных был стимул — обещание всеобщего грабежа; у них было руководство и полудисциплина криминальной банды; у них были псевдоинтеллектуальная программа и псевдоморальное оправдание. У белых были иконы. Победили красные{188}.

Рупором пришедшей к власти новой политической силы стала большевистская пресса. Сегодня трудно судить, насколько эффективно работала приведенная ниже информация, какой мог быть эффект от исполнения приказов и требований советских руководителей Крыма и Евпатории. «Всё будет нашим!» — таков заголовок одного из материалов новой газеты «Известия Военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда». Кажется, именно в соответствии с этим лозунгом власть стала стремительно и безоглядно действовать сразу после своего утверждения в городе.

Лишь полмесяца понадобилось ей, чтобы начать последовательную реализацию политики национализации. Дачи, находившиеся около Евпатории, были объявлены достоянием трудового народа, необходимым для организации его санаторно-курортного лечения{189}. Коммунальный отдел ожидал от ревкома разрешения немедленно национализировать имеющиеся в городе парикмахерские{190}. Кинокомитет Евпатории национализировал кинотеатры «Модерн» и «Наука и Жизнь», которые тут же были переименованы соответственно в «I Советский народный» и «II Советский народный»{191}. Здание I Советского (бывшего городского) театра, представлявшее художественную ценность, тоже было национализировано. К счастью, по требованию Я. А. Тугендхольда ему обеспечили охрану.

Декабрь 1920 года стал в городе временем учета и регистрации всего и вся; похоже, на практике реализовывалась мысль пролетарского вождя: «Социализм — это учет». Совнархозам предписывалось учесть запасы спирта и

фруктов[192]. К суду ревтрибунала грозили привлечь не вставших на учет в трехдневный срок владельцев магазинов, швейных и пишущих машинок[193]. Также в течение трех дней со дня публикации приказа № 30 от 15 декабря 1920 года по отделу народного образования все лица, «у коих имеются фотографические аппараты, части их, фотографические принадлежности и материалы», должны были предоставить подробные списки во внешкольный подотдел[194]. По каким-то неведомым обстоятельствам евпаторийцам всё же удалось отстоять право не предъявлять для учета личные фотографии, а ведь ставился вопрос и об их национализации! Нетрудно представить себе положение евпаторийских фотографов, если бы в их архивах были обнаружены, например, фотографии, сделанные во время приезда царской семьи. А такие, без сомнения, были. В библиотеке «Таврика» при Центральном музее Тавриды в Симферополе хранится уникальный альбом фотографий 1915–1920 годов евпаторийского фотографа Кирилла Афанасьева, подаренный музею его внуком, в котором легко обнаружить пустующие страницы со следами уничтоженных снимков. 10 декабря Евпаторийский уездный военный комиссариат потребовал, чтобы все частные лица в трехдневный срок явились туда с письменным перечнем предметов, подлежащих взятию на учет: велосипеды, футбол (видимо, имелись в виду футбольные мячи), турники, параллельные брусья, шесты, «кобылы» для прыганья, гири, фехтовальные шпаги и маски, диски для метания, принадлежности для лаун-тенниса и крокета. Евпаторийцам предписывалось сдать в трофейную комиссию лошадей, конское снаряжение, повозки, коляски, военное имущество[195]. Подотдел дошкольного образования к началу декабря взял на учет армянскую библиотеку, богатейшую библиотеку караимского общества Карай Битиклиги и склад караима Аваха[196]. Приказ отдела народного образования № 30 от 15 декабря 1920 года предписывал всем лицам, имеющим значительное собрание книг (начиная от ста штук), не позже 18 декабря предоставить во внешкольный подотдел подробную опись всех книг, но оговаривал: «В нужных случаях будут выданы охранные грамоты». Под угрозой конфискации горожанам было приказано сдать под расписку в бывшую городскую публичную библиотеку книги, принадлежащие бежавшей «буржуазии»[197]. В то же время местный отдел Крым-РОСТА потребовал от жителей сдать газеты, журналы и другие полиграфические материалы времен Деникина и Врангеля независимо от их количества[198].

Для учета и охраны художественных ценностей все граждане Евпатории, имевшие картины, статуи, гравюры, ковры, коллекции

старинных вещей, музыкальные инструменты всех видов и нотные библиотеки, были обязаны в пятидневный срок зарегистрировать их в подотделе искусства на предмет получения печатных охранных квитанций. Неисполнение этого требования влекло за собой ответственность по закону Советской Республики{199}. Срок регистрации музыкальных инструментов и нот заканчивался 18 декабря 1920 года. Власть грозила: незарегистрированные инструменты и ноты будут реквизированы{200}. Это значило, что Розенбаумам (или их домовладельцу Бредихину) пришлось зарегистрировать пианино, на котором играла Наташа. 23 декабря Тугендхольд докладывал коллегии Наробраза, что все магазины музыкальных инструментов и музыкальное имущество взяты на учет и сосредоточены на центральном складе, там же устроена музыкальная мастерская{201}.

Журналистам, литераторам и техническим газетным работникам предлагалось с 4 по 10 декабря зарегистрироваться в местном отделе Крым-РОСТА{202}. Евпаторийский уездный военный комиссариат призвал представителей спортивного сообщества явиться для регистрации{203}. Совнархоз под угрозой ревтрибунала приказывал зарегистрироваться инженерам, техникам, архитекторам и десятникам{204}.

Национализация «буржуйской» собственности коснулась и Розенбаумов. По приказу Крымревкома № 138 от 18 декабря 1920 года имущество аптек было объявлено народным достоянием{205}. Так что Розенбауму пришлось снова расстаться со своим делом — аптечным магазинчиком. Несмотря на это, он как бывший владелец аптеки должен был согласно приказу Ревкома Крыма № 351 от 3 мая 1921 года предоставить городу два термометра и один шприц в связи с тяжелой обстановкой в медицинских учреждениях{206}.

Зато Анна Борисовна с ее педагогическим образованием даже в самое беспросветное в материальном плане время имела шанс получить работу, а с ней и хлебную карточку. Известно, что трудовой паек, который получали учительницы одной из школ города в октябре 1921 года, включал $^3/_4$ фунта (чуть больше трехсот граммов) хлеба, полфунта сахара, фунт соли и десять фунтов овощей[24].

Молодая власть Советов в Евпатории, очевидно, используя опыт победившего в других российских регионах большевизма, умело структурировала жителей через профессиональные союзы. В городе одно за другим проходили собрания членов учительского союза, союза врачей, союза строительных рабочих{207}. С 15 по 19 декабря в Пушкинской аудитории состоялись общие профсоюзные собрания работников

коммунального хозяйства, местного транспорта, народного питания и общежития, народной связи, земли и хозяйства, а также лиц, работающих по найму{208}. Были образованы профсоюзы металлистов, работников пищевой и швейной промышленности, искусств, медиков, строительных рабочих, полиграфистов, советских служащих, работников просвещения и социалистической культуры, кожевников, деревообделочников. К концу января 1921 года 16 общественных профессиональных организаций были объединены под руководством Оргбюро и собраны в здании Дворца труда (бывшая гостиница Бейлера), в котором профсоюзы позднее разместили и рабочий кинотеатр, и библиотеку{209}. Нельзя думать, что профсоюзы стали противниками победившей партии и противостояли власти в вопросах нарушения прав человека, в том числе конфискации частной собственности. Они, «школа коммунизма», были правой рукой Советов.

Можно сопоставить грабительские методы работы советской власти с аналогичной деятельностью городской управы под контролем белогвардейцев, когда она в разоренной Гражданской войной и революцией Евпатории тоже была вынуждена искать способы поддержки, например, безработных. Именно для такой категории горожан в феврале 1920 года управой была организована помощь нуждающимся, в которой имущим людям предлагалось поучаствовать. Но благосостояние многих в прошлом богатых людей оказалось подорвано. К примеру, князь Н. С. Волконский объяснял свой отказ председателю комиссии по сбору денег для безработных, начальнику Евпаторийского уезда: «Сам я беженец из Совдепии и в Крыму никакой недвижимости не имею»{210}. По этому же поводу караим Я. Б. Гелелович предложил комиссии обратить свой взор на тех, «кто занимается спекуляцией движимого и недвижимого имущества, а также съестными припасами», — вот они-то «прибавили миллионы»{211}. Так что имущих обдирали и белые, и красные.

Очевидно, именно «излишками» зажиточных людей был озабочен Военно-революционный комитет Евпатории, опубликовавший приказ о создании комиссии «по сбору белья с буржуазии»{212}. До учебных заведений довели информацию за подписью заведующего евпаторийским отделом народного образования Роберта Уйски, что отделом учреждена комиссия для распределения обуви, белья и одежды между учащимися всех школ; администрация воспитательных учреждений должна была предоставить списки нуждающихся{213}.

Во время «недели бедноты» отец одноклассницы Алисы, в прошлом промышленник, владевший при белых небольшим

производством, был арестован и расстрелян. Его тело нашли на берегу моря. Из всего того, что солдаты награбили в его доме, в школы был направлен лишь комплект одежды для ученицы. Чтобы решить, кто получит поношенную одежду, девочки должны были тянуть жребий. Айн Рэнд вспоминает:

> «Я не могу вам выразить весь ужас, который я почувствовала, когда мой класс получил платье, принадлежавшее дочери расстрелянного. Несчастная девочка сидела за партой как онемевшая, молча глядя, как ее платье показывали классу. Никто из девочек не хотел брать его; они отказались тянуть жребий. Но одна “социально настроенная девочка” сказала, что она хочет платье, что у нее есть на это право, что она бедна и ее одежда рваная. Она взяла это платье»{214}.

В приведенных приказах и распоряжениях большевиков однозначно выражены намерения новой власти. А практика их реализации, по воспоминаниям Айн Рэнд, была порой страшнее самой мрачной антиутопии.

Конфискация (если это не прямой грабеж) предполагает следующий этап — распределение изъятого. На мартовской коллегии Наробраза 1921 года при участии подотделов — школьного, татарского, искусства и соц-воспитания — слушали вопрос о распределении «полученных» вещей и постановили отложить решение на несколько дней до сортировки вещей, хотя уже поступили срочные заявки, в первую очередь на ковры для клубов. С коврами вообще получился скандал: по постановлению Крым-ревкома 13 штук затребовали у клубов назад для передачи Внешторгу{215}.

В Крыму, как и везде в Советской России, была организована чрезвычайная комиссия по переселению рабочих в дома буржуазии. Так, семья будущего поэта Сельвинского, молодого сотрудника подотдела искусств Евпаторийского наробраза, из убогого жилища в доме Якубовича на Лазаревской улице переселилась в дом богатого караима Мичри{216}. Получила «буржуйскую» дачу семья Я. Тугендхольда{217}.

Стоит ли думать, что строительство нового общества не воодушевляло никого из евпаторийцев? Коммунистические идеалы, похожие на библейские заповеди, были близки очень многим, жившим мечтой о совершенном обществе всеобщего равенства и благоденствия. Их мало касались «ущемления», «излишки», «национализация художественных ценностей» и т. п. Как справедливо писал о Великой французской революции Томас Карлейль, люди верили в «возможность, даже в неизбежное и

скорое наступление всемирного Золотого века, царства Свободы, Равенства и Братства, в котором человек человеку будет братом, а горе и грех исчезнут с земли»: «Нет хлеба для еды, нет мыла для стирки, а царство полного счастья уже у порога, раз Бастилия пала!»{218}

Теперь же на глазах у жителей Евпатории соотносились теория большевизма и его практика.

Розенбаумы и ликбез

История частных и казенных крымских гимназий завершилась 27 ноября 1920 года, когда Крымревком издал приказ № 57 за подписями председателя Белы Куна и заведующего Крымотделом Наробраза П. И. Новицкого о перестройке работы учебных заведений полуострова{219}. Все учебные заведения Крыма — казенные, частные, общественные, профессиональные и национальные — переходили в ведение Социалистической Советской Республики; все частные лица, общественные организации и национальные общины утрачивали все права на них. Так, А. А. Погор-жельский потерял право на здание, которое он как собственник сдавал в аренду гимназии Рущинской и Миронович — той самой, в которой училась Алиса Розенбаум. А у караимов изъяли выстроенное ими на собственные средства монументальное здание Александровского караимского духовного училища.

Учебные заведения получили статус «советская школа такой-то (I или II) ступени» и нумеровались. Институты классных дам в женских школах и классных надзирателей в мужских упразднялись. Отменялись плата за обучение и оценки. Восьмой класс бывших гимназий сохранялся до конца 1920/21 учебного года. В расписание занятий выпускников были введены новые предметы «социалистической школы» — «Советская конституция» и «Политическая экономия». Впредь выпускным объявлялся седьмой класс, причем его программа была дополнена общеобразовательными предметами из прежнего восьмого класса и вышеназванными новыми предметами.

На исполнение приказа Крымревкома было дано три дня со дня его получения на местах. В январе 1921 года отдел народного образования разделил, как требовалось наркоматом, учебные заведения на четырехклассные школы I ступени и трехклассные II ступени[25]. К этому времени обследовали 12 общественных школ для включения в формирующуюся государственную сеть учебных заведений{220}. Школьный подотдел, в связи с начатыми структурными преобразованиями переименованный в подотдел Единой трудовой школы, отчитался в феврале 1921 года о наличии в городе двадцати двух школ I ступени и семи школ II ступени{221}.

Таким образом, с 1921 года Евпаторийская казенная женская гимназия, где учились младшие дочери Розенбаум, была преобразована в советскую школу № 2 II ступени (заведующий С. М. Рылов). Кроме нее на март 1921 года в здании располагались

еще советская школа № 3 II ступени (заведующий Х. Х. Соколов) и школы № 17, 18, 19, 201 ступени, очевидно, работавшие посменно[222]. Хорошо еще, что к 1921 году оттуда вывели третью смену — вечернюю школу для взрослых[223]. Наконец, в 1923 году Наркомпрос РСФСР своим циркуляром оценил данную ситуацию как «неблагополучно отразившуюся на школьном деле»[224] и отменил карикатурное «расчленение» учебных заведений.

Мужская гимназия какое-то время использовалась под лазарет № 3, по другим сведениям — под хирургический военный госпиталь (возможно, это одно и то же)[225]. Конечно, здание пытались вернуть в образовательное ведомство. Завязалась борьба между просвещенцами и ревкомом. Еще в декабре 1920 года телеграммой в адрес председателя Крымревкома начальник Наробраза Роберт Уйска информировал о планах военных реквизировать здание под курсы красных командиров и подчеркивал, что это лишит учащихся помещений для занятий. В мае 1921 года было решено госпиталь немедленно перевести на дачу «Отдых», а в здании бывшей гимназии развернуть занятия — но не школьников. Весь квартал, уже частично занимаемый Особым отделом 46-й дивизии, определили передать полностью в распоряжение комкурсов, что и было выполнено[226]. Крымревком, опираясь на уже имеющийся приказ об освобождении зданий, принадлежавших ученым, учебным заведениям, культурно-просветительским обществам, всё же обязал местные ревкомы принять меры[227]. Это здание и по сей день используется под учебное заведение.

Бывшие училища и гимназии, с учительскими кадрами, лояльными к новой власти, стали основой формируемой советской системы образования. Следует подчеркнуть, что только благодаря большевистской беспрецедентно жесткой и последовательной политике ликвидации безграмотности, реализованной в кратчайшие сроки, страна стала практически поголовно грамотной.

Царское правительство не одно десятилетие пыталось решить проблему безграмотности, но закрыли ее большевики. В начале 1921 года совершенно неграмотными в Крыму были 48 процентов населения. Проведенный в Евпатории в июле 1921 года учет выявил 21,5 тысячи человек, не умеющих читать и писать на родном языке. Ничего удивительного: согласно первой всероссийской переписи населения, на 7 февраля 1897 года, в спокойное еще время, в городе грамотными были 37,17 процента жителей, в уезде и того меньше — 27,35 процента, а войны и революции не способствовали просвещению народа.

Ликвидация безграмотности началась на полуострове весной

— летом 1921 года. Развернутая большевиками мощная идеологическая кампания по ликвидации безграмотности строилась на принципах, диаметрально противоположных тем, что были сформулированы на совещании директоров Одесского учебного округа в 1906 году. Тогда руководители учреждений образования рассуждали так: поскольку «ощущения потребности в образовании» у населения нет, то «обязательное образование в Таврической губернии преждевременно». Для достижения общедоступности обучения в Таврической губернии был установлен пятнадцатилетний срок{228}. Теперь же молодые командиры просветительского фронта действовали решительно, жестко, не стесняясь принуждения, и эта политика принималась населением, в том числе образованной его частью, поскольку давала возможность педагогическим трудом заработать продуктовую карточку.

И всё же важнее другое: образовательная политика большевиков легла на благодатную почву — мифологизированное сознание широких масс приняло европейскую идею просвещения, которое возвышает человека, способствует его продвижению вперед, обеспечивает достойную жизнь и успешную самореализацию, дает внутреннее ощущение свободы. Миф об образовании сыграл конструктивную роль — он дал надежду на лучшее будущее.

Имеются сведения, что даже Алиса Розенбаум, учащаяся советской школы II ступени, в течение некоторого времени обучала неграмотных красноармейцев читать, писать и считать. Алиса хорошо запомнила, как пришла на первое занятие, объятая ужасом и страхом. Но, к ее удивлению, эта работа ей понравилась. Понравились честность грубых мужчин, их желание научиться грамоте:

> «Они относились ко мне — учительнице — с благоговением, и я чувствовала себя в безопасности среди них»{229}.

Где именно преподавала Алиса, неизвестно. Специальные евпаторийские «школы красноармейцев» в январе 1921 года функционировали в бывшем доме Васильева на Свято-Николаевской улице, а также в расположении 1-го и 2-го батальонов 410-го полка{230}. Кроме того, вечерние школы были открыты при госпиталях и при караульной команде. Алиса могла также преподавать в классах Приморской санатории.

В январе 1921 года в Крыму ликбез был поставлен на государственную основу. Первоочередной задачей Крымской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности стало

поголовное обучение грамоте членов профсоюзов в возрасте до тридцати пяти лет и сельского населения до двадцати пяти лет к 1 января 1922 года[231]. Желающие пополнить свои знания могли записываться в специальные школы для взрослых. В Евпатории это можно было сделать у учительницы М. И. Кандыкиной с 16 до 18 часов в доме Сарача на Пушкинской улице. Вопрос образования был так актуален, что внешкольный подотдел, занимающийся школами для взрослых, ежедневно принимал до двухсот посетителей[232]. С начала 1921 года при внешкольном подотделе Евпаторийского наробраза, а позже при Политпросвете на автономных началах функционировала чрезвычайная комиссия по борьбе с неграмотностью — Грамчека[233].

Согласно инструкции Грамчека, под «ликвидацией безграмотности» понималось «обучение неграмотных чтению, письму и счету»; посещение школы грамоты было объявлено обязательной трудовой повинностью. Для учеников таких школ на два часа сокращался рабочий день с сохранением заработной платы. Уклонявшихся от обучения в школах грамоты могли перевести на низшую категорию снабжения продовольствием и предать суду как трудовых дезертиров[234]. Вышестоящее крымское начальство в марте 1921 года определило размер почасовой оплаты учителей дифференцированно, в зависимости от города — например, в Евпатории она составляла 300 рублей[235].

К марту 1921 года в разных частях города регулярно работало уже шесть таких учреждений. В школьную сеть была включена даже вечерняя гимназия II ступени, дающей среднее образование. Началась работа по организации вечерней мусульманской школы. В Новой Слободке запланировали к тому же устроить клуб для взрослых. Подыскали помещения для двух красноармейских школ на 200–300 человек. При 2-м госпитале была также открыта школа для взрослых.

Открытие такого количества новых школ требовало дополнительных педагогических работников. На уездном съезде ревкома 14 декабря 1920 года руководитель Евпаторийского наробраза товарищ Уйска безапелляционно заявлял: «Для обучения неграмотных будут привлечены сотрудники в порядке трудовой повинности»[236]. Отдел народного образования Евпатории 2 декабря 1920 года через печатный орган ревкома «Известия» пригласил желающих работать в этих школах подавать заявления во внешкольный подотдел.

Эта информация об учительских вакансиях стала доступной Анне Борисовне Розенбаум, пришедшей по объявлению в отдел народного образования. Из анкеты, заполненной ею, как всеми

служащими, следует, что она работала учительницей в вечерней школе для взрослых[237]. Таких школ, как уже сказано, в Евпатории было несколько; одна из них располагалась в здании бывшей женской гимназии, где в этот момент учились младшие девочки Розенбаум[238]. Возможно, именно здесь и преподавала их мать.

Еще в 1918 году, в Петрограде, Анна Борисовна стала членом союза врачей, а с 1920-го (по-видимому, с началом службы в евпаторийской системе образования) вступила в союз учителей города. На вопрос анкеты, к какой работе проявляет наклонность, она ответила: к педагогической. Отзыв о службе А. Б. Розенбаум в вечерней школе для взрослых лаконичен: «К делу относится добросовестно»[239]. Очевидно, педагогическая работа была для нее желанным делом и впоследствии, поскольку, вернувшись из Крыма в Петроград, она устроилась преподавательницей 2-й школы для рабочих подростков Володарского района[240].

Подводя итоги деятельности Крымнаркомпроса за период с 15 ноября 1920 года по 1 января 1922-го, его руководители честно скажут: условия работы с первых дней организации образовательного процесса по-советски были «весьма неблагополучными». В плачевном состоянии оказалась материальная база. Разноязычное население было отсталым в культурном отношении и наполовину неграмотным. Учительство в большинстве своем не понимало новых советских идей и нередко относилось к ним враждебно. Не хватало опытных работников. Связь с центром была плохая. Отсутствовала советская литература, общая и специальная. С весны 1921 года продовольственный кризис постепенно превратился в голод, финансовый — в нищету. Учреждения финансировались без сметы[241].

Благодаря большевикам Р. И. Уйске, С. Ф. Басий-Искре, Я. А. Тугендхольду, а также сочувствующим советской власти С. Я. Федорченко, Н. П. Ракицкому и П. Я. Чепуриной в управлении образованием и социалистической культурой Евпатории сложился такой творческий тандем, какого ни раньше, ни позже город не знал. Кадровый потенциал новой власти был уникален, благодаря чему евпаторийская интеллигенция с бблыпим доверием могла принимать жесткие методы молодой советской власти.

После драматичных военных утрат, голода и холода в Крыму всем миром одолели ошибки и болезни роста. Сохранили от развала школьную сеть, выжили без платы за обучение, без школьного налога. Пережили отмененное Наркомпросом РСФСР только в 1923 году так называемое расчленение школ с

посменными занятиями в одном здании нескольких образовательных учреждений. Весной 1921-го привели в действие декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Во всех школах полуострова ввели — тоже в 1921 году, без промедления — новое правописание на основе декрета о новой орфографии.

Всё пережили, создав знаменитую систему советского образования.

Алисины победы и поражения

Алисе Розенбаум крымское время принесло свои победы — и поражения. Весной апокалиптического 1921 года она окончила среднюю школу. Алиса провела в Евпатории не так много — два с половиной года; но именно здесь она во многом сформировалась как личность. По мнению классического биографа писательницы, Барбары Брэнден, именно в Евпатории Алиса приняла несколько судьбоносных решений, почувствовала, что она взрослая и может многое решать сама. Именно в Евпатории, во второй раз наблюдая национализацию и экспроприацию имущества, которую она отождествляла с учением альтруизма, будущая писательница сформулировала свою концепцию индивидуализма и систему жизненных ценностей. Стоя в бесконечных очередях за едой, которую получали по всё уменьшающимся нормам, Алиса пыталась понять сущность добра и зла. Она твердо, по-взрослому решила, что будет писательницей. Это было уже не просто каким-то решением на будущее, это было неотложной практической задачей. В тот момент Алиса еще не думала о карьере в Америке; при этом она хотела писать по-русски, но жить за границей. Здесь она впервые стала преподавать: сначала объясняла своим одноклассницам, как правильно решать задания, а потом работала в школе для пролетариата{242}.

Значительные изменения произошли в ее отношениях с родственниками. Она сблизилась с сестрами, особенно с Норой:

«Нам нравились одни и те же книги, она развивалась совершенно в том же направлении, что и я, она хотела стать человеком искусства, художницей».

Отношения с Наташей также стали теплее, но всё же не настолько, как с Норой:

> «Она была моей полной противоположностью: она не была интеллектуальной, она была весьма “женственной”. Когда мы ходили в тряпье, она думала о своей внешности. Она была больше заинтересована в мужчинах, чем я; у нее были подруги в школе, чего никогда не было ни у меня, ни у моей сестры, она была гораздо более обыкновенной. Однако она была очень работящей, к примеру, она хотела быть пианисткой и упражнялась по восемь — десять часов в день».

Именно в Крыму Алиса почувствовала в отце своего интеллектуального союзника. Однажды, еще до прихода

большевиков, в Евпатории должна была пройти лекция на политическую тему какого-то известного политика антибольшевистской ориентации. Вход на нее был платным. Несмотря на стесненные финансовые обстоятельства, Зиновий Захарович решил пойти. К его удивлению, Алиса попросилась пойти с ним. Изумленный отец взял дочку с собой. По дороге домой отец впервые заговорил с ней как со *взрослой* и с большим интересом отнесся к ее идеям.

В Крыму же Алиса впервые стала думать об интимной жизни. Не желая шушукаться с одноклассницами, она перерыла словари в библиотеках в поисках информации об этой, пока еще не знакомой ей, стороне жизни. Однажды она услышала, как какая-то девица в школе рассуждала о любви, утверждая, что сексуальное желание и духовная любовь — это разные вещи. Впоследствии писательница заявляла: «Я была решительно против этой идеи — как тогда, так и сейчас». Она сказала той девушке: «Если это так, то это неправильно, и я против этого». По ее мнению, сексуальное и духовное начала не могут быть отделены друг от друга. Такое представление о сексе, по ее словам, сформировалось у нее уже к пятнадцати годам. Ее идеальный мужчина должен быть героем, красивым и умным: «Это не мог быть только красивый облик без интеллекта». Тогда же она решила, что у нее не будет детей — надо будет тратить всё время на карьеру писателя.

В Крыму шестнадцатилетняя Алиса Розенбаум, вдохновленная Гюго, сочиняла свой «первый взрослый роман», действие которого происходило в средневековой Франции, где противоборствующие группы феодалов сражались за и против злого короля в эпической гражданской войне (в юности Алиса восхищалась феодализмом, по ее мнению, представлявшим собой «пирамиду возможностей» с благородными и прекрасными мужчинами и женщинами на вершине). Написав около трети запланированного, она остановилась и на какое-то время вообще перестала писать прозу, решив, что слишком молода для создания качественных произведений. Вместо этого она стала составлять списки сюжетов и тем для будущих проектов. «К тридцати годам, — заявила она, — я буду знаменитой». (Забегая вперед, скажем, что по-настоящему знаменитой она станет чуть позже, в 40 лет, после выхода романа «Источник».)

Почувствовав, что она талантливее всех своих соучениц, Алиса начала вести дневник, в котором делала весьма крамольные записи, о содержании которых нам известно только из ее воспоминаний: Алиса сожгла дневник, покидая Крым и зная, что в большевистском окружении его содержание может стоить

жизни ей и ее семье. К примеру, она писала там о важности интеллектуального развития: люди без интеллекта, по ее мнению, «совершенно неважны; они вообще не люди». К таковым будущая писательница не чувствовала ни ненависти, ни раздражения — вообще ничего. В дневнике Алиса развивала свою концепцию неприятия большевистского лозунга, что человек должен «жить для государства». По ее мнению, человек должен жить для себя! Возможно, именно в Евпатории, а не в Петрограде она отошла от религии. По словам Барбары Брэнден, на одной из страниц дневника она написала: «Сегодня я решила стать атеистом».

Память о евпаторийском периоде жизни семьи Розенбаум стала тем краеугольным камнем, на котором позднее были построены здание философской концепции Айн Рэнд и идеологическая основа ее художественных произведений. По мнению филолога и культуролога Александра Эткинда, во всём творчестве Айн Рэнд очевидны идеологические уроки русской революции, а первые ее произведения «Мы живые» и «Гимн» «посвящены переработке болезненного российского опыта»{243}. Роман-утопия «Атлант расправил плечи» во многом также посвящен объяснению философских ошибок большевистского строя. Нет необходимости сопоставлять будущие идеи Айн Рэнд с ее жизнью в 1919–1921 годах в Крыму, но следует отметить, что юная Алиса Розенбаум, оценивавшая происходившее там и тогда с подростковым максимализмом и железной логикой, обладала особой чуткостью, своеобразной восприимчивостью и развитым чувством справедливости — качествами, позднее ставшими базовыми в личности писателя и философа Айн Рэнд.

Розенбаумам пришлось задержаться в Евпатории до лета 1921 года, когда дочери завершили учебный год. Свидетельство об окончании школы было выдано Алисе 30 июня. По-видимому, вскоре после этого семья стала собираться назад, в Петроград. На этом настоял Зиновий Захарович. Вспоминая то время, Айн Рэнд считала, что это была самая большая ошибка отца. Нельзя было возвращаться. Анна Борисовна умоляла мужа бежать морем за границу, однако тот, полагая, что власть Советов долго не продержится, считал, что лучше спокойно вернуться домой и там дождаться падения большевистской диктатуры.

Глава третья
ПЕТРОГРАД — ЛЕНИНГРАД

Возвращение

Наконец маленькая провинциальная Евпатория осталась позади. В романе «Мы живые» Алиса Розенбаум, уже ставшая Айн Рэнд, описала возвращение семьи в Петроград.

> «Медленно, устало поезд приблизился к остановке, последней за долгий путь через разоренные просторы России. На трехдневный переезд из Крыма ушло две недели»[26].

Ее героиня улыбнулась, услышав на вокзале знакомый звук трамвайного колокола, и поняла, что для нее начинается новая жизнь. Не стоит сомневаться — это чувства самой Айн Рэнд.

Писательница позднее говорила, что в романе в деталях описаны подробности возвращения Розенбаумов в Петроград{244}. Если верить произведению, для начала члены семьи должны были в течение нескольких недель дежурить на евпаторийском вокзале в ожидании поезда. Вокзал был замусорен и вонюч, люди неделями не мылись и питались отбросами. После длительного ожидания им наконец-то удалось влезть в переполненный и грязный пассажирский вагон — по дореволюционным понятиям, третьего класса. Страшные люди с ружьями периодически проверяли документы. В какой-то момент их вагон сломался, и пришлось переместиться в товарный.

Так об этом повествует во многом автобиографический роман «Мы живые». Однако он рассказывает не обо всём.

По дороге домой Розенбаумы вынуждены были сделать пересадку в Москве, где прождали несколько часов. Алиса впервые увидела новую столицу России — гигантский город, показавшийся ей еще более огромным после провинциальной Евпатории. Как ни странно, при этом она не испытывала отвращения, которое вполне могла бы ощущать по отношению к большевистской столице:

> «Я точно почувствовала, насколько велик мир, как в нем много больших городов; я должна была обратиться ко всем к ним… Это чувство было по-волшебному торжественным. Это был момент посвящения, открытия дверей»{245}.

Надо сказать, что Розенбаумы были отнюдь не единственными евреями, вернувшимися в Петроград в это время.

Город, опустевший в период военного коммунизма, в начале 1920-х годов постепенно наполнялся жителями — и новыми, и теми, кто покинул его во время Гражданской войны. В 1923 году еврейская община Петрограда достигла рекордной численности — 52 373 человека, составляя 4,9 процента населения города и занимая по этому показателю первое место среди его национальных меньшинств{246}.

Первое, что Розенбаумы увидели, сойдя с поезда на Николаевском вокзале, был огромный лозунг «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА!». А рядом — объявление: «ОСТОРОЖНО — ХОЛЕРА! НЕ ПЕЙТЕ СЫРУЮ ВОДУ!» Над вокзальными воротами висели серп и молот, с ними соседствовал плакат с изображением гигантской вши и подписью: «ВШИ РАСПРОСТРАНЯЮТ БОЛЕЗНИ!»

Выйдя из здания вокзала, Алиса увидела знакомые улицы с опустевшими торговыми рядами, с вывесками, изрешеченными революционными пулями. Перед магазином с указателем «ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ЦЕНТР» тянулась бесконечная очередь из оборванных, худых и изможденных людей. На углу старая женщина, держа поднос с сахарином, робко предлагала пробегавшим мимо озабоченным прохожим купить его. На украшенном красными флагами бывшем Невском проспекте, а теперь проспекте 25 Октября, можно было видеть несколько небольших новых лавок, открывшихся после принятия в марте 1921 года новой экономической политики.

Семья вернулась в дом 120, в котором жила до отъезда в Крым, не позднее августа; значит, Евпаторию она покинула не позднее июля. Возвращение домой было не особенно приятным: их квартира была занята неким пролетарским художником, мастером по рисованию лозунгов, вывесок и агиток, присвоившим себе часть их мебели и переместившим остальное в подвал. Таким образом, Розенбаумы «получили обратно только то, что он не мог использовать… И поэтому… жили в настоящей нищете»{247}. На самом деле они еще должны были радоваться: давший взятку управдому Зиновий Захарович смог выбить для семьи трехкомнатную квартиру с маленькой кухонькой на четвертом этаже[27]. По понятиям того времени это было очень даже неплохо. Гораздо хуже, что в то время в доме не было ни электричества, ни воды. Представьте себе на секунду, какой ужас испытывали сверхчистоплотная Алиса и ее мать! (В Америке будущая писательница часами пускала воду в душе, чтобы обезопасить себя от микробов.) Если воду можно было доставлять на четвертый этаж ведрами, то для освещения приходилось довольствоваться свечками, которые тоже не так-то просто было

добыть.

Вскоре Розенбаумы оказались в бесконечных очередях за предметами первой необходимости в государственных магазинах, где приобретали любую еду, какую только можно было купить, прежде всего вяленую рыбу, пшено и чечевицу. Всё это жарилось на примусе на сале или льняном масле. На завтрак у них было пшено, на обед — пшено, а на ужин — пшено и сушеная рыба, если ее удалось купить.

По вечерам люди старались поменьше выходить из дома, чтобы не быть ограбленными. Органы ВЧК по ночам проводили массовые аресты «контрреволюционеров». Многие частные лавочки, появившиеся при нэпе, были вынуждены закрыться: у людей попросту не было денег, чтобы покупать их товары. При этом некоторые купались в роскоши: Алиса своими глазами видела выходящих из роскошных лимузинов богачей с дамами в собольих шубах.

Алиса — студентка

Для Алисы вскоре началась новая, студенческая жизнь.

Сразу по приезде в Петроград, 24 августа 1921 года, она подала ректору Петроградского университета прошение о зачислении{248}. Ей пришлось побегать по Петрограду: сфотографироваться, получить в отделении записей актов гражданского состояния копию метрики, а у председателя домового комитета взять выписку из домовой книги. Революция наделила председателей домкомов, ставших посредниками между жильцами и государством, особенными полномочиями. Рассмотрев маленькие фото Алисы для студенческого личного дела и сличив их со стоящим перед ним оригиналом, председатель домового комитета своей подписью на фотографии удостоверил ее личность{249}.

В университетском матрикуле № 2856 значится дата зачисления — 2 октября 1921 года{250}. Так в неполные 17 лет Алиса Розенбаум стала студенткой общественнопедагогического и литературно-художественного отделения факультета общественных наук. Это отделение, объединявшее преподавание исторических, филологических и юридических дисциплин, было новым словом в советском образовании. В качестве специализации Алиса, по ее словам, могла избрать философию или литературу, однако ни то ни другое не привлекало ее: философия была слишком далека от реальной жизни, а ее литературные вкусы — столь же далеки от общепризнанных. По этой причине юная студентка решила особое внимание уделить истории, которая ей была необходима в качестве общего фона будущих произведений. Несмотря на то что в ее дипломе об окончании университета история нигде не указана в качестве специализации, наиболее частыми в списке прослушанных курсов были именно исторические дисциплины.

К 1921 году Петроградский университет пережил ряд перемен: его именовали то просто Петроградский университет, то Первый Петроградский университет, а в период учебы в нем Алисы — Петроградский государственный университет. Но главное — произошло глубокое реформирование вуза. Переведенный в подчинение Народного комиссариата просвещения, университет претерпел изменения, суть которых состояла в советизации научного учреждения, значительном ограничении его автономии и жестком контроле всей его деятельности. Студенческая история Алисы Розенбаум — тому подтверждение.

Алиса была принята в университет уже по новым правилам, утвержденным 21 июня 1921 года. Период, когда прием в университет происходил без предъявления документа о среднем образовании и достаточно было одного желания учиться, закончился. Во главу угла набора студентов теперь ставился классовый принцип: в первую очередь принимались окончившие рабфаки, занимающиеся физическим трудом, члены партии большевиков и комсомольцы, имевшие направления от различных государственных и общественных организаций, а остальные — лишь при наличии свободных мест. Но двери в храм науки не закрывались и для представителей иных общественных групп. Плата за обучение также регулировала социальный состав студенчества. Алиса Розенбаум, надо думать, была зачислена как «дитя трудовой интеллигенции».

Дело в том, что по возвращении в родной город Анна Борисовна Розенбаум устроилась преподавателем и политлектором во 2-ю школу рабочих подростков Володарского района. Этот статус давал право ходатайствовать перед университетской комиссией «по платности» об освобождении Алисы, дочери «работницы просвещения», члена Всероссийского союза работников просвещения, от платы за обучение{251}.

Как ни странно, сделанный Алисой выбор специальности вызвал возражения не только у матери, но и у ее союзника-отца. Родители полагали, что дочери следовало изучать более прикладные науки, что дало бы возможность быть финансово независимой в тяжелое время. По всей видимости, они связывали будущее Алисы с медициной. Она стала горячо спорить с отцом: будущий писатель должен изучать историю, чтобы «иметь фактические знания о прошлом человека»; однако его негативная реакция несколько поколебала ее собственную уверенность в сделанном выборе. А вдруг из нее не получится писатель?

Чтобы разрешить сомнения, надо было окончательно проверить, сможет ли она стать литератором. Для этого Алиса начала заново читать главы романа, который был начат ею в Крыму. Скорее всего, это был тот самый неоконченный роман, действие которого происходило в средневековой Франции. Если в этих набросках есть талант — что ж, она не будет слушать отца и станет заниматься историей. Если же нет, то… в медицину она всё равно не пойдет, а вот инженером, пожалуй, может стать. А что, тоже прикладная профессия. Ей не пришло в голову отдать свое неоконченное произведение кому-либо из литературных критиков; в качестве независимого эксперта Алиса предпочла видеть саму себя — и решила, что литературный талант у нее всё же есть. Отцу она пообещала, что однажды начнет зарабатывать

на жизнь писательским трудом. Тот смирился и принял решение дочери.

Каждый день Алиса вставала рано утром, чтобы пройти пешком около пяти километров до университета — порой из-за того, что не было трамваев, порой для того, чтобы сэкономить на плате за проезд. В университетских аудиториях даже в морозы не было отопления. Вечером она таким же образом возвращалась домой, где ее ждали скудный ужин и чтение при свече или коптилке.

Что же изучила Алиса Розенбаум в течение полных трех лет университетского образования? В ее дипломе № 1152 зафиксировано, что к 15 июля 1924 года все требования учебного плана общественно-педагогического отделения факультета общественных наук она выполнила. Оценочная система была отменена большевистским правительством, поэтому в свидетельстве Алисы значатся зачеты по двадцати трем дисциплинам:

1. Общее учение о государстве и государственное устройство РСФСР и СССР.
2. История развития общественных форм.
3. Психология.
4. Логика.
5. Французский язык.
6. Исторический материализм.
7. История мировоззрений (древний период).
8. Биология.
9. История Греции.
10. История Рима.
11. Русская история.
12. Средняя история.
13. История социализма.
14. Спецкурс «Общественные движения XIV в. во Франции».
15. Спецкурс «История Крестовых походов».
16. Новая история.
17. Новейшая история Запада.
18. Новейшая история России.
19. История педагогических учений.
20. Методика обществоведения.
21. Политика и организация народного образования в СССР.
22. Спецкурс «История средневековой торговли».
23. Политическая экономия.

Кроме того, она посещала три семинария по Новой истории (Англия XVI века, Франция XVII века) и по истории Средних веков (Средневековое поместье)[252].

Кто были ее преподаватели и что именно преподавалось в рамках учебной программы? Американский исследователь Крис Шабарра, проанализировавший историю учебы Алисы Розенбаум в Петрограде, пришел к неутешительному выводу, что об этом можно только догадываться; неразборчивые подписи напротив перечня прослушанных Алисой дисциплин также не дают возможности точно определить состав лекторов{253}. Лишь один эпизод учебы остается несомненным: по свидетельству самой Айн Рэнд, на нее глубокое впечатление произвел курс античной философии, преподававшийся знаменитым профессором Николаем Онуфриевичем Лосским (1870–1965), которого Алиса Розенбаум могла знать еще по времени обучения в гимназии Стоюниной. Ей очень понравился этот курс, несмотря на то что профессор уделял основное внимание не любимому ею Платону.

По словам самой писательницы, Лосский был достаточно жестким и взыскательным преподавателем, относившимся к студентам, а особенно к студенткам довольно пренебрежительно. Весной 1922 года толпа студентов перед входом в аудиторию нервно ждала своей очереди сдавать Лосскому устный экзамен. Прошел слух, что он «заваливает» с первого раза практически всех, а особенно девушек. Алиса надеялась, что профессор заговорит с ней об Аристотеле, однако он задавал вопросы только о Платоне. Алиса, как могла, отвечала — в конце концов, она прослушала лекционный курс и знала материал достаточно хорошо. Выслушав ее ответ, Лосский сардонически заметил:

— Вы не согласны с Платоном, не правда ли?

— Нет, не согласна.

— Скажите, почему?

— Мои философские взгляды еще не являются частью истории философии. Но они ею станут.

— Дайте экзаменационную книжку, — якобы потребовал Лосский и поставил в нее «отлично».

Сложно сказать, что правда, а что фантазия в этой истории. Поскольку в то время оценки были отменены, Алиса могла получить в экзаменационных документах лишь отметку «зачтено». Добавим также, что в списке изучавшихся ею предметов не было отдельной дисциплины «Античная философия». Скорее всего, с Лосским она могла познакомиться в рамках изучения предмета «История мировоззрений (древний период)». Тем не менее, на наш взгляд, сам факт ее общения с профессором вряд ли вызывает сомнения.

Осенью 1921 года еще можно было открыто выражать свои взгляды. Тогда студенты Петроградского университета разделились на два лагеря: антикоммунисты, носившие старые

студенческие фуражки зеленого цвета, и коммунисты с красными галстуками и в военных кожаных тужурках. На заседаниях студенческого совета каждая сторона откровенно высказывала свои взгляды. Юные коммунисты говорили о борьбе за дело пролетариата, о жертвовании личной жизнью во имя родины, их оппоненты смело указывали на политические преследования, голод и тиранию. Один отважный оратор особенно поразил Алису смелостью и принципиальностью.

Весной 1922 года о свободе слова уже можно было забыть. Среди студентов начались «чистки». Алиса навсегда запомнила свой ужас при известии, что смельчак-оратор, к которому она к тому моменту стала испытывать романтические чувства, арестован. Больше никто его в университете не видел. Она в ярости выкрикнула в лицо студенту-коммунисту, что он и его товарищи будут висеть на столбах. Ту ночь Алиса провела без сна, роняя горькие слезы. Сердце трепетало от страха, каждое мгновение она ожидала, что в дверь постучат и вооруженные солдаты арестуют ее и ее семью. Но этого не случилось.

Привыкая к Совдепии

Из-за отсутствия медикаментов стали распространяться эпидемии. Люди порой теряли сознание прямо среди бела дня от болезней и недоедания. По этой причине правительство разрешило открыть несколько аптек. Зиновий Захарович вместе с пятью коллегами открыл небольшую аптеку, просуществовавшую в течение года. На столе у Розенбаумов стала появляться нормальная еда, удалось прикупить кое-что из одежды.

Однако это относительное благоденствие длилось совсем недолго — правительство вновь национализировало аптеку Розенбаума. «Я больше не буду работать на них! — разъяренно кричал оскорбленный Зиновий Захарович. — Ни теперь, никогда больше. Даже если мы будем голодать». Случилось это предположительно 1 сентября 1924 года — именно с этой даты, указывает Алиса, ее отец стал безработным. Отметим, тем не менее, что Зиновий Захарович вступил в профсоюз «Пищевкус». Вступление в профсоюз должно было облегчить получение работы, а также продовольственных карточек и некоторых предметов потребления{254}.

В этот тяжелый момент Анна Борисовна и начала преподавать иностранные языки во 2-й школе рабочих подростков Володарского района, которая, по сведениям самой Айн Рэнд, называлась «Молодая гвардия». Еще с 1919 года мать была членом профсоюза работников просвещения{255}. Она была готова работать на кого угодно, лишь бы семья имела еду. К тому же она не так уж плохо относилась к некоторым большевистским преобразованиям в сфере просвещения, ведь именно они уравняли евреев в правах с остальным населением и дали им возможность получать образование наравне с другими.

Зарплата Анны Борисовны была крошечной. Правда, еще Алиса как студентка получала продовольственные карточки. Но всего этого было мало. «Это было время настоящего голода — эти годы», — будет мрачно вспоминать она. Однажды, съев ужин, состоявший из сухого гороха, она опустилась на пол, не в силах стоять от слабости и голода. Небольшая порция гороха лежала на тарелке, дожидаясь прихода Зиновия Захаровича. «Можно мне… хотя бы одну горошинку из папиной порции?» — взмолилась Алиса. Мама передала ей горошину. На ее лице было написано бесконечное страдание.

Однако даже голод не был так страшен для молодой девушки, как общая беспросветность жизни. Транспорт ходил плохо и был всегда битком набит; люди носили старую

заношенную и перелицованную одежду; о покупке сливочного масла можно было лишь мечтать. Беседы сводились в основном к обсуждению цен на пшено и другую еду. В городе началась эпидемия тифа, переносившегося завшивленными людьми. Мечтавшая о красивой жизни Алиса вынуждена была делать вид, что не замечает ползающих на людях вшей, но не забывала смазывать волосы керосином.

И тем не менее жизнь продолжалась. Алиса по-прежнему много читала. Она проглотила всего Фридриха Шиллера во французских переводах. Шекспир с его мрачными трагедиями, напротив, не пришелся по душе: Алиса видела в его героях не настоящих людей, а лишь «официозные заурядности… которыми ты обязан восхищаться». А вот Достоевский неожиданно понравился. Алисе хотелось писать что-то в его стиле, то есть расцвечивать сюжетную линию глубокими мыслями. А основным открытием тех лет стал Фридрих Ницше, в особенности «Так говорил Заратустра».

Что же так привлекло юную еврейскую девушку к этому необычному произведению, которое так полюбили потом идеологи немецкого национал-социализма? Пожалуй, прежде всего идея о сверхчеловеке, которая совпадала с ее собственными представлениями о человеке как о «героическом существе». Однако когда Алиса познакомилась с трактатом Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», восхищение им сразу же угасло:

> «Он сказал, что разум — это низшая способность, которую превосходят эмоции пьяной оргии. Это покончило с ним как с духовным союзником».

Весной 1922 года произошло событие, во многом затмившее для нее интеллектуальные открытия последних времен и даже немного примирившее с ужасами жизни при большевиках. В то время в Петрограде работали два театра; в одном шли серьезные оперы и балеты, в другом — легкие оперы и классические оперетты. Именно они как магнит стали притягивать Алису. Она вспоминала:

> «В театре было четыре балкона. Четвертый был очень дешевым, но [билеты туда] было очень трудно достать. Касса [с билетами] на неделю открывалась в субботу в десять утра. Я вставала каждую субботу в пять утра, чтобы быть там к шести и ждать снаружи три часа, невзирая на российскую зиму; в девять фойе открывалось, и я могла в течение часа ожидать внутри. К

десяти там уже были бесконечные очереди за дешевыми местами. В течение двух лет я была там каждую субботу».

Когда вновь пустили трамваи, родители стали выдавать Алисе деньги на дорогу. Но она всё равно продолжала ходить пешком — с одной целью: сэкономить побольше денег на билеты в театр. Какие оперетты ей нравились больше всего? Самой любимой оказалась оперетта австрийского композитора Карла Миллёкера «Нищий студент» (ее она посмотрела 11 раз). Кроме того, Алиса несколько раз ходила на оперетту-буфф Жака Оффенбаха «Герцогиня Ге-рол ыптейнская», «Баядеру» Имре Кальмана и «Там, где жаворонок поет» Ференца Легара. Последняя ей особенно запомнилась:

Anna Rosenberg

Двухлетняя Алиса Розенбаум с матерью Анной Борисовной. *1907 г.*

Среди родственников. Сидят: отец Алисы Зиновий Захарович, мать Анна Борисовна, бабушка Сара Каплан, кузина Нина Гузарчик, дедушка Берко Каплан с четырехлетней Алисой. *1909 г.*

Дом в Санкт-Петербурге на углу Забал канского проспекта, в котором семья Розенбаум жила с 1904 по 1910 год. *Фото М. Кизилова*

Большая хоральная синагога в Санкт-Петербурге. *Открытка начала XX в.*

Семья Розенбаум на отдыхе: Зиновий Захарович, Наташа, Алиса, Анна Борисовна, Нора.

Около 1912 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд

На даче вТериоки. Зиновий Розенбаум с Норой (крайний справа) и Алиса (справа на переднем плане) среди родственников. *Около 1912 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд*

Сестры Розенбаум — Нора, Алиса, Наташа.
Около 1914 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд

Невский проспект, дом 120, на третьем этаже которого жили Розенбаумы. *Открытка начала XX в.*

Мария Николаевна Стоюнина, основательница и начальница женской гимназии, в которой Алиса училась с 1914 по 1918 год

Гимназия Стоюниной. *Фото М. Кизилова*

Профессор Николай Онуфриевич Лосский, преподаватель Алисы в гимназии Стоюниной и Петроградском университете

По этой лестнице Алиса поднималась к себе в квартиру на третьем этаже, с балкона которой наблюдала за революционными событиями на Знаменской площади.

Фото М. Кизилова

Митинг на Знаменской площади. *А. Осмеркин. Февраль 1917 г.*

Глава Временного правительства Александр Федорович Керенский — кумир Алисы. *1917 г.*

Ольга Набокова, единственная гимназическая подруга Алисы. *1918 г.*

Алиса часто бывала в особняке Набоковых на Морской улице. *Дореволюционное фото*

Евпатория. Вид на лодочную пристань и Свято-Николаевский собор. *Дореволюционная открытка*

Пляжи «города солнца». *Фото 1920-х гг.*

Евпаторийская общественная библиотека-читальня имени Александра II. *Открытка начала XX в.*

Улица Дуванове кая, какой ее видела Алиса.
Фото К. Афанасьева. Между 1918 и 1920 гг.

г. ЕВПАТОРІЯ.

Въ лучшей новой части города, вблизи моря, Приморской санаторіи и городского театра.

на дачѣ Н. Е. Бредихина

уголъ Гоголевской и Санаторской. ул.

СДАЮТСЯ светлыя, сухія и хорошо меблированныя **КОМНАТЫ**

со всѣми удобствами отъ 25 до 60 руб. въ мѣсяцъ и до 170 руб. въ сезонъ.

СЕЗОНЪ СЪ 1-го МАЯ ПО 1-ое СЕНТЯБРЯ.

ДО 15-го МАЯ и ПОСЛѢ 15-го АВГУСТА ЦѢНЫ НА КОМНАТЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОНИЖЕНЫ.

Никита Евстафьевич Бредихин с семьей.

Фото С. Рихтера. Начало XX в.

Реклама дачи Н. Е. Бредихина. *1912 г.*

На даче Бредихина Розенбаумы жили с 1919 по 1921 год.

Фото Е. Никифорова

В евпаторийской гимназии А. П. Рущинской и А. А. Миронович Аписа училась в 1919–1921 годах.

Фото Е. Никифорова

Выпускной класс школы № 4 (бывшей гимназии Рущинской и Миронович). Алиса Розенбаум — первая слева в нижнем ряду.

1921 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд

В здании на улице Чайковского в Санкт-Петербурге находился Ленинградский государственный институт экранного искусства. *Фото М. Кизилова*

ДЕЛО № 347
192__ года.

МАТРИКУЛ СТУДЕНТА
ЛЕНИНГРАДСКОГО
Государственного Института Экранного
Искусства.

Фамилия Розенбаум
Имя Алиса
Отчество Зиновьевна
Время поступления 15/X 1924

Матрикул (зачетная книжка) студентки Алисы Розенбаум. *1924 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд*

Алиса в униформе экскурсовода. *1924 г.*

Раз в неделю Алиса водила экскурсантов по брусчатке Петропавловской крепости. *Около 1925 г.*

Лев Беккерман — первая любовь Алисы. *1920-е гг.*

Студийный снимок Алисы. *Фото А. А. Боровиковского. Ленинград. 1924 или 1925 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд*

> «Актеры носили модные одежды последнего зарубежного покроя… я помню сцену бала и огромное окно, выходящее на освещенную улицу зарубежного города. Это было важнее для меня, чем Ницше и весь университет… Они были для меня символом жизни ради собственного удовольствия и развлечения, а не для исполнения служебных обязательств или страданий. В них было всё, что было несоветским».

Так молодая девушка, увидевшая столь много скорби и тягот, всем своим существом рвалась к радости легкой жизни. Алисе также были очень интересны ночные клубы, куда ее время от времени брала с собой кузина Нина Гузарчик. Иногда она также ходила на суаре, организованные кем-либо из родственников или подруг:

> «Мне очень нравились вечеринки. Мое чувство к ним было такое же, как и к зарубежным опереттам: они были несоветские, они были для собственного эгоистического удовольствия».

О том, как проходили вечеринки петроградской молодежи в то нелегкое время, в подробностях рассказывают американские воспоминания писательницы. Гостей обычно просили по возможности принести хоть что-нибудь: хлеба, еды или хотя бы пару поленьев для отопления. Кто-то играл на пианино, и можно было потанцевать. Люди старались веселиться и говорить на разные интеллектуальные темы. Вечеринки в основном были тематические, с соответствующими костюмами. Айн Рэнд вспоминала, как это было весело: можно было залезть в старый бабушкин сундук, достать из него что-нибудь очень ветхое и придумать удивительный наряд, который выдерживал один-два таких вечера. Архив Айн Рэнд в Америке сохранил одну фотографию того периода: Алиса, одетая в костюм Арлекина, с веером в руках.

Проблемой для красоток того времени было полное отсутствие модной одежды: оставшаяся от дореволюционного времени к тому моменту уже износилась, а новой не было. Шить костюм у частных портных могли позволить себе немногие. Поэтому, по словам Айн Рэнд, девушки тратили огромное количество времени на ее самостоятельное изготовление:

> «Фантазии о [модной] одежде были как будто

[мечты] о чем-то из заграницы — или с другой планеты».

Для взрослеющей девушки это был очень болезненный опыт:

> «Я ходила в тряпье; бблыпую часть моего гардероба составляли платья моей матери, переделанные под меня. Для вечеринок у меня было только одно платье, сделанное из маминого расшитого летнего пальто; я носила его в течение нескольких лет, пока оно не стало столь лоснящимся, что единственное, что с ним можно было сделать, — это вывернуть наизнанку и носить обратной стороной».

В результате к этой проблеме Алиса отнеслась со свойственным ей радикализмом и отсутствием полутонов — решила, что либо надо быть отлично одетой, либо ходить в том, что было. Воленс-ноленс выбор был сделан в пользу второго варианта.

Потихоньку семья Розенбаум начала привыкать к Совдепии, несмотря на резкий контраст бытовых стандартов того времени и их безмятежной дореволюционной жизни.

Он

На одной из вечеринок Алиса встретила первого мужчину своей мечты. Был холодный вечер 1922 года. Группа озябших молодых людей сгрудилась возле камина. Они называли свое сообщество «Uno momento[28]», а неформальным главой его была Нина Гузарчик. Алиса взглянула на юношу, вошедшего в комнату, — и онемела:

> «Я не могла в это поверить. Он выглядел нереально — настолько он был совершенно привлекателен. Это был *мой* тип лица, за исключением того, что его волосы были темного цвета[29]; он был очень высокий и худощавый, с серыми глазами и резкими чертами лица. У него было очень интеллигентное лицо, очень решительное, ясно очерченное, аристократичное, самоуверенное. Но больше всего мне понравились его высокомерие и надменная улыбка — улыбка, которая говорила: “Ну, мир, ты должен мною восхищаться”»{256}.

Для завершения портрета добавим, что, по словам Норы Розенбаум, у прекрасного принца был нос с горбинкой{257}.

Это был Лев Борисович Беккерман. Друзья звали его Лео или Лёля. Многое в нем восхищало Алису, но многое и отталкивало. С одной стороны, он прятал у себя в квартире молодых контрреволюционеров, и это не могло не вызывать восхищения. С другой — он флиртовал практически со всеми женщинами и к тому же достаточно терпимо относился к большевистской идеологии. Алисе не нравился также натурализм его литературных и эстетических взглядов.

В следующий раз они встретились несколько месяцев спустя, также на одной из вечеринок. На сей раз Лео провел большую часть вечера в беседах с Алисой, что несказанно ее удивило, и даже вызвался проводить ее домой. И хотя разговор не шел ни о чем романтическом, Алиса, придя домой, поняла, что бесповоротно и безнадежно влюблена. С этого момента ее мысли были только о нем: о его голосе, о волосах, спадающих на лоб, о его стройном теле и аристократической, надменной улыбке. Особое восхищение вызывала его смелость. Лео, лишившийся родителей, жил вместе со своей сестрой. Однажды друг попросил приютить двух членов контрреволюционного подполья. Лео, зная, что сестры нет дома и она вне опасности, без промедления согласился. Прожив у него несколько недель, подпольщики

покинули его квартиру и, по-видимому, перебрались за границу.

Он был на четыре года старше ее, учился в Петроградском технологическом институте и подрабатывал переводами с немецкого (нами была выявлена одна книга в переводе Л. Беккермана и его сестры{258}).

Лео и Алиса стали вместе ходить в театр и на вечеринки. Весь мир вокруг начал для Алисы говорить его голосом. Тем не менее дальше прогулок и бесед их отношения не продвинулись. Она не скрывала восхищения, неудержимого и даже болезненного увлечения им. Айн Рэнд вспоминала:

> «Я знала, что ему это не нравится, я знала, что это неправильно. *Я* упрекала себя, но не видела способа, как мне удержаться от этого… По той причине, что я показала интенсивность [своих чувств], он стал уходить от меня».

Когда Лео перестал встречаться с Алисой, мир потух для нее, существование превратилось в невыносимую боль. С того момента она несколько раз видела его на вечеринках, где он практически не обращал на нее внимания. В течение нескольких месяцев она посещала вечеринки только лишь с целью встретить Лео, расспрашивала знакомых, где он и что делает.

А потом, внезапно, боль стала уходить. Алиса потихоньку возвращалась к прежней жизни, перестав терзать друзей расспросами о Лео. Однако она никогда не смогла полностью преодолеть это чувство и забыть его. В 1961 году, в Америке, в ореоле славы и успеха, она печально скажет:

> «Я неравнодушна к нему даже сейчас. Видишь ли, мне повезло, что он не попросил меня выйти за него замуж. Я бы сказала “да”, я бы осталась в России — и умерла бы там».

Так Лео перестал быть главной страстью нашей героини. Однако мы еще будем говорить о нем.

Второе образование

Алиса вновь вернулась к обычной жизни и продолжила образование. Однако и на этом горизонте стали сгущаться тучи. В конце второго года учебы в университете, весной 1923-го, на доске объявлений появилась огромная надпись: «ЧИСТКА». В наши дни, наверное, даже трудно представить себе, что это такое.

Дело в том, что в какой-то момент большевистское правительство обнаружило, что ввиду нехватки грамотных кадров практически во все эшелоны власти проникли люди непролетарского происхождения — выходцы из дворян, военных, промышленников, купцов и т. п. И неудивительно — уровень их образования был намного выше, чему у пролетариев. Приблизительно та же ситуация сложилась и в студенческой среде: около половины студентов были выходцы из «бывших». Какой же из этого был выход? Правильно: пролетарской метлой безжалостно вычистить контрреволюционный мусор, лишить его возможности получать образование. Пусть учатся только люди «правильного» происхождения. Газеты того времени гневно восклицали: «МЫ НЕ БУДЕМ ОБУЧАТЬ НАШИХ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ!»

По сведениям исследователя А. Ю. Рожкова, в решении бюро Петроградского губкома РКП(б) «Об очищении Питера от эсеров и меньшевиков», принятом на заседании 23 мая 1922 года, указывалось: «Признать необходимым произвести чистку и удаление из Питера контрреволюционного студенчества, порядок этого удаления разработать особо с соответствующими органами». Однако в официальном Положении о перерегистрации студентов от 24 марта того же года эта акция была замаскирована под «освобождение от не занимающихся и неуспевающих студентов».

Вот как описывала процедуру изгнания одна из «вычищенных»: «Войдя в институт, я увидела группу студентов, толпившихся перед… объявлением: на доске был вывешен список… студентов, которым предлагалось зайти в канцелярию по вопросу о пребывании в институте. В списке значилась и моя фамилия. Некоторые из указанных в списке уже побывали в канцелярии. Одним из них было объявлено об исключении, другим предложено было представить в канцелярию института… командировку в институт от какого-нибудь учреждения, партии, профсоюза, сельсовета или же рекомендацию от трех членов коммунистической партии. Заранее зная, что никаких документов я представить не смогу, направилась я в канцелярию с ясным

сознанием обреченности на исключение. Но мне не предложили доставать дополнительные документы, мне сообщили об исключении меня из рядов слушателей. Я попыталась выяснить причины исключения, но никаких объяснений мне не дали. Из канцелярии меня направили к секретарю комсомольской организации. Молодой парень с суровым лицом принял меня и просто-напросто отказался разговаривать со мной. <…> Без сожаления захлопнула я за собой дверь вуза. Я понимала — с учебой покончено навсегда»{259}.

По словам А. Ю. Рожкова, точных статистических данных о ходе вузовской «чистки» 1922 года нет. Отчасти о ее масштабах можно судить исходя из того, что количество вузов в стране снизилось с 159 в 1921 году до 99 в 1922-м, а численность студентов сократилась с 197 тысяч до 130 тысяч. В медицинских вузах, где студенты рабоче-крестьянского происхождения составляли менее десяти процентов, доля исключенных составляла более половины. К примеру, в Кубанском медицинском институте из 720 студентов, подвергшихся «чистке», были отчислены 437 — 61 процент. Еще более жесткой была «чистка», состоявшаяся согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 16 мая 1924 года «О сокращении наличного количества учащихся в вузах».

По словам Алисы, всем студентам Петроградского университета предписывалось заполнить анкеты с вопросами о социальном статусе родителей и прочих родственников. Хотя об этом вслух не говорилось, но было ясно, что тех, у кого были родственники из числа «буржуев», должны были изгнать из университета. Медленно заполняя анкету, Алиса чувствовала, что подписывает сама себе смертный приговор.

Ее спасла чистая случайность. За несколько дней до начала «чистки» делегация из нескольких британских ученых прибыла в Петроград, чтобы лично понаблюдать за ходом «благородного эксперимента». Вот как описала Айн Рэнд эту делегацию в романе «Мы живые»: «Кира запомнила лишь одного из них: высокую, худощавую и уже не молодую женщину с лицом школьной учительницы. На ней было отличное модное бежевое пальто, которое громче всех приветствий, громче “Интернационала” кричало, что оно сделано за границей. Хорошо сшитое, из дорогого материала, отлично сидящее на своей обладательнице, оно не стонало, как эта толпа вокруг Киры, о ничтожности и убожестве существования. Кроме того, на британском товарище были шелковые чулки — золотистое сияние, облизывающее ноги, увенчанные новыми коричневыми лакированными узорчатыми туфлями».

В какой-то момент члены делегации узнали о готовящейся «чистке» и выразили недовольство. Желая произвести приятное впечатление на иностранных гостей, руководство университета приняло решение отменить приказ об отчислении тех студентов, которые уже находились на стадии выпуска из университета. Для Алисы заканчивался второй год учебы, а следующий — третий — был последним. По этой причине ей удалось избежать отчисления.

Так выглядит эта история в пересказе самой Айн Рэнд. Правда, приходится отметить, что здесь опять концы не очень-то сходятся с концами. Насколько нам известно, в Петрограде «чистки» проходили в 1922 и 1924 годах; по словам Айн Рэнд, ее пытались отчислить весной 1923 года. Кроме того, сам сюжет с вмешательством иностранной делегации во внутренние дела вуза выглядит достаточно маловероятным. Наконец, у нас есть неопровержимые архивные данные, что Алиса Розенбаум действительно была отчислена, только несколько позднее — в декабре 1923 года, на основании постановления правления Петроградского государственного университета вследствие «невыполнения академической активности». В архивном деле ЦГА СПб № 3576 из студенческого отдела Императорского Санкт-Петербургского университета (как ни странно, на обложке значится именно это) указывается, что Розенбаум Алиса Зиновьевна выбыла 13 декабря 1923 года — не в результате «чистки» по социальному принципу, а из-за академической неуспеваемости.

Тем не менее 13 октября 1924 года она получила свидетельство об окончании теперь уже Ленинградского государственного университета. Очевидно, здесь сыграло роль то, что 15 июля 1924 года Алиса сдала зачет по политэкономии и тогда же подала заявление с просьбой выдать свидетельство об окончании общественно-педагогического отделения. Понятно, в задолженности по политэкономии как раз и заключалась академическая «пассивность» Алисы. На фоне этих фактов рассказанная ею история о «чистке» и вмешательстве британской делегации выглядит не слишком убедительно. Добавим еще, что, по ее собственным словам, Алиса окончила университет весной 1924 года «с наивысшими оценками». Однако документы свидетельствуют, что последний зачет она сдала в июле 1924 года. Кроме того, она никак не могла окончить учебу «с наивысшими оценками», поскольку в те времена оценочных баллов как таковых не существовало, а были лишь показатели «зачет» или «незачет».

По сведениям Энн Хеллер, обучаясь в университете, Рэнд

вступила в студенческий писательский кружок. Это, однако, принесло ей мало радости, так как его члены находились под постоянным наблюдением и преимущественно занимались написанием общественно-политических статей. Но даже в этот период она придумала несколько сюжетов для пьес и рассказов, а также сочинила небольшой роман. Текст романа был, видимо, утрачен, однако в 1960 году она описала его содержание.

В результате метеорологического катаклизма гигантский самолет попадает в космос и начинает вращаться вокруг Земли. В нем находятся, с одной стороны, ученые, с другой — коммунисты. К счастью, в самолете также имеется запас продовольствия, используя который, ученые создают самодостаточную микроэкономику. Они также разрабатывают план возвращения на Землю. Однако вскоре коммунисты одерживают верх. В главе под названием «Человечество в чайной ложке» юная писательница показывает, как коммунисты постепенно разрушают всё, чего достигли ученые. Вскоре все начинают голодать. Коммунисты просят главного героя романа, ведущего ученого, вновь взять на себя ответственность за жизнь в самолете. Он начинает воссоздавать микроэкономику, производящую продовольствие, надеясь, что всё будет хорошо и самолет скоро вернется на Землю.

В этот же период Алиса в общих чертах обрисовывает еще один роман, ставший первым вариантом ее знаменитого произведения «Атлант расправил плечи». Главной героиней является красивая и энергичная богатая американка, которая пытается уговорить всех значительных людей Европы последовать за ней: поскольку Европой овладевают коммунистические идеи, надо перебраться в Америку как в более правильный мир. Но европейцы назначают своим лидером некоего француза, который должен превратить Америку в коммунистический рай. Наша героиня предлагает ему миллион долларов, чтобы он присоединился к ней; он, в свою очередь, предлагает ей в два раза больше, чтобы она работала на него. Герои влюбляются друг в друга. Роман заканчивается крахом европейцев. Помощника американки в романе зовут Эдди Уиллере. Именно такое имя будет носить помощник Дагни Таггарт в романе «Атлант расправил плечи».

Однако на этом студенческая карьера нашей героини отнюдь не заканчивается. Дело в том, что в это время Алисой овладевает новая страсть, и имя ей — кинематограф. Ради этого она даже на время забыла оперетту. Именно в двадцатые годы в США и Европе происходит настоящий кинематографический бум. В Голливуде основывается несколько крупнейших киностудий, снимавших

ежегодно десятки черно-белых немых фильмов. В Европе великие романтические картины снимались в основном во Франции и Веймарской Германии. В атмосфере не столько идеологической свободы, сколько неразберихи СССР приобретал многие ленты того времени, невзирая на то, что бблыпая их часть имела совершенно несоветский развлекательный характер. В тридцатые годы ситуация изменилась, и показывать советскому зрителю стали лишь те иностранные фильмы, которые подходили под большевистскую доктрину и демонстрировали страдания угнетенных пролетарских масс в капиталистических странах.

Но, повторимся, в двадцатые годы всё было иначе. С 1921 по 1926 год Алиса с восторгом посмотрела несколько десятков, если не сотен фильмов. Они, как и оперетты, были для нее окном в мир прекрасного, таинственного и волшебного, позволяли на время забыть о голоде, холоде и невыносимой серости жизни в стране большевиков. Ее любимыми фильмами был приключенческий фильм «Индийская гробница» (1921) режиссера Джо Мая, поставленные Фрицем Лангом по средневековому немецкому эпосу «Нибелунги» (1924; в двух частях: «Зигфрид» и «Месть Кримхильды») и комедия «Принцесса устриц» (1919) Эрнста Любича. Ну и, конечно, она познакомилась с американским кинематографом, в частности с творчеством знаменитого режиссера Сесила де Милля. Если бы кто-то сказал Алисе, что скоро, очень скоро судьба приведет ее в Голливуд и сведет с самим де Миллем, наверное, даже она сама, при всей ее самонадеянности, ни за что бы не поверила. Ее любимыми актерами были Конрад Фейдт, Дуглас Фэрбенкс, Карл де Фогт, Пола Негри, Гарольд Ллойд и многие другие.

Смотря американские фильмы, Алиса, затаив дыхание, ловила кадры, показывающие город ее мечты — Нью-Йорк: его высокие воздушные дома, невероятные небоскребы, шумные улицы, уютные кафе. А потом приходилось возвращаться к действительности — в заснеженный полуголодный Ленинград. Позднее она вспоминала:

> «Я не могу передать… насколько *сияющим* всё это выглядело. Я до сих пор [вижу] это. У меня действительно нет иного взгляда. Мой подлинный энтузиазм относительно Америки (хотя я еще не знала американских политических принципов) сформировался именно тогда. Я увидела суть того, какими могут и должны быть американцы. Мои любимые американские фильмы были сняты в традиции Милтон Силлса — захватывающий сюжет, бесконечная благожелательная

свобода; они не были философскими, но такими я их любила».

Именно тогда ей в голову пришла идея, что она будет писать *о* кинематографе и *для* кинематографа — станет сценаристкой. Однако для этого надо было получить соответствующее образование. Где и как этому можно научиться? И тут, как ни парадоксально, на помощь пришла советская власть. Поскольку, согласно ленинскому тезису, «из всех искусств для нас важнейшим является кино», в Петрограде еще в декабре 1918 года была основана Школа экранного искусства. Это было первое в мире учебное заведение, где обучали кинематографическим профессиям. К моменту поступления Алисы школа была преобразована в Техникум экранного искусства при подотделе профессионального образования Петроградского губернского отдела народного образования. Тем не менее на ее матрикуле № 347 значится название «Ленинградский государственный институт экранного искусства».

Это учебное заведение находилось в особняке, ранее принадлежавшем крупному промышленнику А. Ф. Кёльху, по адресу: Сергиевская улица (ныне улица Чайковского), дом 28. Пожалуй, более подходящее здание для кинематографического вуза сложно было бы найти: построенный в смеси стилей неоготики и французского ренессанса, особняк отличается поразительными интерьерами, словно перенесенными из рыцарских времен. Там готовили сценаристов, кинооператоров, обучали актерскому мастерству и режиссуре. Здесь учились такие известные впоследствии режиссеры, как один из создателей легендарного фильма «Чапаев» (1934) С. Д. Васильев, Ф. М. Эрмлер, Ю. А. Музыкант, П. П. Малахов, Э. Ю. Иогансон, С. Б. Глаголин; актеры П. К. Кириллов, В. С. Бужинская, У. Ф. Круг, А. А. Горюшин, П. Ф. Шидловский, Н. И. Лебедев, Я. М. Гудкин, В. М. Соловцов, Т. И. Гурецкая и многие другие.

Опросный лист для поступления в Школу экранного искусства Алиса заполнила 3 сентября 1924 года. В графе «Чем обусловлено Ваше желание поступить в учебное заведение» она указала: «Считаю, что кино имеет перед собой громадное будущее, и хочу работать в одном из самых интересных видов искусства»{260}. В ее матрикуле значится дата поступления — 15 ноября 1924 года. Отметим, кстати, что в данном случае нашей героине следовало бы быть благодарной советской власти: в царские времена, во-первых, не было подобных вузов; во-вторых, ее, еврейку, вряд ли приняли бы на учебу; в-третьих, государство беспрепятственно разрешило ей получить второе образование.

Правда, за учебу надо было платить. Несмотря на то что и мать, и отец тогда имели работу, в семье по-прежнему не хватало денег. Мать подключила своих знакомых — и вскоре Алиса нашла временную работу в качестве гида в Петропавловской крепости. Раз в неделю она водила экскурсии — рассказывала об истории и достопримечательностях крепости. Экскурсантами были крестьяне и рабочие, со скукой слушавшие о совершенно не интересных им достижениях «проклятого царизма». Алиса ненавидела эту работу, однако именно она обеспечивала возможность не только физического выживания, но и учебы. В личном архиве писательницы сохранилась ее фотография в униформе гида: холщовая роба, кепи — и при этом ослепительная широкая улыбка и задорный взгляд огромных карих глаз. Наверное, ее природная жизнерадостность всё же побеждала тяжелую реальность. В опросном листе при поступлении в Техникум экранного искусства она также указала, что предполагает работать в качестве переводчика в издательстве «Прибой». Однако никакими сведениями о том, что она действительно там работала, мы не обладаем.

Нет также точной информации о том, как Алиса постигала азы кинематографического искусства. Позднее она расскажет, что первый год учебы ей крайне не понравился, поскольку был посвящен актерскому мастерству, в то время как ей хотелось поскорее начать учиться писать сценарии. Алиса пыталась представить себе, как будет писать сценарии для большевиков. Лгать и притворяться, что ей нравится коммунистическая идеология, она не собиралась. Тогда она решила, что будет писать сложные сценарии с «двойным дном»; героем будет коммунист, а мерзавцем — его противник, однако внимательный читатель поймет, что на деле всё наоборот. Решив на деле проверить эту идею, она рассказала сюжет одного из своих сценариев какому-то студенту-большевику. «Он был большой энтузиаст киноэкрана, и я произвела на него впечатление», — вспоминала она. Алиса внимательно наблюдала за лицом собеседника. И тот, хотя был не слишком сообразителен, понял: вроде бы всё правильно, но что-то не так… Будущая сценаристка Голливуда поняла, что у нее нет шансов протащить свои идеи в советский кинематограф.

Учеба Алисы в этом вузе продлилась всего год.

Книжный дебют

Уже тогда Алиса стала серьезно заниматься изучением западного киноискусства. Более того, она начала публиковать свои работы об американском кино. И не только публиковать, но и получать за это деньги. Ее увлечение кинематографом вылилось в желание написать несколько популярных работ по истории американского кино. Первой из них стала брошюрка (16 страниц небольшого формата) о голливудской актрисе польского происхождения Поле Негри (настоящее имя — Барбара Аполония Халу-пец[30]).

Почему именно эта актриса, а не, скажем, Мэри Пикфорд или Глория Свенсон, так восхитила юную поклонницу американского кинематографа? Возможно, тут вновь, как и в случае с книгой о детстве Екатерины II, сработала магия судьбы. Рожденная, как и Алиса Розенбаум, в Российской империи, юная Барбара, вступив на актерское поприще, вскоре добилась успеха, придумала себе сценический псевдоним и эмигрировала в США. Возможно, именно ее судьба, в чем-то похожая на ту, о которой мечтала сама Алиса, привлекла внимание будущей писательницы. Подводя итоги, Алиса пишет: «Пола — человек среди пустых манекенов, женщина среди сентиментальных кукол, одна из немногих крупных, подлинных артисток, среди современных кино-“звезд”»[31]{261}.

Брошюра, вышедшая в серии «Популярная кинобиблиотека» в 1925 году, была опубликована без фамилии автора — по мнению Элеоноры Дробышевой, для того, «чтобы книга могла быть использована другими авторами». Алиса в то время очень нуждалась материально и, возможно, получила деньги за написание брошюры при условии, что ее авторство не будет указано{262}.

По-видимому, тогда же Алиса писала более объемную (42-страничную) брошюру по истории Голливуда{263}. Несмотря на то что эта книжица была опубликована в 1926 году, уже после отъезда автора, стоит рассказать о ней именно здесь, поскольку она и вышеназванная публикация о Поле Негри — единственные работы Алисы Розенбаум, опубликованные на русском языке. По словам сестры писательницы, вторую брошюру опубликовал некий «плут Златкин»{264}. Речь идет, несомненно, об Александре Вульфовиче Златкине, составителе нескольких спутников по ленинградским театрам и редакторе ленинградской еженедельной газеты «Кино»{265}. За что он был назван плутом, остается загадкой. Вряд ли, однако, писательница и ее семья

были бы так единодушны в оценке его деятельности без весомого повода.

Брошюра о голливудской актрисе Поле Негри — первая публикация Алисы Розенбаум. *1925 г.*

Второй труд Алисы Розенбаум значительно интереснее, нежели первый. Текст предваряет предисловие Б. Филиппова, где всячески клеймится Голливуд — продажная фабрика грез, «где

звери расцениваются значительно дороже людей», истинное лицо которого искажено «гримасой болезненного, неестественно быстрого роста». Можно представить себе, какое отвращение эти слова могли вызвать у восхищенной, упоенной Голливудом Алисы. Ее текст, естественно, резко контрастирует с обличительным пафосом предисловия. В нем не найти ни одного отрицательного слова в адрес столицы мировой киноиндустрии — только восхищение и преклонение. В самом начале она пишет:

> «Земной шар опутан кино-лентой, как сетью меридианов…
>
> Плоские круглые коробки, с тысячами драм и комедий разлетаются по всем уголкам мира. И большинство их — из Америки.
>
> Ее фильмы текут, как кровь, по киноартериям земли.
>
> И есть сердце, толкающее эту кровь.
>
> Есть место, держащее в руках все нити этих артерий: Город кино — Голливуд».

После этой преамбулы следует рассказ о возникновении этой фабрики грез и главных голливудских фирмах, о режиссерах и сценаристах, артистах и кинодивах, детях и животных, операторах, художниках, музыкантах и многом другом. Всё это Алиса преподносит так, как будто сама побывала в Голливуде, а не узнала о нем из выписанных из-за границы журналов.

Завершается книга предсказанием большого будущего столице мировой киноиндустрии: «И самый мощный телескоп не сможет показать нам конца того пути, который предстоит этому необыкновенному городу».

Брошюра о Голливуде написана в настолько восторженно-панегирическом тоне, что, вероятно, именно по этой причине ее пришлось предварить мрачновато-угрюмым пролетарским предисловием Филиппова. Видимо, здесь также проявилась бескомпромиссность Алисы: наверняка ее уговаривали писать в более критическом ключе. Отметим также прекрасный отточенный публицистический стиль автора. Остается лишь пожалеть, что это была всего лишь вторая — и последняя — работа Алисы, написанная на русском языке.

Брошюра о Голливуде вышла в Советской России уже после отъезда Алисы в Америку. *1926 г.*

Семья

Как и Алиса, две ее сестры тоже не стали заниматься «прикладными» специальностями. Наташа училась игре на фортепиано в Петроградской консерватории — самом выдающемся музыкальном учебном заведении страны — вместе с Игорем Стравинским, Сергеем Прокофьевым и Дмитрием Шостаковичем. Мать одобрила выбор Наташи, так как, по ее мнению, музицирование было по-настоящему женской специальностью. Младшая, Нора, училась на художника, но позже стала, как и мать, учительницей.

Между августом 1921 года и февралем 1923-го по неизвестным причинам семья решила переехать. В 1923 году, согласно справке, выданной управдомом Анне Борисовне, они уже жили на новом месте: Дмитровский переулок, дом 16, квартира 5. В справочнике «Весь Петроград на 1923 год» также указывается, что учительница Анна Борисовна Розенбаум проживает по этому адресу. Более поздние справочники указывают, что в 1920—1930-е годы семья продолжала обитать там же и даже установила телефон с номером 187-37. Можно предположить, что эта квартира была несколько лучше прежней.

Анна Борисовна, по-видимому, стала в какой-то степени принимать советскую идеологию. По словам Норы Розенбаум, она была «розовой» — не то чтобы последовательной сторонницей большевистских идей, но всё же достаточно просоветски настроенной{266}. Зиновий Захарович, несмотря на обещание никогда больше не работать на большевиков, не позднее 1925 года, когда Алиса еще была в СССР, стал работать врачом в Государственном институте медицинских знаний, располагавшемся на улице Большая Пушкарская, дом 40{267}. (Это не согласуется с воспоминаниями Айн Рэнд, что он служил в одной из аптек.)

В этот период Алиса едва ли была особенно счастлива. В одном из писем 1927 года Анна Борисовна вспоминала, что ее старшая дочь могла часами рыдать, сидя у себя в спальне. «Я бы, наверное, умерла там через год», — скажет писательница много лет спустя{268}. Тем не менее этот год будущая писательница прожила в лихорадочном и нетерпеливом ожидании глобальных перемен.

Глава четвертая
АМЕРИКА

Письмо из Зазеркалья

Неизвестно, как бы продолжалась дальнейшая жизнь Алисы, если бы не короткое письмо на глянцевой заграничной бумаге, пришедшее на адрес семьи Розенбаум в начале 1925 года.

История этого письма непростая. В 1889 году Гарри Портной, женатый на Еве Каплан (тете Анны Борисовны), решил эмигрировать из России и перебраться в Америку. Он был не одинок в своем выборе: два последних десятилетия XIX века были временем массовой иммиграции российских евреев в США. Взяв жену и четверых маленьких детей, Гарри отправился в далекое и небезопасное путешествие, выбрав его конечным пунктом Чикаго. Им не хватало денег на дорогу, и Ева одолжила некоторую сумму у своего брата Берко Каплана, дедушки Алисы Розенбаум. Осев в Чикаго в западной части 12-й улицы в доме 213, Гарри, оправдывая свою фамилию, не покладая рук работал иглой и ножницами. Вскоре в семье Портных родились еще четверо детей. Несмотря на это, финансовое положение семьи было достаточно благополучным: видимо, Гарри оказался очень неплохим закройщиком. Портные и Розенбаумы состояли в переписке вплоть до Первой мировой войны, когда корреспонденция из-за океана перестала доходить до Санкт-Петербурга. И только в 1925 году контакты между родственниками возобновились.

Письмо было написано Сарой Липски, в девичестве Портной, дочерью Евы и Гарри. Она рассказывала о своей семье и спрашивала, как обстоят дела у Розенбаумов. В Америке, по ее словам, ходили страшные истории о судьбах зажиточных людей при коммунистах. Затаив дыхание, Алиса внимала скупым строчкам. Для нее это письмо было посланием из счастливого Зазеркалья, где всё по-другому — только в хорошем смысле. Письмо попало, что называется, в хорошо удобренную почву: Алиса и сама подумывала о бегстве за границу. Однако она знала, что никогда не сможет решиться на это рискованное предприятие самостоятельно. И вот наконец-то выпал реальный шанс осуществить мечту. Когда после прочтения письма члены семьи разошлись по своим делам, Алиса с решительным видом повернулась к матери:

> «Напиши им, мама. Напиши и скажи им. *Я должна поехать в Америку*. Попроси их помочь. Сделай это сегодня. Сделай это сейчас. *Я должна поехать в Америку*»[{269}].

Так об этом вспоминала сама Айн Рэнд. Джефф Бриттинг, тем не менее, утверждает, что инициатива написания ответного письма исходила от Анны Борисовны{270}. Так или иначе, вскоре между двумя разделенными океаном семьями наладилась переписка. Выяснилось, что чикагская родня Розенбаумов периодически принимала у себя других российских евреев — как родственников, так и просто знакомых. Вскоре, с известной степенью осторожности, Розенбаумы попросили Сару организовать поездку Алисы в Чикаго, частично оплатить ее стоимость и прислать документы, необходимые для оформления визы. Еще более осторожно Розенбаумы должны были сообщить родственникам, что на деле это будет поездка в одну сторону — Алиса не собиралась возвращаться. Анна Борисовна предупредила дочь, что из всего из этого может ничего не получиться; та покорно кивнула.

Подготовка к отъезду

В напряженном ожидании ответа Алиса стала заниматься английским с Марией Страховой — британкой, оставшейся в Петрограде после революции (ее муж, адмирал-белогвардеец, был без суда убит большевиками). Насколько мы можем судить, в России Алиса не очень продвинулась в этом направлении: сразу после приезда в США ее английский, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Известно, к примеру, что она отказывалась подражать британскому выговору своей преподавательницы, так как в принципе не желала чему-либо и кому-либо подражать{271}. Несмотря на то что уже к 1930-м годам писательница в совершенстве овладеет английским, она вплоть до конца своих дней будет говорить на нем с достаточно заметным русским акцентом.

Наконец Алиса получила долгожданное письмо от Сары Липски, содержавшее поручительство, достаточное для американских властей: в нем указывалось, что семья Портных приглашает Алису Розенбаум приехать в Америку, несет за нее финансовую ответственность и гарантирует предоставление суммы, достаточной для оплаты ее дорожных расходов. Более того, то обстоятельство, что в Чикаго Сара владела кинотеатром и написала в поручительстве, что Алиса сможет там работать, сыграло важную роль в процессе оформления документов: официальной причиной поездки Алисы было названо желание понаблюдать за американской киноиндустрией для того, чтобы, вернувшись в СССР, делать пропагандистские фильмы. Реальной же причиной, конечно, было ее решение навеки покинуть СССР и добиваться славы на Западе. (В скобках заметим, что, по-видимому, именно тогда в голову Алисе пришла идея, что стоит попробовать писать сценарии для кинофильмов — это был для нее наиболее легкий и прямой путь к успеху и славе.)

Однако это было только начало пути; предстояло сломать еще несколько барьеров, собрать множество бумаг, получить кучу разрешений. Для начала она подала документы на оформление советского общегражданского заграничного паспорта, получить который тогда было совсем не просто. Как раз в июне 1925 года Президиум Центрального исполнительного комитета СССР утвердил «Положение о въезде в пределы СССР и выезде из пределов СССР», согласно которому загранпаспорт действовал в течение года, однако воспользоваться им необходимо было в течение трех месяцев после получения. Денежный сбор за получение документа был достаточно высок — от 200 до 300

рублей (размер средней месячной зарплаты того времени). Под обложкой паспорта находился сложенный вчетверо лист современного формата А4, который содержал информацию о владельце на русском и французском языках. На него ставились многочисленные печати и штампы во время пересечения границ.

С учащенно бьющимся сердцем сдав документы на получение паспорта, Алиса вместе с семьей отправилась на отдых к морю, предположительно в поселок Лисий Нос на северном берегу Финского залива. Впервые после революции семья смогла позволить себе арендовать на лето небольшой и простенький летний домик, который, конечно, никак не мог соответствовать стандартам их дореволюционного отдыха, однако это было лучше, чем ничего.

Здесь Алису ожидало первое в ее жизни амурное приключение: встретив на отдыхе симпатичного молодого человека, она поспорила с сестрой Наташей, кто из них сможет завоевать его сердце. По ее собственным словам, она до такой степени вскружила ему голову, что получила предложение руки и сердца. Однако холодная Алиса не ответила ни «да», ни «нет». Позднее Айн Рэнд вспоминала:

> «Я чувствую себя достаточно виноватой из-за этого… Я чувствовала, что то, что я делала, на деле, *не было* правильно, однако моя внутренняя мотивация *была* правильной: мне был необходим успех»{272}.

Звучит вполне в стиле столь любимой ею концепции эгоизма. Элеонора Дробышева упоминала, что во время их отдыха в Лисьем Носе там же находился некий блондин Сережа, названный женихом Алисы. Вполне возможно, что именно он был этим объектом спора между старшей и средней сестрами{273}.

Осенью 1925 года из Москвы на квартиру Розенбаумов доставили тяжелый пухлый конверт, в котором было то, чего так ждала Алиса: заграничный паспорт с разрешением на посещение Америки. Однако это было только начало далекой дороги в американское Зазеркалье. Если ее билет на пароход от Гавра до восточного побережья США был оплачен семьей Портных, то деньги на долгую дорогу, в том числе на проживание в Риге, Берлине и других точках маршрута, где ей предстояло останавливаться по дороге до французского порта, надо было найти самой. Впрочем, по сведениям Дж. Бриттинга, всю дорогу Алисы от Ленинграда до Чикаго оплатили ее родители{274}.

Наконец, самое сложное: одного только поручительства из Америки и советского разрешения на выезд было недостаточно — необходимо было также получить гостевую визу в американском

посольстве в Латвии. Сделать это было крайне сложно: тысячи русских белоэмигрантов отчаянно пытались прорваться в Америку, уверяя местного консула, что они обязательно вернутся, хотя, конечно, никто этого делать не собирался. Естественно, многим из них в визе было отказано. Алиса уже была готова в случае неудачи остаться в Латвии, а потом попробовать прорваться дальше в Европу. Если же всё-таки удастся добраться до США, но не получится остаться там навсегда, Алиса намеревалась переехать в Канаду — лишь бы не возвращаться в СССР{275}.

Чтобы обеспечить дочь средствами на дорогу, Анна Борисовна была вынуждена продать оставшиеся семейные драгоценности. Алиса взяла с собой новую одежду и печатную машинку, спрятав в глубине сумочки сумму в рублях, эквивалентную 300 долларам. 28 декабря 1925 года она забрала из Техникума экранного искусства, в котором проучилась всего один курс, свои документы и фотографии. В архивном деле значится: «Окончила I курс с переходом на II курс и выбыла в ноябре 1925 г. за невзнос платы»{276}. 16 января 1926 года, незадолго до дня ее рождения, отец и мать устроили прощальную вечеринку. Алиса пригласила своего несостоявшегося возлюбленного Льва Беккермана, о котором всё еще не забыла, и усадила его рядом с собой. Он улыбнулся и сказал: «Знаешь, нам бы стоило встретиться, когда тебе будет около тридцати. Это будут твои лучшие годы». Много лет спустя Айн Рэнд будет вспоминать эту фразу и интонацию, с которой она была произнесена.

Следующим утром она навсегда попрощалась с отцом, матерью, сестрами, тетями, кузинами и другими родственниками на перроне Октябрьского (ныне Московского) вокзала. Ей больше не суждено было увидеться ни с кем из них, за исключением Элеоноры. У ног Алисы стоял подаренный бабушкой чемодан с нехитрыми пожитками, а в руках, по утверждению Барбары Брэнден, она держала старую печатную машинку[32]. На вокзал пришел Лев Беккерман; тогда он в первый и последний раз поцеловал ей руку. Вот отрывок из письма родственников с описанием сцены прощания: «Ужасно холодный ленинградский день, ужасное семнадцатое число, железнодорожная станция, железнодорожная платформа… Когда ты стояла на подножке и вагоновожатый наконец отделил тебя от нас, ты выглядела такой миниатюрной, стройной, юной и прекрасной… Второй звонок звенит, и поезд свистит. Ты постепенно исчезаешь в ленинградской темноте, и последнее — это твой крик “не бегите за поездом” — и ты машешь рукой».

Поезд начал двигаться. Алиса прокричала провожающим: «Когда я вернусь, я буду знаменита!» Это предсказание сбылось лишь наполовину: знаменитой она стала, а вот вернуться на Родину ей так и не удалось.

Родственники продолжали махать руками и бежать за поездом, пока тот не скрылся из вида. Какие мысли владели ими? Плакали ли они или, напротив, были счастливы, что хотя бы один член их семьи смог покинуть СССР? Об этом биографы умалчивают. Известно лишь, что позднее Зиновий Захарович сказал Анне Борисовне: «Ты только подожди! Алиса еще покажет миру, кто она такая».

Был на платформе и еще один человек, о котором умалчивают как официальная объективистская (рэндистская) историография, так и Барбара Брэнден и другие биографы. Из до сих пор не опубликованных семейных писем, хранящихся в Институте Айн Рэнд в Америке, явствует, что до Москвы Алису проводил блондин Сережа. (Известно также, что он считался ее женихом и приходил к Розенбаумам, в частности, чтобы устранять поломки в их ленинградской квартире{277}. Позднее по непонятным причинам Алиса полностью исключила этого Сережу из своей биографии и даже не вспоминала о нем в беседах с Барбарой Брэнден. Тем не менее он, несомненно, был: как сказано выше, о Сереже, женихе Алисы, говорила ее сестра{278}.)

Долгая дорога

Старый международный поезд Ленинград — Рига доставил будущую писательницу в столицу независимой Латвии. На вокзале Алису ждали друзья ее дяди — и вооруженные латвийские охранники. Вместе с остальными гражданами СССР, направлявшимися в Европу или приехавшими по делам в Латвию, она была этапирована в окруженный колючей проволокой лагерь на окраине города. К одежде человека, выходившего за территорию лагеря, прикрепляли массивный медный знак, указывавший, что ему дано разрешение покинуть лагерь по делам, с условием обязательного возвращения. После нескольких томительных дней в лагере Алисе, наконец, было разрешено переехать на квартиру друзей ее дяди, где она ожидала встречи с американским консулом. Ей сообщили, что в случае отказа в визе остаться в Латвии будет едва ли возможно: ее, скорее всего, депортируют в СССР.

И вот, наконец, наступил судьбоносный день. По нашим расчетам, встреча с консулом произошла между 20 и 29 января 1926 года. Можно представить себе, как Алиса волновалась. Консул оказался типичным американцем, молодым и весьма строгим. Девушка попыталась изложить ему все аргументы, которые могли бы убедить консула выдать ей желанную визу; она рассказывала ему о своей жизни в России, о друзьях, о работе, о семье… Во время своего пламенного монолога Алиса почувствовала, что всё это его не очень убеждает. Молодой человек кивал головой, а сам всё время поглядывал на какую-то бумагу, лежавшую у него на столе. Взглянула на эту бумагу и Алиса; там было написано по-английски: «Помолвлена с американским гражданином».

«Это неправда! — взорвалась Алиса. — Это ошибка! В России есть молодой человек, за которого я собираюсь выйти замуж, когда вернусь. Он попросил меня выйти за него замуж. Мы помолвлены».

Традиционно эта реплика подается биографами как ловкая выдумка писательницы. Однако архивные данные говорят о том, что, как мы упоминали, в России у нее действительно оставался жених.

Консул взял в руки бумагу и покачал головой: «Кто-то совершил ошибку. На этой бумаге ваше имя, однако эта информация о ком-то другом. Хорошо, что вы это заметили. Я уже собирался отказать вам в визе, но теперь всё в порядке».

Ошеломленная Алиса вышла на улицу. Был морозный

январский день. Позднее она вспоминала:

> «У меня было странное чувство, когда я покинула консульство. Как будто мои ноги не касались земли. Я шла как будто пьяная, смутно понимая, что идти по льду было опасно, но я чувствовала, что ничего страшного со мной больше не произойдет… В моей жизни было не так уж много по-настоящему удивительных мгновений. Это было одно из них».

На каком языке велась беседа? Вряд ли на английском — Алиса в то время едва ли настолько хорошо владела им, чтобы так яростно и убедительно отстаивать свою позицию. На русском? Гипотетически американский консул в Риге, в значительной степени русскоязычном городе, мог знать русский в такой степени, чтобы вести на нем собеседование. Сама писательница ясности в этот вопрос не внесла, а других свидетелей разговора не было.

В выезде Алисы Розенбаум в Америку в 1926 году свою роль сыграло несколько объективных и субъективных факторов. Во-первых, в США у нее были родственники, давшие письменное поручительство и оформившие приглашение. Во-вторых, в то время, до начала шпиономании 1930-х годов, Советский Союз еще не совсем закрыл границы для своих граждан: иногда страну можно было покинуть по частной визе. Можно вспомнить, что в эти годы Америку посещал, к примеру, Владимир Маяковский, а также Илья Ильф и Евгений Петров. В-третьих, поездка Алисы, учившейся в Школе экранного искусства, формально была полуофициальной командировкой для стажировки в кинотеатре ее американских родственников. В-четвертых, советские и западные родственники Айн Рэнд нашли деньги, чтобы оплатить ее поездку. И, наконец, последнее — каким-то чудом ей удалось убедить американского консула, что она едет в США лишь на время, а не насовсем.

Из Риги скоростной поезд доставил ее в Берлин. Там 30 января 1926 года Алиса встретилась со своей кузиной Верой Гузарчик, так же, как и она, добившейся разрешения учиться за границей и являвшейся в то время студенткой берлинского медицинского Института Роберта Коха. От этой встречи сохранилась фотография: две девушки сидят, ежась от мороза, у входа в Берлинскую картинную галерею{279}. В Берлине Алиса провела несколько дней, по-видимому, остановившись у Веры. Кузины отметили день рождения Алисы по новому стилю, 2 февраля, посещением кинематографа. В тот день показывали «Der Wilderer» («Браконьер») — романтическую идиллию, в которой

снимался Карл де Фогт — актер с внешностью героя древнегреческих мифов Адониса, — которого Алиса просто обожала. Кроме того, кто-то (видимо, не Вера) пригласил ее посетить большое театральное ревю с «полуголыми девушками и музыкой Гершвина»[280].

Из Берлина Алиса выехала в Париж. Там ее встретила крымская знакомая — русская эмигрантка средних лет с двумя детьми. Именно она помогла девушке осуществить первые покупки в Европе — приобрести платья, помаду и чулки. В качестве сомнительной «благодарности» за помощь и приют в Париже Айн Рэнд изобразила свою благодетельницу в качестве вульгарной женщины Антонины Платошкиной, отрицательной героини романа «Мы живые»[281]. В Париже Алиса задержалась на несколько дней, однако французская столица, как ранее Берлин, не тронула ее сердце:

> «Я не могла сконцентрироваться на них. Я чувствовала, как будто я убегаю или как будто смотрю на них из окна быстрого поезда».

Мысли и чувства беглянки были полны лишь Америкой.

В Париже Алиса снова села на поезд, теперь уже направлявшийся в портовый город Гавр, откуда вечером 10 февраля на французском пароходе «Де Грасс» она отправилась в Америку, телеграфировав перед отъездом матери в Ленинград, что садится на пароход, который доставит ее в США. Только тогда она явственно поняла, что уезжает. На билете № 18486, сохранившемся в ее личном архиве в Институте Айн Рэнд, ее имя указано как «Alice Rosenboum». Будущая писательница ехала в гордом одиночестве в каюте первого класса. Ворочаясь на кровати в безуспешной попытке уснуть, она обдумывала, какое платье наденет завтра: вышеупомянутая русская эмигрантка предупредила ее, что на пароходе можно встретить миллионеров, завязать романтическое знакомство, потанцевать и показать себя в обществе. Увы, мечтам девушки не было суждено сбыться: со следующего утра и практически до конца путешествия она страдала от морской болезни и была не в состоянии сдвинуться с места. Через девять дней, 19 февраля (по другим сведениям — 18-го[282]) 1926 года, она достигла страны своей мечты. Долгая дорога из Ленинграда заняла у Алисы более пяти недель. К ее разочарованию, из-за густого тумана она не смогла разглядеть очертаний нью-йоркских небоскребов или статуи Свободы.

Вскоре к пароходу пришвартовался катер с представителями американских таможенных служб. Все пассажиры, впервые приехавшие в США, должны были собраться в салоне и

предъявить документы. Пограничник, проверявший бумаги, немало повеселился, узнав, что у Алисы всего 50 долларов: «Что вы собираетесь с *этим* делать?» Однако для нее это была немалая сумма.

После проверки документов Алиса вернулась в свою каюту. К ее немалому изумлению, там ее ожидала невысокая темнокожая женщина с ее фото в руках. «Вы кто? — изумленно спросила Алиса. — И откуда у вас моя фотография?» Вскоре выяснилось, что чикагские родственники не смогли приехать лично и прислали сотрудницу Общества помощи путешествующим встретить ее. Алиса почувствовала некоторое разочарование. Тем не менее через несколько минут, около семи часов вечера, она, забыв все треволнения и разочарования, стояла на пристани на реке Гудзон. Шел снег. Сквозь слезы и тающие снежинки она видела город своей мечты с сияющими небоскребами.

«Сидя на вершине мира»

Первые дни в США Алиса провела в Нью-Йорке, в доме друзей ее американских родственников. Эти волшебные дни писательница всегда вспоминала с дрожью в голосе и со слезами на глазах. Она никогда не переставала обожать свою новую родину — это была любовь с первого взгляда. В конце жизни Айн Рэнд скажет:

> «Америка — это самая лучшая страна на свете. Нет — это *единственная* страна».

В Нью-Йорке она прошлась по Бродвею, а также посмотрела в кинотеатре фильм «Морской зверь» — адаптацию знаменитой новеллы Германа Мелвилла «Моби Дик». Однако больше всего ее увлекала урбанистическая поэтика нью-йоркских небоскребов, увидеть которые она мечтала еще в России.

Через неделю Айн (так мы теперь будем ее называть — к тому моменту она уже неофициально изменила имя) отправилась на поезде к своим родственникам в Чикаго. Однако юную иммигрантку не занимал мелькающий за окном бесконечный пейзаж. Она думала совсем о другом — о своем будущем. Во-первых, у нее было всего около шести месяцев, чтобы решить проблему легализации постоянного пребывания в Америке. Айн принципиально не собиралась следовать советам уехать на время в Мексику или Канаду, а потом вернуться в США без визы. «Я не хочу жить здесь нелегально, — говорила она. — Когда-нибудь я стану знаменитой — и тогда об этом станет известно». Во-вторых, бережно прижимая ногами печатную машинку к стенке вагона, она размышляла о том, каким путем легче всего достичь известности. Айн понимала, что ее английский слишком далек от совершенства, чтобы она могла на нем писать прозу. И тогда ее осенило: для сценариев немых фильмов не надо в совершенстве владеть языком! Таким образом, она окончательно решила, что для начала проведет какое-то время у родственников в Чикаго, напишет несколько сценариев, а потом поедет в Голливуд, чтобы продать их.

Хотя ни одно ее художественное произведение пока не было опубликовано даже на родном языке, Айн не испытывала никаких сомнений в том, что ее творчество найдет признание. Возможно, эта уверенность подкреплялась тем фактом, что даже в Советском Союзе ей удалось напечатать две публицистические работы — и какие: брошюрки о враждебном для советских пролетарских масс

буржуазном Голливуде!

На вокзале в Чикаго ее ждали улыбающиеся родственники: кузины Минна, Анна, Гертруда, тетя Сара… Несмотря на теплый прием, у Айн остались не самые приятные впечатления от Чикаго. Она вспоминала:

> «Мне исключительно не понравился Чикаго. Я чувствовала себя так, как будто всё еще не нахожусь в американском городе. К тому же после Нью-Йорка я чувствовала, что у меня нет никаких прав ни на что другое [за исключением работы], — сейчас стоит вопрос жизни или смерти, я должна продать что-то [из написанного], я должна обустроить себя».

Почти всё время она писала сценарии. Единственным развлечением были прогулки с родственниками и посещение кинематографа. Как уже упоминалось, тетя Сара владела небольшим кинотеатром, в котором к тому же работала по вечерам в качестве тапера. Поэтому Айн почти каждый день бесплатно смотрела новые фильмы и, кстати, тем самым улучшала свой по-прежнему неуклюжий английский.

Первоначально предполагалось, что Айн будет жить в семье Анны Стоун в течение всего пребывания в Нью-Йорке. Но этот план пришлось несколько раз переиграть. По словам другой тети Айн, Минны Гольдберг, у гостьи из СССР были «очень странные привычки», которые Анна не смогла вынести. По этой причине новоявленная иммигрантка вскоре переехала к тете Минне. Однако через пару месяцев и та устала от племянницы — и вновь отослала ее к Анне; эти переезды повторялись еще не раз.

Что же так раздражало родственников в Айн? Как мы помним, в Петербурге — Петрограде — Ленинграде Алиса была любимицей семьи, ей разрешалось практически всё. По этой причине она совершенно не считалась с желаниями и привычками людей, у которых жила в Чикаго (и не только). К примеру, живя в семье работавшего с утра до вечера Гарри Портного, она начинала печатать на машинке около полуночи, а заканчивала рано утром, когда родственникам уже надо было собираться на работу. Спать под стук клавиш машинки было практически невозможно. Однако Айн принципиально не работала днем. Быть может, ей было сложно перестроиться из-за восьмичасовой разницы во времени между Нью-Йорком и Ленинградом? Но в любом случае следовало быть более внимательной к приютившим ее людям.

Другой пример: прежде чем принять ванну (а делала она это всегда поздно ночью), Айн предварительно надолго открывала

кран, считая, что только так сможет обезопасить себя от бактерий. Минна вспоминала: «Если замолкала печатная машинка, то нам не давал спать звук текущей воды». Увы, как в этом, так и во многих других случаях Айн Рэнд твердо следовала провозглашенной ею концепции индивидуализма и не обращала внимания на чувства окружающих.

Интересно, что, несмотря на периодически вспыхивавшую тоску по родине, она вообще не говорила о своей семье, оставшейся в СССР. Это удивляло ее американских родственников. И всё же это было объяснимо: жизнь в России осталась в прошлом, будущее было связано только с Америкой, с писательской деятельностью и с карьерой — и лишь *это* для нее было важно. К тому же американские родственники, видимо, не знали, что Айн постоянно писала своим родным — и в письмах говорила о тоске по семье.

По воспоминаниям Минны Гольдберг, юная иммигрантка была совершенно счастлива в эти дни. Она много пела; любимым номером было исполнение песни «Гт Sitting on Top of the World» («Я сижу на вершине мира»). Пожалуй, именно такой она и чувствовала себя в те дни — свободной, талантливой, с успешной карьерой и бурной личной жизнью впереди.

Позднее, став знаменитой, Айн Рэнд никогда не забывала о том, что чикагские родственники сделали для нее. «Они спасли мою жизнь», — часто говорила она. Тем не менее сами родственники чувствовали себя обиженными. По их мнению, Айн действительно никогда не забывала про них, но… всё же была недостаточно внимательна к ним, учитывая, что они *действительно* спасли ее. Без них она никогда бы не смогла получить визу, перебраться в Америку, провести там несколько первых (и самых сложных) месяцев, улучшить свой английский, уехать в Голливуд, получить рекомендательное письмо к режиссеру де Миллю… Однажды Айн пообещала тете Мине, когда станет знаменитой, подарить ей «роллс-ройс» и соболью шубу — и, конечно, не выполнила обещание.

Тетя никогда не напоминала ей об этом. «Мне не нужен был “роллс-ройс”, — говорила она. — Дело было не в деньгах. Дело было в памяти». Или, к примеру, когда кузина Ферн Браун написала свою первую детскую книжку, она сразу послала экземпляр Айн. «Она так и не ответила на мое письмо, — вспоминала Ферн. — Так я поняла, что мы ей не интересны. Однако несколько лет спустя, когда она читала лекцию в Чикаго, она послала нам билеты, и мы, конечно, пошли. Она, похоже, была рада видеть нас».

Превращение в Айн Рэнд

К сожалению, доступные источники предоставляют разные, порой противоречащие друг другу, сведения относительно времени, места и обстоятельств превращения Алисы Розенбаум в Айн Рэнд. Попытаемся разобраться с этой важнейшей проблемой при помощи архивных источников и данных лингвистики.

Мало кто обращал внимание на то, что у героини нашей книги начиная с раннего детства было множество прозвищ и псевдонимов. Для семьи и родственников она была Алиской. Из-за интереса к динозаврам и новелле Артура Конан Дойла «Затерянный мир» ее называли Дакт Первый (видимо, это была аллюзия на упоминающихся в книге птеродактилей), а младшую сестру Нору — Дакт Второй. В 1920-е годы прозвищ у Алисы было множество — к примеру, Сесил де Милль, по имени ее любимого американского режиссера. В 1925–1926 годах, когда Алиса собиралась покинуть Ленинград, семья стала шутливо называть ее Американкой{283}. В свою очередь, сам Сесил де Милль, познакомившись с Айн Рэнд в США в 1926 году, в шутку прозвал ее Caviar[33]{284}.

Перед отъездом в Америку Алиса Розенбаум поняла, что ей необходимо будет жить там под другим именем, дабы не навлечь преследований на своих родственников, оставшихся в СССР. Начались долгие поиски нового имени. Вначале она хотела называть себя Лиль (Lil). Мало кто знает, что один из своих первых рассказов — «Муж, которого я купила» — она подписала псевдонимом Аллан Райнор (Allan Raynor){285}. Как видим, здесь она сохранила инициалы своего имени.

Большинство биографов Айн Рэнд и исследователей ее творчества опираются на главную версию, основанную на данных Барбары Брэнден и кузины писательницы Ферн Браун (Гольдберг). По словам Брэнден, Алиса сошла с парохода уже с новым именем — *Айн* Розенбаум{286}. Тем не менее, по-видимому, эта информация неверна: в большинстве случаев в течение первых недель своего пребывания в США она называла себя Элис (Alice) — англизированным вариантом имени Алиса. Фамилию Рэнд, согласно свидетельству Ферн Браун, помогла ей придумать сама Ферн, которой тогда было всего восемь лет. Ферн вспоминает: «Однажды она сказала: "*Я* собираюсь изменить мое имя, но я хочу, чтобы там были [буквы] ‘А’ и ‘Р’”. Мы звали ее “Элис” (Alice). Она сказала: “Я выбрала себе имя, это будет ‘Айн’ это — какое-то производное слово, сказала она мне. Она добавила: “Теперь, мне надо ‘Р’ ”. В тот момент я смотрела на ее

пишущую машинку и сказала: “А как насчет ‘Ремингтон’?” Она сказала: “Нет, это слишком длинно, мне надо покороче”. И тогда я сказала: “А как насчет ‘Рэнд’?” Она сказала: “Ну, хорошо, пусть будет ‘Айн Рэнд’ ”»{287}.

Это эмоциональное свидетельство, увы, вызывает сомнения. Начнем с того, что слияние фирм «Ремингтон» и «Рэнд» произошло только в 1927 году; следовательно, старая печатная машинка, вывезенная Алисой из СССР, могла быть только фирмы «Ремингтон», а не «Ремингтон-Рэнд». Более того, как явствует из сохранившегося в архиве писательницы письма ее сестры, фамилия Рэнд использовалась ею в качестве псевдонима еще до эмиграции. Таким образом, описанная Ферн Гольдберг сцена либо вообще не имела места, либо выглядела как-то иначе. Возможно, например, что, глядя на печатную машинку, Ферн сначала предложила родственнице взять фамилию Ремингтон, а потом, бросив взгляд на лежащую рядом офисную продукцию фирмы «Рэнд», указала на еще один вариант фамилии.

Сама Айн Рэнд еще больше запутала ситуацию, в разное время давая достаточно противоречивые объяснения происхождения своего псевдонима. В тридцатые и сороковые годы она говорила, что позаимствовала имя у какой-то финской писательницы[34]; как минимум однажды она утверждала, что придумала его сама. В 1937 году в письме одному из поклонников, написанном по-английски, она уверяла:

> «“Айн” — это одновременно настоящее и вымышленное имя. Его оригинальная форма — это финское женское имя, которое пишется по-русски так: “Айна” (написано кириллицей. — *Л. Н., М. К.*)… Я не знаю, как следует правильно писать его по-английски, и предпочла превратить его в “Ауп”, удалив окончание “а”»{288}.

Как мы видим, именно финская версия происхождения данного имени наиболее притягательная. Женское финское имя Aino или Aina, означающее «единственная», упоминается в эпосе «Калевала». Данное имя было целиком в духе позднее сформированной Айн Рэнд концепции индивидуализма и эгоизма как наивысших добродетелей человечества.

Кто же эта загадочная финская писательница? Сама Айн Рэнд сообщила Барбаре Брэнден, что произведения этой писательницы не читала, но с ее именем была знакома{289}. Вероятнее всего, это Айно Каллас (1878–1956), писательница-романтик, известная в Европе уже в начале 1920-х годов не только по произведениям на финском языке, но и по их переводам на английский. Крайне

интересно, что во многих ее сочинениях звучит романтическая тема «Эроса-убийцы» — любви, ведущей к смерти{290}. А ведь именно эта тема будет часто встречаться в ранних произведениях Айн Рэнд, особенно в «Красной пешке» и «Мы живые». Так что вполне возможно, что Алиса могла где-то увидеть рецензии на труды Каллас или английские переводы и настолько ими вдохновилась, что взяла, несколько видоизменив, ее имя, инициал которого к тому же совпадал с ее собственным. А еще и значение «единственная».

Однако Энн Хеллер недавно выдвинула новую, совершенно неожиданную версию появления псевдонима Айн Рэнд. По ее мнению, происхождение имени «Айн» может быть семейным. В 1960-е годы Бетси Шпейхер, одна из слушательниц лекций Айн Рэнд, спросила, не называл ли ее отец именем Аин. Писательница улыбнулась и кивнула. Шпейхер объяснила, что ее собственный отец использовал имя Аин (Ayin) как уменьшительно-ласкательное прозвище в значении «ясноглазая», от древнееврейского слова *аин* (глаз). По мнению исследовательницы, эту неожиданную версию подтверждает письмо начала 1930-х годов, в котором Анна Розенбаум называет дочь Айночкой. В поддержку этой версии можно вспомнить утверждение Джеффа Уолкера, что еврейское прозвище Аин и его уменьшительноласкательная форма Айнеле в значении «ясноглазая» были даны писательнице ее отцом{291}.

Насколько правдоподобно это предположение? На наш взгляд, не очень. Как правило, уменьшительно-ласкательные прозвища даются детям на родном языке. Иврит же не был родным языком ее родителей, хотя как образованные и умеренно религиозные люди они, безусловно, должны были его в той или иной степени знать. Тем не менее родными для них были идиш и русский, на которых слово «глаз» звучит совсем по-другому. Насколько нам известно, уменьшительно-ласкательного прозвища «аин» и «айнеле» со значением «ясноглазая» нет ни в иврите, ни в идише. К тому же и «аин», и «айнеле» — это формы единственного, а не множественного числа (английские авторы переводят это прозвище как bright eyes — дословно «ясные глазки»). А форма Айночка в письме Анны Борисовны объясняется очень просто — в 1930-е годы, зная о литературном псевдониме дочери, мать добавляла к ее новому имени русские уменьшительно-ласкательный суффикс и окончание.

На наш взгляд, более вероятно происхождение псевдонима от еврейского имени Айана, производного от ивритских слов *аин* и *мааян,* значащих «ключ», «фонтан», «источник». (Кстати, вспомним, что один из главных романов Айн Рэнд называется

«Источник».) Но это имя встречается настолько редко, что вряд ли можно утверждать, что Зиновий Розенбаум стал бы называть им свою дочь. Тюркское имя Ayna (Айна), образованное от персидского «айнэ» («зеркало; чистая, светлая»), а также арабское имя Айин («глаз») также вряд ли могут быть источниками псевдонима, так как Зиновий Захарович попросту не знал этих языков. Так что, по нашему мнению, версия о происхождении первой части псевдонима Айн Рэнд от имени финской романтической писательницы Айно Каллас является наиболее вероятной.

Достаточно неясным является и происхождение фамилии Рэнд. Как мы говорили, рассказ Ферн Гольдберг малоправдоподобен, поскольку в 1926 году машинки «Ремингтон-Рэнд» еще попросту не было. Правда, фирма «Рэнд», производившая офисную продукцию, в то время уже существовала, так что гипотетически это слово в то время могло крутиться в голове юной иммигрантки. Десять лет спустя, в 1936 году, писательница сообщила газете «Нью-Йорк ивнинг пост», что Рэнд — это сокращенный вариант ее русской фамилии; в 1961-м она сказала нечто похожее в интервью другой американской газете.

Действительно, записанная кириллическими буквами без гласных первая часть фамилии Розенбаум — «Рзнб» — визуально весьма похожа на английское «Rand». Более того, написанная по-английски вторая часть ее фамилии — «aum» — визуально похожа на кириллическое «аин». Так что, вполне возможно, что в поисках псевдонима, совпадающего инициалами с ее собственным именем, будущая писательница выбрала этот коротко звучащий и хлесткий вариант еще и по той причине, что он практически совпадал с фамилией «Розенбаум», написанной по-русски и по-английски.

Почему Алиса Розенбаум решила отказаться от данного ей родителями имени и стать Айн Рэнд? Для этого имелось несколько причин. Во-первых, ей надо было изменить имя, чтобы не навлечь неприятностей на своих родных, оставшихся в СССР. (Однажды сама писательница призналась: «Я никогда никому не говорю свою настоящую фамилию, потому что, если бы у меня всё еще были родственники, живущие в России, они оказались бы в опасности».) Во-вторых, в случае, если по истечении срока визы ей пришлось бы в течение какого-то времени жить в США нелегально, псевдоним мог бы помочь избежать проблем с властями, которые искали бы ее по прежнему имени. Наконец, в-третьих, Алисе Розенбаум хотелось отделаться от своей еврейской фамилии и, более того, национальной идентичности. Это, в

частности, утверждает ее племянница Мими Папурт (Саттон).

Внучка Анны Стоун, кузины Айн Рэнд, основываясь на воспоминаниях родственников, сообщала, что соображения при смене имени были не столько этническими, сколько коммерческими: «…она не могла быть еврейкой, так как хотела быть философом и автором книжных бестселлеров. А люди [того времени] не слушали еврейских женщин». Добавим, что многие актрисы еврейского происхождения, работая в Голливуде, меняли фамилии, слишком явственно указывающие на этническую принадлежность, на псевдонимы.

Так или иначе, какими бы мотивами ни руководствовалась Айн Рэнд, практически никто из ее друзей, коллег и многих миллионов почитателей ее творчества не знал ее настоящего имени вплоть до публикации книги Барбары Брэнден в 1986 году (да и сама Брэнден узнала его только тремя годами ранее)[{292}]. Пожалуй, книга Брэнден впервые указала на важность российско-еврейского контекста на раннем этапе биографии писательницы.

Первый штурм Голливуда

Летом того же года Айн Рэнд решила, что пришло время покинуть чикагских родственников и попытаться завоевать мир кинематографа. Срок ее гостевой визы к тому моменту уже истек, однако родственники продлили ее, купили билет на поезд до Лос-Анджелеса и подарили 100 долларов на начало новой жизни. Тетя Сара получила для нее от знакомого кинодистрибьютора рекомендательное письмо в рекламный отдел студии знаменитого голливудского режиссера Сесила де Милля (Айн сама попросила об этом, ведь де Милль был одним из ее любимых кинематографистов).

В Голливуд она отправилась, вооруженная четырьмя сценариями, — несмотря на то что еще толком не умела писать по-английски. По сведениям Энн Хеллер, ее разговорный английский состоял тогда из нескольких дюжин слов, к тому же неправильно произносимых. Сценарии она писала по-русски, а затем их переводила и доводила до ума ее восьмилетняя кузина Ферн Гольдберг[35]{293}. Полный текст сценариев, по всей видимости не слишком удачных, до нас не дошел. В качестве курьеза сама Айн Рэнд вспоминала, что героем одного из них был некий «благородный мошенник», прыгавший с одного небоскреба на другой с помощью парашюта.

Итак, молодая иммигрантка, попрощавшись с американскими родственниками, села в поезд. Позднее она редко вспоминала об этой поездке, длившейся два дня и две ночи, в которой ббльшую часть времени она провела, скрючившись в неудобной позе в сидячем вагоне. Достигнув Лос-Анджелеса, Айн направилась в центр города, к недорогому отелю Христианского союза женской молодежи. Во время оформления бумаг на проживание она призналась работавшему на ресепшене клерку, что приехала, чтобы связать свою жизнь с кинематографом. Тот порекомендовал обратиться в специальное женское общежитие, известное под названием «Клуб студии Голливуд» (Hollywood Studio Club), где обычно жили и работали девушки, ищущие работу в кино. (По другой версии, в этом дешевом общежитии никогда не было вакантных мест и Айн Рэнд туда устроил сам де Милль.)

И это действительно было самое подходящее для будущей писательницы место. Новый клуб студии был открыт всего за пару месяцев до ее приезда, в мае 1926 года. Вплоть до закрытия клуба в семидесятые годы это красивое трехэтажное здание с двориком и фонтаном с золотыми рыбками стало настоящим прибежищем для тысяч молодых девушек, приезжавших искать

счастья в Голливуде. Многие из них, как, например, приехавшая туда в 1948 году Норма Джин Бейкер (Мэрилин Монро), действительно добивались ошеломляющего успеха; другие довольствовались маленькими ролями, третьи оставались в Лос-Анджелесе в качестве секретарш и горничных; некоторые же, увы, вынуждены были вернуться домой ни с чем.

Последний вариант, естественно, был для Айн Рэнд полностью исключен. О возвращении она даже не думала: она приехала сюда завоевать Америку! 3 сентября Айн официально зарегистрировалась в клубе, заплатив его директору Марджори Уильямс десять долларов за первую неделю проживания в комнате 318 с двухразовым питанием. Теперь она была окончательно готова покорять Голливуд! На следующий день, прихватив рекомендательное письмо, девушка отправилась в пригород Калвер-Сити, города-спутника Лос-Анджелеса, где находилась киностудия де Милля.

И тут в ее судьбу вмешался его величество случай. Она села не на тот автобус, вследствие чего потратила больше часа на поиски студии. Наконец-то найдя ее, Айн предъявила «очень приятной молодой девушке» рекомендательное письмо. Увы, никакого особенного эффекта оно не произвело, и предложение о работе не поступило. Разочарованная и подавленная, не зная, что ей теперь делать, Айн направилась к выходу. По дороге она заметила припаркованный невдалеке роскошный двухместный автомобиль. Вглядевшись в водителя, она обомлела: это был сам Сесил де Милль, знаменитый режиссер, владелец киностудии, о котором она столько писала и фото которого видела на обложках гламурных журналов! В течение какого-то времени Айн пытливо всматривалась в его лицо, но потом, понимая бестактность своего поведения, направилась к выходу, прочь от ореола славы, успеха и признания, окружавшего знаменитого режиссера. Однако удача, по всей видимости, не желала так просто расстаться с ней. Автомобиль подъехал к воротам — и остановился возле уходящей Айн. Улыбнувшись, де Милль спросил: «Почему вы смотрели на меня?» Запинаясь, с недовольством слыша свой сильный акцент, она сказала: «Я… я только что приехала из России, и я очень рада видеть вас». «Садитесь», — пригласил де Милль, открыв дверцу машины.

Не зная, куда они поедут, иммигрантка покорно села в автомобиль, который стал для нее каретой Золушки. По дороге Айн рассказала де Миллю, что хочет быть сценаристкой и что он — ее любимый режиссер[36]. Вскоре они уже ехали по холмистой местности, где снимался фильм «Царь царей», посвященный евангельской истории распятия и воскресения Христа. Через

мгновение автомобиль мчался по сконструированной для съемок улочке Иерусалима. Айн уже ничему не удивлялась: в этот миг, когда сбывались самые несбыточные мечты, ее уже ничто не могло изумить. Выйдя из машины, де Милль сказал, что для того, чтобы писать сценарии, ей необходимо понаблюдать, как делается кино. Он представил свою новую знакомую нескольким актерам и членам съемочной группы. Айн Рэнд вспоминала:

> «Они приняли это, как будто я была царственным посетителем. Позднее я узнала, что он (де Милль. — *Л. Н., М. К.)* был окружен целой придворной свитой и каждый, к кому он благоволил, вызывал особое внимание. Это было прямо как при дворе Людовика XIV».

Взволнованная и очарованная, она наблюдала за съемками. Де Милль спросил, хочет ли она прийти на следующий день, — и выдал пропуск. В течение четырех последующих дней она являлась на съемочную площадку и наблюдала. Де Милль каждый день общался с ней и рассказывал о процессе съемок. В конце недели он спросил:

— Вы в порядке в финансовом смысле? Чем вы занимаетесь?

— Я в порядке, — быстро ответила девушка, слегка покоробленная тем, что ее кумир хотел дать ей денег. — У меня всего достаточно. Но мне нужна работа.

— Вы можете работать в массовке, если хотите, — предложил режиссер.

Так Айн Рэнд начала завоевание Голливуда. Вместе с тремя сотнями других актеров массовки она принимала участие в масштабных сценах, получая семь с половиной долларов в день. Для того времени это был очень неплохой заработок. По ее собственным словам, на сэкономленные средства она могла бы прожить целый год. Но ей, конечно, хотелось большего. Де Милль, явно выделявший необычную русскую иммигрантку из остальной массы статистов, почти каждый день беседовал с ней. Однажды, набравшись смелости, Айн рассказала режиссеру о своих сценариях. Тот попросил их на рецензию — и передал директору отдела сценариев, некоей Е. К. Адамс. Казалось, слава, успех и карьера уже не за горами!

Увы, путь к славе почти всегда лежит через тернии. Адамс, выглядевшая, по словам начинающей сценаристки, как «старая дева», с первого взгляда невзлюбила Айн и раскритиковала ее опусы. По мнению злобной рецензентши, описанные в них обстоятельства были далеки от реальности, герои слишком романтичны и экстравагантны. (Надо сказать, подобные негативные оценки будут сопровождать писательницу на всём ее

жизненном пути, несмотря на то, что коммерческий успех всего, к чему прикасалась рука Айн Рэнд — книг, сценариев, лекций, пьес, — казалось, сам по себе должен был опровергать подобные претензии.) Сценарии были отвергнуты. Надо было искать другие пути завоевания кинематографического Олимпа.

Идеальный муж

Начались серые будни. Каждый день Айн просыпалась на рассвете в своем номере, одевалась и с одной пересадкой ехала на работу в трамвае. Дорога занимала около двух часов, а на студии надо было быть в шесть утра, чтобы успеть загримироваться и облачиться в костюм. Потихоньку втянувшись в ритм голливудской жизни, она всё же чувствовала себя одинокой. Однажды с ней познакомился красавец Джозеф Шильдкраут, знаменитый актер, позднее награжденный «Оскаром». Он пригласил Айн в ресторан, немного пофлиртовал и подарил свое фото с автографом, однако продолжения не последовало.

Но однажды случилось «обыкновенное чудо». В один из дней второй недели пребывания в Голливуде, рано утром, девушка ехала по маршруту, уже ставшему привычным, и внезапно через несколько рядов трамвайных сидений увидела *его.* Он был высок и строен, прядь светлых волос падала на лицо. Холодные ярко-голубые глаза великолепно сочетались с аристократическим ртом. Ошеломленная Айн поняла, что это — мужчина из ее снов и романтических мечтаний. Позднее она вспоминала:

> «Не рассказывайте мне о, любви с первого взгляда. Это *была* любовь с первого взгляда… это было лицо моего идеала. Я никогда не видела лица, которое так великолепно воплощало бы мое представление об идеальном мужчине».

Это был ее Кир, ее Анжольрас, ее идеальный герой. С ужасом Айн думала о том, что сейчас она выйдет — и больше никогда не увидит его. Как заговорить с ним? Как объяснить совершенно незнакомому человеку, что он — ее идеал, ее судьба? До ее остановки оставались считаные минуты. Она не могла поехать дальше и опоздать на работу. Но идеальный незнакомец вышел из трамвая вместе с ней и направился к воротам студии. Он тоже был актером массовки.

Айн забежала в костюмерную, чтобы набросить на себя сценическое одеяние, стремглав выскочила на съемочную площадку — и тут же увидела *его.* Она вспоминала:

> «Он был величествен. На нем была короткая туника, сверху прикрытая длиннополой тогой с вышитым воротником, а также сандалии, перехваченные

поднимавшимися до колен ремнями… Позднее, по памяти, я сделала набросок, изображающий его в этом костюме. Я не могла забыть его профиль и то, как выглядела его прическа».

Этот рисунок, кстати, сохранился в личном архиве Айн Рэнд.

Три следующих дня Айн, как тень, следовала за прекрасным незнакомцем, не осмеливаясь заговорить. На четвертый день был придуман повод для знакомства. Во время съемок она проследила, куда тот идет, и в подходящий момент выставила ногу, преграждая дорогу. Тот споткнулся и чуть не упал, однако, оказавшись не только красивым, но и воспитанным, представился: «Фрэнк О'Коннор», — и они разговорились. О чем шла речь, взволнованная Айн не запомнила. Следующую ловушку на своего прекрасного принца Айн расставила у стола кассирши, выдававшей актерам ежедневную зарплату. Сделав вид, что их новая встреча — чистая случайность, она заговорила с Фрэнком уже как со старым знакомым. Тот, похоже, тоже был рад вновь увидеть ее и даже собирался проводить до дома, но подошедший знакомый предложил подбросить его домой, и он согласился. Дома он рассказал братьям, что встретил забавную русскую иммигрантку, чей сильный акцент не позволил ему понять практически ничего из того, что она говорила.

Самое страшное состояло в том, что это был последний день работы Фрэнка в массовке. Больше он ни разу не появился на съемках, и для Айн начался мучительный период поисков возлюбленного. Однако с чего их начать? Ведь она не знала его адреса, а в телефонной книге человек с такой фамилией не значился…

В течение следующих девяти месяцев Айн Рэнд говорила со своими подружками только о прекрасном «актере из массовки де Милля» (она даже не хотела называть его имени, опасаясь, что они уведут у нее Фрэнка). Стремление найти его превратилось в настоящую манию, доводившую ее до отчаяния. Ее приятельница Вирджиния Сэйл вспоминает: «Айн частенько рыдала у себя в комнате. Услышав ее непрерывный плач, мы подходили к ее двери и говорили: "Можем ли мы сделать что-нибудь для тебя, Айн?" А она отвечала, с ее русским акцентом: "Уходите! Уходите!"».

А на кинематографическом поприще ее дела шли успешно. После окончания съемок «Царя царей» де Милль предложил ей поработать в качестве младшего помощника одной молодой сценаристки. Ее задачей было делать краткие резюме получаемых режиссером сценариев, а также предлагать способы их адаптации

для кино. За это ей платили 25 долларов в неделю — это было меньше, чем она получала в качестве статистки, но для того времени являлось вполне приличным, к тому же постоянным заработком. Казалось бы, чего еще желать? Она в Голливуде, работает в качестве профессионального сценариста за приличную зарплату…

Увы, к немалому разочарованию Айн, работа оказалась неприятной, скучной и раздражающей. Как правило, амбициозной иммигрантке не нравились поступавшие к ней сценарии, а потому она справлялась со своей задачей не лучшим образом; лишь немногие из ее предложений были приняты режиссером. Тем не менее мы знаем, что как минимум три сценария, над которыми работала Айн Рэнд, были реализованы: «Ангел Бродвея» (1927), «Его собака» (1927) и «Жена Крейга» (1928)[294].

Летом следующего года де Милль передал ей рассказ Дадли Мёрфи «Небоскреб» о вражде между двумя строителями, влюбленными в одну девушку. Задачей Айн было написать сценарий на основе этого рассказа. Айн всерьез взялась за дело; до нас дошли наброски и заметки для сценария, написанные на английском и русском языках, а также эскиз плаката, рекламирующего фильм «Небоскреб»[295]. К сожалению, ее сценарий так и не был использован де Миллем. Однако именно из него Айн взяла идею для романа «Источник». Важно также отметить, что имя главного героя сценария было Говард Кейн, тогда как персонажа «Источника» звали Говард Рорк.

Чтобы лучше понять, как можно пересказать этот рассказ языком кинематографа, Айн договорилась о встрече с прорабом, занимавшимся строительством здания на Голливудском бульваре: ей было необходимо посмотреть на процесс стройки, понаблюдать за работами, поговорить с подрядчиками и т. п. К ее раздражению, прораб опаздывал. Чтобы не терять времени даром, Айн решила прогуляться по бульвару, а потом, увидев библиотеку, зашла в нее.

И тут вновь случилось «обыкновенное чудо» — внутри она увидела Фрэнка. Ошеломленная Айн смотрела на мужчину своей мечты, которого безуспешно искала последние девять месяцев. Фрэнк улыбнулся, отложил книгу и предложил прогуляться. Писательница вспоминала:

> «Мы прошли четыре квартала. Мы говорили о фильмах и о сценариях, которые он хотел написать, все — ужасающие комедии. Он говорил очень охотно, что крайне необычно для него вплоть до сегодняшнего дня».

Айн же, напротив, почти всё время молчала, вслушиваясь в

голос любимого. Впрочем, она сразу же спросила, где он живет. Выяснилось, что он снимает квартиру вместе с двумя братьями в центре Лос-Анджелеса, в доме одного из приятелей брата; именно по этой причине его фамилии не было в телефонном справочнике. Вопрос оказался лишним — Фрэнк по собственной инициативе пригласил ее поужинать у себя дома.

Так начался этот союз, которому было суждено продлиться больше пятидесяти лет. В течение этого времени практически все, кто так или иначе знал чету О'Коннор, не могли понять, что же связывает этих двоих, таких непохожих людей. Казалось, что внешне и внутренне они совсем не подходили друг другу. Он — красивый, элегантный, спокойный, мягкий и не слишком интеллектуальный джентльмен, она — маленькая, резкая, агрессивная, непримиримая и сфокусированная на интеллектуальной жизни эгоистка.

Несмотря на то что большинство биографов пытаются представить жизнь О'Конноров как взаимоотношения идеальной пары, как мы увидим позднее, их брак в какой-то момент дал сильнейшую трещину и устоял, пожалуй, лишь вследствие флегматичности Фрэнка и его нежелания расставаться с Айн. Причина кризиса в отношениях — безусловно, не физическое несходство этих двух людей, а резкое несовпадение характеров и взглядов на интеллектуальную составляющую жизни.

Впрочем, пока парочка выглядела обожающими друг друга людьми, создавшими идеальный союз.

Что же за мужчина был избран Айн Рэнд в качестве единственного спутника жизни? Чарлз Фрэнсис О'Коннор, известный своим друзьям как Фрэнк, родился 22 февраля 1897 года в небольшом городе Лорейн в штате Огайо. Практически все дети в большой семье О'Коннор были высокими и красивыми блондинами с аристократическими чертами лица. Появление в Лорейне первого кинотеатра значило очень много для трех братьев О'Коннор — Фрэнка, Джо и Гарри (последний предпочитал псевдоним Ник Картер). Они начали давать собственные спектакли и представления в конюшнях, подвалах и на чердаках — для родственников, друзей и соседей. Вскоре после смерти матери, незадолго до начала Первой мировой войны, братья О'Коннор переезжают в Нью-Йорк, где пытаются сделать актерскую карьеру — увы, не слишком успешно. Во время войны Джо и Ник поехали воевать во Францию, а вернулись оттуда в очень плохом физическом состоянии, пострадав от немецкой газовой атаки.

Что касается Фрэнка, то случай привел его на киностудию Д. В. Гриффита в небольшом городке Мамаронек в штате Нью-Йорк.

Там он работал в самых разных качествах, пока в 1925 году киностудия не переехала в Голливуд. Вскоре и Фрэнк перебрался в Лос-Анджелес, где в то время уже жили оба его брата. Первым фильмом, в котором он снялся, был «Царь царей», в первый день съемок которого он и познакомился со «смешной русской девушкой». Дальнейшее читателям уже известно.

Многие годы спустя Фрэнк будет вспоминать, что же, собственно говоря, так привлекло его в Айн Рэнд: «Одной из ее самых поразительных черт была полная открытость и отсутствие двуличия. Полная честность. Ты знал, что она никогда бы не смогла пойти против своих принципов». Что касается Айн, то тут всё было просто: ее привлекла прежде всего его внешность. «Я вышла за него замуж, потому что он такой красивый», — полушутя признавалась она. Кроме того, она неоднократно говорила, что Фрэнк полностью разделял ее взгляды на жизнь и общество, понимал суть ее работ и ее философии, ее предпочтения и неприязни, ее музыку и искусство и многое, многое другое…

Увы, как мы увидим позднее, Фрэнку, действительно полностью разделявшему взгляды Айн Рэнд, всегда не хватало какого-то внутреннего интеллектуального драйва, экзистенциальной энергии, которая ключом била у его спутницы. Какое-то время спустя часто случалось, что флегматичный красавец Фрэнк уходил в спальню, в то время как его супруга до рассвета эмоционально обсуждала с гостями интеллектуальные проблемы. Многие современники отмечали, что Фрэнк в какой-то момент попросту стал играть роль прекрасного супруга «интеллектуальной королевы», каковой себя считала — и каковой была — Айн Рэнд. Барбара Брэнден, психолог по образованию, полагала, что в браке Айн Рэнд воспроизводила поведенческую модель взаимоотношений своих родителей: как мы уже упоминали, сильная и отчасти даже тираничная мать фактически управляла домом и семьей.

В эмоциональном отношении период после «обнаружения» Фрэнка был счастливейшим в ее жизни. Они часто встречались, гуляли, ходили в кино, рестораны, посещали братьев Фрэнка и его друзей. Айн Рэнд стала принимать участие в общественных мероприятиях, проводившихся в общежитии, и производила впечатление радостного и счастливого человека.

В экономическом же отношении это было, пожалуй, самое тяжелое время: де Милль закрыл свою киностудию и перешел под патронат кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер», вследствие чего Айн Рэнд потеряла место. В течение последующих полутора лет она вынуждена была браться за любое дело. Сначала она стала

официанткой, но… была уволена после первого же дня работы. «Я даже не знала точно названия всех блюд и поэтому не знала, что нести покупателям», — будет вспоминать Айн Рэнд. На следующем месте, в придорожной закусочной, она продержалась уже целую неделю, однако опять была уволена, так как закусочная оказалась на грани банкротства.

Иногда заказы на временных работников поступали в общежитие киностудии, в котором Айн проживала, однако это всегда была очень кратковременная и низкооплачиваемая работа. Вскоре после того, как Айн начала встречаться с Фрэнком, цена за проживание в клубе киностудии возросла с десяти до одиннадцати долларов в месяц. Не имевшая постоянной работы Айн часто не могла вовремя оплатить счета. Марджори Уильямс, директор клуба, встревоженная ее плачевным состоянием, однажды передала ей от одного из спонсоров королевский дар — 50 долларов. Несколько дней спустя сияющая Айн принесла в офис мисс Уильямс большую коробку. «Хотите посмотреть, что я купила на эти деньги?» — И, торжественно открыв коробку, она продемонстрировала новое нижнее белье. Об этой истории до сих пор говорят в Голливуде.

В эти тяжелые в финансовом отношении дни подруги увидели «новую Айн». Если ранее она была малообщительна, замкнута и неприветлива, то сейчас свет любви озарял всё ее существо — и окружающие обнаружили, что русская иммигрантка умеет быть веселой и открытой.

Приблизительно через год после второй встречи с Фрэнком, летом 1927-го, Айн Рэнд была вынуждена съехать из общежития и жить на 30 центов в день. Из еды она могла себе позволить утром лишь кусок шоколада, который запивала горячей водой из крана, а днем — холодные консервированные спагетти или бобы. В конце этого тяжелейшего месяца, измученная болями в желудке, она пошла в ресторан и заказала тарелку супа. Работая официанткой, Айн сознательно искала места в предместьях Лос-Анджелеса, в трущобах, в часе езды от центра города. Как писательница позднее будет гордо вспоминать, она делала это вполне сознательно, не желая, чтобы Фрэнк случайно встретил ее. Она не то чтобы стеснялась своей работы; просто ей не хотелось, чтобы Фрэнк узнал о ее проблемах. Из архивных источников известно, что ее финансовое положение было столь плачевно, что ей посылали деньги родители, оставшиеся в СССР{296}. Учитывая, что им самим жилось не слишком сладко, можно представить, как же худо было их эмигрировавшей дочери. К тому же Айн периодически одалживала небольшие суммы у своих американских родственников — которые, кстати, так никогда и

не вернула.

По словам Норы, в 1928 году старшая сестра послала родителям в письме свои фотографии. С ними Анна Борисовна и Наташа пошли в банк, чтобы получить разрешение на пересылку денег в США. В результате им было позволено отправлять по 25 долларов в месяц, что они и делали в течение некоторого времени{297}. Отметим, что этот факт Айн Рэнд не упоминает ни в одном из своих многочисленных интервью, по-видимому, не желая бросить тень на экономическую ситуацию в обожаемой ею Америке, а также признать, что в начале карьеры она была не так уж самостоятельна.

Айн сознательно переехала из общежития киностудии, чтобы иметь возможность в снимаемой ею малюсенькой комнатушке постоянно встречаться с Фрэнком (в общежитие было запрещено приводить кавалеров). Именно в это время их роман перешел в более серьезную стадию. О том, как прошли для Айн и Фрэнка следующие полтора года, известно немного; однако 15 апреля 1929-го их отношения пришли к закономерному результату — официальному браку, зарегистрированному в Зале правосудия Лос-Анджелеса. Это была тихая и спокойная церемония: Айн и Фрэнк были чужими в этом городе, где они почти никого не знали. После свадьбы они устроили скромный ужин в доме, где жили братья Фрэнка.

Почти всем было известно, что, несмотря на романтические отношения Айн и Фрэнка, решение пожениться было в известной степени вызвано необходимостью: Айн уже многократно продлевала визу и дальше делать это не могла. Она должна была или выехать из США, или жить в стране нелегально, или выйти замуж за американского гражданина. Фрэнк знал это и как истинный джентльмен решил помочь. Был ли он всерьез влюблен? Ответ на этот вопрос дать непросто. С одной стороны, все знали, как хорошо он относится к Айн, заботится о ней и делит с ней все радости и трудности повседневной жизни. С другой — было очевидно, что он не испытывал той неистовой страсти, которой пылала Айн.

Так или иначе, но Рубикон был перейден, и Айн Рэнд вступила в новую жизнь в качестве законной супруги. Через два месяца после свадьбы О'Конноры поехали в Мексику, чтобы по возвращении при пересечении границы США 29 июня 1929 года Айн официально могла получить вид на жительство, дающий возможность трудоустройства, — грин-карту (она сохранилась в архиве писательницы). В этом документе было указано: миссис Чарлз Фрэнсис О'Коннор{298}. Гражданство США Айн получила лишь два года спустя, 3 марта 1931-го, но грин-карта дала ей

ощущение принадлежности к любимой стране. Тревога, которая грызла ее с момента приезда в Америку, сменилась спокойствием и уверенностью. Теперь она могла наконец-то сосредоточиться на завоевании Голливуда.

Глава пятая
НАЧАЛО ПИСАТЕЛЬСКОЙ КАРЬЕРЫ

Американские пробы пера

Молодая семья переехала в меблированную комнату и начала новую жизнь. Вскоре после свадьбы Айн с помощью русского иммигранта, актера Ивана Лебедева, стала делопроизводителем в костюмерном отделе голливудской киностудии «Радио Кейт Орфеум Пикчерз» (РКО). Работа, увы, имела весьма отдаленное отношение к киноискусству, однако была постоянной и неплохо оплачивалась. Через полгода Айн добилась повышения жалованья с 20 до 25 долларов, а через год стала начальником отдела с зарплатой в 45 долларов в неделю. Кроме того, пользуясь связями на киностудии, она находила временные контракты для Фрэнка. Вскоре они переехали на другую съемную квартиру — возле главного офиса РКО, купили радиоприемник (не такая уж дешевая вещь в те времена) и подержанную машину. Отметим, что уже на раннем этапе их совместной жизни лидером и финансовой опорой семьи была Айн. В дальнейшем этот поведенческий паттерн будет развиваться по восходящей. Работа в РКО решила все их финансовые проблемы. Конечно, Айн не очень-то любила ее, однако понимала: в условиях стагнации во время Великой депрессии, когда миллионы американцев оказались на улице, надо радоваться, что у нее есть стабильный заработок.

Однако не этим жили ее душа и незаурядный интеллект. Чтобы увеличить словарный запас и поближе познакомиться с современной американской и переводной литературой, Айн много читала. Сильнейшее впечатление на нее произвели рассказы О. Генри, которому она будет подражать в своих ранних новеллах. Пришлись по сердцу также книги Синклера Льюиса — первого американца, удостоенного Нобелевской премии по литературе (1930). А вот роман «Прощай, оружие!» (1929) другого знаменитого американца, Эрнеста Хемингуэя, ей совершенно не понравился. Совершенно не в ее вкусе был и философский роман «Волшебная гора» (1924) немецкого классика Томаса Манна, отмеченный в 1929 году Нобелевской премией. Разочарованная Айн отправилась в книжный магазин и спросила продавщицу: «Есть ли у вас что-нибудь с хорошим сюжетом, но в то же время с серьезными идеями?» Та печально ответила: «Я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. Сейчас так больше не пишут». «Ну что ж, — подумала Айн, — тогда напишу я»{299}.

Забегая вперед, отметим, что в более поздние годы она будет читать всё меньше и меньше, полагая, что в литературе осталось не так много хороших писателей, произведения которых она не

читала. В ней будет расти раздражение по отношению к другим писателям и к современной литературе в целом: по ее мнению, там напрочь отсутствовал романтический образ «идеального человека», над которым она работала все годы своего писательства. Казалось бы, перед ней был богатейший выбор: в 1920—1930-е годы творили такие великие прозаики, как Герман Гессе, Владимир Набоков, Евгений Замятин, Исаак Бабель, Михаил Шолохов, Эрих Мария Ремарк, Джек Лондон, Михаил Зощенко, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Лион Фейхтвангер, Жан Поль Сартр, Альбер Камю, Джордж Оруэлл и др. Неужели же среди произведений этой плеяды гениальных авторов, многие из которых стали лауреатами престижнейших литературных премий, совсем ничего не пришлось по душе американской иммигрантке? Более того, многие из них писали и об «идеальном, романтическом человеке», и о давлении тоталитарного государства на индивидуума, и о борьбе талантливых одиночек со всепобеждающей посредственностью. Кажется, дело было совсем в другом. Если быть искренними, то надо признать: Айн Рэнд с детства не был привит вкус к хорошей литературе — как к прозе, так и к поэзии. Это, в сочетании с непомерным эгоизмом и представлением о себе как о носительнице истины в конечной инстанции, привело к отрицанию подавляющего большинства литературных достижений того времени. Русскую же и советскую литературу она, видимо, не читала вовсе.

Одним из самых любимых ее произведений вскоре стал роман «Калумет “К”», написанный в 1901 году Сэмюелом Мервином и Генри Китчелом Уэбстером{300}. Кто-нибудь слышал о нем раньше? Мы — нет. Это повествование о строительстве зернохранилища где-то на Среднем Западе Америки, полное описаний производства, денежных и деловых отношений, забастовок, на фоне которых развивается бурный производственный роман. В общем, эдакий «капреализм» (по аналогии с соцреализмом). И вот этот, весьма посредственный, роман Айн Рэнд возвела на самые высоты собственного литературного Олимпа. И это неудивительно, ведь именно на сочетании любовной интриги и производственно-экономического процесса будут построены и два ее главных, с точки зрения коммерческого успеха, литературных произведения: «Источник» и «Атлант расправил плечи».

С 1926 по 1932 год ею было написано несколько новелл в стиле О. Генри, совмещающих драматизм, резкие сюжетные повороты, юмор и смех сквозь слезы. К сожалению, ни одна из них не была опубликована при жизни автора — слишком слаб был английский, на котором Айн только начинала писать;

рецензентам также не понравился излишний мелодраматизм. Впрочем, в качестве первых проб пера новеллы достаточно неплохи{301}. Остается только пожалеть, что вскоре Айн Рэнд окончательно оставила малые формы творчества, полностью переключившись на крупные произведения. На наш взгляд, она могла достичь успеха в жанре рассказа в стиле О. Генри, оставалось только продолжать работать в этом ключе.

Она пыталась писать и большие романы, от которых до нас дошли лишь отдельные фрагменты. Один из них назывался «Осада» и был посвящен приключениям нескольких молодых американцев в Китае. От другого, с названием «Улочка», который она начала сочинять примерно в феврале 1928 года, сохранилось достаточно много набросков (позднее часть из них перекочует в «Источник»), демонстрирующих, что Айн собиралась развивать идею противостояния одинокого гения и злобной толпы посредственностей{302}.

«Красная пешка»

В конце 1931 года Айн Рэнд решает написать сценарий, чтобы заработать побольше денег и бросить опостылевшую работу в РКО. Для начала она составила восьмистраничный синопсис, который пыталась продать нескольким киностудиям. Увы, киностудии одна за другой отказывались его принимать — слишком невероятны были события, слишком романтичны фигуры. Один из крупных сценаристов, отвергнувший синопсис, даже специально пригласил ее на собеседование и стал высокомерно разъяснять, что киностудии «заинтересованы в реалистических историях об обычных людях»: «Вот о чем вам надо писать. Пишите о людях, которых вы знаете».

(Такие претензии преследовали Айн Рэнд всю ее творческую карьеру: персонажи якобы слишком нереалистичны, сюжеты невероятны, и их невозможно продать. Но писательница каждый раз будет сокрушительно громить всех скептиков ошеломительным успехом ее произведений: все ее якобы «безнадежные» сюжеты и многостраничные романы будут прекрасно продаваться. Единственным неудачным в коммерческом плане станет роман «Мы живые» — несмотря на то, что это как раз была «реалистическая история об обычных людях».)

Сценарий, расширенный к 1932 году до масштабов небольшой повести, Айн Рэнд назвала «Красная пешка» — по той роли, которую должна была исполнять ее главная героиня, американка Джоан Хардинг, в руках советских («красных») властей. По сюжету американка приезжает на Страстной остров (видимо, прототипом для этого несуществующего острова явились Соловки), чтобы «ублажить» его коменданта Кареева[37], а на деле — чтобы вызволить своего мужа Михаила Волконцева, томящегося там в тюрьме. И тут образуется любовный треугольник, во многом похожий на коллизию романа «Мы живые». В процессе общения с Джоан пролетарий Кареев становится совсем другим человеком — и американка невольно влюбляется в него, продолжая любить Михаила. В результате они бегут с острова втроем. Сделать окончательный выбор Джоан мешает появление солдат — те арестовывают беглецов; Волконцев должен быть возвращен на остров и расстрелян, Джоан и Кареева ждет судебное разбирательство. В последний момент Кареев выдает себя за мужа Джоан и отправляется на смерть, в то время как супругов увозят в Нижний Колымск. Последнее, что видит Джоан, — Кареева с высоко поднятой головой увозят на

расстрел.

Данное произведение, написанное, на наш взгляд, по всем законам голливудской мелодрамы (правда, без хеппи-энда), показывает, что к тому моменту Айн Рэнд уже блестяще овладела как литературным, так и разговорным английским, что, впрочем, неудивительно: ее окружение, за редкими исключениями, было англоговорящее, она проводила целые дни на работе, общаясь по-английски. Айн до такой степени овладела чужим языком, что, когда в послевоенное время писала родственникам по-русски, жаловалась, что это дается ей с трудом.

Почти все критики пишут, что Айн Рэнд до конца жизни говорила с «сильным русским акцентом». Безусловно, у нее был заметный акцент, однако разговорным языком она владела виртуозно. Это можно заключить на основании многочисленных телеинтервью, во время которых Рэнд безжалостно, умело и искусно, без всякой подготовки, ниспровергала своих критиков и журналистов, задававших каверзные, а порой и бестактные вопросы. Добавим также, что другой великий русский американец, Владимир Набоков, также не смог избавиться от акцента. Безусловно, стиль произведений Набокова гораздо выше, чем стиль романов Айн Рэнд, однако что касается устной речи, писательница значительно превосходила коллегу — тот, как известно, практически все интервью давал, записав ответы на бумаге и тщательно отрепетировав их. Айн в этом не нуждалась — столь виртуозен и цветист был ее разговорный английский. Тем не менее об акценте Набокова никто не говорит, а вот произношение Айн Рэнд почему-то стало притчей во языцех.

Синопсис «Красной пешки» вскоре привлек внимание компании «Юниверсал Студиос» (впоследствии — «Юни-версал Пикчерз»), заплатившей за будущий сценарий баснословные деньги — 1500 долларов! Айн Рэнд сразу же уволилась из РКО: теперь ей, начинающей, но уже успешной сценаристке, незачем было просиживать дни в костюмерном отделе. Казалось бы, всё было на мази: Айн подписала контракт на создание сценария для фильма «Красная пешка», в котором должна была сниматься восходящая звезда Тала Бирелл. Если всё пойдет удачно, говорили ей в «Юниверсал Студиос», она может получить место штатного сценариста кинокомпании.

Увы, Тала Бирелл не оправдала надежд, и сценарий «Красной пешки» положили на полку. Вскоре после этого представители «Юниверсал Студиос» обменялись с «Парамаунт Пикчерз» правами на «Красную пешку» и на другой сценарий, стоивший уже 20 тысяч долларов. Несмотря на некоторую досаду, что ее интеллектуальное имущество кочует от одного владельца к

другому, Айн испытывала немалую гордость: вот как дорого теперь стоит ее слово! Компания «Парамаунт Пикчерз» решила, что снимать «Красную пешку» будет Джозеф фон Штернберг со знаменитой Марлен Дитрих в главной роли. Айн была просто счастлива, ведь именно эту актрису она изначально видела исполнительницей роли Джоан Хардинг. Более того, ее пригласили в «Парамаунт» для окончательной доработки сценария. «Я сидела в студии, зарабатывая сто долларов в месяц, не делая ничего», — будет вспоминать писательница.

К сожалению, вскоре опять начались проблемы. Дело в том, что последним фильмом, который снял фон Штернберг, была картина «Распутная императрица» («The Scarlet Empress»), посвященная Екатерине II. Фон Штернберг объявил, что не хочет снимать еще один фильм на русскую тему; и сценарий вновь положили на полку, где он лежит и по сей день.

Основанная на сценарии повесть была опубликована только после смерти Айн Рэнд: в 1984 году — английский оригинал, в 2012-м — русский перевод{303}. Из предисловия к повести, написанного наследником писательницы Леонардом Пейкоффом, мы узнаём, что в первоначальном варианте героиню звали Таня и она была русской княжной, а ее муж носил имя Виктор и тоже принадлежал к русской аристократии. Дворянами были также большинство заключенных Страстного острова. Позднее, редактируя синопсис произведения, Айн Рэнд изменила имена и социальное происхождение персонажей{304}.

«Ночью 16 января»

Казалось, личная жизнь супругов О'Коннор складывалась неплохо. Они по-прежнему всё время были вдвоем, и Айн всё так же обожала своего красавца-мужа. Однако чем больший успех имели произведения начинающей писательницы, тем более призрачными были шансы ее мужа сделать актерскую карьеру. Несмотря на то, что он по-прежнему получал небольшие роли, и порой даже в заметных фильмах, было ясно, что масштабного актера из него не получится. Постепенно он начал терять надежду стать *кем-либо* — и смирился с ролью супруга при гениальной и неплохо зарабатывающей жене. Более того, стало очевидно, что в интеллектуальном смысле Фрэнк был совершенно не ее тип: он мало читал, не интересовался политическими или философскими разговорами, был спокоен и несколько замкнут. Айн же жаждала продолжительных жарких дискуссий, интеллектуальных битв и философских баталий. Достойного собеседника она нашла в Нике, старшем брате мужа. С ним она была готова ночи напролет обсуждать социальные и философские проблемы, требуя, чтобы Фрэнк, которого обыкновенно тянуло в сон от их дискуссий, присутствовал при этих разговорах. Однако пока семейный горизонт был безоблачным и ничто по-настоящему не угрожало их счастью.

Однажды вечером, который Айн будет называть поворотом в своей карьере, они с мужем были на спектакле «Суд над Мэри Дуган», действие которого происходило в зале судебных заседаний. Писательница вспоминает:

«Мне спектакль не очень-то понравился, но я подумала, что по форме он весьма драматичен. Я подумала: было бы любопытно, если бы кто-то написал драму, происходящую в здании суда, с неопределенным финалом, в котором присяжные заседатели были бы взяты из числа зрителей, которые бы определяли, виновен обвиняемый или нет. Моей следующей мыслью было: а почему бы *мне* не написать такую пьесу?»{305}

Вторым фактором, повлиявшим на ее выбор, была реальная история шведского «спичечного короля» Ивара Крегера (1880–1932), застрелившегося в номере парижской гостиницы. С использованием двух этих линий — спектакля «Суд над Мэри Дуган» и самоубийства миллионера Крегера — и была написана пьеса «Легенда пентхауса», позднее переименованная в «Ночью 16 января».

Шел 1934 год. Экономический кризис был в разгаре. Деньги от продажи «Красной пешки» были давно истрачены, и чета

О’Коннор жила в основном на мизерные гонорары, получаемые Фрэнком за исполнение эпизодических киноролей. Айн была близка к отчаянию.

И тут совершенно неожиданно она получила предложение о сотрудничестве от Эла Вудса, знаменитого нью-йоркского театрального продюсера, решившего приобрести ее пьесу. Контракт с Вудсом означал бы постановку на Бродвее, известность и финансовый успех. Однако Айн Рэнд отклонила это предложение. Но почему? Дело в том, что Вудс настаивал на своем праве вносить изменения в текст пьесы, в то время как Айн всегда резко пресекала любые сторонние попытки делать поправки в ее произведениях, поскольку считала свои работы совершенными.

Отказ работать с самим Элом Вудсом не принес ей денег, но принес известность. То, что начинающий драматург отказала «самому Вудсу», стало настоящей сенсацией, о которой много говорили в окололитературных и театральных кругах. Вскоре Айн Рэнд получила от актера Эдварда Клайва предложение подписать контракт на постановку пьесы. Тот часто ставил малобюджетные спектакли в небольшом театре «Холливуд Плейхаус». Конечно, это предложение не шло ни в какое сравнение с условиями контракта Эла Вудса, однако писательница приняла его.

В октябре 1934 года состоялась премьера пьесы «Женщина в суде», на которую пришли многие знаменитости, в том числе Марлен Дитрих, одна из самых любимых актрис Айн Рэнд. Атмосфера премьеры была ей по душе, но не слишком понравилась игра актеров и еще меньше — резкие рецензии, которые продолжали выходить, несмотря на то, что спектакль был довольно тепло встречен публикой и весь сезон собирал почти полный зал.

По окончании сезона было объявлено, что спектакль снимается с репертуара, и Эл Вудс возобновил попытки приобрести права на постановку пьесы. После длительных и изматывающих переговоров с Айн Рэнд он внес изменения в ту часть контракта, где говорилось о его исключительном праве на внесение поправок в текст, и в результате контракт на постановку пьесы на Бродвее был подписан.

Так как Вудс хотел максимально быстро заняться постановкой, вскоре после подписания контракта, поздней осенью 1934 года, семья О’Коннор отправилась в Нью-Йорк, чтобы Айн могла начать работу у Вудса. У них в тот момент было около сотни долларов — деньги, полученные от Вудса за первый месяц работы над пьесой. По дороге чета оживленно строила предположения, что их ждет в Нью-Йорке, о новой жизни и новых

знакомствах. Увы, как только их старенькая машина покинула пределы Голливуда, у нее отказали тормозные накладки, а потом вышел из строя аккумулятор. Они чудом не попали в аварию. Починить автомобиль стоило так дорого, что они предпочли продать его за гроши ремонтной мастерской и добрались до Нью-Йорка на автобусе.

Несмотря на то что О'Конноры приехали в Нью-Йорк практически без денег, Айн была счастлива оказаться в этом городе ее мечты, наслаждалась видом небоскребов и ярких огней. К тому же там жил Ник, брат Фрэнка, по ночным дискуссиям с которым она очень скучала. Ник вскоре начал помогать бедным родственникам, одолжив деньги и разделив с ними стоимость совместных ужинов, на которые он приходил на квартиру к Айн и Фрэнку.

И тут семья узнала об очередном неприятном сюрпризе: Эл Вудс не смог найти достаточно средств, чтобы запустить пьесу в ближайшее время. По этой причине Айн продолжала получать всего лишь 100 долларов в месяц. В дополнение к этому она нашла себе фрилансерскую подработку — рецензентом для кинокомпаний РКО и «Метро-Голдвин-Майер». Ее задачей было прочтение книг и рукописей, краткое изложение прочитанного и оценка их потенциала для последующей экранизации. Ей платили два доллара за краткое резюме и пять — за более пространное. Писательница вспоминала:

> «Только немногие из них были длинные, так как материал был ужасен. Моим плюсом было то, что я могла читать по-французски, по-русски и достаточно хорошо по-немецки, так что мне передавали зарубежные произведения, иногда даже советские пьесы»{306}.

На эти деньги Айн и Фрэнк жили в течение целого года. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, Айн была молодым одаренным сценаристом с хорошей репутацией, чья пьеса вот-вот должна появиться на Бродвее; с другой — ее заработков едва хватало на еду и на плату за аренду квартиры, составлявшую 40 долларов в месяц. Айн Рэнд рассказывала:

> «Однажды у нас осталось всего 50 центов на двоих, и нашей единственной пищей было то, что оставалось в коробке с овсяной крупой. Это напоминало Россию…»

Наконец-то летом 1935 года начались репетиции «Легенды пентхауса». Под давлением Вудса Айн со скрипом согласилась переименовать пьесу в «Ночью 16 января». Именно под этим

названием она станет известна всему миру. Период с лета до ноября, когда спектакль был показан, стал для молодого драматурга временем настоящей пытки. Она была недовольна Вудсом, актерами, отношением к ее тексту, попытками ввести в спектакль новых персонажей и многим другим. На премьере усталая и измученная Айн сидела в одном из последних рядов зрительного зала.

По ее собственным словам, она не чувствовала ничего, кроме страшной скуки. Для нее пьеса была мертва — там не осталось ничего от того идейного содержания, которое она вкладывала в диалоги и монологи действующих лиц.

Тем не менее спектакль оказался весьма успешным — был сыгран 283 раза и собирал почти полные залы. Благодаря этому Айн и Фрэнк наконец-то разбогатели: в иную неделю авторские отчисления составляли до 1200 долларов. Впервые со времени Октябрьской революции Айн в финансовом отношении чувствовала себя спокойно. Вскоре они переехали в новую удобную квартиру на Парк-авеню. Айн, всё еще не до конца веря, что это финансовое благополучие надолго, начала посещать магазины и приобретать новую и удобную одежду, чего не могла себе позволить с 1917 года.

Пьеса «Ночью 16 января» пользовалась (и всё еще пользуется) успехом как в Америке и Великобритании, так и в других странах. Особенно часто ее играют в летнее время. Летом 1936 года, к огромной радости автора, пьесу поставил летний театр в городке Стони-Крик в штате Коннектикут. Одну из главных ролей там играл Фрэнк. В 1941 году компания «Парамаунт Пикчерз» выпустила кинематографическую версию пьесы; естественно, она не содержала самого интересного хода — судебного решения, выносимого зрителями. Увы, Айн Рэнд была страшно недовольна первой киноадаптацией ее произведения и охарактеризовала фильм как «дешевый, дрянной и вульгарный». В России, насколько нам известно, пьесу пока не ставили — во всяком случае, в крупных государственных театрах.

В 1930-е годы Айн отправила Норе (по другим данным — Наташе) экземпляр пьесы, а та, по сведениям Энн Хеллер, по каким-то причинам спрятала его и никому не показывала. Тем не менее матери удалось завладеть текстом и перевести его на русский, чтобы Зиновий Захарович и другие родственники, не владевшие английским, смогли его прочесть. После этого отец восторженно написал дочери, что ее стиль по выразительности и лаконичности напомнил ему Шекспира (не лучший комплимент, учитывая, что Айн Рэнд терпеть не могла английского драматурга). Нора прислала ей эскиз театральной афиши с

именем «Айн Рэнд», расцвеченным сверкающими огнями. Мать предоставила сделанный ею русский перевод пьесы известному советскому театральному режиссеру Н. П. Акимову (1901–1968), который, однако, ее так и не поставил{307}.

Первый роман

В 1929 году Айн начала новый проект, явившийся стартом ее писательского успеха, — книгу «Airtight». Это название в зависимости от контекста можно перевести как «Непроницаемый (-ая)», «Недоступный (-ая)», «Непреодолимый (-ая)» и даже «Удушье». Позднее появилось новое название — «We the Living» («Мы живые»).

Пожалуй, сложно найти более неподходящее время для создания этого произведения. В 1930-е годы политические элиты Америки, люди искусства, ученые и литераторы, разочарованные финансовым кризисом, испытывали глубокие симпатии к Советскому Союзу. Американское десятилетие с 1930 по 1940 год даже принято называть «Красной декадой» — так сильны были просоветские и прокоммунистические настроения. Известный писатель Гранвиль Хикс (1901–1982) открыто заявил: «Чтобы быть хорошим писателем, человек сначала должен стать настоящим коммунистом». А его коллега Дороти Паркер (1893–1967) торжественно сообщила: «Нет больше “Я”, есть “МЫ”! Время личности прошло».

Именно в это время Айн Рэнд решила выступить со своим первым романом, обличающим жизнь в СССР. В отличие от пьес, которые ей давались довольно легко, создание прозы отнимало много времени и сил. На создание романа ушло целых пять лет! Хотя об этом почти не упоминают биографы писательницы, мы считаем крайне важным отметить участие Фрэнка в работе над этим и последующими произведениями: Айн всегда читала незаконченные рукописи мужу, который наверняка помогал ей как носитель языка.

В 1934 году объемистый роман был закончен. Однако что делать с рукописью? Если в кинематографическом мире она имела достаточно много контактов, то в мире издательском их почти не было. Одним из немногих знакомых в этой среде оказался весьма известный в то время автор Говернер Моррис (1876–1953), с которым она подружилась во время работы над «Красной пешкой». Он порекомендовал роман, показавшийся ему весьма любопытным, своему нью-йоркскому литературному агенту Жану Уайку. Рукопись кочевала от одного издателя к другому, каждый раз встречая непонимание и отказ. В конце концов, Уайк откровенно признался Айн, что дело не столько в литературных недостатках ее детища, сколько в нежелании публиковать произведение антисоветской направленности.

Однако Айн не сдалась и передала рукопись своему новому

литературному агенту Энн Уоткинс. Та нашла крупное издательство, после долгих дебатов решившееся, несмотря на протесты писателя-коммуниста Хикса, опубликовать ее. В апреле 1936 года произведение появилось на полках книжных магазинов Америки. Так Айн Рэнд сделала первый шаг к тому, чтобы стать знаменитым прозаиком.

«Петербургский текст», антисоветский контекст

Неудивительно, что первый беллетристический текст начинающей писательницы был самым автобиографическим в ее творчестве. Примеров, когда содержанием первого творения молодого автора становится собственная биография, предостаточно. Но как минимум три вещи заставляют нас обстоятельно поговорить о первом романе Айн Рэнд. Во-первых, это был ее первый опыт не просто художественного обобщения пережитого, но и фиксации начальных понятий ее будущей философской концепции. Во-вторых, это роман о России начала 1920-х годов, тогда как последующие художественные произведения Айн Рэнд были основаны на американском материале. Наконец, мир, описанный в романе, содержит красноречивые аллюзии к петроградскому и крымскому периоду жизни семьи Розенбаум, давшему будущей писательнице первый опыт осмысления большевизма, легший в основу ее будущей философской доктрины.

Этот роман может обратить на себя внимание читателя уже тем, что тридцатилетний автор Айн Рэнд берется по горячим следам художественно осмыслить сложнейшие идеологические проблемы кардинального переустройства государства, коренной ломки прежних социальных отношений. Такие актуальность и новизна темы, свежесть материала сопоставимы, пожалуй, только с шолоховским «Тихим Доном» или с «Собачьим сердцем» Булгакова. Об установлении большевистской власти в Петрограде, бегстве на Юг не принявших ее, окончательной победе Советов писательница рассказала, основываясь не на оценках эпохальных событий историками, а на непосредственном, живом личном опыте.

Чем еще уникален роман? Ему практически нет аналогов. «Мы живые» без прикрас, в мельчайших деталях описывает повседневную жизнь Страны Советов начала 1920-х годов: голод, холод, грязь, унижения, хамство, отчаяние, репрессии… Те, кто остался в СССР, по понятным причинам не могли написать и уж тем более опубликовать такое произведение. Те же, кто, как Владимир Набоков, покинул Россию во время Гражданской войны, имели очень приблизительное представление о том, что происходит в отчизне. А таких, как Алиса Розенбаум, — сумевших уехать из СССР и обладавших талантом, чтобы описать советскую повседневную жизнь, — пожалуй, можно пересчитать по пальцам

одной руки.

Легенда гласит, что создание романа было выполнением обещания, данного Алисой перед отъездом из Ленинграда. Якобы на прощальном вечере, устроенном ее родителями в конце 1925 года, был один малознакомый гость, который, понимая, что Алиса уезжает навсегда, попросил ее рассказать миру, что «Россия — это огромное кладбище» и что «мы умираем здесь». Расчувствовавшись, она поклялась, что сделает это. Быть может, отсюда и название романа — попытка доказать, что в СССР еще есть ЖИВЫЕ люди, не желающие мириться с атмосферой тоталитарного государства.

Молодая беллетристка поднимает в романе проблему отношений человека и государства, которую так ярко обозначил Пушкин в «Медном всаднике», но делает это не в связи с природным катаклизмом в «Петра творенье» и сумасшествием «бедного Евгения», а на материале планетарной человеческой стихии и умопомрачения целой нации на примере истории своего родного Петербурга — Петрограда — Ленинграда, где, по Евгению Замятину, «кругом Васильевского острова далеким морем лежал мир: там была война, потом революция». Можно продолжить: и снова война — Гражданская. Вряд ли Айн Рэнд, начинающая американская писательница с произведением о России, думала, что уже этим роман может быть включен в понятие «петербургский текст», введенное лингвистом В. Н. Топоровым. «Мы живые» не просто вписывается в совокупный текст русских писателей, начало которого положено пушкинским «Медным всадником», а сердцевину составили «Преступление и наказание», «Идиот» и «Подросток» Достоевского. Согласно Топорову, среди создателей «петербургского текста» практически нет писателей-петербуржцев, поскольку они не имеют хорошо знакомого объекта дня сопоставления. Но Айн Рэнд — как раз уроженка Петербурга. Не случайно ее земляк Замятин не видел перспективы для настоящей новой литературы в Советской России, пока писатели не излечатся «от какого-то нового католицизма», который опасается всякого «еретического слова».

Своим романом Айн Рэнд продолжает печальную традицию отрицательного отношения к городу, ругая и обличая его. Словно иллюстрируя мысль Топорова о наполнении «петербургского текста» произведениями других видов искусств, у Айн Рэнд истинный дух города выражают четыре черные статуи, украшающие Аничков мост: дуэты покоренной лошади и мужчины, идущего «прямо в неизвестное будущее»[38]. Какую удивительную символику она здесь увидела!

Правда, включая «Мы живые» в «петербургский текст»,

следует помнить, что роман был написан на английском языке и мнение о нем русскоязычных читателей во многом зависит от мастерства переводчика. Кстати, и это тоже делает роман уникальным: нам неизвестно ни одно другое произведение на иностранном языке, чье действие происходит в Петрограде — Ленинграде, за исключением написанного также на английском набоковского «Смотри на арлекинов» (1974), в одной из глав которого события развиваются в послевоенном Ленинграде. Тоска по прошлому, по родному городу проступает в строках Айн Рэнд: «Раньше это был Санкт-Петербург; война сделала его Петроградом, революция сделала его Ленинградом».

Первая характеристика, данная городу дочерью химика и провизора Зиновия Розенбаума: «В Петрограде воняло карболкой». Карболка — дезинфицирующая жидкость, имеющая густой, удушливый запах, ассоциирующийся с «ароматом» общественных туалетов. Карболкой пахнет вокзал и в сцене отъезда другого героя романа. Таким одорологическим обрамлением автор организует начало и конец первой части книги, а в ее сердцевине — вонь на кухне вчерашних буржуев Аргуновых, варящих мыло на продажу, лестницы, пахнущие кошками. Так же важна для Айн Рэнд зрительная сторона восприятия. Заплеванные лузгой, грязные тротуары; некогда красное, а теперь выцветшее, ставшее розово-серым, с бахромой паутины знамя; огромные вокзальные часы без стрелок; заброшенный Летний сад; очереди на трамвай — из этих деталей рождается обобщенный образ города, безусловно, выражающий отношение Айн Рэнд к «колыбели революции». И в то же время она подчеркивает: несмотря ни на что, для жителей «Петроград… это единственный Город».

Автор с горькой иронией называет черты послереволюционного Петрограда: новые названия улиц, новые газеты, обязательные трудовые книжки. Нет дров — не работают школы. Многочисленные политические заговоры, чрезмерный индивидуализм партийцев, троцкизм — обоснование чисток в партии. Большевики отказались от политики военного коммунизма, сорвана мировая революция. И многочисленные демонстрации: «толпы кожаных курток и красных косынок» шествуют по городу: одна — против безграмотности народа, другая, возле Смольного, — в честь прибытия делегации британских профсоюзов. Обязательный элемент жизни — кружки, конференции, собрания. Все готовят доклады, доклады и снова, после рабочего дня, на кухне — доклады! «Настало время борцов за красную культуру», перестало существовать понятие «девичья честь», в детских садах «с раннего возраста в одной большой

семье детей воспитывают в духе коллективизма».

Безусловно, самая сильная сторона романа Айн Рэнд — концептуальное содержание; но дух эпохи передается и через характерные особенности советского новояза. Текст пестрит аббревиатурами и слоганами, броскими призывами и пропагандистскими лозунгами. Язык романа афористичен: «Лопаты им выдавали — деньги нет»; «Он улыбался редко, стрелял метко»; «Детский сад партии — пионеры». Выразительны речевые характеристики персонажей, с первых фраз раскрывающие их сущность. Например, молодой оратор Виктор Дунаев говорит утвержденными лозунгами, его слова звучат, как боевые приказы. Еще одна примета времени — возвращение в период нэпа формулы дореволюционного словесного этикета: «Госпожа» — обращаются к Кире, «господин Лев Сергеевич» — к Лео. Яркими элементами в речевую ткань текста вписаны экспрессивные, удачно выстроенные диалоги.

Молодая писательница любит выразительные детали, которые достаточно часто повторяются и поэтому легко запоминаются. В психологически насыщенном и выразительном портрете Киры такой деталью становится рот: строгий, с презрительно изогнутыми губами. Красноречивый пример авторского стиля — замечание, что в период «чистки» студенческого сообщества «заметно прибавилось кожаных курток, красных платков и шелухи от семечек подсолнуха в коридорах институтов». Подарком на свадьбе коммуниста Виктора Дунаева стало Полное собрание сочинений Ленина — через эту деталь Айн Рэнд показывает читателю среду и время. Еще одна выразительная подробность из того же эпизода — шаркающие в танце ноги молодых коммунистов в армейских сапогах. Рубашка из мешковины с надписью «украинский картофель», в которую одет в поезде отец Киры, — тоже деталь времени. В замечании о плохо отапливаемых камерах ГПУ слышится злая ирония автора.

Зная последующие беллетристические произведения Айн Рэнд, можно утверждать, что ее метод художественного осмысления советской действительности начала двадцатых годов — идеологический романтизм. Она демонстрирует знание революционной истории Петрограда, воссоздает яркие детали жизни города в период нэпа: «бывшие» в ожидании перемен варят мыло, продают поддельный сахарин; частники и неработающие «буржуи» привлекаются властями для уборки мостовых; открываются ночные клубы.

В романе показано расслоение питерского общества: появление «новых буржуев-стервятников» и «высочайших красных чиновников». Приводятся обстоятельные описания интерьеров

советских учреждений с портретами вождей, в том числе Троцкого. Писательница отметила даже роль управдомов в реализации политики государства: чтобы снять комнату на ночь, нужно получить справку от управдома о прописке в городе и разрешение из отделения милиции.

Работа лектором и гидом в Музее революции с низкой зарплатой позволила Кире Аргуновой уйти от подозрений в «буржуйском» происхождении и освободиться от непомерной платы за квартиру. Еще один актуальный штрих в образе времени: другому персонажу дается общественное поручение организовать вечернюю школу. Петроградские реалии первых лет власти Советов в романе не раз выявляют чудовищные социальные противоречия. Например, в ресторане какой-то человек в огромной шубе предлагает пирожные дамочке, пальцы рук которой унизаны бриллиантами, а экспроприированные дворцы заняты партийными структурами или используются для проживания новых хозяев страны; к примеру, в разбитом и разграбленном дворцовом флигеле живет коммунист Таганов.

В тексте Айн Рэнд читатель легко улавливает временной и пространственный образ города. Это 1922–1925 годы, Петроград — Ленинград с константой золотого шпиля Адмиралтейства. Назван 1924 год, когда произошло переименование города. И показан 1925-й — через крохотную деталь: Гостекстиль в этот год выпустил ткани в горошек новых расцветок. В этот год завершаются сюжетные события романа Айн Рэнд. Практически в это же время (начало 1926-го) Ленинград покинула сама писательница. Это важно для понимания искренности романа: Айн Рэнд описывает ту реальность, которую сама видела с 1918 по 1925 год.

Персонажи и их прототипы

Главная героиня романа Кира — дочь Александра Дмитриевича Аргунова, вчерашнего владельца национализированной большевиками в Петрограде текстильной фабрики, ровесница Алисы Розенбаум. Как и Розенбаумы, семья бывших «буржуев» Аргуновых покинула Петроград осенью 1918 года и отправилась в Крым, «чтобы там дождаться освобождения столицы из-под красного ярма». Они «рассматривали свою поездку как неприятное, но короткое недоразумение» и рассчитывали вернуться в Петроград весной, однако прожили в Крыму четыре года (Розенбаумы провели в Евпатории два с половиной года). «Двери в Петроград, — пишет Айн Рэнд, — открывались на Знаменскую площадь» (напомним, что на эту площадь выходили окна квартиры Розенбаумов на Невском). Кира пытается бежать из СССР через границу с Латвией; Алиса также эмигрирует через Ригу.

В тексте романа назван фактически только один крымский топоним — Ялта, в которой Аргуновы ютились «в перенаселенных летних лачугах» (конечно, юной Кире Аргуновой, жившей с семьей в столице Российской империи в собственном гранитном доме на Каменноостровском проспекте, лачугой мог казаться любой дом в Крыму, сочтенный властью не годящимся для экспроприации), «…пронизывающие крымские ветра свистели в дырявых каменных стенах; чай с сахарином и луковицы, поджаренные на льняном масле; ночные обстрелы и кошмарные рассветы, когда только по красным флагам и трехцветным знаменам на улицах можно было понять, в чьи руки перешел город». Чтобы создать яркий образ города в период революционной смуты, автор погрешила против истины — пронизывающие февральские ветра характерны не для предгорной Ялты, а для равнинной Евпатории.

В текст обоснованно включено описание важного крымского события — боя под Перекопом в 1920 году, после которого Красная армия окончательно заняла Крым. Для Айн Рэнд, находившейся в то время в Крыму, это была не абстракция.

Как видим, детали биографии Алисы Розенбаум легко обнаруживаются в образе Киры Аргуновой. По возвращении в Петроград Кира поступает на службу в экскурсионный центр и интересуется кино; Алиса работала экскурсоводом в Петропавловской крепости.

Можно смело утверждать, что Кира — альтер эго Айн Рэнд. Уже в первом своем произведении писательница транслирует

собственную идеологию: высокомерное пренебрежение требованиями общества, семьи и общепринятой морали, провозглашение рационализма наивысшей добродетелью. Имя героини — это, конечно, аллюзия на имя отважного и прекрасного капитана Кира (Сайруса) Полтона из приключенческой повести «Таинственная долина» Мориса Шампаня, столь любимой маленькой Алисой.

Семье Аргуновых удалось выехать из Крыма в пассажирском вагоне третьего класса и занять столик у окна; «этот стол был центром купе, а Кира — центром внимания пассажиров». Надменное спокойствие юной девушки со взглядом воина вызывало раздражение у многих попутчиков. Но очень скоро даже им начало казаться, что этот столик — пьедестал для Киры, много пережившей в Крыму и открывшей для себя что-то очень важное.

В благополучные детские годы героиня романа кругу сверстников предпочитала одиночество, чувствуя себя при этом «полновластной императрицей». Приведем несколько цитат:

> «Когда она отказалась играть с калекой-родственником, которого добросердечие семьи превратило во всеобщего любимца, ее больше никогда не просили об этом».
>
> «Кира вышвырнула из окна первую же книжку о доброй фее, награждающей бескорыстную маленькую девочку».
>
> «Она карабкалась на пьедесталы статуй в парках, чтобы поцеловать холодные губы греческих богов».

В крымской школе Кира не поддержала коллективный бойкот одноклассницы, доходчиво объяснив свою позицию: «Я не за нее, я против двадцати восьми остальных». После Крыма она знала: «…в нас есть нечто, к чему не должны прикасаться никакое государство, никакой коллектив, никакие миллионы».

Все эти фрагменты — эпизоды из реальной жизни Алисы Розенбаум.

Таков контур характера Киры Аргуновой — и одновременно самой Айн Рэнд, будущей властительницы умов и автора философской концепции, в основе которой лежит принцип свободы воли, главенства рациональности и нравственность разумного эгоизма. Это тот характер, который, получив «советскую» прививку, станет основой фантастической личности американской писательницы Айн Рэнд. В романе «Мы живые» над кроватью Кириной сестры висела икона, а над ее собственной — изображение американского небоскреба. Девушка мечтала

покинуть Советскую Россию. Об этом в начале 1920-х годов грезила и Алиса Розенбаум.

Образ Галины Петровны Аргуновой, матери Киры, списан Айн Рэнд с собственной матери. Очевидно, как Анна Борисовна Розенбаум, Галина Петровна наделена пробивной силой. Даже в переполненном вагоне поезда, везшего семью в Петроград, она не расстается с книжкой на французском языке (как мы помним, Анна Борисовна тоже любила читать французские книги). Очевидно, всё раздражение на собственную мать автор излила на Галину Петровну. В тексте романа есть эпизод: придя в гости к Кире и Лео, та вещает о «советской власти — единственной прогрессивной власти в мире», с упоением рассказывает о своих педагогических достижениях, о преимуществах комплексного метода обучения. На уроках она говорит о мудрой политике советского правительства в области образования, в семейной обстановке — о «священном долге интеллигенции служить своим менее просвещенным братьям». Галина Петровна с воодушевлением готовится к семинару в кружке политпросвета, читает «Вечерку», хладнокровно воспринимая истерики младшей дочери Лидии, называя их «очередным припадком», радуется, что Кира идет с коммунистом в Михайловский театр на «Риголетто» Дж. Верди — «слушать настоящую пролетарскую оперу в одном из наших советских красных театров». Как мы говорили выше, по воспоминаниям самой Айн Рэнд и ее сестры Норы, Анна Борисовна и впрямь стала не то чтобы «красной», но в чем-то «розовой».

Зиновий Захарович Розенбаум послужил прототипом для создания двух образов романа: Александра Дмитриевича Аргунова, отца Киры, и ее дяди Василия Дунаева. Оба мужчины утверждают, что не станут работать на Советы (вспомним Зиновия Розенбаума: «Пока я жив — никогда»).

Трагическая фигура Ирины Дунаевой была списана со знакомой Алисы Розенбаум и с ее сестры Норы. Ирина, как и Нора, была художницей и так же, как и она, получала замечания от наставников, что ее рисунки имеют «буржуазный характер». Печальная судьба Ирины и ее жениха Саши, арестованных и высланных в Сибирь, — это реальная история, списанная с судьбы знакомых Айн Рэнд. Лидия Аргунова, сестра Киры, — это во многом Наташа Розенбаум, только православная и отличающаяся от прототипа, пожалуй, прежде всего исключительной набожностью (возможно, эту черту писательница могла позаимствовать у монахини Кирикии, сестры Никиты Евстафьевича Бредихина, у которого в Евпатории жили Розенбаумы) и уверенностью, что «спасение святой России придет

от веры»: «Терпением и долгим страданием искупим мы грехи наши».

Основой сюжета романа является вечная тема любви, раскрытая опять же на биографическом материале. Один из трех центральных персонажей романа — сын старого адмирала, потерявшего зрение на войне, студент Петроградского университета Лео (Лев) Коваленский, высокий красавец с гордым лицом. Писательница, любящая романтические приемы, наделяет его чертами древнего вождя, который мог приказать людям пойти на смерть и спокойно взирать на это. Он так хорош, что женщины столбенеют. Молодой человек хочет научиться мечтать «о чем-нибудь», но понимает, что «уметь заглянуть дальше, чем позволено», — проклятие. Мечта Киры о строительстве небоскребов и алюминиевого моста вызывает у Лео сожаление. Читатели, конечно, узнали в этом противоречивом, не вполне органичном образе молодого надменного красавца первую любовь Алисы Розенбаум — Льва (Лео) Беккермана.

Почти все отрицательные персонажи романа имеют говорящие фамилии. Вульгарная дама Антонина Платошкина, соблазняющая Лео, — явный намек на столь нелюбимого Алисой древнегреческого философа Платона и «платоническую любовь», которую писательница полностью отрицала. Отвратительный коммунист-приспособленец носит фамилию Серов (от эпитета «серый»); его друзья — Валька Дурова, Соня Преснякова и Коля Смяткин (от наречия «всмятку»). У управдома, пришедшего к Аргуновым за квартплатой, в списке жильцов есть Рыльников и Дубенко. Наконец, в самом конце романа в Киру стреляет «гражданин Иван Иванов» — символ советской усреднен-ности, всеобщего «мы», начисто лишенного индивидуальности.

Фамилии же положительных персонажей — Дунаевы, Аргуновы, Таганов, Тимошенко, Коваленский — напротив, не несут дополнительной смысловой нагрузки. Откуда взялась в романе достаточно редкая фамилия героини — Аргунова? На наш взгляд, она была использована, чтобы составить пару к фамилии Таганов. Обе фамилии имеют тюркские корни. Вполне возможно, что эти или созвучные им фамилии писательница могла услышать в Крыму.

По мнению Энн Хеллер, описание особняка Аргуновых в романе очень напоминает реальную питерскую усадьбу семьи Набоковых, в которой, как мы помним, юная Алиса Розенбаум часто бывала. (Кстати, по мнению самого автора «Лолиты», фамилия Набоков также восходит к тюркскому корню.)

Мы — живые!

Роман начинается с описания того, как семья Аргуновых, из бывших «буржуев», бежавших в Крым, после окончательного утверждения там власти Советов решила вернуться домой, в Петроград, поскольку хуже им уже не будет — везде большевики. «Слыша на вокзале знакомый с детства звук трамвайного колокола, Кира улыбалась новой, большой жизни, которая перед ней открывается в родном городе».

У героини «вызывающий, восхищенный, торжествующий взгляд *воина,* который входит в незнакомый город и не совсем уверен, входит ли он как *завоеватель* или как *пленник* (курсив наш. — *Л. Н., М. К.)».* Уже с первых строк ясно, что это необычная девушка, устремленная в прекрасное будущее. Вернувшаяся в Петроград Кира Аргунова хочет стать инженером, так как для этой профессии не нужно учиться лгать: «Сталь — это сталь». Девушка идет к заветной цели — к высшему образованию, к диплому инженера. Впереди ее ждет работа, и так много предстоит сделать. Айн Рэнд намеренно с нажимом говорит, что у Киры есть жизнь и что «это ее жизнь». Слово «жизнь» в тексте знаковое. Роман словно кричит: «Мы — жители страны фальшивых лозунгов — всё равно живые! Мы — хотим жить, несмотря ни на что!»

Неожиданная ночная встреча Киры и Лео Коваленского произошла 10 октября 1922 года. Он принял ее за проститутку, она его — за вора. Новая встреча была ровно через месяц. Первая близость с красавцем Лео и неудавшийся побег молодых любовников из РСФСР не означали для Киры провал или разрушение мечты, а дали ей то, что нельзя выразить словами, что в ней «гремело беззвучным гимном и даже смеялось». Необыкновенно красивое лицо Лео действовало на его возлюбленную, как волшебный, безграничный и совершенный наркотик, как музыка. Из-за попытки перейти границу, чтобы бежать из Петрограда, Лео получил три дня ареста, и перенести их в ожидании встречи с Кирой было худшей пыткой.

Страстная любовь Лео и Киры соединяет их. Молодые люди осознают, что им предстоит выстоять против всех: «против этой страны, против этого времени, против миллиона людей». Кира верит в собственные силы, и Лео безнадежно соглашается «попробовать». Внешние обстоятельства вскоре берут молодых людей в тиски: Лео увольняют из Госиздата, где он, студент, работал и получал неплохое жалованье; одну за другой забирают комнаты адмиральской квартиры Коваленского, «уплотняя»

хозяев советскими гражданами. В ходе «чистки» в студенческой среде — советское общество «не должно учить наших классовых врагов» — Киру исключают из Технологического института, Лео из университета (тогда он впервые в жизни напивается). Нет учебы, нет работы, нет будущего, — пишет Айн Рэнд, намечая таким обобщением важную проблему будущего молодежи в СССР.

Лео часами не отрывался от книги, почти не разговаривал с Кирой. В его красивой улыбке появилось «бесконечное презрение к себе, к миру, к вечности». Но героиня — сильная и самоотверженная; по Айн Рэнд, она — героический человек. В эти трудные дни она сказала себе: «Это война. Ты ведь не сдашься, Кира, а?.. Чем труднее — тем счастливее ты должна быть оттого, что ты можешь всё это выдержать… Ты — хороший солдат».

Новым испытанием для обоих стал неожиданно обнаружившийся у Лео туберкулез. За две недели поисков спасения любимого Кира выяснила: чтобы получить бесплатную путевку в санаторий, надо быть членом профсоюза. При всей убедительности, даже ораторском таланте Кира никому из советских начальников не сумела внушить, что Лео нужно спасать. «В Гражданскую войну погибло сто тысяч рабочих. Почему у нас в СССР не может умереть один аристократ?» — ответили ей.

Однако деньги на поездку Лео в Крым всё же находятся — правда, для этого Кире пришлось сблизиться с коммунистом Андреем Тагановым. Провожая Лео в крымский санаторий на целых восемь месяцев, Кира уверена, что у них всё еще впереди. Но говорить на платформе вокзала молодым людям уже не о чем. Развернутая метафора о бегущей за поездом любящей женщине — это предупреждение Кире, что на нее неумолимо надвигается что-то огромное и грозное и остановить это ей одной не под силу. Парадоксально и символично, что спасает Киру от неминуемой смерти красноармеец в буденовке.

Лео привез из Крыма слово «альфонс». В этот момент он знает, что уже не тот, каким был когда-то и каким всё еще видит его Кира. Крымская встреча с состоятельной женщиной позволила ему по возвращении начать — против воли Киры — сомнительную коммерческую деятельность. Через три дня после возвращения Лео к ним в дом пришла Антонина Платошкина, знавшая и «героических офицеров Белой армии», и «грубых железных комиссаров». Теперь Антонина озабочена тем, «чтобы такой восхитительный молодой человек… не пропал в этом современном болоте»; по ее мнению, для молодежи наступает «интересное» время — нэп. Лео открыл магазин «Лев Коваленский. Продовольственные товары». Осуществлять теневые

схемы ему помогали инженер на железной дороге, коммунист Павел Серов и муж Антонины, спекулянт со стажем Карп Карпович Морозов. Лео понимал, что осуществлял преступные сделки, однако вину возлагал на социальные условия. Вскоре он разбогател, но… потерял желание *жить*. Кира не хотела в это верить и надеялась: жажда жизни вернется, если Лео попадет в страну со справедливыми законами. Так что главная цель героев романа — бежать. Такой путь испытаний выстроен автором для любимых героев.

Читатели романа знают, что деньги на спасение любимого Кира получила от Андрея Таганова, члена партии большевиков, героя Гражданской войны, следователя Петроградского ГПУ. Таганов и Коваленский, антагонисты в смысле социальной принадлежности, испытывают одинаковые возвышенные чувства к Кире.

В отличие от всех остальных героев, у которых есть реальные прототипы, Таганов, по-видимому, чисто литературный персонаж. Исследователи творчества Айн Рэнд утверждают, что образ Андрея Таганова навеян персонажем романа Гюго «Отверженные» — революционером Ан-жольрасом. Отца Андрея, рабочего Путиловского завода, за участие в революции 1905 года сослали в Сибирь, откуда он не вернулся. Вскоре умерла мать, и в 12 лет мальчик остался круглым сиротой. Андрей никогда не ходил в школу, грамоте научился сам — и читал запоем. Потом были листовки, в том числе с посланиями «от человека по имени Ленин», и членство в партии большевиков. Как горьковский Павел Власов, Таганов в феврале 1917 года во главе демонстрантов нес по улицам Петрограда красное знамя; был ранен, убил жандарма.

Худой — кожа да кости, шрам на правом виске, глаза ручного тигра. И всё равно, пишет Айн Рэнд, кожанка на его фигуре казалась более военной, чем пушка, и более коммунистической, чем красный флаг. Таким Кира увидела молодого коммуниста в студенческой аудитории Технологического института, и он заинтересовал ее.

История знакомства героев знаковая. Впервые услышав в институтской аудитории «Интернационал», Кира решила, что мелодия пролетарского гимна — «первая красивая вещь» в революции. Из нее, пророчески сформулировала Кира, выйдет величественный похоронный марш, и эти дерзкие слова студентки услышал Таганов. (Забегая вперед, скажем, что автор обладает удивительной логикой композиционного выстраивания текста: именно под музыку «Интернационала» будут в конце произведения хоронить Андрея Таганова.)

Девушка говорила «нет» словам, которые Андрей произносил,

и «да» — его голосу. (В дальнейшем любимым творческим приемом Айн Рэнд станет развернутая антитеза.) Кира открыто высказывает Таганову свои взгляды — а после свидания сохраняет в памяти прикосновение молодого коммуниста к своей «контрреволюционной руке».

Теперь Кира часто встречается с Тагановым. «Быстрый секс» с Андреем («у меня нет на это времени») выписан писательницей изящно и одновременно вульгарно, по-американски. Лео не имеет ничего против их отношений, считая их чисто дружескими. Скоро Таганов становится единственным человеком, с кем Кира может говорить о своих мыслях. Любя Лео, она принимает любовь большевика, его деньги, дорогие подарки, помощь в трудоустройстве. Один раз солгав Андрею, Кира вынуждена и дальше вести эту линию поведения. И всё же однажды Киру посещает страшная мысль: что она делает с душой другого человека? Впрочем, скоро она перестает задавать себе глупые вопросы.

Самопожертвование Киры ради восьми месяцев крымского лечения Лео автор определяет формулой ее самовнушения: «Он вернется живым», и их опустевшая комната снова станет для Киры храмом. Каждый день без любимого был грустным и безнадежным, зато для него, думала Кира, каждая минута была солнечным лучом: она ела недоваренный ужин на голом столе, а он в Крыму питался молоком и фруктами: его тело покрывалось загаром, а ее тело принадлежало чужому мужчине. После возвращения из санатория Лео сильно изменился: Кира почувствовала «презрительную нежность», а позже и высокомерие, но искренне надеялась, что ее любимый вскоре станет прежним.

Она ошиблась — деградация была очевидна: он пил, тратил деньги, собранные для бегства из России, сознательно согласился на роль альфонса. Было очевидно, что между ними всё кончено. Наконец, Кира собрала вещи и ушла к родителям. Она поняла: противопоставив себя 150 миллионам людей, она потерпела поражение. Прощальные слова Киры были подобны пинку лежащему на дороге умирающему животному — так жестко пишет Айн Рэнд о конце возвышенной любви женщины.

Андрей же уверял, что высшее в человеке — не Бог, а благоговение, которое он испытывает перед Богом. А сам он, атеист, боготворит Киру, и никого кроме нее в этом мире у него нет! Ради любимой Таганов спасает им же арестованного циничного Лео. Неожиданно открывшаяся ему правда о страстной любви Киры к Лео стала последним убийственным доказательством того, что жизнь его бессмысленна. И всё же он

чувствует нежность к Кире, любящей другого мужчину, и благородно лжет сопернику, допытывающемуся, каков характер их с Кирой отношений: «Мы просто друзья».

В романтизированном повествовании о любви писательница сумела создать цельный образ героя, олицетворяющий пушкинскую высоту мужского благородства в отношении к женщине, которая любит другого: «Так дай вам Бог любимой быть другим». Таганов «был благодарен ей за то удовольствие, которое он ей доставил». Именно этим завершилась для Андрея история любви к далекой и такой близкой ему женщине: не беспокойся о любимом, всё будет хорошо! Он прощает Кире жесткие нападки, увидев в ней любящую женщину в отчаянном порыве гнева.

С самого начала романа автор убеждает читателей, что Таганов — думающий, сложный человек. Он гордится причастностью к делу партии, строящей новое общество, он убедителен как большевистский агитатор в бою, по партийному заданию партии участвует в карательных акциях в Поволжье. Но герой меняется. Он трогательно ухаживает за возлюбленной, дает большую сумму денег, дарит зажигалку, чулки, наручные часы, золотой браслетик, флакончик французских духов, красное платье. Только мысли о возлюбленной помогают ему переносить атмосферу ГПУ. Вместо заседания партийной ячейки он идет с Кирой в ресторан на крыше гостиницы «Европейская».

Андрею сначала стыдно, что он, член партии, пришел в ресторан в «Европейской»; он успокаивает себя, что это жертва ради любимой. Но теперь ему нравится быть с ней в ресторане, нравится музыка. Он хотел бы, чтобы у Киры когда-нибудь были забавные маленькие шляпки, туфли, драгоценности, бриллианты. Благодаря хлопотам Таганова Кира устроилась лектором и гидом в Музей революции. И однажды герой делает для себя открытие о возможности другой жизни — «когда живешь только ради собственного счастья». Это Кира научила его жить настоящим, считает Андрей. По замыслу автора, удивительный герой был готов даже уехать с любимой за границу.

Таганов живет во флигеле в безлюдном саду дворца. Он «устал уже думать о своей партии»; он знает, к чему пришла великая революция: расстреливают одного спекулянта, а сотня других активно жирует; уничтожаются целые деревни; крестьян, сошедших с ума от нищеты, расстреливают из пулемета; коммунисты ходят в гости к человеку с алмазными запонками на манжетах.

Так остро ставятся в романе вопросы социальной справедливости. Уже первый большой диалог Киры с Андреем Айн Рэнд превратила в психологический поединок

идеологических соперников. Кира и тогда, и потом не выбирала выражений: «Мне отвратительны ваши идеалы». Заявляет, что утверждение коммунистов, будто человек должен жить для государства, превращает коммунистический «рай» в ад. Герою Гражданской войны она задает серию риторических вопросов и предвидит, что ему еще многому предстоит научиться. Он и станет учиться.

Чуть ли не в первую встречу с Кирой, отбиваясь от ее нападок, Андрей искренне заявляет: «Сознательные коммунисты не жалеют времени, чтобы разобраться в том, чего они не понимают», — конечно, в первую очередь говоря о себе. Кира демонстрирует нежелание бороться ни за, ни против кого бы то ни было, она хочет просто жить: «Редкий дар — уважать себя и свою жизнь, желать самого лучшего, самого высокого в этой жизни только для себя! Представить себе рай небесный, но не мечтать о нем, а стремиться к нему, требовать!» Безусловно, в этих словах читатель слышит голос автора, транслирующего свою теорию разумного эгоизма. Устами Киры, накинувшейся на Таганова после ареста ее любовника Лео, писательница обвиняет всё Советское государство в том, что у его граждан нет права на личностную самореализацию, что для этого государства личность ничего не значит.

Таганову непросто отбиться от обвинений Киры: «Вы пришли и запретили *живым жить*… вы определили критерии новой *жизни,* влезли во всё естество человека, каждый ее час, каждую минуту, каждый нерв, каждую потаенную мысль и заявили, что теперь обязаны *жить* иначе… от ваших тесных оков у нас лопаются вены». Эти жесткие слова Киры автор заставляет коммуниста Таганова повторить в его последнем докладе товарищам по партии, проиллюстрировав их фактами крестьянских террористических актов. Он знает, что партия дала людям, которые до революции прозябали, возможности для образования, получения профессии и карьеры, но тоже приходит к выводу: человек живет только для себя, и рано или поздно партия должна ответить на острые вопросы: «А не выхолащиваем ли мы *жизнь,* для того чтобы увековечить ее? Что мы делаем? Хотим ли мы накормить умирающих от голода для того, чтобы спасти им *жизнь?* Либо мы собираемся лишить их *жизни* для того, чтобы накормить досыта? (курсив наш. — *Л. Н., М. К.)».*

Айн Рэнд привела своего героя к высокой гуманистической идее, что человеческая жизнь — это высшая ценность. После такого выступления он лишается должности и служит библиотекарем в ленинском уголке кружка домохозяек в пригороде Ленинграда. Конечно, из-за своей строптивости он не

прошел бы ближайшую «чистку» в партии. И Таганов покончил с собой выстрелом из пистолета, в предсмертной записке никого не обвинив и тем самым предоставив партии возможность устроить ему громкие похороны и даже опубликовать некролог в «Правде».

Трудящиеся Ленинграда хоронили товарища Андрея Таганова, 1896 года рождения, члена партии с 1915 года, бывшего красноармейца, в холодный день на площади Жертв Революции в Ленинграде. Под звуки «Интернационала» «трехкилометровый поток фуражек, косынок, сапог и знамен» (этим выражением автор снижает пафос похоронной истерии) следовал за красным гробом, нести который удостоились чести самые близкие его соратники, в том числе, конечно, Павел Серов и Виктор Дунаев. Отправленные на похороны многим незнакомого большевика ленинградцы ворчат на собачий холод, называют процессию «демонстрацией», правильно расшифровав идеологическое действо коммунистов.

Один из лозунгов этой трагической демонстрации — «Всесоюзная коммунистическая партия готова отдать жизнь каждого ее члена за дело революции» — звучит иронически, если не издевательски. Как сказал бы Т. Карлейль, «трещины замазаны праздником». В прощальной речи Павла Серова развенчано «Я» как самое опасное и коварное слово и вознесено «Мы» как девиз коллективного будущего. А Кира, тоже пришедшая проститься с Андреем Тагановым, размышляла, кто его убил — она сама или революция.

К трагическому завершению жизни Айн Рэнд привела и саму героиню, чьи молодые прекрасные ожидания не оправдались.

Вспомним, что в 1920-е годы, учась в Институте экранного искусства, Алиса попробовала написать произведение, которое, при поверхностном прочтении, прославляло коммуниста, но настоящим героем был его политический оппонент. Можно предположить, что в романе «Мы живые» Айн Рэнд вывернула данную задумку наизнанку: главным мужским персонажем вроде бы является Лео, но наделе им становится коммунист Таганов.

Разрыв с Лео Коваленским — «великим альфонсом СССР», ошеломляющий уход из жизни Андрея Таганова и фальшивое многолюдье похоронной процессии заставили Киру немедленно начать подготовку к отъезду за границу. Однако, в отличие от Айн Рэнд, ее героиня не смогла получить заграничный паспорт. Ее мать Галина Петровна назвала стремление дочери бежать из СССР безрассудством и даже была готова поспорить, что из этого ничего не выйдет, и больше того, заявила: «Будет еще хорошо, если тебя просто пристрелят при переходе границы» — и как в воду глядела!

Ни с кем не попрощавшись, Кира пытается перейти границу с Латвией в одиночку, пешком, до колен увязая в снегу, зажав в руках подол подвенечного платья, надетого, чтобы быть незаметной на снегу, периодически проверяя, не потеряла ли спрятанные на груди деньги. Кира не могла сдаться, пишет автор. Ради жизни надо двигаться вперед. Она — хороший солдат…

Но другой хороший солдат, пограничник Иван Иванов, выстрелом смертельно ранит Киру. С именем Лео на устах героиня умирает и слышит беззвучный гимн своей мечте бежать из СССР. Таков в романе Айн Рэнд итог нравственно-философской проблематики жизни и смерти, государства и личности, человека в революции.

Кстати, около 1930 года Айн Рэнд рассказывала своей голливудской приятельнице Миллисент Пэттон, будто сама попробовала подобным образом пересечь советскую границу: «ползком по снегу, через колючую проволоку». Пэттон была не очень уверена, что всё правильно запомнила; но, по ее мнению, Айн Рэнд сделала это, чтобы почувствовать на себе, что должна была испытывать Кира Аргунова.

Главные проблемы романа раскрываются на фоне повествования о судьбах второстепенных персонажей. Интересно, что для автора деление героев на положительных и отрицательных не зависит от их идеологических позиций.

Красный балтиец Степан Тимошенко знает, что «революцию в белых перчатках не сделаешь», и всё же не спешит вершить суд над молодыми беглецами из Петрограда. Он прошел «полный срок» Первой мировой войны, служил под командованием адмирала Коваленского, и это сближает его с Лео и Кирой, которую он прозорливо предостерегает: «И никогда больше не пытайтесь покинуть страну. Вы живете здесь, в Советской России. Можете ненавидеть ее, можете задыхаться здесь, но не пытайтесь отсюда бежать».

В кульминационный момент сюжета Степан явился к Андрею Таганову с предупреждением: в начавшейся «чистке» первым из партии вылетит он сам, следом — его молодой друг Андрей. По мнению Степана, победу в революции одержала «большая, толстая, медлительная вошь! Она породила ничтожеств, гуттаперчевых, двуличных созданий». В итоге Тимошенко покончил с собой, в прощальной записке выразив надежду, что Андрей не последует за ним «слишком быстро».

Сложны отношения с Советами у сироты Саши Чернова, у которого в мире нет ни одной родной души, кроме возлюбленной Ирины Дунаевой. Молодой человек убежден, что рабочий класс — не животное, которое облизывает свое ярмо, в то время как из

него выбивают мозги. Он вступает в тайную организацию, ставящую цель свергнуть правительство большевиков. Иного способа решить судьбу этого молодого человека, как отправить вместе с Ириной в сибирскую ссылку, писательница не нашла (мы уже говорили, что этот эпизод основан на реальных событиях).

Другой враг советской власти на фронте Гражданской войны — белый офицер Красавин, в коротком эпизоде поединка с Тагановым мужественно принимающий свое поражение, своим достойным поведением вызывает уважение Андрея и восхищение читателей.

В противовес симпатичным и сильным героям Айн Рэнд создала сниженные образы красных и белых приспособленцев. В тот момент, когда дочь буржуя Кира и сын царского адмирала Лео вынужденно покинули студенческую аудиторию, Виктор Дунаев, сын бывшего богатого меховщика, поставщика царского двора, не был исключен из института — покровители поручились за его «пролетарский дух». Очень скоро он как один из самых молодых и талантливых инженеров назначен на ответственную должность в Волховстрое — грандиозном объекте советской гидроэнергетики. Об этом назначении сообщалось даже в главной газете СССР — «Правде». Карьера Виктора, как он сам публично заявляет, оглядываясь на тех, для кого это говорится, — «его долг перед обществом». Он «руководствуется духом взаимопонимания и сотрудничества», так что за него голосуют и соратники, и противники. Он может быть удивительно органичным в любой компании, в любой ситуации. Лучше всего Виктора характеризуют его высказывания: «В наше время человек должен быть здравомыслящим»; «С жизнью надо примириться». Омерзение вызывает отношение Виктора к молодой жене, с которой он вступил в брак по идеологическому расчету.

Биографии бывшего приказчика бакалейного магазина, а ныне коммуниста Павла Серова, «самого лучшего борца в рядах пролетарских студентов», «героя Мелитополя», и Андрея Таганова пересекались с детства. Павел не подвергал сомнению важность Андрея для партии, не забыл, как они вместе сражались под красными флагами, и изо всех сил стремился стать с ним вровень. Он старательно укрепляет свое положение в партии, а в пьяном состоянии даже выражает уверенность, что скоро станет великим человеком. На собрании «толпы кожаных курток и красных косынок» Серов делает доклад о необходимости «чистки» в партии, но одновременно вещает о причинах нэпа, о новой форме индивидуального обогащения. И вскоре некоторые товарищи по партии даже восхищаются тем, «как этот парень делает деньги». Столкновение двух коммунистов — Серова и

Таганова — неизбежно. Налицо соперничество в большевистском лагере, и победил в этом идеологическом и нравственном противостоянии Павел Серов.

Товарищ Соня, женившая на себе Павлушу, — выразительно выписанный автором образ коммунистки, набирающей силу в женском движении. Она, к примеру, на благо коллектива снимает с должности нуждающуюся в работе девушку. Под ее руководством находятся две профсоюзные организации и пять женских кружков. Товарищ Соня на глазах обюрокрачивается, становясь партийной леди.

Подводя итог анализу содержания и способов выражения авторской позиции, подчеркнем главное: писательница продемонстрировала категорическое неприятие революции и большевистского государства, противостоящего личности. Хотя идейное кредо персонажей для Айн Рэнд не всегда имеет значение, антикоммунистическая направленность ее первого беллетристического произведения однозначна.

Такая концепция углубляется темой будущего, пронизывающей весь текст. «Буржуи» Аргуновы и Дунаевы ждут помощи Европы. Дунаев-старший хорошо осведомлен, где находятся отнятые у него вещи, и уверен, что в случае поражения большевиков вернет их. Он считает, что будущее есть всегда. Кира и Лео в начале своих отношений уверены, что еще будут танцевать в ночном ресторанчике, с бокалами шампанского, в дорогих одеждах. Будущее Киры Аргуновой, ее рай — это автомобили, бульвары, огни, помада и шелковые чулки, шампанское, радио, джаз — по-большевистски, мещанство. Когда она понимает, что путь к любимой профессии инженера для нее закрыт навсегда, она связывает мечты о будущем с заграницей. Лео Коваленский не знает, есть ли у него будущее. К концу романа даже истинный ленинец Андрей Таганов вынашивает идею поехать за границу по секретному заданию ГПУ и навсегда вырваться из России, «пока не сошел с ума от всего, что нас окружает». Лидия Аргунова слышит голос Всевышнего, что спасение России не за горами. А большевик Степан Тимошенко, опытный взрослый друг Таганова, знает, что у них нет будущего и что он не сможет спасти Андрея, и после трудного разговора покидает его дом по мраморным лестницам бывшего дворца, «уходившим далеко вниз».

Тему будущего Айн Рэнд углубила детской темой, конечно, идеологической направленности. Товарищ Соня провозглашает, что их с Павлом Серовым будущий ребенок станет новым гражданином нового государства и она с самого его рождения запишет его в пионеры. Как родители героя пушкинской

«Капитанской дочки» Петруши Гринева еще до рождения записали его сержантом в Семеновский полк, так и эта ленинградская мадонна первых лет СССР видит будущее своих детей в пионерии — «детском саду партии».

Как мы уже говорили, роман «Мы живые» — своеобразный социальный заказ оставшихся в России родных и друзей Алисы Розенбаум. Нет сомнения, что умирающая на границе с Латвией Кира Аргунова декларирует мысли самой Айн Рэнд: жизнь возможна. Образ одиноко стоящего на заснеженной пограничной равнине деревца с редкими веточками легко расшифровывается: даже оно напряженно ждет будущей весны. Однако писательница вложила в уста истинного большевика Таганова вопрос: «Как жить человеку в государстве, которое не дает ему права на жизнь?»

Экранизация и переиздание романа

Роман «Мы живые» не принес Айн Рэнд коммерческого успеха и взлета на вершину литературного Олимпа. Причин тому было несколько. Во-первых, как мы упоминали выше, антисоветизм был тогда в Америке не в моде. Во-вторых, издательство не приложило практически никаких усилий, чтобы должным образом провести рекламную кампанию. В-третьих, отклики на книгу в большинстве были резко негативные: рецензенты не только не поняли ее основного философского посыла, но и не оценили важности правдивого рассказа о тяготах жизни в СССР. Один из них прямо заявил: «Автор выливает на нас свою ненависть к коллективному существованию». Что ж, в этом он был прав: книга просто вопиет о том, что чрезмерное упоение коллективизмом безжалостно уничтожает личность. Достаточно критической была и оценка литературного стиля автора: критики сразу распознали, что английский не является ее родным языком. Особенно удивил Айн Рэнд негативный отзыв Ирины Скарятиной, также недавно бежавшей из СССР и написавшей о своих страданиях в нескольких книгах{308}. Несколько лет спустя Айн Рэнд встретила Скарятину во время одной из вечеринок. Писательница вспоминала:

> «Она подошла ко мне и разразилась потоком похвал о том, какую замечательную книгу я написала. Я сказала жестко и холодно: “Почему вы не написали об этом в рецензии?” Она сконфуженно хихикнула, пожала плечами и поменяла предмет беседы».

Через год после публикации книга неожиданно стала раскупаться. Люди, прочитавшие ее, рассказывали о необычном произведении знакомым, и те тоже начали приобретать роман. По такой же схеме будут расходиться и все последующие произведения Айн Рэнд: медленно, из уст в уста, будет распространяться информация о них; книги начнут обсуждать, и их продажи станут расти в геометрической прогрессии. Однако роману «Мы живые» не суждено было стать бестселлером по банальной технической причине: выпустив три тысячи экземпляров, руководство издательства «Макмиллан» решило, что на нем больше не заработать, и дало указание рассыпать типографский набор. Если не считать небольшого аванса, Айн Рэнд заработала на своем первом романе… всего 100 долларов.

Но это не стало окончанием истории произведения. В 1937

году роман был опубликован в Лондоне издательством «Касселл», а потом его начали переводить на другие языки. Именно роман «Мы живые» стал первым экранизированным произведением Айн Рэнд. Правда, произошло это достаточно неожиданно для нее и даже без ее ведома. История создания и выхода на экран фильма «Мы живые» похожа на детектив. Опубликованный в 1937 году итальянский перевод романа был принят читателями, пожалуй, более благосклонно, чем оригинал. Киностудия «Чинечитта» в 1940 году попыталась договориться с автором об экранизации, однако переговоры закончились неудачей. В следующем году Италия и Америка уже были в состоянии войны, так что дальнейших переговоров не последовало. Тем не менее в 1942 году роман был экранизирован в фашистской Италии известным режиссером Гоффредо Алессандрини (1904–1978). Четыре часа экранного времени пришлось поделить на две части: «Noi vivi» («Мы живые») и «Addio Kira» («До свидания, Кира»). С кинематографической точки зрения фильм удался; особое правдоподобие ему придавали сцены с участием героев второго плана, которых играли жившие в Италии белоэмигранты. К сожалению, для придачи фильму пущего эффекта в уста персонажей были вложены пропагандистские фашистские фразы, которых, естественно, не могло быть в романе.

Фильм произвел настоящий фурор. Обе части вышли в прокат одновременно, так что зрители, посмотревшие первую часть, тут же бежали смотреть вторую. Вскоре фильм был показан в Берлине министру пропаганды Третьего рейха Йозефу Геббельсу. Тому фильм не понравился — по его мнению, Советы были изображены недостаточно негативно. Действительно, там нет ни антисемитской риторики, ни демонстрации расовой неполноценности славян, ни других избитых клише нацистской пропаганды. А что было бы, узнай Геббельс, что литературной основой картины послужил роман, написанный еврейкой?..

Итальянским властям наконец-то стало понятно, что роман осуждает не только сталинский СССР, но и все тоталитарные режимы, включая фашизм. Взбешенные, они приказали уничтожить все копии фильма. Так бы он и перестал существовать, если бы одна копия не была спрятана кем-то из членов съемочной группы. После окончания войны, в 1946 году, Айн Рэнд узнала о фильме и была в ярости; она связалась со своим адвокатом, чтобы обсудить возможность предъявления судебного иска. Еще через год она впервые посмотрела фильм. В июле 1947-го в США приехала итальянская кинозвезда Алида Валли, сыгравшая роль Киры в обеих частях фильма. Она-то и рассказала писательнице историю его создания во всех деталях.

Выяснилось, что фильм посмотрел сам Бенито Муссолини{309}. В 1950 году Айн Рэнд подала иск против итальянского правительства, однако удовлетворен он был лишь в 1961-м. Итальянская сторона была вынуждена заплатить ей 23 тысячи долларов США (около 300 тысяч по современному курсу).

Было непонятно, где искать пленку с фильмом. В 1966 году Айн Рэнд рассказала об этом своим друзьям Генри и Эрике Хольцер, и те после долгих поисков смогли выкупить пленку в Италии и привезти ее в США. В 1969 году началась работа над редактированием фильма: надо было, во-первых, сократить его продолжительность; во-вторых — удалить профашистские пропагандистские реплики; в-третьих — перевести диалоги и продублировать на английском. К сожалению, по ряду причин сама Айн Рэнд, поначалу участвовавшая в редактировании фильма, не смогла продолжить эту работу. В результате картина появилась в кинотеатрах лишь в 1986 году — спустя 44 года после создания! В 1988 и 1989 годах она шла одновременно в семидесяти пяти кинотеатрах США и была показана на многих кинофестивалях{310}. Вскоре она была включена в перечень классических фильмов итальянского кинематографа и появилась на видеокассетах и лазерных дисках.

В 1959 году роман был переиздан в Америке. По словам самой Айн Рэнд, она лишь слегка подредактировала его; тем не менее внимательный анализ показывает, что правка была довольно серьезной и затрагивала не только стилистические, но и идеологические вопросы. В частности, из-за общего разочарования к тому моменту философией Ницше она удалила многие «ницшеанские» фразы и идеи. Кроме того, значительно менее смелыми стали эротические сцены.

Судьбы близких, оставшихся в СССР

Еще в 1926 году, сразу после отъезда Алисы, Нора и другие члены семьи Розенбаум писали ей о желании покинуть СССР. Уладив свои финансовые дела и получив официальный юридический статус, Айн Рэнд пыталась добиться разрешения на выезд в Америку для своих родственников. Впервые она попробовала сделать это в марте 1934 года, написав генеральному комиссару по иммиграционным делам по квоте для иммигрантов о своем желании пригласить родителей и сестер. Как на ее письмо отреагировали власти США, неизвестно. Во всяком случае, Элеонора Дробышева сообщает, что сестра послала ей анкету для поступления в один из калифорнийских колледжей. (Впрочем, из комментариев С. Макконнелла явствует, что Нора сама написала письмо в колледж и получила ответ{311}. В этом случае не очень понятно, какую роль сыграла в этом Айн Рэнд.) В мае 1937 года советское правительство ответило отказом, что, впрочем, неудивительно, учитывая тогдашнюю атмосферу в стране{312}. Напротив, удивительно, что Розенбаумы не подверглись репрессиям в связи с тем, что предпринимались попытки вывезти их из СССР.

Американские родственники десятилетия спустя стали упрекать Айн Рэнд в том, что она не описала им во всех деталях тяготы жизни семьи Розенбаум в СССР. По их словам, если бы Алиса это сделала, они любой ценой вытянули бы Розенбаумов в Америку еще в 1920-е годы{313}. На наш взгляд, эти упреки беспочвенны: во-первых, мы знаем, что иммигрантка постоянно жаловалась им на страшный советский тоталитаризм; во-вторых, далеко не факт, что все Розенбаумы захотели бы уехать из СССР: обе сестры писательницы вскоре вышли замуж, а у матери были работа и квартира с телефоном в центре Ленинграда.

Несмотря на недостаток времени, Айн Рэнд постоянно отправляла оставшимся в СССР родственникам длинные подробные письма, объем которых порой доходил до сорока страниц{314}. Энн Хеллер сообщает, что иногда она писала им на английском, чтобы попрактиковаться в письменном языке. К примеру, известно, что она пересказывала им произведения Синклера Льюиса и своего любимого О. Генри.

К сожалению, все эти послания писательницы были безвозвратно утрачены во время Великой Отечественной войны. А вот полученные ею письма родственников (около 1140) за период с 1926 по 1936 год{315} прекрасно сохранились и ждут своего исследователя в личном архиве писательницы в Институте Айн

Рэнд в США. Эти письма, среди прочего, повествуют об ужасных условиях жизни в СССР, отсутствии нормальных продуктов, одежды, предметов быта, карточной системе распределения товаров повседневной необходимости и многом другом. К примеру, в одном из писем Зиновий Захарович рассказывает, как в течение нескольких недель безуспешно пытался приобрести лампочку. В другом письме Анна Борисовна жалуется, что члены семьи не могут отправлять письма из-за отсутствия конвертов. Просто удивительно, что Розенбаумы так откровенно писали обо всём за границу, не опасаясь спецслужб. По словам Энн Хеллер, они посылали письма не прямиком в США, а через какого-то посредника в Финляндии. Правда, не очень понятно, как это могло помочь, учитывая, что корреспонденция, идущая в Финляндию, тоже перлюстрировалась.

Айн Рэнд не только писала в ответ, но порой помогала родственникам. В частности, она высылала матери новые американские книги, переводя которые, та зарабатывала на жизнь для всей семьи. Однажды она послала матери и сестрам рекламки с образцами модной одежды, чтобы они имели возможность сшить такие же платья. В другой раз Айн отправила Наташе и Норе по пижамному комплекту. Те, однако, посчитали пижамы слишком роскошными, чтобы носить их в домашней обстановке. В результате Наташа перелицевала пижаму в платье, а Нора носила ее на вечеринки как экзотический наряд. Известно также, что старшая сестра послала Наташе портмоне, а Норе — обувь{316} (в те годы любой из этих предметов был дефицитным). Из своих произведений она успела послать родным лишь рукопись пьесы «Легенда пентхауса» (передавать роман «Мы живые» не стала — слишком уж антисоветским было его содержание), а в 1926 году — пьесу «Радиобалет», написанную, по-видимому, по-русски. Пьесу взяли для постановки в театре «Кривое зеркало», но захотели внести в текст какие-то изменения, и Айн Рэнд отказалась от этого проекта.

Отдельный интерес для биографов представляют сотни набросков и рисунков Норы, которыми та — заочно — иллюстрировала американские приключения сестры. В 1937 году правительство США официально предупредило своих граждан, что их письма в СССР могут стать поводом для ареста их советских знакомых и родственников. Поэтому Айн Рэнд перестала писать, несмотря на послания от матери с мольбами об ответе. Переписка окончательно прервалась со смертью родителей.

Чем занимались Розенбаумы в это время? Зиновий Захарович, приблизительно с 1925 года работавший врачом в

Государственном институте медицинских знаний, не позднее 1933 года сменил место службы — теперь оно находилось по адресу: улица Калинина, дом 3. Мать продолжала преподавать во 2-й школе рабочих подростков и заниматься переводами для издательства «Время»[39] (мы уже упоминали, что Айн Рэнд посылала ей книги на английском языке).

Рисунок, присланный Норой Розенбаум сестре в США.
Конец 1920-х гг. Предоставлен Архивом Айн Рэнд (Ayn Rand Archives)

Изначально это издательство занималось выпуском научных книг, однако, пользуясь временной свободой эпохи нэпа, с 1924

года стало печатать беллетристику, в том числе американскую. В основном это были достаточно примитивные, но чрезвычайно популярные романы, которые принято называть бульварным чтивом. К настоящему моменту нами обнаружены три произведения, переведенные Анной Борисовной и вышедшие в 1927 году: «Знак Зорро» Джонстона Мак Кэллэя (МакКалли), «Ментрап» Синклера Льюиса и «Перелла» Уильяма Локка (под редакцией известного литератора Николая Николаевича Шульговского)[317]. В 1928 году для издательства «Мысль» она перевела приключенческий роман Рафаэля Сабатини «Морской ястреб»[318]. Остается только догадываться, чего ей стоило, продолжая преподавать, перевести за два года сразу четыре пухлых романа. Чтобы сдать переводы в срок, Анна Борисовна привлекала всю семью: сама переводила и редактировала текст, Наташе доверяла переводить некоторые страницы, Норе — записывать переведенные фразы и искать неизвестные слова в словаре; даже отец, не знавший английского, выполнял некоторые задания[319].

По словам Элеоноры Дробышевой и Энн Хеллер, Анна Борисовна также перевела для издателя Златкина «Американскую трагедию» Теодора Драйзера, однако среди переводчиков этого романа, выпущенного в СССР в 1920— 1930-е годы, нет фамилии Розенбаум.

Кое-что известно о судьбе объекта первой, безответной любви Алисы Розенбаум Льва Беккермана (кстати, в своих письмах она называла его не Лео, а Лёлей), адресата одного из немногих сохранившихся писем Айн Рэнд на русском языке, отправленного из Чикаго 28 августа 1926 года. В письме она, изрядно рисуясь, рассказывает о своих первых сногсшибательных впечатлениях от Америки. Из письма явствует, что Беккерман сам написал ей в Чикаго; более того, он планировал в какой-то момент вырваться в Америку. Айн Рэнд ответила: «Готова встретить тебя на вокзале, даже если ты приедешь в 1947 году»[320].

Вскоре, однако, в ее жизни появился Фрэнк и страсть к Беккерману, навеки оставшаяся в ее сердце, отошла на второй план. В том же 1926 году она пишет рассказ «Муж, которого я купила». Леонард Пейкофф и Барбара Брэнден полагают, что рассказ был написан ею, чтобы окончательно вычеркнуть из своего сердца неразделенную любовь и двигаться дальше[321]. Тем не менее Айн Рэнд продолжала следить за его судьбой. В конце 1920-х Беккерман женился на советской подданной, бывшей финской баронессе, изобретательнице Лили Марии Пальмен. Сестра сообщила Айн, что жена Льва — совершенно не привлекательная и интеллектуально не выдающаяся «домоседка».

По ее словам, в браке и вообще в жизни он был «ужасно несчастлив». Эти новости огорчили Айн, для которой он продолжал оставаться героем, не подчинившимся советской уравниловке. По ее мнению, Лев «сознательно отдал себя посредственности, так как более высокие ценности ему не были доступны»[322]. Насколько она была права, судить трудно, однако известно, что в 1933 году этот брак распался по инициативе Беккермана, который при этом увел от мужа некую Ату Рис[323]. Впрочем, Айн помнила, каким успехом Лео всегда пользовался у женщин.

К счастью, она так никогда и не узнала, какая трагическая судьба постигла ее первую любовь. Лео работал в Ленинграде руководителем моторной группы завода имени Ворошилова и проживал по адресу: 7-я Советская улица, дом 6, квартира 9. 18 января страшного 1937 года он был арестован выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Пункты 7, 8 и 11 стандартной для того времени 58-й статьи содержали такие абсурдные обвинения, как «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы», «террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций» и др. 5 мая 1937 года Лев Борисович Беккерман был приговорен к высшей мере наказания; его расстреляли там же, в Ленинграде, на следующий день после вынесения приговора[324].

Вскоре стала нести потери и семья писательницы. Первым от сердечного приступа 22 января 1939 года скончался Зиновий Захарович. Он умер скоропостижно, сидя на кушетке и беседуя с женой. Нора описывала его легкую смерть как «поцелуй Бога»[325], что в учении каббалы обозначает слияние души с Богом. Вскоре после начала блокады Ленинграда, 15 ноября 1941 года, умерла Анна Борисовна. Супруги были похоронены на еврейском Преображенском кладбище в одной могиле, украшенной массивным памятником из черного базальта. Место их захоронения дошло до наших дней в хорошем состоянии, посещается родственниками и поклонниками творчества писательницы. Официальный сайт кладбища указывает ее точное местоположение: Санкт-Петербург, Преображенское кладбище, Заборная 7-я, место 784.

Средняя дочь Розенбаумов, Наташа, поступила в консерваторию, где проучилась с 1922 по 1929 год под руководством профессора Н. И. Голубовской (1891–1975). Она дважды выходила замуж: в 1929 году — за некоего Исидора, в 1939-м — за Володю (фамилии обоих неизвестны). Наташа

погибла в Ленинграде в июне 1942 года во время авианалета, гуляя по Михайловскому саду возле храма Спаса на Крови[326].

Лучшая подруга и кузина Алисы Нина Гузарчик, эвакуированная из Ленинграда 15 июля 1942 года, по сведениям Элеоноры Дробышевой, была убита при бомбежке парохода немцами в Астрахани в 1944 году[327]. Знакомая Нины, Женя Минц, писала о ее трагической судьбе: «Нужно было пережить такую зиму в Ленинграде, чтобы потом погибнуть у устья Волги!» Остальные Конгеймы и Гузарчики умерли во время блокады[328], за исключением Володи Конгейма и Веры Гузарчик, с которыми Айн Рэнд продолжала общаться и после войны.

О смерти родителей писательница узнала только в 1946 году от своей бывшей учительницы английского, а о гибели сестры и кузины — еще позднее, в 1948-м[329]. В результате ее единственной близкой родственницей осталась Нора. В 1931 году она вышла замуж за Федора Андреевича Дробышева, а в июне 1942-го вместе с мужем была эвакуирована из Ленинграда. По словам самой Норы, после войны она получила от Айн Рэнд и Володи Конгейма посылку с продуктами, однако потом родственники перестали отправлять им письма и посылки, опасаясь, что их получателей могут за это арестовать[330].

Глава шестая
ГОЛЛИВУД ВЗЯТ!

«Гимн»

Идея произведения «Гимн» пришла писательнице в голову еще в СССР. Эта небольшая повесть (иногда ее называют новеллой) была написана в промежутке между двумя романами — «Мы живые» и «Источник». В апреле 1936 года были опубликованы «Мы живые», в 1937-м написан «Гимн». Незначительный временной разрыв между выходом этих первых произведений позволяет предположить, что «Гимн» дал писательнице возможность до конца оформить мысль, не высказанную в полной мере в тексте ее первого романа. Вдохновленная и разгоряченная его успехом, Айн Рэнд спешила сделать это в следующем сочинении.

Рабочее название повести — «Эго» — напрямую указывает на ее индивидуалистскую направленность. Вспомним концовку романа «Мы живые». В уста большевика Павла Серова автор вложила такое толкование коммунистической идеологии: «Первый и основной [принцип] заключается в том, что мы изъяли из нашего языка самое опасное, самое коварное и самое порочное слово — слово “Я”. Мы переросли его. “Мы” — вот девиз будущего. “Коллективное” занимает сегодня в наших сердцах место старого чудовищного “личного”».

Троекратное повторение слова «самое» и использование выразительных оценочных эпитетов «опасное», «коварное», «порочное» не случайны — они выдают значимость для писательницы проблемы личности и коллектива. В «Гимне» Айн Рэнд нарисовала картину тоталитарного общества, в котором «нет людей, есть только великое Мы. Единственное, неделимое, вечное».

Главный герой до самого конца повести не употребляет местоимение «я»: «Наше имя Равенство 7-2521… Нам двадцать один год. Наш рост шесть футов… Мы родились проклятыми».

Тенденция развития героя — движение от «Мы» к «Я». Сюжет повести — незамысловатая история его жизни. Он родился «проклятым», непохожим на других даже телом, переросшим, пишет Айн Рэнд, тела его братьев. Равенство 7-2521 знает: «Нет страшнее преступления, чем действовать или думать в одиночестве. Мы нарушили закон…»

Читателю стоит большого труда адаптироваться к «Мы» применительно к индивидууму, чтобы отслеживать события, рассказанные от первого лица. Непросто перестроиться на стилистику чистой абстракции и умозрительно сконструированного мира, схожего с тем, который создал Евгений

Замятин в романе «Мы».

Художественное пространство второй книги Айн Рэнд довольно примитивно. Очевидно, по этой причине «Гимн» не заинтересовал американских издателей; возможно также, что они не приняли «Гимн» потому, что это была социально-политическая фантазия, направленная против философии коллективизма. Один из рецензентов, которому была направлена рукопись, гневно отметил: «Автор не понимает социализма». Вот уж нет. В отличие от рецензента Айн вдоволь насмотрелась на социализм в его большевистском варианте.

Что же заставило Айн Рэнд обратиться к жанру антиутопии? Нам кажется, что ее мог заинтересовать роман ленинградца Евгения Замятина «Мы». Быть может, Айн Рэнд пыталась разработать аналогичный жанр, подсознательно подражая бывшему земляку.

Замятин положил начало расцвету жанра антиутопии в мировой литературе XX века. По понятным причинам роман не был издан на родине, но в 1924 году вышел в Нью-Йорке в переводе на английский Григория Зильбур-га. Яркий критический текст русского автора мог привлечь внимание молодой писательницы Айн Рэнд. Еще до отъезда в США Алиса Розенбаум могла познакомиться с рукописью замятинского романа (работа над ней была завершена в 1920 году), а также с повестью петербургского журналиста Николая Федорова «Вечер в 2217 году» (1906), с социалистическими утопиями Александра Богданова «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1911), повестью Александра Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). Впрочем, утверждать это мы не беремся, помня, что русскую литературу она не любила в принципе.

Айн Рэнд описывает Город будущего, в котором живет изобретатель-самоучка Равенство 7-2521, обожающий «науку о вещах». Этот город, созданный американской писательницей, подобен тоталитарному Единому Государству, которое «поэтизирует» в своих записях талантливый строитель Д-503 из произведения Замятина. Повествование в «Гимне», как и в замятинском романе, ведется от лица героя — тот излагает историю своего чудовищного преступления, «преступления из преступлений, спрятанного под землей», раскрытие которого грозит ему десятью годами заключения в Исправительном Дворце: работая тайком, в одиночестве, в туннеле при свечах, украденных из кладовой Дома Подметальщиков, он открыл электричество!

Созданное писательницей общество, живущее по четкому

расписанию, — это Начальники, Учителя, Братья, Дети, Ученики и Старики (как видим, социальные роли разных общественных категорий отражены даже в написании их с прописной или строчной буквы). Помимо Равенства 7-2521, в повести действуют Союз 5-3992, Интернационал 4-8818, Свобода 5-3000, Братство 2-5503, Солидарность 9-6347…

Начальники Города очень стары: «Волосы их были белы, а лица покрыты трещинами, как глина в русле высохшей реки. Они выглядели древнее мрамора храма Мирового Совета. Неподвижно сидели они перед нами. Ни одно дуновение ветерка не тревожило складок их белых тог. Но мы знали, что они живы, — палец руки старейшего поднялся, указывая на нас, и снова опустился. Это был единственный признак жизни». (Чем не Политбюро ЦК КПСС брежневского времени? Правда, повесть была написана в 1930-е годы, когда руководство СССР было еще относительно молодо.)

Школу как основу деградации Города Айн Рэнд изобразила карикатурно, создав злую пародию на учителей, главная задача которых — наказывать учеников: помещать их в подвал, запрещать им задавать вопросы и вообще думать. Главные объекты Города — Дворец Мирового Совета, Дворец Мира, Исправительный Дворец, Дом Детей, Дом Учеников, Дом Ученых, Дом Художников, трехэтажный Дом Начальников, Городской Театр, Дом Актеров, Дом Бесполезности (там живут Старики); за Городом находится Дом Крестьян; наконец, за оврагом — равнина, а за ней — Неведомый Лес, думать о котором запрещено. Вот и всё жизненное пространство героя.

Чем могла заполнить его молодая писательница, решая, прежде всего, задачу развенчания тоталитаризма? Рассказом о пытливом мальчике, живущем в такой системе, не знающем родителей, а только таких же братьев и карикатурных учителей. В городе, где он растет, каждую весну мужчин старше двадцати лет и девушек после восемнадцати лет посылают в Городской Дворец Спаривания, где Совет Евгеники каждому мужчине определяет женщину. Рожденное следующей зимой потомство отправляют в Дом Детей. В белой спальне на 100 кроватей, с пустыми стенами, Равенство 7-2521 провел пять лет. Следующий период его жизни — Дом Учеников, некий школьный комплекс из десяти корпусов, куда детей помещают на десять лет обучения. Все годы перед сном в большом зале он вслед за учителем проговаривал коллективную речовку: «Мы — ничто. Человечество — всё…»

Когда герою исполнилось 15 лет, он вместе с братьями явился на Совет по Труду, чтобы получить Мандат, определявший место работы на всю оставшуюся жизнь. Герой совершил очередное преступление — преступление Предпочтения. Он

давно тайно мечтал, что его пошлют в Дом Ученых, ведь все великие изобретения совершаются именно там. Но голос старейшего из Совета по Труду не дрогнул: «Подметальщик». Теперь наш герой живет в Доме Подметальщиков, где, по мнению Совета, место способным творческим людям. Там еще более жесткое расписание: пробуждение по звуку колокола; завтрак в зале, где на пяти длинных столах стоят 20 глиняных тарелок и столько же глиняных кружек; пять часов работы метлами и граблями до получасового обеденного перерыва и столько же после него, часовой ужин. По сигналу колокола он в колонне направляется на Общественное собрание в один из Городских Залов, где после речей Начальников поет гимны: Гимн Братства, Гимн Равенства и Гимн Коллективного Духа. Впереди еще досуг — в Городском Театре, куда маршируют герой и его братья, а после, опять же строем, возвращаются на ночь в Дом Подметальщиков.

Примерно так Айн Рэнд рисует одномерное пространство Города будущего, вслед за Евгением Замятиным и другими авторами антиутопий демонстрируя способы государства жестко и тотально контролировать личность, исходя из представления, что у него есть на это право, что оно может формировать и регулировать даже частную жизнь своих граждан.

Но однажды «земля становится прекрасной и жизнь не кажется больше только нудной необходимостью, она становится удовольствием». Герой встретил девушку по имени Свобода 5-3000, полюбил ее, хотя в Государстве это запрещено, и даже придумал ей новое имя — Золотая. В тексте повести это самые эмоциональные страницы.

Единственный способ обрести свободу — бежать из Города в Неведомый Лес. И только там происходит «рождение слова» — ранее не произносимого героем «Я»: «Мои руки. Моя душа. Мое небо. Мой лес. Это моя земля». Завершая повесть, писательница публицистически открыто закрепляет свою формулу: есть слова мудрые, есть — лживые, «но только три святы: “Я хочу этого”». Конечно, Айн Рэнд старалась убедить читателя, что система тотальной социальной унификации чудовищна и преступна. Ради этой мысли создавалась книга.

Но можно ли назвать «Гимн» беллетристикой? Фантастическая греза о недопустимом грядущем — это некий американский лубок, идеологическое оружие писательницы, проводник ее идеи.

Конечно, повесть Айн Рэнд по сути являлась переделкой замятинского романа — естественно, без ссылки на него. «Математически безошибочное» счастье, любовь и дружба, душа и

вдохновение, дети, настоящее и будущее, свобода и насилие, слово — всё это содержательные категории текста Замятина, скопированные Айн Рэнд, как и «нумера»-имена Д-503, 0-90, 1-330 и недосягаемый Зеленый Лес.

Думается, в «Гимне» идет речь не только о Советской России, о ненавистном писательнице военном коммунизме, но и о тоталитарной системе в широком смысле: о рационализированном мире и принудительных методах управления, о любом механическом социуме — и здесь она тоже следует за Замятиным.

Проводившая экскурсии в Петропавловской крепости Алиса Розенбаум, наверное, не однажды рассказывала своим слушателям об одном из ее узников — Николае Гавриловиче Чернышевском, о его ответе на сакраментальный русский вопрос «Что делать?». И особенно часто должно было звучать упоминание о четвертом сне Веры Павловны.

Русскоязычный читатель даже в переводе с английского безошибочно узнает в строках Айн Рэнд аллюзии на произведение Чернышевского:

> «На полях работают женщины, и их белые туники, развевающиеся на ветру, похожи на крылья чаек, бьющихся о черную землю… Они шли вдоль борозды, и тело их было прямо и тонко, как металлическое лезвие, твердые глаза блестели… В них не было ни страха, ни доброты, ни вины. Их блестящие волосы переливались золотом на солнце».

Так Алиса Розенбаум расставалась с Россией, с ее историей, чтобы на новом витке творчества писать об Америке. Но долгие годы воспоминания о родине будут проступать в ее художественных и философских произведениях.

«Гимн» был впервые опубликован в Великобритании в 1938 году. Восемь лет спустя, на волне успеха романа «Источник», повесть в несколько исправленной форме будет переиздана в США. В 1960-е годы эта книга станет частью обязательной программы в некоторых американских школах.

Новые пьесы и участие в президентской кампании

Начальные идеи и наброски первого монументального романа «Источник» появились еще в 1934 году, но окончательно сюжет и структура оформились лишь четыре года спустя; тогда же была написана первая строка: «Говард Рорк смеялся…» Поначалу писательница надеялась, что работа над романом пойдет очень быстро и что всё это время они с мужем смогут существовать на отчисления за постановку пьесы «Ночью 16 января».

Но к 1939 году от суммы, полученной за пьесу, практически ничего не оставалось. Суровая реальность всё чаще заставляла Айн отвлекаться от романа на написание пьес, которыми она надеялась подзаработать. Пьеса «Непокоренная» («Unconquered») представляла собой адаптацию романа «Мы живые». Знаменитая американская актриса русского происхождения Евгения Леонтович (1900–1993) прочла роман и, услышав о том, что на его основе создана, но еще не поставлена пьеса, сразу захотела сыграть роль Киры. Ранее ее уже пытался поставить бродвейский продюсер Джером Майер, но из этого ничего не получилось. Леонтович привлекла к пьесе внимание знаменитого продюсера Джорджа Эббота. У Айн Рэнд с самого начала были серьезные опасения относительно постановки «Непокоренной»: во-первых, Леонтович была уже не в том возрасте, чтобы играть юную Киру; во-вторых, Эббот был известен как постановщик комедий, а не серьезных произведений. В результате, как вспоминает сама писательница, с постановкой «Непокоренной» всё сразу пошло не так: подбор актеров был крайне неудачен, Эббот — некомпетентен; постоянно требовалось переписывать сцены, вносить нелепые изменения.

Премьера состоялась 14 февраля 1940 года в театре «Билтмор». На нее пришли множество знаменитостей, включая саму Мэри Пикфорд. Казалось, спектакль прошел успешно. Но следующий день принес газетные рецензии, совершенно разгромные и уничижительные. Этот день Айн провела, рыдая, в постели, и ни Фрэнк, ни его брат не смогли утешить ее. Спектакль был закрыт через пять дней.

Приблизительно в это же время Айн Рэнд попыталась добиться успеха с помощью написанной в 1934 году, но неопубликованной пьесы «Идеал» о судьбе актрисы Кэй Гон-да, столкнувшейся с безразличием и лицемерием окружающего мира

и нашедшей поддержку лишь у одного из поклонников. Однако и с «Идеалом» она потерпела фиаско: несмотря на интерес театра «Гильдия», пьеса так и не была поставлена.

Тем не менее Айн не оставляла попыток повторить успех «Ночью 16 января». Казалось, пьесе «Подумай дважды» в жанре интеллектуального детектива с непредсказуемым концом уж точно должно было повезти. В ней было всё: и элементы фантастики, и нацистский шпион (в более поздней версии переделанный в советского агента), и неожиданная развязка, и присущая писательнице критика альтруизма. Однако и эту пьесу Энн Уоткинс, литературный агент Айн Рэнд, не смогла продать.

А работа над «Источником» затягивалась. Оставалось одно — попытаться продать неоконченное произведение. Джеймс Путнэм, редактор издательства «Макмиллан», где вышел роман «Мы живые», заинтересовался ее новым произведением и даже предложил аванс в 250 долларов. Айн уже была готова принять это смехотворное предложение, однако потребовала, чтобы на рекламу книги было потрачено как минимум 1200 долларов: ей не хотелось, чтобы новый роман повторил судьбу «Мы живые» и канул в безвестность из-за отсутствия рекламы. Издательство на такие условия не согласилось.

Энн Уоткинс, прочитавшая первые три главы книги, стала предлагать их другим издательствам. Вскоре Айн подписала контракт с «Кнопфом», согласно которому должна была получить тысячу долларов аванса — но лишь после того, как сдаст полную рукопись романа, на завершение которого ей отводился год. Издательство также согласилось профинансировать рекламу книги.

Дни напролет проводила Айн за письменным столом, но через год было готово не более трети романа. В отчаянии она бросилась в издательство с просьбой продлить срок договора и выплатить ей хотя бы часть гонорара. Редакторы согласились на первое условие, но решительно отказались от второго. Вскоре по обоюдному согласию контракт был расторгнут.

Энн Уоткинс стала предлагать рукопись другим издателям, однако неизменно получала отказы: по их мнению, книга не имела никакого коммерческого потенциала. Нервы Айн Рэнд были на пределе; в отчаянии она стала срывать злость на человеке, значившем для нее больше всего на свете, — на Фрэнке, и тот порой не знал, как реагировать на эти взрывы беспричинной ярости. По мнению множества людей, общавшихся с четой О'Коннор в то время, именно тогда у Айн Рэнд появилась неприятная особенность поведения: внезапно разрывать отношения с друзьями и близкими людьми, обвиняя их в самом

страшном для нее грехе — нерациональных, нелогичных поступках или моральном предательстве. Ее родственница Мими Саттон вспоминает, что стала невольной свидетельницей телефонного разговора, приведшего к разрыву писательницы с Евгенией Леонтович: «Они больше никогда не видели друг друга… Были также и другие хорошие друзья, но потом что-то случалось, и они исчезали»{331}.

К осени 1940 года у семьи О'Коннор осталось всего 700 долларов. И тут, достаточно неожиданно, Айн решает посвятить три месяца совершенно новому для себя занятию — политике. В этом году, в нарушение существовавшей еще со времен Джорджа Вашингтона традиции занимать президентский пост только дважды, Франклин Делано Рузвельт пошел на выборы в третий раз. В приходе к власти Рузвельта, учитывая его симпатии к СССР и стратегию активного государственного вмешательства в экономику, Айн видела угрозу для Америки ее мечты — свободной демократической страны с независимыми от властей производством и бизнесом. Поэтому она решила принять участие в избирательной кампании противника Рузвельта, кандидата от Республиканской партии Уэнделла Уилки, стоявшего на значительно более либеральной идеологической платформе. Все три месяца перед выборами Айн и Фрэнк бесплатно работали в избирательном штабе Уилки. К их разочарованию, республиканец проиграл на выборах. В результате оставшиеся у четы О'Коннор 700 долларов были потрачены, а «Источник» так и не завершен.

Однако, на взгляд биографов писательницы, эти три месяца не прошли для нее даром. Во-первых, Айн получила бесценный опыт публичных выступлений в самых разных аудиториях, настроенных порой совсем не дружелюбно. Во-вторых, она приобрела влиятельных знакомых, которые в дальнейшем значительно повлияют на развитие ее карьеры и политических взглядов. Самой важной фигурой среди них оказалась Изабель Паттерсон (Пэт) (1886–1961) — журналистка, литератор и критик, в течение нескольких лет (до ссоры 1948 года) оказывавшая решающее влияние на становление Айн Рэнд как философа и апологета экономической доктрины laissez-faire[40].

Зима 1940/41 года оказалась крайне тяжелым периодом. Денег практически не осталось. У Айн не было другого выхода, кроме как найти работу — *любую* работу. Ей помог Ричард Миланд, редактор сценариев в знаменитой кино-компании «Парамаунт Пикчерз», на которого сильнейшее впечатление произвели начальные главы «Источника». Узнав, что писательница страдает от безденежья, он тотчас предложил ей работать у него в качестве рецензента, оценивавшего

кинематографический потенциал поступавших в «Парамаунт» книг. Ей должны были платить шесть долларов за короткую рецензию и десять за длинную. Айн надеялась, что удастся время от времени возвращаться к «Источнику». Однако теперь она была занята семь дней в неделю, по 12 или даже больше часов в день. В результате на роман не оставалось ни сил, ни времени.

В этот критический момент, узнав, что писательница решила расстаться со своим литературным агентом Энн Уоткинс, Ричард Миланд предложил помочь с поиском издательства. Для начала они отправили книгу в издательство «Литтл, Браун энд компани». Через шесть недель оттуда пришел отказ с достаточно странной формулировкой: по мнению рецензента, это гениальный роман, «который невозможно продать», так как для книг подобного рода «нет подходящей аудитории». Подобного же мнения о романе были и другие рецензенты.

После этого «Источник» был предложен издательству «Боббс — Меррилл компани», на котором остановила выбор сама Айн Рэнд, так как была уверена в негативном отношении его сотрудников к коммунистическим идеям (они, как мы помним, в тот период были довольно популярны в США). После встречи с молодым редактором Арчибальдом (Арчи) Огденом писательница заранее была готова к негативному отзыву. Уже через неделю в ее квартире зазвонил телефон — это был Арчи, к ее изумлению, взволнованным голосом сообщивший, что познакомился с великим романом, написанным в стиле *настоящей* литературы. Всё еще не веря своему счастью, Айн попросила выплатить ей аванс в 1200 долларов и предоставить год для завершения романа. И тут возникла заминка: Арчи сообщил, что, к сожалению, у него нет на это полномочий, но пообещал запросить головной офис компании в Индианаполисе.

Прошло еще шесть недель. Айн продолжала работать на «Парамаунт». Наконец Арчи по телефону сообщил ей о готовности издательства подписать контракт. Вскоре она узнала о том, как именно было принято положительное решение. Рукопись была отдана на прочтение еще двум рецензентам, из которых один заявил, что «Источник» — великий роман, на котором невозможно заработать, а второй — что это плохой роман, на котором *можно* заработать. Д. Л. Чемберс, глава компании, вернул рукопись Арчи, дав ему распоряжение отказать автору. Арчи же, несмотря на молодость и небольшой опыт работы, послал шефу телеграмму: «ЕСЛИ ЭТА КНИГА ВАМ НЕ ПОДХОДИТ, ТОГДА Я НЕ ПОДХОЖУ ВАМ КАК РЕДАКТОР». Ответная телеграмма сообщала: «НЕ ХОЧУ ОСТУЖАТЬ ВАШ ЭНТУЗИАЗМ. ПОДПИСЫВАЙТЕ КОНТРАКТ. НАДЕЮСЬ, КНИГА

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОРОША».

Контракт был подписан в декабре 1941 года. Окончательным сроком сдачи рукописи было определено 1 января 1943-го. Надо сказать, что произошло это всё как нельзя кстати. Дело в том, что за несколько дней до подписания контракта Япония нанесла удар по американским базам в Пёрл-Харборе, тем самым втянув США во Вторую мировую войну. Арчи сообщил, что, случись Пёрл-Харбор неделей раньше, ему не удалось бы подписать контракт — издательство просто побоялось бы начать работу над новым романом в условиях военного времени. Но поскольку контракт был уже подписан, его пришлось выполнять.

Ayn Rand

В феврале 1926 года бежавшая из СССР Алиса Розенбаум отправилась из Гавра в Нью-Йорк на французском пароходе «Де Грасс». *Довоенная открытка*

Семья Портных, у которых Айн Рэнд остановилась в 1926 году в Чикаго. Во втором ряду — тетя Сара Липски (вторая слева), Ева, Гарри и тетя Гертруда Портные, тетя Минна Гольдберг. *Чикаго. 1916 г.*

Со знакомства с режиссером Сесилом де Миллем Айн Рэнд начала штурм Голливуда

Актер Фрэнк О’Коннор вскоре стал мужем Айн Рэнд. *1920-е гг.*

Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд

Самое любимое фото Айн. *1943 г. Предоставлено Архивом Айн Рэнд*

Актер Иван Лебедев пристроил Айн на работу в Голливуд. *Кадр из фильма «Веселый дипломат». 1931 г*

Бродвей. *1939 г.*

Благодаря актрисе Евгении Леонтович пьеса Айн Рэнд «Непокоренная» дебютировала на Бродвее. *1939 г.*

Итальянский режиссер Гоффредо Алессандрини снял фильм по роману Айн Рэнд «Мы живые». *1939 г.*

Кадр из фильма. Кира Аргунова — Алида Валли, Лео Коваленский — Росано Брацци. *1942 г.*

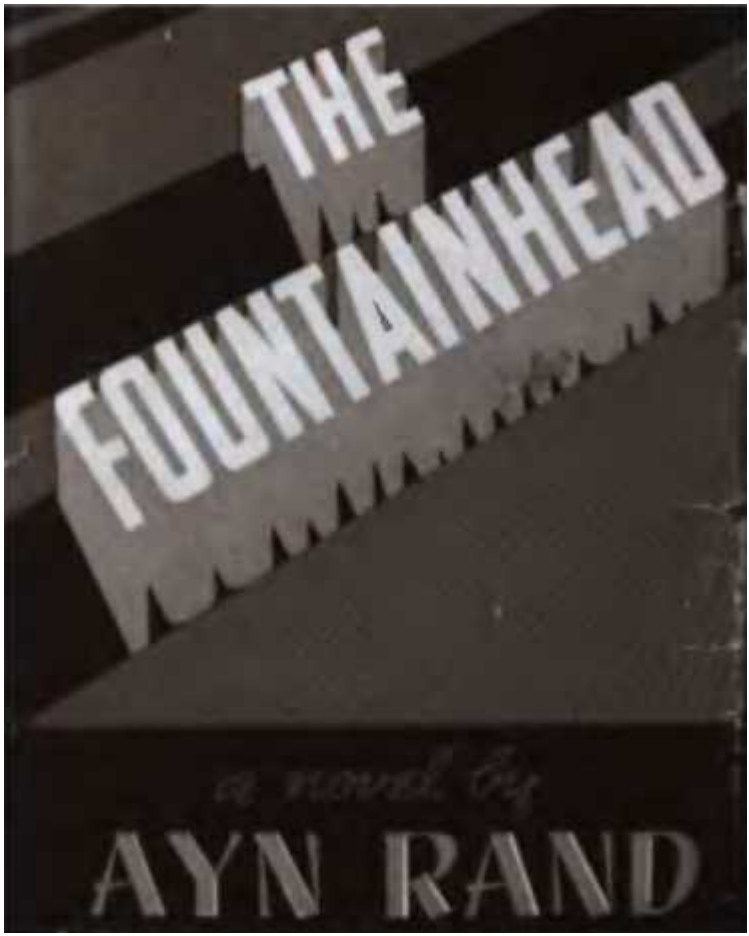
УИЛЬЯМ ЛОКК
ПЕРЕЛЛА
РОМАН
„ВРЕМЯ"
1927

МАК КЭЛЛЭЙ
ЗНАК ЗОРРО
РОМАН

Романы, вышедшие в СССР в переводе Анны Борисовны Розенбаум. *1927 г.*

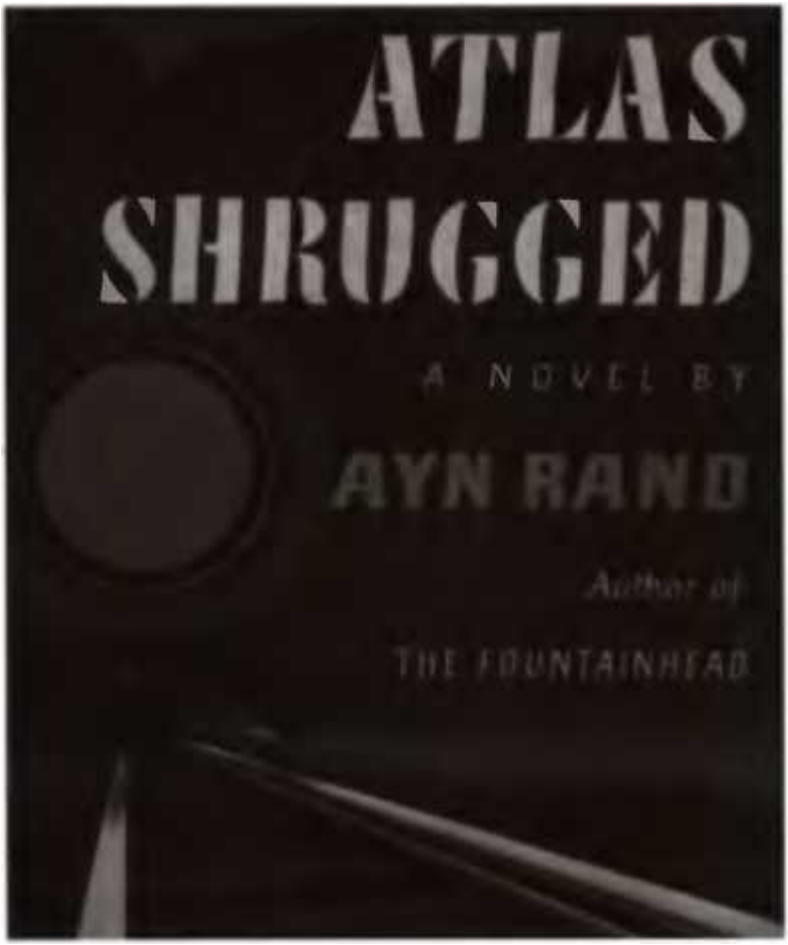
Родители Айн Рэнд покоятся на Преображенском кладбище Санкт-Петербурга. *Фото М Кизилова*

Знаменитый небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг послужил прототипом для новаторских зданий героя романа «Источник» Говарда Рорка. *Довоенная открытка*



Первое издание романа «Источник». *1943 г.*

После публикации романа «Атлант расправил плечи» к его автору пришла всемирная слава. *1957 г. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд*



Первое издание «Атланта…». *1957 г.*

Айн Рэнд и Фрэнк О'Коннор были свидетелями на свадьбе Натана Блюменталя (Натаниэля Брэйдена) и Барбары Вайдман. *1953 г.*

На фоне любимого Нью-Йорка. *1950-е гг.*

С Натаниэлем Брэйденом. Еще ничто не предвещало краха. *1960-е гг.*

Барбара Брэнден — первый биограф великой Айн. *1960-е гг.*

Патриция Галлисон разрушила союз Натаниэля и его покровительницы. *1960-е гг.*

В доме на Манхэттене Айн жила с 1951 по 1982 год

На склоне лет Фрэнк увлекся живописью

Благодаря фотографии из журнала «Америка» Элеонора Дробышева (Розенбаум) смогла возобновить общение с сестрой. *1971 г.*

Ayn Rand, Author of 'The Fountainhead,' Dies at 77

Maj. Gen. P.M. Hamilton Dies: Won Medal of Honor in Africa

Сообщение о смерти Айн Рэнд в газете «Нью-Йорк тайме». *7 марта 1982 г.*

Надгробия на могилах Фрэнка О'Коннора и Айн Рэнд на кладбище городка Валгалла недалеко от Нью-Йорка

Экономист Алан Гринспен — самый знаменитый ученик Айн Рэнд

Философ Леонард Пейкофф — наследник Айн Рэнд

Айн Рэнд — автор интеллектуальных бестселлеров, драматург, киносценарист, философ, культуролог.

Начало 1970-х гг. Фото предоставлено Архивом Айн Рэнд

Время шло, однако по-прежнему была написана лишь треть романа. Айн начала работать днем и ночью — и на нее наконец-то снизошло вдохновение. Стопка исписанных страниц на ее рабочем столе становилась всё толще. Правда, стремительный ход работы несколько замедляла необходимость писать рецензии для «Парамаунт». Однажды, в начале декабря 1942 года, когда «Источник» близился к завершению, она проработала 30 часов без перерыва! Вскоре Айн стала перепечатывать рукопись набело, в то время как Фрэнк и Ник посменно, по 12 часов, вычитывали текст (возможно, именно благодаря их усилиям в романе очень качественный американский вариант английского языка).

В последний день 1942 года Айн отстучала заключительную строку романа: «Перед ней остались лишь океан, небо и Говард Рорк» — и сдала рукопись в офис издательства «Боббс — Меррилл компани».

Началась подготовка романа к печати. Издательство не устраивал его огромный объем, однако автор ни за что не соглашалась на сокращение. Единственная уступка, на которую она пошла, — удаление из первой части книги одного персонажа — любовницы главного героя Весты Даннинг.

К сожалению, полученный за книгу аванс скоро был истрачен, и Айн пришлось вернуться на работу в «Парамаунт». Фрэнк, всё реже получавший роли, в конце концов, устроился продавцом в сигарной лавке в Бруклине.

Незадолго до публикации книги с писательницей связался Алан Коллинз (Alan Collins), литературный агент с прекрасной репутацией. Он сумел найти с ней общий язык и представлял ее интересы вплоть до своей смерти в 1968 году. Но даже после этого Айн продолжала работать с его фирмой «Кертис Браун».

«Источник»

Именно «Источник», опубликованный в мае 1943 года и принесший писательнице всемирную известность, специалисты считают первым американским произведением в жанре «роман идей». Книга идеально легла на прагматичную индивидуалистическую ментальность американцев, преодолевших Великую депрессию. Айн Рэнд посвятила свое детище мужу — именно он в один из самых сложных моментов работы над текстом убедил ее не сдаваться. Значительную помощь в написании диалогов в чисто американском разговорном стиле ей оказал Ник Картер, брат Фрэнка.

Первоначально роман назывался «Second-Hand Lives», что можно перевести как «Жизнь из вторых рук» или «Второсортные жизни». Однако один из рецензентов указал, что этим названием выпячивается образ жизни не положительных, а отрицательных героев произведения. Тогда Айн решила переименовать его в «The Mainspring» — «Главный источник» или «Главная движущая сила», однако так уже называлось произведение другого автора. С помощью словаря она нашла «The Fountainhead» (дословно — «Начало источника» или «Первоисточник»).

Как мы уже упоминали, в определенный момент писательница утратила политические иллюзии. Ей стало очевидно, что Рузвельт последовательно закладывает основы административного государства, где экономикой управляет правительство. Всё это напоминало ей пережитое в СССР. Поэтому новый текст имел черты *социального* романа. Автор, однако, хотела раскрыть прежде всего свои абстрактные философские идеи, предъявить американским читателям свою моральную теорию — апологию эгоизма (индивидуализма) как своеобразную новую веру. Она так и сформулировала основную задачу романа: «защита эгоизма в его настоящем смысле».

Эгоизм для писательницы — источник прогресса человечества, а его «настоящий смысл» — разумный эгоизм, почти добродетель.

«Источник» можно определить еще как роман-испытание, где жизнь героя — это арена борьбы за свое «Я», порой даже борьбы с самим собой. В силу этого он — человек сложный, противоречивый, даже абсурдный с позиции обывателя. Поэтому сюжет строится на жестком отступлении героя от привычного, нормального хода жизни. Архитектурная тематика позволила писательнице показать ту отрасль приложения созидательных сил человека, где требуется отдача в разных сферах: строительстве,

искусстве, науке и бизнесе. Автор рассказывает о череде порой чрезвычайных событий, на их фоне раскрывая характер героя и свои собственные идеи.

Именно с этого начинает Айн Рэнд свое произведение: «Сегодня утром с ним что-то произошло». За строптивость и нежелание подчиняться традициям строительного искусства Говарда Рорка исключили из школы архитектуры Стентонского технологического института. При этом сам он пальцем о палец не ударил, чтобы сохранить студенческий статус, хотя блестяще учился по всем предметам, кроме архитектурной композиции. К примеру, профессор математики оценил его проектные работы, демонстрирующие самобытность его мышления: строгие и простые здания «не были ни готическими, ни классическими, ни ренессансными. Они были только творениями Рорка». Профессор видел в нем «великого человека» и ходатайствовал за него перед начальством; декан обещал сделать всё возможное для этого парня, но, беседуя с ним, натолкнулся на «равнодушие вежливости», спокойное отрицание привычных стереотипов.

События в романе — это только фон для раскрытия внутренней сущности персонажа. На пятистах страницах текста показано, как мир испытывает Говарда Рорка на степень талантливости и… эгоистичности его натуры. Книга убедительно демонстрирует: он — идеальный, совершенный эгоист, «эгоцентрическое чудовище». В системе ценностей автора это положительная оценка.

Айн Рэнд тщательно готовилась к созданию своей третьей книги: собирала яркие детали, продумывала характеры, заранее сформулировала тему, цель, манеру подачи материала. Она даже сделала подробнейший конспект романа Виктора Гюго «Отверженные», чтобы осмыслить его структуру и, как она сама объясняла, составить на его основе собственную модель текста. В итоге Айн Рэнд смогла добиться такой архитектоники произведения, где все части органически образовали единое стройное целое. Все элементы романа, безусловно, жестко подчинены точке зрения автора, согласно которой права личности должны цениться выше интересов общества.

Чтобы не выглядеть дилетантом в области архитектуры и не допустить ошибок, Айн специально устроилась бесплатно работать в офис известного в Нью-Йорке архитектора-модерниста Эли Жака Кана, участвовала вместе с ним в специальных семинарах, изучала под его руководством профессиональные технологии. Это он сообщил писательнице, что главная проблема современной архитектуры — проектирование жилых домов, и тогда все пазлы сюжетных ходов романа легли как надо.

Возможно, в благодарность Рэнд в «Источнике» вывела архитектора Кана под именем Гай Франкон.

Как и в романе «Мы живые», в «Источнике» речь идет о событиях 1922 года, и его герой Говард Рорк — ровесник века; но теперь действие происходит в Америке. Отметим в портретной характеристике Говарда важную характерную деталь — рот. Это в стиле Айн Рэнд (как мы помним, в «Мы живые» автор обращает особое внимание на рот Киры Аргуновой). У Рорка — «рот палача или святого»! Такой оксюморон, несомненно, раскрывает ее желание создать сложную, парадоксальную двойственность героя.

У сконструированного писательницей по такой парадигме идеального эгоиста Рорка (как и у Равенства 7-2521 из «Гимна») нет никаких семейных связей — и отсутствует даже желание узнать о родственниках. Его отец-сталелитейщик давно умер, о матери писательница вообще не упоминает. В студенческой среде он не нашел — да и не искал друзей. Как же он выживал? Сам зарабатывал на учебу в школе и в институте тяжелым физическим трудом на стройках, брался за любое дело в любом большом городе на востоке США.

У него не было никаких связей с социумом. Идя по улицам, он никого не замечал, люди для него не существовали. Молодой американец так определяет свое место в мире людей и свое отношение к ним: «Я не намерен строить для того, чтобы иметь клиентов. Я намерен иметь клиентов для того, чтобы строить. Я не предполагаю никакого принуждения — ни для заказчиков, ни для самого себя. Те, кому я нужен, придут сами. Я не верю в Бога. Хочу быть архитектором, потому что люблю эту землю. И больше ничего так не люблю. Мне не нравится форма предметов на этой земле. Я хочу эту форму изменить. Для себя».

Айн Рэнд щедро наделяет своего героя местоимением «Я», заведомо конструируя его не самым привлекательным для людей.

Отчисленный из института, Говард едет в Нью-Йорк, чтобы продолжить образование у того, кого сообщество архитекторов выдавило из своей среды за нежелание приспосабливаться и потворствовать вкусам заказчиков, — у гениального и эксцентричного Генри Камерона, искусством которого он восхищен. Неудачник Камерон легко ставит молодому человеку диагноз: «Ты *влюблен* в свое ремесло. Господь тебя спаси, ты *влюблен!* А это проклятье. Это клеймо на лбу, выставленное на всеобщее обозрение. Ты не можешь жить без своей работы, и они об этом знают и еще знают, что тут-то ты и попался!»

Рорк действительно «попался». Влюбленность в архитектуру — главное дело его жизни — и тяжелый характер не позволили ему закрепиться в каком-либо архитектурном бюро. Рорк не идет

на компромиссы, ему безразлична официозная мишура, он сосредоточен лишь на одном — на зданиях, которые проектирует. При этом, как бы его ни просили финансовые воротилы и их приспешники, он даже под угрозой своему финансовому благополучию ни на йоту не изменит свой проект, поскольку уверен в его совершенстве.

Конечно, ему очень нелегко. Хозяева «изменчивого мира» постоянно уговаривают прогнуться под их требования. Но Рорк понимает: изменив хоть один портал или карниз в угоду заказчикам, он никогда не простит этого себе. Не пойдя на уступки и потеряв в результате крупный заказ, он вынужден работать простым каменотесом в гранитном карьере.

Именно в это время, когда герой находился, пожалуй, на самом низком для себя социальном уровне, произошла его судьбоносная встреча с Доминик Франкон — умной, красивой и сильной женщиной «с порочным ртом», дочерью успешного архитектора. Это была романтичная встреча — на фоне природы, у каньона с розовым гранитом — двух противоположностей: мужчины и женщины, каменотеса и дочери мультимиллионера, льда и пламени. Автор использует хорошо известный литературный прием: испытывает героя его отношением к женщине, к любви. У Рорка любовь странным образом реализовалась в грубом овладении Доминик.

Отбиваясь от вопросов читателей романа, Айн Рэнд назвала случившееся с молодыми любовниками «изнасилованием по особому приглашению», а секс — «торжеством воли человека». Позднее за эту скандальную эротическую сцену ее неоднократно ругали феминистки, называя даже «предательницей женского пола». Сама писательница парировала обвинения, говоря, что настоящее изнасилование — «ужасное преступление», тогда как в ее романе речь идет совсем о другом — об изначальной природной необходимости женщины безоговорочно подчиниться сильному и красивому мужчине.

Единственное качество, которое может реабилитировать героя со всеми его недостатками и сложным характером, — всепоглощающая любовь к труду. Для Рорка смысл жизни состоял в проектировании зданий. Никаких эстетических экивоков, никакой поэтизации дела и любви к людям! Рорк заявляет: «Меня всегда интересовали не мои клиенты, а их архитектурные потребности… Надо любить дело, а не людей». Какой важный посыл писательницы-трудоголика!

Айн Рэнд несколько трафаретно, акцентированно противопоставляет Рорка приспособленцу Питеру Китингу, с отличием окончившему школу архитектуры Стентонского

технологического института, награжденному золотой медалью Американской гильдии архитекторов, получившему от Общества архитектурного просвещения США стипендию на четыре года обучения в парижской Школе изящных искусств. У Питера всё идет как по маслу и во время учебы, и после выпуска. Но своей возлюбленной Кэти он открывается: «Я всё это ненавижу — свою работу, профессию, ненавижу всё, что я делаю, и всё, что буду делать!»

Казалось бы, счастливчик, Китинг признаётся, что ничего у него в жизни нет. А у Говарда Рорка есть — любимая архитектура. (Подобные сопоставления в текстах Айн Рэнд читатель встретит не раз.)

В здании, спроектированном Генри Камероном, Рорку нравились обилие света и воздуха, логичность планировки холлов и кабинетов и сама форма постройки, отвечающая ее назначению. Говард следовал идее своего учителя, что конструкция здания — ключ к его красоте, что новые методы строительства требуют новых форм. Не случайно основным прототипом Говарда Рорка был американский архитектор-новатор Фрэнк Ллойд Райт ((1867–1959), мыслящий именно такими категориями.

Преподаватели архитектурной школы внушали главному герою, что жизнь есть служение и самопожертвование, а на его вопрос: «Почему истину заменяют мнением большинства?» — отвечали: «Настоящее творчество — медленный, постепенный, анонимный и в высшей степени коллективный процесс… Сотрудничество, кооперация — вот ключевые слова современности и профессии архитектора в особенности». Понятное дело, эгоист Рорк это категорически не принимал. Да, он мог оказать профессиональную помощь сокурснику Питеру Китингу, но ни в коем случае не из соображений гуманности. Писательница вкладывает в уста Рорка свою любимую мысль: никого не проси трудиться ради твоего счастья.

Самостоятельность, сформированная с детства, развитое чувство собственного достоинства и жажда самоутверждения в профессии, абсолютная невозможность отказаться от собственных идей и права на творчество — вот основные качества, которыми Рэнд наделила своего героя, так что предложить ему гладкую карьеру она не могла. Рорк взялся за строительство храма, заказанного бизнесменом Стоддардом, но случился скандал, дошедший до суда.

Еще более громким скандалом завершился его проект дешевого жилья. Китинг, получивший выгодный государственный заказ, понимал, что самостоятельно не справится, и попросил

помощи у Рорка. Тот согласился, несмотря на дешевизну социального проекта, связанную с очень низкой платой за аренду жилья. Но согласился на условиях анонимности и гарантии полного соответствия строящегося объекта его проектному замыслу. Китинг не выполнил это обязательство — и Рорк… взорвал уже возведенное здание!

Кульминация романа — суд над Говардом Рорком. Внятная и логичная речь героя на суде — это протест автора против жертвенности, против рабской зависимости, против подавления созидательного начала в человеке. В этом — глубинный философский подтекст книги. Но есть в романе и важный романтический мотив о просто сказочных способностях свободного — героического, по Айн Рэнд, — человека-созидателя. «В этих зданиях мы любим способность к творчеству, героическое в человеке» — так говорят персонажи об архитектурных произведениях главного героя. Единственное, что Говард ненавидит в трудовом процессе, — некомпетентность. С этим не поспоришь.

Однако нельзя утверждать, что герой «Источника» плоский, сухой и неэмоциональный. Ему, к примеру, нравится музыка. Какая? Первый концерт Чайковского, Второй концерт Рахманинова — любимая музыка самой Айн Рэнд.

Рорк на суде убеждал присяжных: «Архитектору нужны заказчики, но он не подчиняет свой труд их желаниям. Они нуждаются в нем, но они заказывают ему дом не для того, чтобы загрузить его работой. Люди обмениваются своим трудом ради взаимной выгоды, со взаимного согласия, каждый по собственной воле, когда их личные интересы совпадают и обе стороны заинтересованы в обмене… Это единственная форма отношений между равными».

Устами своего героя писательница заявляет: «Неприкосновенность созидательных усилий человека намного важнее всякой благотворительности». Как просто, логично и убедительно! Присяжные признали Рорка невиновным.

Так что у него от палача и что от святого? Критики утверждают, что он — герой, противостоящий системе.

Тщательно продуманная система образов романа-испытания требовала появления в противовес Рорку его идейных антиподов. Прежде всего это апологет коллективизма журналист Эллсворт Монктон Тухи, ведущий в знаменитой газете «Знамя» колонку об архитектуре и строительстве. Рэнд снова откровенно продемонстрировала свое неприятие социализма, создав антипатичный образ Тухи.

Богатый и влиятельный редактор этой газеты Гейл Винанд

вышел, как и Рорк, из низов и создал целую медиаимперию из нескольких газет и ярких журналов. Он, по Айн Рэнд, «мог бы быть» героическим индивидуалистом, но не стал им.

Зиновий Розенбаум, отец писательницы, всего в жизни добился сам. Он считал распространение идей самой важной вещью на свете и разделял идею индивидуализма. Этими отцовскими чертами писательница наделила многих своих персонажей.

Когда два очень способных и честолюбивых молодых человека, Говард Рорк и Питер Китинг, практически одновременно стартуют в профессии, наглядны успехи их профессионального становления. Улыбчивый и легкий, самый популярный в студенческом кампусе, обожаемый чертежниками фирмы «Франкон и Хайер», куда он попал после окончания архитектурной школы, Питер — посредственность и приспособленец. Он всегда находится под чьим-то влиянием, зависим от чужого мнения. Причины поражения Китинга Айн Рэнд объяснила емко: «Он предал свое Я».

Чтобы усилить воздействие на читателя и глубже расшифровать свое понимание идеи разумного эгоизма, автор пересыпает весь текст афоризмами, произносимыми отрицательными персонажами и хорошо знакомыми читателю советской литературы: «Кто был ничем, тот станет всем», «В регулируемом обществе человек чувствует себя в безопасности», «Бескорыстие — единственный путь к счастью». Айн Рэнд жестко и предельно откровенно обобщает: «Человек, который любит всех и чувствует себя дома всюду, — настоящий человеконенавистник. Он ничего не ждет от людей, и никакое проявление порочности его не оскорбляет».

Конечно, всё это о «рожденных ползать». Такая страстная пропаганда индивидуализма и эгоизма, очевидно, использована автором для того, чтобы сбить, снизить увлечение людей альтруизмом и благотворительностью. В этом публицистический пафос беллетристики Айн Рэнд и особенность ее декларативного стиля.

Айн Рэнд ни в коей мере нельзя отнести к тому типу авторов, которые, сев за письменный стол, не знают, что в конечном итоге выйдет из-под пера. При знакомстве с ее произведениями возникает стойкое ощущение схематизма и нарочитости, умозрительного подхода писательницы к формированию словесной ткани. Это как остов, как скелет будущего здания. Символические фишки, расставленные по всему полю текста, подгонка художественного материала под концептуальную идею, открытое формулирование автором любимых философских идей,

откровенное конструирование психологически неубедительных персонажей книги — всё это очевидно.

Тем не менее, несмотря на эти недостатки стиля, «Источник» оказывает на читателя гипнотическое воздействие, вдохновляет его. С одной стороны, главный герой романа не замечает людей, не желает любить их, в его лексиконе отсутствуют слова «альтруизм», «благотворительность», «добродетель», «жертвенность», «милосердие»; с другой — он предан делу, инициативен и независим.

Влияние «Источника» на американского читателя колоссально, возможно, в том числе из-за воздействия на него эпического воодушевления автора. Особенно отличали это произведение американские архитекторы. Для кого-то из них роман даже стал источником в прямом смысле — источником вдохновения. Основатель Института архитектуры в Сан-Франциско Фред Ститт (Fred Stitt) посвятил свою книгу главному герою романа — «первому учителю архитектуры Говарду Рорку». Именно роман Рэнд, утверждают специалисты, впервые обратил внимание американского общества на архитектуру и ее общественное восприятие.

Для отечественного читателя, знакомого с творчеством великих русских писателей, с образами князя Мышкина, Алеши Карамазова, Платона Каратаева и других знаковых героев, очень важна тема доброты и ее роли в обществе, так что, скорее всего, он не сможет принять «новую моральную теорию» Айн Рэнд, построенную на себялюбии и индивидуализме как наивысших ценностях человечества. Да и поэтика беллетристического произведения может показаться ему бедной, схематичной, изобилующей штампами. Тем не менее роман «Источник» в литературной биографии Айн Рэнд стал переходным к могучей книге «Атлант расправил плечи».

Успех

«Источник» был опубликован тиражом в семь с половиной тысяч экземпляров. Поначалу продажи были крайне невысоки, книга появилась в нижних строках одного списка бестселлеров, потом пропала из него, затем появилась вновь. Всё это время автор, затаив дыхание, следила за судьбой своего романа. К осени 1943 года издательство решилось напечатать еще две с половиной тысячи экземпляров, хотя Айн Рэнд настаивала на пяти тысячах. Главный менеджер по продажам полагал, что общий тираж книги не сможет превысить десять тысяч, — и поспорил на один доллар с Арчи, считавшим, что к Дню благодарения книгу придется издавать еще раз. В ноябре, незадолго до праздника, менеджер зашел в офис Арчи и молча положил на его стол долларовую купюру.

Продажи книги продолжали неуклонно расти; через какое-то время она появилась во всех списках бестселлеров. К сожалению, издательство не могло позволить себе допечатывать книгу большими тиражами в связи с дефицитом бумаги в военное время и время от времени переиздавало ее по несколько тысяч экземпляров. Ситуация менялась по мере изменения военной обстановки, и к 1945 году было продано уже 100 тысяч экземпляров книги. В 1948 году общий тираж достиг 400 тысяч; к 1962-му было издано около полумиллиона экземпляров «Источника» в твердой обложке и более миллиона в мягкой.

«Некоммерческая» и «слишком интеллектуальная» книга переведена практически на все языки мира. Ее читатели — представители самых разных слоев населения, от интеллектуалов и миллионеров до спортсменов и водителей-дальнобойщиков, а общий тираж составляет десятки миллионов.

Айн Рэнд, с одной стороны, была счастлива, с другой — совершенно не удивлена успеху романа: в ней всегда жила уверенность в своем писательском таланте и грядущей литературной славе. Все комнаты их с Фрэнком небольшой квартиры были завалены тысячами писем от поклонников с вопросами, предложениями и пожеланиями. Вскоре ей написал Фрэнк Ллойд Райт, пожалуй, самый знаменитый американский архитектор той эпохи: «Я прочел каждое слово Вашего “Источника”… Ваш роман — это Роман». Его похвала была для Айн Рэнд особенно ценна.

Однажды, осенью 1943 года, Алан Коллинз, новый литературный агент писательницы, позвонил ей и сообщил, что знаменитая кинокомпания «Уорнер Бразерс» изъявила желание

приобрести права на экранизацию романа.

— Я хочу пятьдесят тысяч долларов, — спокойно сказала Айн.

Это была фантастическая сумма.

— Проси двадцать пять тысяч, — посоветовал Коллинз, — и вы сойдетесь на двадцати.

— Эта книга будет стоить гораздо больше, чем пятьдесят тысяч долларов, — возразила писательница.

Прошло десять дней. Айн отправилась на ланч с бизнесменом, желавшим принять участие в рекламной кампании ее книги. Уставшая и недовольная, она вернулась ни с чем. Дома ее нетерпеливо ожидал Фрэнк:

— Дорогая, пока ты была на ланче, ты заработала пятьдесят тысяч долларов.

Несколько предвосхищая события, заметим, что вскоре киностудия «Метро-Голдвин-Майер» предложит компании «Уорнер Бразерс» за уступку прав на постановку «Источника» астрономическую сумму — 450 тысяч долларов, однако та благоразумно откажется, полагая, что сможет заработать на нем больше.

В тот день Айн и Фрэнк позволили себе то, чего не могли позволить в течение нескольких последних лет, — ужин в ресторане стоимостью 65 центов вместо обычных 45.

Вскоре после подписания контракта с «Уорнер Бразерс» Фрэнк и Изабель Паттерсон буквально заставили Айн выбросить ее старое пальто и купить норковую шубу за 2400 долларов. Узнав об этом, Коллинз рассмеялся: «У меня не было еще ни одной женщины-автора, которая бы не купила себе норковую шубу после продажи прав на ее роман кинокомпании»{332}.

В декабре 1943 года О'Конноры решили на время перебраться из квартирки на Лексингтон-авеню в окрестности Голливуда, чтобы Айн могла спокойно работать над сценарием. Во время своей первой поездки в Голливуд, 17 лет назад, она путешествовала в пассажирском вагоне. На сей раз они ехали в дорогом спальном вагоне экспресса «XX век», с трудом веря, что могут позволить себе такую роскошь.

Представители «Уорнер Бразерс» хотели, чтобы Айн сразу же приступила к сценарию. Писательница потратила семь лет на написание романа, а сейчас ей было необходимо разобрать всю тщательно продуманную конструкцию произведения, чтобы его можно было пересказать языком кино. Тем не менее она справилась великолепно, сражаясь за каждое свое слово и каждый выстраданный ею эпизод.

Вскоре Айн и Фрэнк решили приобрести дом в долине Сан-

Фернандо в 40 километрах от Голливуда, в городке Чатсуорт, по адресу Тампа-авеню, дом 10 000[41]. Если для Фрэнка этот дом с прилегающими к нему ранчо и садом стал обителью его мечты, то для Айн — ловушкой, в которой она чувствовала себя отрезанной от мира. Писательница так и не научилась водить автомобиль, поэтому каждый раз, когда она выбиралась по делам в Голливуд, Фрэнку приходилось возить ее туда и обратно. Надо сказать, что, по воспоминаниям друзей семьи, водитель он был неважнецкий.

Завершив сценарий для фильма «Источник» в 1944 году, Айн Рэнд задумалась: что дальше? С одной стороны, она, конечно же, хотела писать новый роман, с другой — продолжать зарабатывать деньги. В результате она подписала пятилетний контракт с независимым кинопродюсером Хэлом (Гарольдом) Уоллисом (1898?—1986), получившим известность после оскароносного фильма «Касабланка», а позднее ставшим знаменитым благодаря фильмам с участием Элвиса Пресли. Его настоящая фамилия была Валинский (Волынский?), родители были родом из Ковно (Каунаса) и Минска, а сам он родился в Чикаго{333}. Уоллис, незадолго до того со скандалом покинувший «Уорнер Бра-зерс», безоговорочно принял поставленное Айн Рэнд небывалое по дерзости условие: она работает на него не более шести месяцев в год, посвящая оставшееся время личной жизни и творчеству.

Успешно адаптировав для Уоллиса несколько чужих сценариев, она вскоре получила задание написать собственный, посвященный… созданию атомной бомбы (его наброски сохранились{334}). Не будем забывать, что шел 1944 год, до бомбежек Хиросимы и Нагасаки оставалось около года и практически никто еще не понимал, что представляет собой ядерное оружие. В рамках работы над этим проектом Айн встретилась со множеством ученых, включая знаменитого «отца атомной бомбы» Джулиуса Роберта Оппенгеймера, общение с которым произвело на нее колоссальное впечатление; позднее именно он станет прототипом доктора Роберта Стадлера в романе «Атлант расправил плечи».

В дом О'Конноров постоянно приезжали интеллектуалы, художники, кинематографисты и политики. Приблизительно в это время, во многом под влиянием этих встреч, Айн стала серьезно интересоваться психологией, философией, культурологией, а также эпистемологией — теорией познания.

В 1946 и 1947 годах Айн решила всерьез заняться борьбой с коммунистической пропагандой, которая стала доставать ее и в Америке. В двенадцатистраничной брошюре «Киногид для американцев» она призвала кинематографистов и публику не давать коммунистам и сочувствующим им работать в

киноиндустрии, снимать фильмы, прославляющие сталинский Советский Союз. Практически весь этот опус, восхвалявший устои американского общества, состоял из призывов защищать политическую систему США и ее демократические институты{335}. И это было написано иммигранткой, приехавшей всего 20 лет назад!

В 1947 году она приняла участие в еще одном важном антикоммунистическом проекте. В течение девяти дней Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности устраивала слушания по вопросу о прокоммунистических настроениях в Голливуде. В результате несколько голливудских фильмов военного времени («Русская песня», «Миссия в Москву» и «Северная звезда») были признаны рупором просоветской пропаганды, около трехсот работников киноиндустрии внесены в «черный список» лиц, подлежащих бойкоту, в числе которых были такие знаменитости, как Чарли Чаплин и Орсон Уэллс.

Айн Рэнд восприняла данный процесс как возможность осуществить личный вклад в борьбу против ненавистного ей коммунизма. 20 октября она появилась на официальных слушаниях комиссии в качестве «свидетеля поддержки». Изначально она хотела осудить два голливудских фильма — «Русская песня» и «Лучшие годы наших жизней», но в итоге ей дали сказать только о первом из них. С одной стороны, писательница была крайне недовольна ходом слушаний: по ее мнению, комиссия недостаточно серьезно относилась к проникновению в Америку коммунистической идеологии и появлению просоветских (просталинских) симпатий. С другой стороны, ей было приятно оказаться в центре внимания важных политических фигур, актеров и широкой публики{336}.

Тем временем с фильмом по сценарию Айн Рэнд всё шло совсем не так, как она хотела. Поначалу множество выдающихся звезд Голливуда хотели получить роли Рорка и Доминик — настолько привлекательными оказались персонажи. В конце концов, на роль Говарда Рорка был взят знаменитый Гари Купер. «Он похож на Фрэнка», — восторженно повторяла обожавшая Купера Айн Рэнд. Ее энтузиазм по поводу Купера не очень понятен: актер, при всей его известности и обаянии, был откровенно стар для этой роли: во время съемок ему было уже под пятьдесят, в то время как Говарду Рорку в самом начале фильма — 22 года!

Тучи начали сгущаться после назначения режиссером ленты Кинга Видора, которого сама Айн считала «наихудшей кандидатурой для “Источника”». Проблемы возникли также и с поиском исполнительницы роли Доминик. Автор хотела, чтобы ее

сыграла Грета Гарбо. К ее неудовольствию, на роль взяли тогда не слишком известную Патрицию Нил. Самое удивительное, что не любимый писательницей режиссер, по-видимому, настолько преклонялся перед Айн Рэнд, что приглашал ее на съемки, чтобы она объясняла актерам психологию их персонажей! Увы, это не слишком утешало писательницу, которую постоянно заставляли вносить поправки в сценарий и урезать отдельные, принципиальные для нее, диалоги и монологи. В особенности тяжело ей далось сокращение финальной речи Говарда Рорка на суде. Дошло до того, что необходимость сокращения речи и исключения из нее моментов, где Рорк выражал свою концепцию индивидуализма и эгоизма, ей разъяснял специально приглашенный для этого католический священник.

Несмотря на то что большинство сцен всё же удалось отстоять, Айн осталась крайне недовольна картиной:

> «Люди, которые занимались фильмом, были недостойны этого задания… Я завершила свои связи с Голливудом. Там больше не было ничего для меня»[337].

Тем не менее фильм пользовался успехом.

Во время работы над картиной Фрэнку приходилось ежедневно возить Айн в Голливуд и назад на ранчо. Его жизнь окончательно стала приложением к жизни супруги; по вечерам, вернувшись домой, он был вынужден выслушивать ее гневные филиппики в адрес голливудских интриганов и наблюдать, как она впадает в ярость из-за чьего-то несогласия с ее мнением. Он с ней не спорил, однако уже тогда друзья стали замечать у него приступы недовольства женой. Позднее эти внезапные и не всегда объяснимые вспышки будут становиться всё более частыми. По мере того как физическая близость становилась для супругов О’Коннор менее значимой, всё более отчетливо проступала разница в их характерах.

Глава седьмая
РАСПРАВЛЯЯ ПЛЕЧИ АТЛАНТУ

«Забастовка»

В декабре 1943 года, вскоре после приезда четы О'Коннор в Голливуд, состоялся телефонный разговор Айн Рэнд с Изабель Паттерсон, во время которого ей в голову пришла идея написать новый роман. Пэт советовала писать не художественную, а философскую книгу, в которой можно было бы высказать свою жизненную позицию. Айн отказывалась, говоря: «А что, если я забастую? А что, если все творческие умы мира объявят забастовку?» Замолчав на секунду, она продолжила: «Из этого получился бы хороший роман».

После окончания телефонного разговора Фрэнк заметил: «Из этого *действительно* получился бы хороший роман». Айн обернулась и внимательно посмотрела на него широко раскрытыми глазами, возвращаясь памятью к сочиненной ею давным-давно, в детстве, истории о прекрасной женщине, уведшей в Америку всех интеллектуалов из коллективистского стада, в которое превратилось население Европы. Они взволнованно проговорили об этом всю ночь; к утру Айн решила, что «забастовка умов» будет основной темой ее будущего романа.

Работая над сценариями для продюсера Хэла Уоллиса, каждую свободную минуту Айн посвящала новому роману. После выхода на экран картины «Источник» она, окончательно разочарованная в Голливуде, решила досрочно, через три года, расторгнуть пятилетний контракт с Уоллисом. Невыполнение контрактных обязательств обошлось ей в астрономическую по тогдашним временам сумму — 70 тысяч долларов. Однако в тот момент ее финансовое положение было столь стабильно, что она решила пойти на эту трату, невзирая ни на что.

Прежде чем приступать к написанию текста, она проделала серьезную подготовительную работу — изучила технические аспекты описываемых в книге событий. Сюжетная канва романа плелась на фоне металлургического производства и железных дорог; Айн пришлось погрузиться в мир железнодорожных составов, машинистов и заводчиков.

Несколько отвлекаясь, скажем, что есть все основания говорить об Айн Рэнд как о писателе-фантасте. Сколько ее героев делают научные изобретения! Так, Равенство 7-2521 из «Гимна» «открывает» электричество; Стив Инглвуд из пьесы «Подумай дважды» (1939), опубликованной только после смерти писательницы, придумывает машину, способную улавливать и перерабатывать космические лучи; Джон Голт из «Атланта…» изобретает уникальный мотор, а Хэнк Риарден создает новый

суперпрочный и суперлегкий металл, названный его именем. В раннем романе писательницы, еще советского периода, от которого сохранился только синопсис, действие происходит в самолете, попавшем в космос.

Работа над романом шла тяжело и медленно: Айн, как обычно, тщательно продумывала каждую фразу, каждое слово, так что порой за целый день удавалось написать один-два абзаца.

В 1949 году, во время интенсивной работы над «Атлантом…», Айн согласилась встретиться с одним из поклонников ее творчества. Этой встрече суждено было сыграть важнейшую роль и в жизни писательницы, и в формировании объективистского движения.

Судьбоносная встреча

Испытав несколько неприятных моментов при общении со своими почитателями, Айн Рэнд старалась по возможности избегать личных встреч с ними. Летом 1949 года она получила письмо от молодого человека Натана Блюменталя (1930–2014) с интересными вопросами и наблюдениями, касавшимися романов «Мы живые» и «Источник». Письмо осталось без ответа — у популярной писательницы попросту не было времени отвечать на многие тысячи посланий поклонников ее творчества.

Однако Натан не сдался и послал ей еще одно письмо, с новыми вопросами. 2 декабря писательница написала ответ и вскоре получила от любознательного юноши третье письмо — опять с вопросами. Его письма настолько заинтересовали новоиспеченную знаменитость, что 12 января 1950 года она в ответном послании попросила адресата указать номер своего телефона, а получив его, в феврале позвонила Натану и пригласила его в гости.

Перед этим она долго колебалась. Несколько предыдущих контактов с поклонниками оказались не самыми приятными. Если бы она отказалась от встречи, судьба многих людей пошла бы по совсем другому пути… Но встреча произошла. Сразу же после нее Натан помчался к своей подруге Барбаре Вайдман (как и он, уроженке Канады) и взволнованно рассказал ей, как они провели всю ночь в жарких дискуссиях о религии, роли разума и рационализма, капитализма и социализма и многом другом.

(Забегая вперед, скажем, что вскоре они сменят имена: Натан Блюменталь будет зваться Натаниэлем Брэйденом; Барбара Вайдман, выйдя за него замуж, станет Барбарой Брэнден. Именно под этими именами парочка войдет в историю объективистского движения.)

Натан и Барбара прочли роман «Источник» практически сразу же после его публикации, вкладывая в его интерпретацию глубокий философский смысл. Собственно, они и познакомились благодаря «Источнику»: однажды осенью 1948 года приятель Барбары сказал, что один юноша так же серьезно относится к этому произведению, как и она. Так они встретились и полюбили друг друга. В следующем году они переехали в Лос-Анджелес, где Натан стал учиться на факультете психологии, а Барбара — на факультете философии.

После первой встречи с Айн Рэнд Натан попросил у нее разрешения привести с собой Барбару. Та не возражала, и на следующую беседу они приехали уже вдвоем. Повторилась та же

история: дискуссия, затянувшаяся до пяти утра; пронзительные глаза Айн Рэнд и ее хрипловатый голос; обсуждение вечных вопросов философии, морали и этики… Ошеломленная интеллектом писательницы, Барбара призналась Натану: «Сейчас у меня появилось чувство, что я могу стоять на твердой почве, *понимать* и *знать,* в каком мире я живу… Как будто у меня под ногами впервые находится твердая земля…» Вскоре такие встречи стали происходить каждую субботу; кроме того, Натан почти ежедневно звонил Айн и задавал накопившиеся после предыдущего разговора вопросы.

В результате весной — летом 1950 года Натан и Барбара стали близкими друзьями Айн и Фрэнка. Уже тогда Барбара, несмотря на преклонение перед интеллектом и обаянием писательницы, не могла не заметить негативных черт ее личности — авторитарности, самомнения, непримиримости и нежелания прислушиваться к чужому мнению. К примеру, она решительно осуждала Шекспира за «трагизм» и «фатализм» его произведений, высказывала негативное мнение о Бетховене, Вагнере, Рембрандте. (При этом ее собственные произведения — «Мы живые» и «Красная пешка» — также были глубоко трагичны и безысходны.) Критике подвергались Ромен Роллан, Винсент Ван Гог, Томас Вулф и многие другие знаменитости из мира литературы и искусства. Однажды она жестко осудила Барбару за любовь к дикой природе: по ее мнению, любоваться надо было не «иррациональной» природой, а городами, небоскребами и достижениями индустрии как продуктами «рационального» человеческого интеллекта.

Иногда Айн появлялась перед ними около полуночи после пятнадцати часов непрерывной работы над романом, написав целый параграф или всего лишь одну страницу. Возможно, у нее были проблемы с концентрацией внимания. Один из родственников спросил, зачем писательница носит примотанную к большому пальцу швейную иглу. Она ответила, что иногда специально укалывает себя, чтобы оживлять ход мыслей. Она никогда не была ни толерантной, ни выдержанной. Это также не могло не оказывать негативного воздействия на ее настроение и темперамент. Тем не менее ее желание общаться с другими интеллектуалами не прекращалось ни на секунду. Вскоре Натан и Барбара привели в дом О'Конноров нескольких друзей. Наиболее примечательным среди них оказался, пожалуй, Леонард Пейкофф, семнадцатилетний двоюродный брат Барбары. (Позднее он станет единственным наследником писательницы.)

Особенно важным для Айн стало общение с Натаном: это был тот редкий случай, когда она не только учила чему-то своего

собеседника, но и сама училась у него. «Всё, что я знаю о психологии, — признавалась она, — я почерпнула от Натана». Вскоре стало заметно, что ее близость с Натаном принимает не только интеллектуальный характер. Барбара начала замечать, что они порой держатся за руки и прикасаются друг к другу. Однако в то время она не придавала этому значения и даже, напротив, гордилась, что ее любимый так близок к самой Айн Рэнд. Она еще не понимала, что между ними зарождается чувство, которое позднее перевернет судьбы сразу четверых: ее самой, Натана, Фрэнка и Айн. Не подозревал об этом и никто другой из этой четверки.

Приблизительно в это время стали ухудшаться отношения писательницы и ее «идеального мужа». Тихий и спокойный, по-прежнему не интересовавшийся интеллектуальными дебатами, Фрэнк всё чаще ее раздражал. Энн Хеллер обнаружила множество свидетельств того, что в это время семейная идиллия Фрэнка и Айн дала трещину. Айн, поклонница небоскребов и самолетов, так и не научилась водить машину. Это означало, что в течение тех месяцев, когда Айн работала на киностудии «Парамаунт», Фрэнку приходилось каждый день возить ее туда и обратно, тратя по нескольку часов на дорогу и ожидание. На их ранчо периодически появлялись различные молодые люди, с которыми писательница неприкрыто флиртовала, хотя, по-видимому, до откровенной измены дело не доходило. Друзья иногда видели, что Фрэнка раздражает поведение Айн — ее болезненная чистоплотность и боязнь микробов, привычка носить порванные чулки, резкость и грубое обращение с ним. Однажды она закатила сцену из-за того, что Фрэнк слишком много болтал с гостями на незначительные темы, вместо того чтобы вести с ними интеллектуальные беседы. В другой раз, в 1945 году, в День благодарения, она была в истерике из-за того, что к их компании за праздничным столом присоединился местный священник. Фрэнк, явно рассерженный, напомнил жене, что по американскому обычаю полагается быть гостеприимными со всеми, кто в этот день зашел в дом. Айн многое стало не нравиться во Фрэнке. Он оказался слишком поверхностным, а его сексуальное поведение казалось ей чрезмерно пассивным и однообразным.

Она стала подумывать о разводе. В известной степени это был банальный кризис среднего возраста. Однако на публике супруги всё еще изображали идеальную пару. Всем гостям Айн продолжала говорить: «Фрэнк — это моя скала. Он всегда знает, что я чувствую и что для меня важно. Он ни разу не подвел меня».

И тут случай свел ее с Натаном — красивым, необычным,

интеллектуально одаренным и к тому же молодым (на 25 лет моложе Айн и на 33 года — Фрэнка). Неудивительно, что ее так тянуло к юноше — в нем Айн нашла то, чего не было во Фрэнке. Внешний вид Натана и его манеры напоминали ей ее собственное детище — целеустремленного и одаренного Говарда Рорка.

Отношения между супругами О'Коннор продолжали ухудшаться. Отношения же между Натаном и Барбарой вышли на новый уровень — в известной степени благодаря тому, что, по признанию самой Барбары, они приняли созданную Айн Рэнд теорию взаимоотношений мужчины и женщины:

> «Мужчина всегда будет искать женщину, которая отражает его глубинное виденье самого себя… Мужчина, горделиво уверенный в собственной значимости, будет желать самый возвышенный тип женщины, который он может найти, женщину, которой он восхищается; сильную личность, которую будет сложно завоевать, — по той причине, что только обладание героиней даст ему ощущение достижения…»

Барбара, чувствовавшая себя менее одаренной, чем Натан, старалась стимулировать свой интеллектуальный рост, чтобы соответствовать любимому.

В 1950 году можно было видеть Айн и Натана гуляющими по саду и держащимися за руки. Однако дальше их отношения пока не заходили. Летом 1951 года Натан и Барбара в последний раз посетили ранчо О'Конноров — они решили посетить своих родных в Канаде, а потом поехать на учебу в Нью-Йорк: Барбара поступила на учебу в тамошний университет на факультет философии, а Натан собирался там же продолжать изучать психологию.

Наблюдавшая за их отъездом Айн не могла сдержать слёз. Сама она объясняла свою печаль привязанностью к молодой паре, хотя, по-видимому, проблема была в ее усиливавшемся чувстве к Натану. Расставаясь, они пообещали, что будут периодически видеться. Кроме того, писательница сама собиралась после завершения «Атланта…» перебраться в Нью-Йорк, но произойти это должно было, по ее мнению, не ранее чем через два года.

Однако разлука оказалась значительно короче. В октябре 1951 года Айн позвонила Натану и Барбаре в Нью-Йорк и радостно сообщила, что через три недели они с Фрэнком приедут: завершив одну из глав книги, она почувствовала, что больше не может оставаться в Калифорнии, в тот же день обсудила этот вопрос с мужем, и супруги решили поселиться в Нью-Йорке. Айн утверждала, что это был о их обоюдное решение. Однако нет

никаких сомнений, что Фрэнку вряд ли хотелось оставлять столь любимые им дом, сад и ранчо. Несомненно также, что для Айн основным стимулом для стремительного переезда было желание видеться с Натаном.

Так Айн и Фрэнк, проведя около восьми лет в Калифорнии, вновь оказались в Нью-Йорке. На этот раз они поселились в доме 36 в восточной части 36-й улицы, в районе Мюррей Хилл в Манхэттене, недалеко от знаменитого небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг. После переезда О'Конноры стали видеться со своими молодыми друзьями еще чаще, иногда четыре-пять раз в неделю. Фрэнк неожиданно стал флористом: оформлял и продавал букеты, украшал цветочными композициями лобби в гостиницах и офисах в центре Нью-Йорка. Айн крайне редко покидала квартиру, сосредоточившись на работе над романом. Не желая нанимать прислугу, она обычно готовила еду сама, проведя перед этим много часов за письменным столом. По этой причине они с Фрэнком иногда ужинали после полуночи, что, конечно, было не слишком полезно для здоровья.

Айн стала разочаровываться в консервативном политическом движении. Как уже говорилось, она была активной сторонницей доктрины laissez-faire, согласно которой экономика представляет собой саморегулирующуюся систему, не нуждающуюся в поддержке государственных структур. Айн Рэнд утверждала, что основным достоинством laissez-faire является *практичность*. Тем не менее, по ее наблюдениям, большинство американских консерваторов в случае столкновения экономики с моралью делали выбор в пользу последней. Для нее же это было неприемлемо. В результате она стала называть себя не «консерватором», а «радикалом от капитализма». Вскоре она разочаруется и в американских либералах. Впрочем, это было неудивительно — носителем истины в конечной инстанции она всегда считала только себя.

Вскоре под влиянием Айн Рэнд Натан Блюменталь решил изменить имя. «Почему я должен придерживаться чужого выбора имени?» — писал он. Он стал Натаниэлем Брэйденом. Нельзя не заметить, что при этом он, подобно своей наставнице, сохранил прежние инициалы. Много лет спустя он заявил, что избрал новую фамилию совершенно случайно. Тем не менее нетрудно заметить, что она включала в себя слово «Рэнд». Более того, журналист Кристофер Хитченс сообщил, что сам Натаниэль однажды признался ему, что «Брэнден» — это анаграмма «Бен-Рэнд», что на иврите означает «сын Рэнд». Однако сам Брэнден отрицал это, упирая на то, что он совершенно не знает иврита{338}. Кстати, сама Айн Рэнд продолжала называть его

Натаном.

В январе 1953 года Натаниэль и Барбара поженились. Барбара стала миссис Брэнден (интересно, что от этой фамилии она не отказалась даже после развода). Свидетелями на свадьбе были Фрэнк и Айн. Какие чувства испытывала писательница, глядя на новобрачных? Понимала ли она, что скоро разрушит их счастье? Или, может быть, в тот момент она всерьез полагала, что ее увлечение Натаниэлем не выйдет за пределы дружеского общения?

Натаниэль и Барбара продолжали приводить к Айн Рэнд своих молодых знакомых, разделявших их увлечение романом «Источник». В течение нескольких последующих лет они участвовали в дискуссиях, происходивших в квартире Айн и Фрэнка по субботам. Постепенно эти молодые люди стали апологетами идей Айн Рэнд. Писательница, чувствовавшая себя комфортно в качестве новоявленного гуру, называла их «классом 43-го года» (именно тогда был впервые опубликован «Источник»). Сами они стали называть себя «Коллектив» — отчасти потому, что этот термин был полной противоположностью их индивидуалистским интересам. Несмотря на то что главным «спикером» на их встречах была обычно сама писательница, вечера никогда не превращались в некое подобие семинара или лекции. В какой-то момент Айн разрешила им прочесть незавершенную рукопись «Атланта…». Из членов «Коллектива», пожалуй, следует выделить упоминавшихся выше Алана Гринспена и Леонарда Пейкоффа: первый из них после смерти Айн Рэнд станет одним из самых влиятельных людей Америки, а второй — ее наследником. Сколь бы усталой ни была писательница, она никогда не отменяла субботних встреч, наслаждаясь ими так же, как и ее молодые гости.

Осенью 1954 года О'Конноры впервые за 25 лет совместной жизни отважились на путешествие за пределы страны. Натаниэль с сестрой Элейн и Барбарой собрался посетить родителей в Торонто. Айн и Фрэнк решили присоединиться к ним — несмотря на то, что Айн всегда побаивалась путешествовать, в особенности за пределы страны. Она настояла, чтобы они ехали на машине, так как боялась летать.

Поездка удалась. Айн наслаждалась возможностью впервые за несколько месяцев отдохнуть от работы. На обратном пути Фрэнк управлял автомобилем, Айн и Натаниэль сидели возле него, а Барбара и Элейн — сзади. Барбара заметила, что между ее мужем и Айн что-то происходит. Его рука обвивала ее плечи, ее рука была в его руке, их головы соприкасались. Смеясь и переговариваясь друг с другом, они отделяли себя от остальной

компании. Временами они обменивались многозначительными взглядами и не могли оторвать друг от друга глаз. Для Барбары поездка тянулась невыносимо долго, дорога вилась и вилась…

Они решили заночевать в отеле. Едва войдя в гостиничный номер, Барбара закричала:

— Она любит тебя! А ты любишь ее!

Тот с ужасом посмотрел на жену:

— О чем ты говоришь?

Барбара обрушила на мужа обвинения в измене, но он утверждал, что всё это выдумки и их отношения с писательницей по-прежнему не выходят за рамки дружбы. Быть может, он и впрямь тогда не отдавал себе отчета, что Рубикон был перейден. В ту ночь, измученные взаимными обвинениями, Барбара и Натаниэль почти не спали.

На следующий день в машине, едущей в сторону Нью-Йорка, царила тишина, нарушаемая лишь веселым щебетанием Элейн, ничего не знавшей о вчерашнем происшествии.

На следующий день после возвращения Айн позвонила Натаниэлю и сообщила, что хочет о чем-то серьезно поговорить. На пороге ее квартиры он был встречен вопросом: «Ты понимаешь, что произошло между нами два дня назад?» Понимал ли это Натаниэль? Он видел перед собой своего кумира, которого он обожествлял с четырнадцати лет… И вот теперь она внезапно стала так близка ему. Зачарованный Натаниэль ответил, что любит ее.

Что могло произойти дальше? Айн могла тайно встречаться с Натаниэлем, оставаясь женой Фрэнка, или развестись с мужем и связать свою жизнь с мужчиной, который был на 25 лет моложе ее. Или они могли прийти к выводу, что их любовь слишком неожиданна и нерациональна, и перестать видеться. Но Айн решила пойти на действия, на которые вряд ли решился бы кто-либо другой.

Через несколько дней она позвонила Барбаре и попросила ее прийти. В гостиной Барбара увидела бледного Фрэнка и взявшихся за руки Айн и Натаниэля. Потрясенная, она едва понимала, что говорит ей хозяйка дома. Та пыталась объяснить случившееся с точки зрения своей теории любви и сексуальных отношений:

> «Исходя из общей логики того, кто мы, исходя из общей логики того, что такое любовь и секс, — мы *должны* были полюбить друг друга… Однако в нашем чувстве нет ничего такого, что могло бы навредить или угрожать кому-либо из вас… Нет ничего такого, что

> изменит мою любовь к моему мужу или любовь Натана к его жене… Мы не предлагаем вам разрешить нам предаться любовной связи… Мы решили, что нам надо проводить друг с другом наедине один день в неделю, посвящая его самим себе… Это всё…»

Фрэнк и Барбара с облегчением переглянулись: речь шла не об интимных отношениях, а об интеллектуальном общении наедине! Они дали согласие на такое развитие отношений между Айн и Натаниэлем. Так началась эта драма, которая будет продолжаться до 1968 года и вовлечет в свою орбиту множество человеческих судеб.

Через несколько недель (по другим сведениям, через пять месяцев, в январе 1955 года) Айн и Натаниэль заявили Фрэнку и Барбаре, что хотят вступить в сексуальные отношения друг с другом. *Пока* они еще не нарушили четырехсторонний договор, но хотели бы получить согласие Фрэнка и Барбары, без которого эта связь недопустима. Обсуждение велось в течение нескольких недель. Поначалу Фрэнк и Барбара были решительно против, однако Айн снова начала убеждать их с позиций логики:

> «Это правильно и рационально, что Натан и я чувствуем по отношению друг к другу то, что мы чувствуем. Но так же правильно и рационально то, что наша сексуальная связь может длиться только несколько лет».

По словам Натаниэля, инициатором перехода их связи в иное качество был именно он. Однако стоит вспомнить, что Айн Рэнд, по-видимому, изначально считала подобные отношения правильными. Ведь именно так ведут себя почти все героини ее произведений: встречаются одновременно с двумя мужчинами, испытывая к обоим одинаковые чувства, более того, считают это совершенно нормальным и не страдают угрызениями совести. Так, в романе «Мы живые» Кира Аргунова состоит в отношениях с Лео Коваленским и чекистом Андреем Тагановым; Джоан Хардинг, героиня пьесы «Красная пешка», любит одновременно и осужденного Михаила Волконцева, и коммуниста Кареева; Дэгни Таггарт из «Атланта…» очень быстро забывает про Хэнка Риардена и влюбляется в Джона Голта; даже Доминик Франкон из «Источника», любя Говарда Рорка, выходит замуж за Питера Китинга, а потом за Гейла Винанда (здесь, правда, ситуация несколько иная, поскольку любит она лишь Рорка). Известно, что, когда Айн Рэнд спрашивали, можно ли быть влюбленным сразу в нескольких человек, она говорила, что это может быть позволено

«гигантам духа» (она явно имела в виду себя и Натаниэля). Однажды она ответила, что можно «быть наполовину влюбленным в двух разных людей одновременно».

Так что, по ее логике, в любви одновременно к Натаниэлю и Фрэнку, пожалуй, не было ничего ненормального. Другое дело, что ни Барбаре, ни тем более Фрэнку подобное развитие отношений не казалось естественным. Однако после тщетных попыток повернуть события вспять они вынуждены были согласиться на этот странный эксперимент: продолжать жить прежними семьями, разрешив Айн и Натаниэлю встречаться раз в неделю без каких-либо ограничений и условий. Все четверо принесли клятву до конца своих дней никому не рассказывать об этой странной договоренности.

Всё это время Айн продолжала писать «Атланта…». В январе 1955 года она полагала, что сможет завершить роман за три-четыре месяца. На деле на это ушло два года. Значительную часть этого времени она потратила на заключительную речь Джона Голта, занявшую 60 страниц. В течение этих двух лет она все время находилась на грани эмоционального срыва, работая по много часов в день, порой доводя себя до полного физического и интеллектуального истощения. Ее творческий потенциал достиг зенита, но продолжительное интеллектуальное переутомление, по свидетельству Барбары Брэнден, сопровождалось приступами ярости, чрезмерной подозрительностью, самовосхвалением, пренебрежением к интересам и чувствам других. К этому еще добавлялись ее запутанные отношения с Фрэнком и Натаниэлем.

Фрэнк, на время свиданий жены с Натаниэлем уходивший в ближайший бар, всё чаще стал находить утешение в алкоголе. В более поздние годы, после окончания романа Айн с Натаниэлем, его пагубная страсть стала одной из главных причин разлада в семье. Натаниэль также далеко не всегда возвращался после свиданий в веселом настроении. По словам Барбары, Айн зачастую была зла на него, и их встречи были полны взаимных упреков. Несмотря на то, что в результате в той или иной степени страдали все четверо, роман между Айн и Натаниэлем продолжался.

Главным утешением писательницы были встречи с «Коллективом», который притягивал к себе новых людей. В придачу к «основному» составу появился круг более юных поклонников, названный с подачи Айн Рэнд «младшим Коллективом».

Тем не менее к 1956–1957 годам, когда Айн Рэнд уже почти закончила «Атланта…», ситуация, казалось, начала несколько поправляться. Во-первых, все четверо участников договора стали

воспринимать отношения Айн и Натаниэля как естественную часть жизни. Во-вторых, когда работа над романом близилась к концу, Айн наконец-то научилась расслабляться и радоваться жизни, вновь стала выглядеть как влюбленная и любимая женщина: жесткие складки в уголках рта расправились, черты лица смягчились. Натаниэль продолжал работать и учиться в университете, а Барбара, получив степень магистра философии, начала работать в издательстве. А Фрэнк открыл в себе талант художника.

Это открытие он сделал для себя совершенно неожиданно. Во время одной из посиделок у О'Конноров Джоан Митчелл (Блюменталь) стала утверждать, что любой человек способен научиться рисовать, и, более того, вызвалась доказать это, дав несколько уроков рисования участникам «Коллектива». Некоторые, в том числе Фрэнк, согласились принять участие в этом эксперименте. После нескольких занятий с Джоан стало очевидно, что лишь у Фрэнка действительно есть художественные способности. Еще через какое-то время он стал посвящать всего себя рисованию и живописи, работая карандашом, пастелью и масляными красками. Он даже поступил на специальные курсы Лиги студентов-художников Нью-Йорка. Несомненно, это новое занятие отвлекало его от размышлений о проблемах личной жизни.

Айн стала искать издателя для своей книги. По контракту она должна была передать рукопись романа «Атлант расправил плечи» в издательство «Боббс — Меррилл компани», ранее опубликовавшее «Источник». Однако сама писательница не слишком хотела этого, помня, как неохотно там приняли «Источник» и как долго отказывались верить в его коммерческий успех. К ее несказанной радости, рецензенты издательства сочли, что «Атлант…» слишком объемен и требует сокращения. Айн, как и следовало ожидать, наотрез отказалась что-либо сокращать. В свою очередь, представители «Боббс — Меррилл» отказались печатать роман без редакторской правки.

Айн была только рада: теперь она спокойно могла предложить «Атланта…» какому-нибудь более известному и достойному издательству. В издательских кругах еще была жива память об ошеломляющем успехе «Источника». Когда прошел слух, что знаменитая писательница ищет издателя для своей новой книги, ее литературного агента Алана Коллинза стали осаждать представители различных агентств, мечтающих заполучить роман. В результате Айн и ее агент остановили свой выбор на четырех издательствах: «МакГроу-Хилл», «Кнопф», «Вайкинг пресс» и «Рэндом Хаус». По предложению Беннетта

Серфа из «Рэндом Хаус» Айн пошла на своеобразный эксперимент: провела встречу с представителями всех четырех издательств, чтобы решить, кто из них ей понравится больше. В результате самое благоприятное впечатление произвели на нее сотрудники «Рэндом Хаус» — с ним и был подписан контракт.

Теперь, на волне популярности, настал черед писательницы диктовать свои условия. Она потребовала 50 тысяч долларов аванса, 15 процентов от продаж, тираж в 75— 100 тысяч экземпляров и рекламный бюджет — и получила всё это без каких-либо дополнительных переговоров.

Оставалось только отредактировать роман. Но это было практически невозможно: Айн отвергала все предложения сократить речь Джона Голта или внести какие-либо другие изменения, за исключением самых банальных технических поправок. Была ли она права в своем упорстве? Сложно дать однозначный ответ. С одной стороны, нет никаких сомнений, что отдельные сокращения и стилистическая правка могли бы сделать роман более удобоваримым для читателя. (Большинство российских читателей, чьи отзывы мы нашли в Интернете, к примеру, считают, что третья часть книги неоправданно затянута, равно как и финальная речь героя.) С другой стороны, роман стал мировым бестселлером именно в том виде, в каком был напечатан, а значит, читатели приняли и поняли его именно в той форме, на которой настаивала Айн Рэнд.

Первый редактор романа, Хирам Хайдн, сдался довольно быстро и переложил сизифов труд на плечи Берты Крантц. Позднее та признавалась, что редактирование «Атланта…» было самым сложным заданием за всю ее редакторскую карьеру: Айн решительно сопротивлялась любым изменениям и поправкам, включая расстановку знаков препинания. Однако в конце концов они нашли общий язык и даже подружились.

Писательница была весьма польщена, когда Беннетт Серф попросил ее рассказать о книге на встрече с реализаторами продукции издательства. Один из присутствующих попросил писательницу кратко — «стоя на одной ноге»[42] — рассказать о ее философии, на что та, ни на секунду не задумавшись, подогнула одну ногу и ответила: «В метафизике — объективная реальность; в эпистемологии — разум; в этике — индивидуализм (употребленное ею слово «selfinterest» можно перевести также как «эгоизм» и даже «своекорыстие». — *Л. Н., М. К.),* в политике — капитализм».

За несколько дней до выхода романа «Коллектив» решил сделать автору подарок — организовать вечеринку в честь этого эпохального события. Гости собрались в специально снятом в

отеле зале, куда Фрэнк привел ни о чем не подозревавшую Айн. При появлении писательницы собравшиеся закричали: «Сюрприз!» — и побежали поздравлять ее. К их изумлению, она была неприятно удивлена и резко заявила: «Я не одобряю сюрпризов!» Практически весь вечер она была холодна и замкнута и только под конец немного оттаяла. Айн, с ее логическим умом, была принципиально против чего-то неожиданного.

Десятого октября книга с посвящением Фрэнку О'Коннору и Натаниэлю Брэйдену вышла в свет. Обложку украшала картина Фрэнка.

Реакция основной массы критиков на новый роман Айн Рэнд была еще более негативная, чем на ее предыдущие произведения: писательницу обвиняли во всех смертных грехах, а больше всего — в эгоцентризме и нежелании думать о ближних. Однако были и немногочисленные положительные оценки.

В рамках рекламной кампании Айн в первый раз пригласили на телевидение — на нью-йоркское шоу Майка Уоллеса «Ночной ритм». Несмотря на то что ведущий не разделял взглядов писательницы, она, по его признанию, очаровала своей харизмой всех его сотрудников. Лейтмотивом телефонных звонков и писем, шквалом обрушившихся на редакцию сразу после окончания передачи, было: «Ваша книга изменила мою жизнь».

Ошеломляющий успех «Атланта…» был во многом предопределен тем, что Айн Рэнд к моменту его выхода в свет уже была знаменитостью. Кроме того, на сей раз была организована тщательно продуманная рекламная кампания. По этим причинам роман появился в списке бестселлеров уже спустя три дня после публикации. К декабрю 1957 года он поднялся на третье место и держался в списке 22 недели. Общий тираж романа подсчитать невозможно; скажем лишь, что он переведен практически на все языки мира и пользуется неизменной популярностью и по сей день. В России «Атланта…» и другие произведения писательницы можно найти на полках даже самых захолустных книжных магазинов.

Последний роман

Парадоксально, но «Атлант расправил плечи» стал последним романом Айн Рэнд, находившейся на пике творческого успеха. Она написала еще множество философско-публицистических трудов, но не создала больше ни одного завершенного художественного произведения.

Отметим важную деталь: во время работы над «Атлантом…» ей изрядно помогал Фрэнк — не только своим безграничным терпением, с которым он выносил тяжелый характер жены, ее истерики и затянувшийся роман с Натаниэлем, но и советами. Сначала роман назывался «Забастовка»; потом Айн переименовала его в аристотелевской манере в «Первичный двигатель» и лишь по предложению Фрэнка перенесла название одной из глав — «Атлант расправил плечи» — на всю книгу. Кроме того, именно Фрэнк является автором одной из ключевых фраз романа, произнесенной одним из центральных персонажей, Франсиско Д'Анконией, после того, как он взорвал свои рудники: «Брат, ты просил меня об этом!» Отметим, кстати, что само имя Франсиско Д'Анкония явно перекликается с полным именем Фрэнка — Фрэнсис О'Коннор.

Один из эпизодов занимательно связывает первый роман Айн Рэнд «Мы живые» с ее последним романом «Атлант расправил плечи». Как мы помним, Кира Аргунова, альтер эго автора, школьницей «карабкалась на пьедесталы статуй в парках, чтобы поцеловать холодные губы греческих богов», среди которых могла быть и статуя титана Атланта (Атласа), держащего на плечах небесный свод.

Знаменателен диалог между персонажами «Атланта…»:

«— Мистер Риарден, — голос Франсиско звучал спокойно и серьезно. — Скажите, если бы вы увидели Атланта, гиганта, удерживающего на своих плечах мир, если бы увидели, что по его напряженной груди струится кровь, колени подгибаются, руки дрожат, из последних сил тщась удержать этот мир в небесах, и чем больше его усилие, тем тяжелее мир давит на его плечи, что бы вы велели ему сделать?

— Я… не знаю. Что он может поделать? А ты бы ему что сказал?

— Расправь плечи».

По-английски роман называется «Atlas Shrugged». Классический словарь Уэбстера толкует глагол «to shrug» как «поднимать или втягивать плечи, особенно для выражения отчужденности, безразличия или неуверенности». Следовательно,

название романа Айн Рэнд можно трактовать таким образом, что Атлант не героически расправляет плечи, а отстраненно и безразлично пожимает ими, сбрасывая с себя тяжесть надоевшего ему мира. Тем не менее, учитывая, что у русскоязычного читателя уже сложилось представление именно о «расправленных» плечах Атланта, мы не будем исправлять эту ошибку.

Для автора Атлант олицетворял титана, не смирившегося с наказанием за свою борьбу против олимпийских богов. Айн Рэнд в трехтомном романе раскрутила колоссальную метафору и возвеличила борца.

(Надо отметить, что образ «распрямившегося», освободившегося от непомерной ноши титана использован задолго до Айн Рэнд Евгением Замятиным в романе «Мы», один из героев которого говорит: «Разве не казалось бы вам, что вы — гигант, Атлас — и если распрямиться, то непременно стукнетесь головой о стеклянный потолок?» Многие критики считают, что и стилистика, и концептуальные мысли «Атланта…», как и «Гимна», «Источника» и «Мы живые», безусловно, навеяны опытом жизни автора в Советской России{339}.

А вот другое интересное предположение. Насколько нам известно, до сих пор никто не пытался сравнить «Атланта…» и знаменитое эссе французского философа Альбера Камю «Миф о Сизифе», опубликованное в 1942 году, почти в то же время, когда Айн Рэнд начала работу над своим главным романом. На наш взгляд, параллель между двумя этими работами прямо-таки бросается в глаза: Сизиф и Атлант — два героя греческой мифологии. Однако насколько разные решения, по сути, одной экзистенциальной проблемы предлагают авторы: если Атлант у Рэнд безразлично пожимает плечами, не желая нести на себе тяготы мира, то «Сизиф» у Камю вытирает со лба пот и вновь катит в гору свой непосильный груз, не обращая внимания на абсурдность ситуации. По нашему мнению, «Атлант…» вполне мог быть написан в качестве эгоистического ответа на работу Камю, как известно, придерживавшегося умеренных социалистических взглядов.

Приступив через год после издания «Источника» к осмыслению новой задачи, Айн Рэнд в своем дневнике отметила:

> «Я собираюсь показать, как отчаянно мир нуждается в главных движущих силах и как злобно он ведет себя по отношению к ним».

Она проиллюстрировала эту мысль убедительным сравнением: так тело, умирающее от анемии, относится к сердцу. Основой романа является придуманный Айн Рэнд

фантастический случай, парадоксальный сюжетный ход: промышленники, конструкторы, бизнесмены — люди свободного рынка — объявили забастовку, отказались участвовать в общественном производстве, потому что им мешают бездарные государственные чиновники. Эта новизна фабулы дала возможность автору показать и жизнь индивида, и функционирование общества и придала занимательность сюжету.

Такое содержание определило жанровое своеобразие последнего романа Айн Рэнд: в нем соединены фантастика и реализм откровенно социального содержания. Это роман-антиутопия, рисующий выразительные картины будущего капиталистической Америки. Рай Айн Рэнд поместила в горах Колорадо, в «Ущелье Голта». Так что здесь, в отличие от «Гимна», антиутопия сочетается с живыми чертами пространства и действиями персонажей.

Александр Эткинд считает, что изобретенный писательницей жанр — это «сочетание философского романа с эротической авантюрой»{340}. Есть еще определение «Атланта…» как книги вне литературных категорий. Огромный, тысячестраничный текст выстроен в железной логике раскручивания концептуальной идеи и любимой писательницей антитезы индивидуализм — коллективизм, такой характерной для художественного мышления Айн Рэнд. В первой части романа читатели знакомятся с главными героями; вторая часть посвящена историям персонажей, а также интриге, связанной с поисками автора уникального изобретения; третья часть демонстрирует победу «атлантов» над государственными чиновниками, приведшими страну к краху. Противостояние сторон проиллюстрировано, к примеру, так: в знак протеста против действий чиновников хозяин нефтяных скважин Уайэтт поджег их, и потребовалось более трех месяцев, чтобы потушить пожар. Газетчики назвали день поджога «памятным днем для маленького человека». Айн Рэнд делает факел Уайэт-та сквозным образом огромного текста, символом пылающей Америки.

Положительные герои произведения — конечно, «забастовщики», талантливые люди, творцы нового мира, «гении». Главная задача автора в «Атланте…» — представить «идеального человека — последовательного, полностью интегрированного в мир, совершенного». Она заявлена писательницей на первой же странице интригующим вопросом: «Кто такой Джон Голт?» — ответ на который дается только в самом конце книги, удивительным образом связывая главных героев с этим таинственным персонажем. В дневниковой записи Айн Рэнд наметила такие связи: для главной героини, наследницы

железнодорожного магната Дагни Таггерт Джон Голт — идеал, в котором соединились гений и возлюбленный; для промышленника Хэнка Риардена — друг; а для Франсиско Д'Анконии — аристократ. Человек, олицетворяющий собой вызов. Кто-то видит в Голте якорь, «который дает ощущение почвы и корней», а кто-то — источник вдохновения, идеального слушателя и даже реальное воплощение абстрактных размышлений философа. Для противников он — вечная угроза, источник внутреннего конфликта, упрек и напоминание. Для автора же он — идеальный герой.

Джон Голт, ставший великим ученым и изобретателем, — человек из глуши, не имевший ни денег, ни родных, ни связей. Сын механика с заправочной станции, он в 12 лет покинул дом, чтобы добиться в жизни успеха. В 16 лет он обрел таких же талантливых друзей: Франсиско Д'Анконию — самого богатого наследника на свете, который станет великим промышленником, и Рагнара Даннес-кьолда, будущего великого философа. Они с первого взгляда признали друг в друге единомышленников.

Будучи студентами, эти трое специализировались по физике и философии. Именно профессор философии Хью Экстон стал духовным отцом молодых гениев. Он осознавал, что эти студенты обречены «быть принесенными в жертву», поскольку мир катится в бездну, подталкиваемый людьми, которые считают, что потребность выше способности, а жалость выше справедливости.

Зато другой преподаватель, физик Роберт Стэдлер, был разочарован этой троицей. Они, по его убеждению, могли когда-нибудь изменить мир. Поскольку «земля по природе своей — царство зла и у добра нет ни малейшего шанса одержать над ним победу», человек такой интеллектуальной мощи, как Голт, мог стать только неквалифицированным рабочим, «удивительный созидатель богатства» Д'Анкония — прожигателем жизни, а «светоч просвещения» Даннескь-олд — воплощением насилия. Стэдлера огорчало, что у них, согласно немецкой пословице, есть возможность выбирать, но нет возможности избежать выбора.

Они его и не избежали — возглавили бунт против государства.

Попутно отметим: у Айн Рэнд идеальный герой — всегда выходец из низов, сделавший сам себя: большевик Андрей Таганов из романа «Мы живые», изобретатель-самоучка Равенство 7-2521 из повести «Гимн», Говард Рорк из «Источника», Джон Голт из ее последнего романа.

Но в замысловатой композиции романа «Атлант расправил плечи» замечательная троица до поры до времени находится в тени главных героев — наследницы железнодорожного

промышленника Дагни Таггерт и создателя уникального металла Хэнка Риардена.

Дагни любит железную дорогу, как в школе обожала математику. Глядя на машины, она всегда ощущает уверенность и радость. У нее «есть сила выстоять против всех. Сила не признавать ничьей воли, кроме своей собственной». Дагни, продолжая дело своего предка Нэта Таггерта, осознаёт ответственность за дело семьи, поэтому держится до последнего, не примыкает к забастовщикам. Любовь к своему делу, несвобода от обязанностей перед людьми не позволили Дагни остаться в долине Голта, которая «не государство, не община, а добровольное объединение людей, не связанных ничем, кроме личных интересов каждого», и готовых принять ее в свое забастовочное братство.

Хэнк Риарден тоже не присоединился к бунту интеллектуалов. Он предстает перед читателем в характерном стиле Айн Рэнд: стройный, превосходящий окружающих ростом. «В молодости он казался старым, а сейчас, в свои сорок пять, молодым». Хэнк изобрел новый металл — «самое важное из всего происходящего сегодня в мире», по мнению Дагни. Она называет Хэнка «человеком Земли»: «…он — человек, которому принадлежит Земля, который на Земле — дома». Риарден презирает не роскошь, а тех, кто ею наслаждается. Близость этих ярких персонажей автор преподносит как тождество их достижений, а их любовь — как торжество их воли к жизни.

Совсем иначе автор описывает поведение и психологию антигероев — к примеру, инфантильного Эдди Уиллерса, с детства влюбленного в Дагни, внимающего ей с восхищением и удивлением. Эдди хотел бы заниматься чем-нибудь «правильным», «совершить что-нибудь великое»: победить в сражении, спасти людей из огня или подняться на вершину горы. Почему? Потому что в прошлое воскресенье священник говорил, что всегда надо искать в себе лучшее. Теплого, человечного Эдди, описанного в романе с язвительной иронией, очень жалко. А это не героично.

Еще один антигерой — Джеймс Таггерт, брат Дагни. Свои взгляды на жизнь Джеймс формулирует так: «Признаком добродетели является отсутствие счастья. Если человек несчастен, несчастен реально, по-настоящему, это означает, что он принадлежит к числу высших созданий, обитающих среди людей». Эгоистичная жажда личной выгоды отошла в прошлое, считает Джеймс. Сегодня все знают, в любом деловом предприятии всегда следует отдавать предпочтение интересам общества в целом. Джеймс критикует сестру за то, что она

«расходует свою жизнь на сооружение железнодорожных путей и мостов не ради высшего идеала, но только потому, что ей нравится строить». Как видим, он — антипод положительных героев Айн Рэнд.

Писательница рисует целую галерею третьестепенных персонажей. Вот в поезде «Комета» беседуют разные люди. В их уста писательница вкладывает почти афористичные высказывания о личности, разуме, коллективизме, частной собственности. Так, профессор социологии верит, что всё на свете — результат коллективных достижений. Журналист руководствуется чувством, ставит эмоции выше знаний. Учительница превращает беззащитных детишек в жалких трусов, полагая, что им не надо внушать мысли о значимости их личности. Профессор экономики оправдывает ликвидацию частной собственности и считает, что в промышленном производстве разум не имеет значения. Адвокат формулирует свое кредо: приспособиться к любой политической системе.

Контраст, четкое разделение по принципу «черное и белое» — важнейший прием Айн Рэнд при формировании системы персонажей. Очевидно, для облегчения восприятия огромного произведения антитеза конструируется самым простым способом — с помощью самоидентификации действующих лиц.

В писательском почерке Айн Рэнд невозможно не увидеть удивительную логику и оригинальность ее творческого мышления, разрушение стереотипов. Еще будучи начинающей писательницей, она, подражая О. Генри, придумывала для своих маленьких рассказов парадоксальные ситуации, неожиданные концовки.

Этот стиль Айн Рэнд ярко демонстрирует история Рагнара Даннескьолда, этакого Робин Гуда наоборот: он захватывает государственные суда, доставляющие сталь из Америки в некую Народную Республику Германию; организовывает пиратскую добычу угля в брошенных шахтах, сплачивает людей из голодающего поселка.

Даннескьолд — молодой человек, с хриплым голосом и темными злыми глазами, обладающий в представлении Айн Рэнд «красотой физического совершенства»: «…твердые, гордые черты, презрительный изгиб губ, как у скульптурного изображения викинга». Рагнар — парадоксальный пират: он ни разу не завладел частной собственностью, грабит бедных и отдает деньги богатым. Он — противоположность герою средневековых английских баллад Робин Гуду, получившему от автора нелестную характеристику: «…первый человек, обретший ореол добродетели, занимаясь благотворительностью с помощью

богатства, которое ему не принадлежало… Он стал символом идеи, провозгласившей, что нужда, а не достижение — источник прав, что мы должны не производить, а хотеть, и что заработанное нам не принадлежит, а принадлежит незаслуженное». Дан-нескьольд считает талант единственной ценностью и утверждает, что в «народных республиках Европы» (видимо, писательница имела в виду страны социалистического блока) «люди… живут на милостыню от их собственных грабителей». Меткая и едкая характеристика, достойная Оруэлла! Так Айн Рэнд смело переворачивает традиционный взгляд на привычные вещи и создает новую модель взаимоотношений человека с собственностью.

Проблематика текстов Айн Рэнд заставляет задуматься о ее художественном методе, о природе ее беллетристического дара. Леонард Пейкофф, ученик и наследник Рэнд, свидетельствует, что еще при ее жизни читатели часто задавались вопросами: кто она — философ или писательница? в чем ее философия?

Человек, декларировала Айн Рэнд, — существо героическое. Для него моральная цель жизни — собственное счастье, творчество — самая благородная деятельность, а разум — единственный абсолют. Поэтому идея написания философской книги была для нее скучна. Писательнице было важно воплотить новое знание о совершенном человеке в форме художественного произведения. Поэтому Рэнд «одевает» свою концептуальную идею в необходимый ей для аргументации художественный материал. Таков ее творческий метод. Таким образом, книги Рэнд-беллетриста являлись наглядными пособиями, иллюстрирующими философию Рэнд-мыслителя. Такое своеобразие мышления и способа самореализации, считала сама писательница, сближает ее с идеальным героем Джоном Голтом, философом и изобретателем, мыслителем и человеком действия в одном лице. Таким образом, последний роман Айн Рэнд писала в определенном смысле о себе. Впрочем, практически в каждом ее художественном произведении есть персонажи с ее чертами.

Поражает способность Айн Рэнд предвидеть последствия разложения капиталистического государства. Некоторые исследователи считают, что в рассказе о забастовке предпринимателей писательница спародировала управленческую деятельность президента Рузвельта{341}. Но есть тут и безусловная параллель с Советским Союзом. Основа ее предвидения — глубокое понимание законов социума, а также сублимация болезненного опыта коллективизма, пережитого в Советской России.

В романе «Атлант расправил плечи» правительство, видя, что

самые талантливые бизнесмены один за другим уходят с арены предпринимательства, решило ввести нормирование продажи топлива, чтобы защитить важнейшие предприятия. Был принят специальный *Закон справедливой доли,* однако никто не знал, как его понимать. Общество должно было действовать из соображений целесообразности. Скоро нормы угля стало хватать на отопление домов всего в течение трех часов в день. Не было ни дров для печей, ни металла, чтобы эти печи изготовить, ни инструментов, чтобы установить новое оборудование в домах. Закрылись магазины электроприборов и автозаправочные станции, из магазинов исчез керосин. Работали лишь бакалейные лавки да питейные заведения. Только индустрия развлечений в ту зиму пережила подъем. (Бывшие жители СССР легко найдут сходство с экономической ситуацией после развала великой страны.)

Производители были связаны по рукам и ногам гордиевым узлом бесконечных директив и законов, ставших реальной угрозой их существованию, потому что не нарушить какой-то закон или директиву было невозможно. (Здесь писательнице аплодировали бы деловые люди и в СССР, и в постсоветской России.) Например, клиент мог не получить заказанный груз, так как он был перераспределен в пользу *Бюро помощи зарубежным странам* для *Народной Республики Англии.* Не пустовал и алтарь общественной пользы: Бюро помощи зарубежным странам продало в *Народную Республику Германию* то, что было предназначено для одной из железных дорог, где в любую минуту мог рухнуть мост. Вымерли целые города, заброшены шахты, так как никто не мог оплатить их эксплуатацию. На сомнительных распродажах можно было купить у подозрительных типов различные механизмы. Лучшие работники страны стали обмениваться услугами по бартеру, жить по закону джунглей, ловя случайную работу, обманывая и воруя. Эти картины разрушения страны Айн Рэнд не придумала — они взяты из истории покинутой ею родины.

Правительственная директива № 10-289 активно внедряется, создан *Комитет укрепления духа,* лидеры которого, пишет автор, не считают возможным позволить себе роскошь думать. Жители переведены на государственное пособие. Но в опустевших закромах страны нельзя срочно найти продовольствие, поэтому по приказу *Совета Равноправия* у фермеров одного из штатов конфисковано семенное зерно. Не напоминает ли это страшный опыт советской коллективизации?

Люди стали красть болты и гайки с железнодорожных шпал. Предприятия содержали штат грабителей. Появились постыдные

понятия «разрешение на перевозку», «транспортная протекция». Вслед за этим откуда-то вынырнули необыкновенно мобильные люди, исповедующие новую веру; они заключали сделки с доведенными до отчаяния промышленниками, договаривались о покупке товаров по бросовым ценам — и набивали карманы деньгами. Появились «прогрессивные бизнесмены нашего динамичного века» — торговцы протекциями, которых народ окрестил «блатмейстерами». Каким образом Айн Рэнд с такой удивительной точностью смогла предвидеть события «лихих девяностых» в постсоветской России?

Каким сарказмом проникнуты строки, посвященные Эмме Чалмерс, предложившей проект «Соя», который покончит с национальным продовольственным кризисом, и рассказ о Комитете укрепления духа, истратившем пять миллионов долларов на представления труппы народной оперы, тогда как люди не имели сил дойти до оперного театра, и заплатившем семь миллионов психологу за проект «разрешения всемирного кризиса путем изучения природы братской любви»!

Не соблюдалось расписание поездов. Ни одна договоренность не могла быть выполнена из-за необъяснимых распоряжений «единственного арбитра в чрезвычайных обстоятельствах США» Каффи Мейгса, реформы которого направлены на отказ от рыночной экономики. «Случилось всё же признание непризнаваемого: объявлен всемирный кризис» — так язвительно Айн Рэнд завершает описание распада государства, где моральной основой для людей стали постулаты: бедные ничего не добьются, пока не истребят богатых; если отменим частную собственность, то получим самое справедливое распределение богатства.

И всё же роман наполнен оптимизмом, так что его уникальное воздействие на американского читателя не случайно. Подобное влияние испытывали первые читатели ранних романтических рассказов Максима Горького или позитивных футуристических картин Николая Чернышевского. Оптимизм «Атланта…» сформирован самым рецептом выздоровления тела, «умирающего от анемии». А основа рецепта — признание человека героического, творческого, свободного, воплощения высокой мечты писательницы об идеальном герое, целеустремленном, счастливом, с чистыми помыслами.

Но на что всё-таки рассчитывала Айн Рэнд, убеждая своего читателя «не совершать самопожертвования»? Возможно, она даже не задумывалась над тем, что ее книги когда-нибудь прочтут и ее соотечественники, на генетическом уровне несущие русскую культуру, веками сформированную на принципах коллективизма

цивилизацию, которые никогда не смогут принять многие идеи писательницы. А отрицание Бога и религиозного чувства? Как могут верующие русские люди принять, что человек «никогда не должен пытаться сделать что-либо для, с помощью или посредством других»?

К роману есть масса других претензий.

Включенная в произведение семидесятистраничная речь Голта на суде — де-факто изложение созданной Айн Рэнд философии объективизма. Поэтому она писала эти, такие важные для нее самой, страницы целых два года и категорически отказывалась сокращать их, несмотря на уговоры редакторов и издателей. Конечно, вставка философского трактата в литературное произведение — не самый лучший художественный прием. Впрочем, этим же грешил и неоднократно упоминавшийся нами Владимир Набоков: в монументальный роман «Ада» он включил философский трактат Ван Вина о текстуре времени.

Моделирование художественного мира на основе философской проблемы, разрешаемой автором, — характерная черта творческого почерка Айн Рэнд. Такое содержание — как бы остов строения, но еще не здание. Вряд ли можно утверждать, что «Атлант расправил плечи» — это литературное произведение, имеющее, по выражению знаменитого литературоведа и культуролога Ю. М. Лотмана, «сложно построенный смысл». Поэтику романа, прямо скажем, не украшают избыточность и длинноты, а также одномерные романтические идеальные герои, в которых, безусловно, есть что-то голливудское, костюмированное. Впрочем, возможно, именно поэтому роман так нравится многим миллионам читателей в самых разных уголках планеты, воспитанных на кинопродукции Голливуда со всеми ее недостатками и достоинствами.

И всё же «Атлант расправил плечи» — новый шаг в творчестве писательницы, новая высота художественного обобщения философских идей — и последняя художественная книга Айн Рэнд, которой она отдала всю себя, до донышка.

Институт Натаниэля Брэйдена

Как бы странно это ни звучало, но период после окончания работы над «Атлантом…» стал для писательницы сплошной черной полосой. Что делать дальше? Чем занять себя? Она чувствовала себя истощенной, исчерпанной, ненужной. Она полностью выразила себя как автор, создав идеальный роман, идеального героя, высказав все свои идеи. Недаром после публикации романа Айн Рэнд не смогла создать ни одного законченного художественного произведения, хотя и пробовала продолжить писательскую карьеру: в 1957 году она начала набрасывать роман «К Лорну Дитерлингу», а в 1959-м — роман или пьесу «Внутренняя история» («История для своих»)[{342}].

Фрэнк… Он больше не помогал — выслушав ее очередной отчаянный монолог, он возвращался в мир своих холстов. Натаниэль? Все свои жизненные тяготы и страдания она попыталась переложить на его плечи. Однако молодой человек, к тому же связанный узами брака с другой женщиной, был не самой лучшей опорой, несмотря на то, что почти каждый день они часами разговаривали по телефону, а два-три раза в неделю встречались. Именно в это время сексуальная сторона их отношений стала постепенно сходить на нет.

Нелады начались и в «Коллективе». Всё больше его участников осуждались Айн и Натаниэлем за какие-либо прегрешения. Происходило это, как правило, публично, во время посиделок у О'Конноров, а сама Айн зачастую выступала в роли безжалостного обвинителя, подобно Джону Голту в «Атланте…». В результате, как вспоминает Барбара Брэнден, философия индивидуализма и радости во многом превратилась для членов «Коллектива» в источник страха и подавления естественных чувств и эмоций.

Выход из ситуации был найден в 1958–1959 годах — создание специальной структуры по распространению идей объективизма. Концепцию разработал не кто иной, как Натаниэль Брэнден, отсюда и название: Лекции Натаниэля Брэйдена, а с 1961 года — Институт Натаниэля Брэйдена (Nathaniel Branden Institute — NBI). Как у него возникла эта идея? Дело в том, что после выхода «Атланта…» на писательницу обрушился шквал писем с вопросами о ее философии и подходе к различным проблемам экономики, политики и финансов. Естественно, сама она ответить на все просто физически не могла — слишком велико было их количество.

Натаниэлю пришла в голову мысль: почему бы не

попробовать организовать специальные курсы, на которых люди, заинтересовавшиеся идеями Айн Рэнд, могли бы найти ответы на свои вопросы? Он придумал цикл из двадцати лекций, названный им «Основные принципы объективизма» и включавший в том числе обсуждение еще не опубликованных статей писательницы.

Сама Айн отнеслась к этому начинанию с некоторым скепсисом. Ей казалось, что в современном иррациональном мире никто не захочет слушать лекции об объективизме и проект окажется провальным. Однако позднее она согласилась с тем, что лекции будут читать Натаниэль, Барбара и другие члены «Коллектива», а она будет только присутствовать и отвечать на вопросы после каждой лекции. Получив ее разрешение, Натаниэль и Барбара начали действовать: соорудили у себя в квартире импровизированный офис и стали рассылать сообщения об открытии курсов корреспондентам Айн Рэнд, авторам наиболее ярких и интересных писем.

Лекции стартовали осенью 1958 года и проходили в небольшом зале в одном из недорогих нью-йоркских отелей. Первоначально записались 28 человек. В феврале 1959 года у них было уже 65 слушателей. Брэйдены стали давать объявления о курсах в газетах, и в результате с каждым новым семестром количество слушателей увеличивалось вдвое. Они были самого разного возраста — от шестнадцати до шестидесяти лет, однако основную массу составляли тридцатилетние интеллектуалы. Вскоре они стали требовать организовать лекции по другим проблемам, и Брэйдены предложили другим участникам «Коллектива» выступить в качестве преподавателей. Алан Гринспен читал курс «Экономика свободного общества», Леонард Пейкофф — «Критическую историю философии», Мэри Энн Рукавина — «Эстетику изобразительного искусства», Барбара — «Основы эффективного мышления», а сам Натаниэль — два курса по психологии.

Вскоре Институт Натаниэля Брэйдена переехал в более просторное здание, а лекции, записанные на кассеты, стали слушать люди в тридцати городах США! Всё это впечатлило Айн Рэнд и вывело ее из продолжительного интеллектуального вакуума, образовавшегося после публикации «Атланта…». Она вновь почувствовала, что нужна. Теперь она знала, что надо делать: нести свои идеи в массы.

Именно этим она и занималась все последующие годы. Айн стала принимать участие в различных программах, лекциях и событиях Института Натаниэля Брэйдена. Она никогда не упускала возможность ответить на вопросы после лекций, проходивших в Нью-Йорке, а также обсуждала с лекторами

содержание занятий. Кроме того, она принимала участие в рекламной кампании, направленной на популяризацию деятельности Института.

Результат не заставил себя ждать. В 1963 году, когда Айн вместе с Натаниэлем поехала на первую лекцию в Сан-Франциско, для них был заказан зал на 250 человек, а пришли 500. Представители Института в Лос-Анджелесе на всякий случай арендовали зал на 600 мест — пришли 1100. Подобный ажиотаж встречал Натаниэля и его наставницу, куда бы они ни приехали.

Всплеск интереса к идеям Айн Рэнд вскоре стали замечать и университетские преподаватели, и средства массовой информации. Джон Чемберлен, репортер «Уоллстрит джорнэл», написал: «Заседая в кабинках закусочных в студенческих кампусах, юные рэндисты говорят о своем интеллектуальном лидере так, как их отцы и матери поколение тому назад говорили о Карле Марксе…» Вскоре в различных университетах как грибы после дождя стали возникать студенческие клубы и общества по обсуждению идей писательницы. Леонард Пейкофф прочитал курс лекций «Объективистская теория познания» в Денверском университете. В 1962 году издательство «Рэндом Хаус» опубликовало книгу «Кто такая Айн Рэнд?», состоящую из биографического очерка, написанного Барбарой, и анализа произведений писательницы, сделанного Натаниэлем. К осени 1963 года циклы лекций Института Натаниэля Брэйдена читались в пятидесяти четырех городах США и Канады. В следующем году их посещали 3500 слушателей, а еще несколько тысяч прослушали отдельные лекции. Институт открыл собственное издательство «NBI Press», где печатались брошюры и книги Айн Рэнд и членов «Коллектива» по вопросам политики, экономики и философии.

После публикации «Атланта…» писательница стала получать многочисленные приглашения прочесть лекцию или встретиться со студентами. Пребывая в постоянном пессимизме, она поначалу не была настроена на подобные мероприятия. Однако с развитием деятельности Института Натаниэля Брэйдена ее настроение стало меняться. В 1960 году она решилась на первую встречу со студентами и преподавателями юридического факультета Йельского университета. Несмотря на то что аудитория была набита под завязку сторонниками социалистических взглядов, успех лекции был ошеломительный. Вскоре Айн провела подобные встречи в Принстонском и Колумбийском университетах, Колледже Хантера, Университете Джона Хопкинса и многих других учебных заведениях США. Практически везде повторялось одно и то же: множество

студентов и преподавателей приходили, чтобы посмеяться и посвистеть, а в результате задавали вопросы и аплодировали. Какой бы величины зал ни подготовили организаторы, в последний момент его приходилось менять на более вместительный — так много людей хотели ее послушать. Айн, несмотря на небольшой рост и сильный русский акцент, была на удивление сильным оратором, разговорным английским языком владела в совершенстве. Особо следует отметить ее умение резко и хлестко отвечать на неожиданные и порой провокационные вопросы и реплики.

Всё это время, несмотря на финансовый успех, она продолжала жить крайне скромно. В 1962 году она вела специальную еженедельную колонку в газете «Лос-Анджелес таймс», в которой рассуждала о различных современных проблемах с точки зрения объективизма[43]. В 1963 году преподаватели Колледжа Льюиса и Кларка в Портленде, штат Орегон, пригласили ее получить степень почетного доктора гуманитарных наук. Чтобы не тратить время на поездку на поезде или автомобиле, она впервые заставила себя преодолеть страх перед полетами.

Барбара Брэнден и некоторые другие очевидцы отмечали, что зачастую студенты были ошеломлены резкостью и категоричностью суждений Айн Рэнд, а также отсутствием у нее такта по отношению к слушателям. Особенно часто это наблюдалось во время сеансов вопросов и ответов после лекций: порой желчным ответом на чей-то неудачный, по ее мнению, вопрос Айн могла раздавить несчастного, вместо того чтобы по-преподавательски аккуратно исправить его ошибку.

Писательницу окружали восторженные почитатели, видящие в ней новоявленного мессию капиталистического мира. Барбара и Натаниэль, активнейшие распространители ее идей, тоже были покрыты аурой ее непререкаемого авторитета. В результате, как об этом позднее писали многие биографы и исследователи взглядов Айн Рэнд, движение объективизма превращается в настоящий тоталитарный культ личности писательницы и двух ее адептов. Как будут позднее вспоминать Брэндены, любое сказанное Айн слово предлагалось воспринимать как истину в последней инстанции; с ней нельзя было спорить, от нее нельзя было ничего скрывать. Если кто-то из учеников «сходил с правильного пути», писательница начинала публично обсуждать его поступки. Американские родственники, встречавшиеся с ней в эти годы, вспоминали, что вместо теплоты и отзывчивости получили холодный прием «королевы на троне». Они же отмечали, что Натаниэль стал выполнять при ней роль слуги, и ей

это явно нравилось.

Философ, публицист и общественный деятель

Пожалуй, именно на 1960-е годы приходится пик писательской популярности Айн Рэнд. В связи с общим ростом интереса к ее творчеству о ней начинают писать газеты и журналы — в основном в негативном ключе. Однако, как известно, черный пиар — тоже показатель градуса популярности. После того как заметку об Айн Рэнд опубликовал правительственный «Отчет конгресса», Беннетт Серф шутя сказал писательнице: «Теперь… для вас осталась только одна вершина, которую необходимо покорить. Я имею в виду, конечно, “Плейбой”!»

Вскоре Айн покорила и эту вершину. В марте 1964 года знаменитый мужской журнал поместил на своих страницах интервью с писательницей (кстати, тогда ей было 59 лет). В ту эпоху журнал печатал не только фотографии оголенных девиц, но и интервью с такими властителями дум, как Владимир Набоков, Жан Поль Сартр и Эрнест Хемингуэй. В интервью речь шла, кстати, в основном не о вопросах пола и сексуальных отношений, а о политике, философии, экономике. Относительно творчества Набокова Айн заявила:

> «Я прочла только одну с половиной книгу [Набокова]; этой “половинкой” оказалась “Лолита”, которую я не смогла закончить. Он прекрасный стилист, он красиво пишет, но его характеры, понимание жизни и взгляд на человека столь порочны, что никакой объем художественного дара не сможет их оправдать»[{343}].

Несомненно, Набоков тоже знал о произведениях Айн Рэнд, о чем свидетельствует, к примеру, тот факт, что герой «Лолиты» Гумберт Гумберт и его юная пассия, странствуя по Америке, смотрят фильм «Источник» — тот самый, снятый по одноименному произведению Айн Рэнд в 1949 году. Следовательно, писатель либо смотрел этот фильм, либо как минимум слышал о нем[{344}]. Однако не факт, что Набоков знал о происхождении писательницы, а также об антисоветском романе «Мы живые», который, пожалуй, мог бы его заинтересовать. Кроме того, он, конечно, не мог соотнести имя американской иммигрантки с еврейской девушкой, посещавшей его дом в Петрограде в 1917 году.

В шестидесятые годы Айн Рэнд переходит от создания

художественных произведений к написанию книг и брошюр с изложением своих философских, политических, социальных и культурологических идей. Впоследствии она тоже продолжала писать публицистику, но именно в это десятилетие Айн Рэнд были опубликованы основные труды, демонстрирующие ее подход к самым разным проблемам.

В 1961 году выходит первый подобный сборник — «Для нового интеллектуала». Эту книгу можно считать соединительным звеном между писательской карьерой Айн Рэнд и началом ее пути как публициста и философа. Она представляет собой своеобразную хрестоматию важнейших цитат из четырех романов писательницы, предваренных длинным эссе, в котором автор утверждает, что Америка и западная цивилизация в целом отчаянно нуждаются в новой философии и новых интеллектуалах. Айн Рэнд рассматривала эту книгу как своеобразную «культурологическую рекламу» своих романов, переизданных в это время в мягких обложках. Успех сборника был колоссален — продажи превысили миллион экземпляров. Впрочем, к тому моменту писательнице уже было не привыкать к тому, что всё выходящее из-под ее пера пользовалось колоссальным успехом.

Этот сборник был последней книгой Айн Рэнд, выпущенной издательством «Рэндом Хаус». Вскоре после его выхода в свет она передала издательству второй сборник своих статей, включавший, среди прочего, эссе «Новые границы фашизма», в котором указывала, что в речах президента Джона Кеннеди она замечает фашистские идеи. Поначалу издатели с энтузиазмом приняли рукопись, однако позднее попросту испугались — и попросили автора убрать из нее антипрезидентское эссе. Однако, как мы знаем, Айн Рэнд никогда не шла на компромиссы — и уж тем более сейчас, на пике славы. Естественно, она отказалась и разорвала отношения с издательством. Все ее последующие книги вышли в издательстве «Новая американская библиотека» («New American Library»).

В 1962 году Айн и Натаниэль начинают издавать небольшой — всего в четыре страницы — ежемесячный «Информационный бюллетень объективизма» («The Objectivist Newsletter»), редактором которого становится Барбара. Бблыиая часть эссе для него писалась Айн и Натаниэлем, но иногда там появлялись статьи других членов «Коллектива», прежде всего Леонарда Пейкоффа, Алана Гринспена и Барбары Брэнден. В 1966 году бюллетень превратился в шестнадцатистраничное издание «Объективист» («The Objectivist»); под этим названием он выходил до 1971 года, а потом был переименован в «Бюллетень Айн Рэнд» («The Ayn Rand Letter»; 1971–1976).

В 1964 году выходит «Добродетель индивидуализма: Новая концепция эгоизма» («The Virtue of Selfishness: A New Concept of Egoism») — сборник эссе и статей Айн Рэнд и Натаниэля Брэйдена. Основной идеей книги было новое представление об индивидуализме и эгоизме как естественном и единственно верном отношении человека к миру и самому себе, в отличие от альтруизма, считавшегося авторами лицемерной, ханжеской и вредной уравниловкой, свойственной только диктаторским режимам. Это была, пожалуй, самая продаваемая публицистическая работа писательницы и ее протеже: уже в течение первого квартала продаж было реализовано более четырехсот тысяч экземпляров.

В опубликованный в 1966 году сборник «Капитализм: Незнакомый идеал» («Capitalism: the Unknown Ideal») вошли работы не только Айн Рэнд и Натаниэля Брэйдена, но и других ее учеников-объективистов — Алана Гринспена, Роберта Хеесена. В этой книге термин «капитализм» получил конкретное определение. Основное внимание уделялось моральному аспекту капитализма. Авторы безапелляционно заявляли, что экономическая модель laissez-faire является высокоморальной и необходимой для развития государства.

В 1967 году вышла книга «Введение в объективистскую эпистемологию» («Introduction to Objectivist Epistemology»)[44], в которой Айн Рэнд, подвергнув критике столь нелюбимых ею Иммануила Канта и Аристотеля, представила читателю свою теорию познания, проанализировала способность человека формировать концепты, разделив их на «ложные» и «истинные». Наиболее революционным достижением данной работы является, пожалуй, определение логики как «искусства непротиворечивого отождествления» определения вещей с их сутью.

Таким образом, за пять лет, с 1961-го по 1966-й, Айн Рэнд выпустила, одна или в соавторстве, четыре сборника, не считая многочисленных статей в редактируемых ею бюллетене и журнале. Однако за последующие 15 лет она опубликует лишь три книги. Причиной тому во многом явился кризис, ставший поворотным моментом как в истории объективизма, так и в личной жизни писательницы.

Кризис 1968 года

К этому времени объективизм уже был устоявшимся движением, ставшим неотъемлемой частью американского общества того времени. В 1967 году Институт Натаниэля Брэндена и редакция журнала «Объективист» переехали из небольшого офиса на 34-й улице в знаменитый Эмпайр-стейт-билдинг. Переезд был чем-то значительно большим, нежели просто перемещение из одного здания в другое: именно этот знаменитый небоскреб послужил прототипом для новаторских зданий Говарда Рорка в романе «Источник».

Институт Натаниэля Брэндена стал совершенно особым явлением американской культурной жизни. Это было не просто учебное заведение. Его слушателей связывали дружеские узы, позднее сыгравшие решающую роль в их карьерах; многие юноши и девушки, встретившиеся на лекциях, позднее соединяли свои судьбы и строили семейную жизнь по принципам объективизма. Ежегодно устраивались пышные балы в честь основания Института, организовывались поездки за рубеж и просмотры фильмов.

В Институте сформировалась традиция организации ежемесячных танцевальных вечеров. Сама основательница объективизма поначалу не принимала в них участия, так как не умела танцевать. Вскоре, однако, она и Фрэнк стали брать уроки танцев у Роберта Берола. К этому занятию писательница приступила со свойственными ей серьезностью и самоотдачей — и вскоре она и Фрэнк, одетые в дорогие вечерние костюмы, уже кружились под звуки венского вальса, окруженные восхищенными слушателями Института.

К 1968 году Айн Рэнд была полностью погружена в чтение лекций, участие в работе Института, написание статей для «Объективиста», публичные выступления и интервью. Кроме того, она планировала написать труд по теории познания, а также — впервые после завершения «Атланта…» — новое художественное произведение. Работать над романом «К Лорну Дитерлингу» («To Lorne Dieterling») она начала еще в 1957 году. Предполагалось, что книга не будет содержать чего-то радикально нового, а лишь изложение идей, уже высказанных в «Атланте…». Главная героиня Хелла Марис пытается совладать с трагедией неразделенной любви. Первоначально предполагалось, что она будет писательницей, однако позднее Айн сделала ее балетной танцовщицей. Писательница так и не разработала в деталях сюжет романа, основная канва которого такова: Хелла смертельно

влюблена в Лорна Дитерлинга, который не просто отвергает ее, но своими действиями сознательно приносит ей страшные мучения, однако, в конце концов, отвечает на ее чувство и приносит извинения за причиненные страдания. «Какие страдания?» — спрашивает героиня в последней строке романа{345}.

Невольно напрашивается вопрос, не было ли это произведение отображением развития отношений с первым возлюбленным писательницы Львом (Лео) Беккерманом. При желании его имя можно счесть отдаленно напоминающим имя героя (Лев — Лорн; Беккерман — Дитерлинг), а мучения Хеллы — схожими с чувствами Алисы Розенбаум, некогда отвергнутой им. Сама писательница неоднократно повторяла, что так и не смогла полностью расстаться с образом Беккермана.

Виктор Уэйбрайт, основатель издательства «Новая американская библиотека», предложил ей астрономическую сумму — 250 тысяч долларов — за эту историю любви, даже не видя набросков! Увы, ни роман, ни книга об эпистемологии так и не были написаны. Причиной тому стал духовный кризис 1968 года, приведший к полному разрыву Айн Рэнд с Натаниэлем и Барбарой, после которого Брэндены (к тому моменту уже разведенные) больше не играли никакой роли в жизни писательницы.

Незадолго до своего шестидесятилетия Айн наконец-то почувствовала, что для нее открыты все двери. Ее книги покупали миллионы читателей, за ней толпами ходили взволнованные поклонники ее идей; наконец, она заработала достаточно денег, чтобы не думать о завтрашнем дне. Писательница смогла преодолеть эмоциональную усталость и опустошенность, несколько лет преследовавшие ее после публикации «Атланта…». В этот момент она вспомнила о личной жизни и решила возобновить сексуальные отношения с Натаниэлем, в котором видела одновременно и сотоварища по распространению идей объективизма, и интеллектуального наследника, и, наконец, идеального мужчину. В течение последних шести лет они оставались лишь близкими друзьями, помнящими, что когда-то их соединяло нечто большее. И вот сейчас Айн вновь вспомнила, что она прежде всего женщина, у которой есть любимый мужчина.

Она не знала, что было уже слишком поздно. В 1963 году Натаниэль познакомился с Патрицией Галлисон — красивой молодой студенткой их Института, работавшей в качестве модели, в которой нашел то, чего не видел ни в Айн, ни в Барбаре: она принимала его таким, каков он есть, и не стремилась сделать его лучше, умнее и совершеннее. Вскоре

Патриция вышла замуж, но они продолжали питать друг к другу чувства, переросшие в 1964 году в тайную связь, о которой не знали ни Айн, ни Барбара. Последняя, в свою очередь, с ведома Натаниэля стала встречаться с другим человеком. В результате отношения Брэйденов и О'Конноров запутались окончательно.

Когда писательница сообщила своему протеже о желании возобновить с ним сексуальную связь, тот, скрывая истину, отговорился сложностями в семейной жизни — его брак с Барбарой распадался. В течение нескольких следующих лет Айн тщетно пыталась восстановить отношения супругов, полагая, что это поможет ей вернуть любовь Натаниэля. К этой проблеме добавилось беспокойство по поводу здоровья Фрэнка: тот начал худеть и становился всё более слабым; сужение сухожилий затруднило его занятия живописью. Фрэнка пришлось отправить на операцию. Айн была в ужасе; она почти всё время проводила у его постели, потеряла сон и находилась на грани нервного срыва. Однако операция прошла успешно, и Фрэнк благополучно вернулся к семейной жизни и искусству.

Летом 1965 года Барбара, измученная подозрениями относительно связи Натаниэля с Патрицией, поняла, что больше не в силах жить с ним, и подала на развод. Официально расставшись, бывшие супруги продолжали жить в одном доме (только на разных этажах), дружить и даже ездить вместе на работу. В 1966 году Патриция развелась с мужем и теперь могла свободно встречаться с Натаниэлем. Интересно, что после развода она решила взять новую фамилию, позаимствовав ее у одного из героев романа «Источник» Гейла Винанда. Однако и она уже к тому моменту чувствовала себя не очень комфортно, зная о связи Натаниэля с писательницей. Барбара, которой Натаниэль всё рассказал о романе с Патрицией, считала себя виноватой по отношению к Айн, которую должна была обманывать, чтобы не выдать Натаниэля.

Таким образом, обман и ложь продолжали окружать писательницу и ее ближних. Когда Фрэнк выздоровел, а брак Брэйденов был расторгнут, Айн вновь попыталась сблизиться с Натаниэлем. Однако тот продолжал выдумывать всяческие предлоги, чтобы избежать физического контакта: то говорил, что чувствует вину перед Фрэнком, то сообщал о своей усталости и постоянном напряжении, а забывшись, упоминал Патрицию. Айн чувствовала: что-то не так, Натаниэль не говорит ей правду. В отчаянии она бросилась за помощью к Барбаре и Фрэнку. Однако Барбара продолжала лгать, уверяя, что между Натаниэлем и Патрицией ничего нет. Фрэнк, вынужденный выносить постоянные нервные срывы супруги, сам страдал. «Этот человек

не годится тебе! Неужели ты не видишь этого!» — однажды в сердцах воскликнул он. К нему преждевременно пришла старость: несмотря на то что ему был всего лишь 71 год, он стал забывчивым и несобранным. Порой, уходя в свою студию, он не столько рисовал, сколько употреблял алкоголь, пытаясь утопить в нем свое страдание.

Весной 1968 года Барбара умоляла Натаниэля рассказать обо всём Айн, однако тот по-прежнему не осмеливался. В июле он всё же попытался сообщить ей, что не хочет продолжать эту связь из-за разницы в возрасте (писательнице к тому моменту было 63 года). Опасаясь сказать это ей в лицо, Натаниэль написал всё на листе бумаги, который передал Айн. В девять вечера в квартире Барбары раздался телефонный звонок. Это была Айн, потребовавшая, чтобы она немедленно пришла в квартиру Натаниэля. Там Барбара увидела побледневшего Натаниэля и разъяренную писательницу, заявившую, что отныне между ними всё кончено.

Правда, позднее она решила дать Натаниэлю «еще один шанс». Тем не менее она была ужасно оскорблена и разочарована. Ее идеальный мужчина, один из лучших умов, встреченных ею, оказался мерзавцем. Опасение, что Натаниэль может в будущем использовать ее имя как ширму для собственных проектов, оказалось столь сильным, что она даже решила отменить театральную постановку «Источника», которую должен был осуществить театр, недавно созданный Институтом Натаниэля Брэйдена.

Айн продолжала общаться с Натаниэлем, видимо, всё же надеясь на возвращение былых отношений. Однако во время одной из продолжительных бесед Натаниэль признался ей, что Патриция значит для него больше, чем он говорил ранее, правда, по-прежнему отрицал наличие сексуальной связи с ней. Айн вновь была в ярости: «Эта девушка — ничтожество! Эта ситуация попросту непристойна!» Более всего ее оскорбило, что он предпочел ее — великую писательницу и философа — какой-то молодой красотке. Больше не веря Натаниэлю, Айн передала тому через Барбару требование подписать бумагу, в которой ему разрешалось и далее возглавлять Институт — но только при условии, что он сосредоточится на объективизме и прекратит связь с Патрицией, которая могла бы опорочить его, а тем самым и ее. Влияние Айн было столь сильно, что Натаниэль, не желавший разрушать свою карьеру, подписал бумагу — правда, не имевшую никакой юридической силы.

В августе Айн, больше не доверявшая Натаниэлю, решила изменить свое завещание. Ранее в случае смерти Фрэнка ее

наследником должен был стать Натаниэль. Вызвав Барбару, она сообщила, что хочет сделать наследницей ее. С трудом выдавив из себя слова благодарности, Барбара поспешила к Натаниэлю: «Я зашла в тупик, Айн собирается сделать меня своей наследницей. Я не могу жить дальше и продолжать скрывать от нее правду. Тебе уже слишком поздно говорить ей об этом. *Я* должна сделать это». Натаниэль с видимым облегчением согласился. Наконец-то тяжкий груз многолетней лжи упадет с его плеч.

Утром 23 августа 1968 года Барбара по телефону рассказала врачу Аллану Блюменталю (Allan Blumenthal) из окружения писательницы обо всех тайнах последних лет и попросила пойти вместе с ней на беседу с Рэнд, поскольку боялась, что той будет непросто принять информацию об измене Натаниэля. Изумленный Аллан винил во всём саму писательницу: «Как она вообще могла начать весь этот кошмар? И с кем — с 24-летним парнем! Как она могла сделать это по отношению к Фрэнку и к тебе, Барбара? Почему она не могла понять, к чему это приведет?» Тем не менее он согласился пойти вместе с Барбарой.

Когда Фрэнк открыл им дверь, они увидели в комнате напряженную и взволнованную Айн. По-видимому, она понимала, что Барбара не просто так захотела видеть ее. Ровным голосом Барбара сказала, что вынуждена сообщить что-то, что может навеки разорвать их дружбу. Айн кивнула. «Натаниэль лгал вам. Я лгала вам. В течение практически пяти последних лет он был влюблен в Патрицию, и у них была связь. Мне было известно об этом приблизительно в течение года».

Лицо Айн окаменело. Она периодически прерывала рассказ Барбары и задавала вопросы. Та рассказала ей о развитии отношений между Натаниэлем и Патрицией, о том, что во всех «объяснениях» Натаниэля была доля истины, а также о том, что она сама была вынуждена скрывать правду. В комнате повисла гробовая тишина. Потом Айн резко потребовала, чтобы Натаниэля привели в ее квартиру. Уговоры не делать этого не принесли результата; Аллан был вынужден по телефону сообщить Натаниэлю, что Айн немедленно желает видеть его.

Пришедший Натаниэль был усажен хозяйкой в кресло, а потом… Оскорбленная писательница выплескивала на него ярость, накопившуюся за последние годы, обвиняла во всех смертных грехах, но более всего в том, что он отверг ее после всего, что она для него сделала. «Я уничтожу фасад твоего здания в том виде, в котором я его создала! — кричала она. — Я публично расскажу всем о тебе, я уничтожу тебя так же, как создала тебя! Мне всё равно, как это отразится на *мне*. У тебя не будет ни карьеры, которую я сделала тебе, ни имени, ни

богатства, ни престижа. У тебя не будет ничего — как не было в самом начале, когда ты пришел ко мне, как было бы, если бы ты остался без меня. Ты бы не достиг ничего, если бы я не вручила тебе мою жизнь. *Я* сделала всё это!»

Крики и угрозы оскорбленной до глубины души женщины длились, как показалось всем присутствующим, бесконечно. Но и этого было мало. Высказав всё, что было на душе, Айн нанесла Натаниэлю три пощечины. «А теперь — убирайся!»

Натаниэль поднялся. На его щеках отпечатались следы трех хлестких ударов. Он не сказал ни слова, скользнул взглядом по лицу Барбары, отвернулся и вышел из комнаты, навсегда покинув жизнь писательницы, жестоко оскорбленной им. Ее идеальный Говард Рорк превратился в порочного Лео Коваленского, променявшего ее на бездарную развратницу.

Айн без сил упала на диван, как будто вся энергия ушла из ее уже немолодого тела. Она пробормотала: «Мне надо всё распланировать. Мне надо решить, что делать… Но я не могу ничего планировать сейчас. Мне надо поспать. Мне надо поспать…» Потом она обратилась к Барбаре: «Ты поступила ужасно. Мне кажется, что я отчасти понимаю тебя. Ты попала в ловушку, выбирая между верностью мне и ему. Ты выбрала мужчину, за которым была замужем… Я устала… Мы поговорим об этом позднее, когда я решу, что мне делать с Натаном…»

Так Айн Рэнд осталась в квартире наедине с Фрэнком, который, казалось, наполовину вжался в кресло, страшно удрученный всем произошедшим.

На следующий день события стали развиваться со страшной скоростью. Айн изложила Барбаре план мести. Натаниэль должен немедленно завершить работу в Институте и его отделениях в других городах и передать Рэнд принадлежащие ему 50 процентов акций журнала «Объективист», а также сообщить друзьям и сотрудникам, что делает это из-за своего недостойного поведения. Айн, в свою очередь, опубликует в журнале «Объективист» коротенькую — не более одного абзаца — заметку, что в связи с недопустимыми с моральной точки зрения поступками Натаниэль более не представляет Институт и не имеет права говорить об объективизме от ее имени. Тем не менее сам Институт продолжит работу. Ситуация с Барбарой, которая так или иначе была вовлечена в сеть лжи, сотканную ее бывшим мужем, была не совсем ясна. По предварительному решению она, Барбара, могла продолжать работать в Институте.

Тем временем Айн начала рассказывать близким и друзьям, что из-за безнравственного поведения Натаниэля разрывает с ним все личные и профессиональные связи. Она говорила о его

лживости, об использовании им ее имени, о его циничности и развращенности. Тем не менее ни слова не было сказано как о первопричине разрыва — окончании их многолетней связи, так и о самой этой связи.

Двадцать пятого августа Барбара посетила Натаниэля вместе с Генри Хольцером, другом Айн и ее поверенным в юридических делах. Натаниэль подписал все подготовленные Хольцером бумаги. 28 августа он с лекционной кафедры сообщил, как того требовала Айн Рэнд, что вследствие своих безнравственных действий вынужден навсегда покинуть Институт. После его непродолжительной речи разразилась настоящая буря. Студенты кричали, задавали вопросы, рыдали. Рыдала и безутешная Барбара. Телефон Института разрывался от звонков, а почтовый ящик был забит письмами. Раздосадованные, обиженные, несчастные, недоумевающие студенты ехали в Нью-Йорк, чтобы понять причину его поступка. «Что случилось? — спрашивали поклонники. — Что он сделал? Он был скрытый алкоголик? Вскрылось что-то ужасное из его прошлого?» Никто не догадывался, что причиной развала объективистского движения стало окончание любовной истории между его основательницей и одним из главных его адептов.

Второго сентября Айн встретилась с Барбарой и другими сотрудниками, потратившими несколько дней на разработку планов реорганизации Института с целью продолжения работы. Генри Хольцер просмотрел подготовленные бумаги и радостно сообщил: «Всё удастся; лекции могут продолжать приносить доход». И тут Айн взорвалась: «Я не хочу этого! Я не буду поддерживать и вручать мою репутацию — *никому* и *ни по какому* поводу! Я не хочу читать это, — она потрясла в воздухе отчетом, — я не могу вести это дело, и я не разрешу никому вести его, если на нем стоит мое имя!»

Так закончилась работа Института, в течение десяти лет занимавшегося распространением идей объективизма. Журнал «Объективист» переехал в новый офис, а имущество Института была вывезено и распродано.

Ярость писательницы по отношению к Натаниэлю не только не ослабевала, но, напротив, усиливалась. Несмотря на обещание посвятить увольнению Натаниэля лишь один абзац, она написала об этом целую статью длиной в 53 абзаца (!), обвинив его не только в «иррациональном и аморальном» поведении, но и даже в финансовых махинациях. Барбара тоже получила свою порцию обвинений — в сознательном сокрытии фактов безнравственного поведения Натаниэля. Брэндены опубликовали свою версию событий отдельной брошюрой, которую озаглавили «В качестве

ответа Айн Рэнд» и разослали читателям журнала «Объективист».

Так печально завершились отношения писательницы и двух ее ближайших учеников, продолжавшиеся без малого 20 лет. Если с Барбарой Айн всё же встретилась много лет спустя и даже дружески поговорила с ней, то с Натаниэлем не виделась никогда. Большинство преподавателей и студентов расформированного Института перестали с ними общаться. Вскоре после конфликта, не выдержав напряженной атмосферы Нью-Йорка, переполненного ненавидящими их объективистами, Натаниэль с Патрицией и Барбара с учителем танцев Робертом Беролом уехали в Лос-Анджелес. Там они продолжали общаться, однако уже не так тесно, как раньше.

Натаниэль стал успешным психологом, автором многих книг, одна из которых, «Психология самоуважения», вышла тиражом более миллиона экземпляров. Уже после смерти Айн Рэнд он написал книгу «Судный день», в которой рассказал о взаимоотношениях со своим ментором и идейной вдохновительницей. Они с Патрицией поженились в 1969 году, но счастливый брак оборвался трагической смертью Патриции в 1977-м. Барбара продолжала разделять идеи объективизма и преклоняться перед Айн Рэнд и после их разрыва, более того — начала собирать материалы для ее биографии. Ее знаменитая книга «Страсть Айн Рэнд», опубликованная в 1986 году, уже после смерти основательницы объективизма, — первая биография писательницы, из которой стали известны многочисленные подробности ее жизни, а также история взаимоотношений с Натаниэлем и самой Барбарой.

Без Натаниэля

Несмотря на ликвидацию Института, популярность идей Айн Рэнд ничуть не уменьшилась, а даже в известной степени выросла. Ближе к концу 1968 года она стала приходить в себя и вновь обретать силы жить и работать. Первые два года она постоянно думала о Натаниэле и о том, почему же всё случилось. Неужели он изначально не испытывал к ней чувств и только использовал ее имя и связи? Почему этот молодой и талантливый сторонник ее философии не смог воплотить ее идеалы в реальной жизни? Быть может, она сама была виновата в произошедшем? Месяцами она обдумывала эти вопросы и обсуждала их с близкими людьми, не находя ответа.

Айн ни в коем случае больше не хотела создавать формальную структуру, похожую на Институт Натаниэля Брэндена. Тем не менее с ее разрешения в Нью-Йорке продолжались курсы, излагающие ее философские и полита — ческие теории. Аллан Блюменталь читал лекции по музыке, Генри Хольцер — по юриспруденции, Мэри Энн Рукавина-Шьюрс — по искусству, Леонард Пейкофф — по метафизике и эпистемологии.

Именно Пейкофф (р. 1933), прекрасный лектор, стал теперь выполнять функции главного глашатая объективистских истин. Ему было уже хорошо за тридцать, но он выглядел значительно моложе своего возраста: симпатичный молодой человек в очках. По мнению Энн Хеллер, подобно младшему сыну, выходящему из тени своего старшего брата (то есть Натаниэля Брэндена), Пейкофф взял на себя ответственность за физическое и эмоциональное состояние стареющей писательницы. Он всецело посвятил себя Айн Рэнд, считая ее самым великим интеллектуалом планеты. Когда Леонарда попросили сравнить то, что он узнал от своей наставницы, со знаниями, полученными в школе, он ответил: «Это всё равно что сравнивать… посещение балетного представления в оперном театре “Метрополитен” с жизнью в Освенциме».

А вот еще одно характерное для него высказывание: «Если взять весь мой разум, какие бы рациональные знания у меня ни были, то он на девяносто восемь процентов состоит из знаний, почерпнутых от нее (Айн Рэнд. — *Л, Н., М. К.),* а один-два оставшихся процента — это просто исторические сведения, полученные за четырнадцать лет обучения в университетах». Она называла его «русским» ласкательным именем Леонуш, но периодически впадала в ярость от его ошибок или недосмотра. Однако ее гнев и оскорбления, казалось, только усиливали

платоническую любовь Леонарда. Один из рэндистов, близких к писательнице, признавался Энн Хеллер: «Иногда она попросту вытирала им пол… В конце концов я сказал ему: “Как ты можешь позволять ей делать это?” Он ответил: “Я позволил бы ей наступить мне на лицо, если бы она того захотела”». Его преклонение перед писательницей было так велико, что он вопреки очевидности отвергал все слухи о ее романе с Натаниэлем и впоследствии навсегда разорвал отношения со своей кузиной Барбарой Брэнден. При этом, насколько нам известно, отношения между Айн Рэнд и ее вторым протеже никогда не имели романтического или сексуального подтекста.

Забегая вперед, скажем, что за беспрекословное следование идеалам объективизма Пейкофф заплатил высокую цену. Будучи профессором философии в Нью-Йоркском университете и Бруклинском политехническом институте, он, несмотря на предупреждения со стороны администрации, не удержался от попыток обратить своих учеников к идеям Айн Рэнд — и в результате потерял должности в обоих учебных заведениях. К середине 1970-х годов его университетская карьера была закончена; из-за догматизма и участия в шумных процессах против коллег, не признававших взгляды Айн Рэнд, его больше нигде не хотели брать на преподавательскую работу.

В 1969 году Айн впервые после разрыва с Натаниэлем опубликовала сборник «Романтический манифест: Философия литературы» («The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature»), составленный только из ее статей. Писательница попыталась с философских позиций осмыслить процесс литературного творчества, а также сформулировать собственную романтическую концепцию искусства, не имеющую ничего общего с романтизмом XIX века. Айн высказала свои экстравагантные и резкие взгляды на мировую литературу — к примеру, объявила Виктора Гюго самым великим писателем человеческой цивилизации, а «Анну Каренину» — самым вредным произведением мировой литературы. Заканчивалась книга художественным рассказом «Самая простая вещь на свете», написанным еще в 1940 году, о нелегкой стезе писателя. У сборника нашлись почитатели, но в коммерческом смысле он был значительно менее успешным, чем все предыдущие публикации Айн Рэнд.

Постепенно к ней стало возвращаться утраченное на долгие годы обаяние. Однажды она пошла с друзьями на спектакль Метрополитен-оперы. Давали «Богему» Пуччини. Обычно, что бы она ни смотрела — кинофильм, балетный, оперный или драматический спектакль, — Айн громко комментировала происходящее на сцене или на экране. При этом ее комментарии,

как правило, были негативные. На просьбы друзей не мешать другим зрителям она отвечала: «Они должны знать, какую безнравственную ерунду они смотрят». Однако на сей раз она молчала — опера ей неожиданно понравилась. На обратном пути, вспоминает один из бывших студентов-объективистов Дэвид Досон, «она была счастлива как ребенок»: «Она прыгала по улице. Она приговаривала: “Я не видела ее с отъезда из России — и я всегда обожала ее. Это прекрасно!”».

В начале 1970 года Айн продолжала быть главным редактором журнала «Объективист», выполняя функции, которые ранее осуществляли Барбара и Натаниэль. К редактированию чужих статей она относилась крайне ответственно, порой посвящая долгие часы разъяснению несчастному автору ошибочности его философско-литературных идей. Иногда она была очень резка. По свидетельству Барбары Брэнден, одна молодая писательница была настолько запугана ее критикой, что на целый год забросила творчество (что, впрочем, не помешало ей позднее стать вполне успешной писательницей).

Редакторская работа вновь высасывала жизненную энергию из Айн Рэнд. Она опять, как во времена разлада с Натаниэлем, стала раздражительной. В это время она снова обратилась за поддержкой к Фрэнку — своему верному спутнику и товарищу. Увы, тому всё труднее было справляться с этой тяжестью: он худел, становился всё более рассеянным и забывчивым. Их друг, врач Аллан Блюменталь, полагал, что причина тому — возраст и прогрессирующий атеросклероз. Однако Айн, сама еще достаточно сильная и энергичная, не желала признавать очевидное и продолжала цепляться за созданный ею самой образ Фрэнка — идеального романтического героя, не понимая, что ее герой постарел. Есть также серьезные причины полагать, что у себя в студии Фрэнк продолжал тайком употреблять алкоголь, что ему было решительно противопоказано. Неудивительно, что однажды он потерял сознание и был госпитализирован. Айн ужасно испугалась, что потеряет самого дорогого ей человека. К счастью, оказалось, что у Фрэнка случился всего лишь легкий сердечный приступ, так что его скоро выписали. Тем не менее это был неприятный сигнал.

Айн не сдавалась; жизнь ее была столь же насыщенной, как раньше. Она периодически слушала свою любимую «ерундовую музыку» 1920-х, перечитывала «Атланта…», заботилась о здоровье Фрэнка, во время частых выступлений на телевидении вступала в перебранки со своими идеологическими противниками, снова подумывала о сочинении нового романа. Редактирование журнала превратилось для нее в тяжелый груз, который она не

хотела нести дальше. В 1971 году «Объективист» был сильно сокращен в объеме, переименован в «Бюллетень Айн Рэнд» («The Ayn Rand Letter») и в таком виде просуществовал до 1976 года.

В том же 1971 году она издает очередной сборник статей — «Новые левые: Антииндустриальная революция» («The New Left: The Anti-Industrial Revolution»), где резко осуждает молодежные движения и студенческие протесты конца 1960-х, проходившие под неомарксистскими лозунгами и сопровождавшиеся призывами «отказаться от цивилизации» и «вернуться назад к природе». По ее мнению, отрицая индустриальную цивилизацию Запада, они подрывали основы рационального капиталистического мира, что означало возвращение не столько «к природе», сколько к хаосу первобытности. Книга, принятая достаточно холодно, на наш взгляд, является одной из наиболее удачных, а сделанный в ней прогноз — достаточно точным; недаром в 1999 году она будет переиздана в более развернутом варианте под названием «Возвращение первобытного человека: Антииндустриальная революция»{346}.

В начале 1970-х ее ученик и друг Алан Гринспен был назначен экономическим советником 38-го президента США Джералда Форда. В связи с этим Айн и Фрэнк посетили Вашингтон и стали свидетелями того, как Алан в присутствии президента вступил в эту должность. Его дальнейшая карьера неизменно служила для писательницы источником гордости. Можно представить, как она была бы довольна, доживи она до момента, когда в 1987 году Алан стал председателем совета управляющих Федеральной резервной системой США и пребывал на этом посту 18 лет!

Рэнд посетила Белый дом еще раз — правда, пригласил ее не сам президент США, а гостивший у него премьер-министр Австралии. Тем не менее во время торжественного ужина в президентской резиденции она общалась и с ее хозяином, чем несказанно гордилась.

В 1972 году Айн получила от Альберта Радди, продюсера знаменитого фильма «Крестный отец», предложение экранизировать роман «Атлант расправил плечи». Ей и раньше неоднократно предлагали снять фильм по ее главному произведению, но она каждый раз отказывалась, опасаясь, что повторится история с неудачной экранизацией «Источника». Однако Эл Радди, пообещавший соблюсти все ее требования и сохранить идейную целостность романа, произвел на писательницу столь благоприятное впечатление, что она дала свое предварительное согласие. Вскоре знаменитый продюсер и писательница организовали торжественный ланч и пресс-

конференцию, посвященную будущей экранизации. Сама Айн воспринимала это событие как один из наиболее звездных эпизодов в ее жизни.

Оставалось лишь подписать контракт. И тут она вновь продемонстрировала свой непредсказуемый и нетерпимый характер — в дополнение ко всем пунктам о соблюдении ее авторских прав потребовала гарантий, что в случае, если фильм ей не понравится, он не выйдет на экран и пленка будет уничтожена. (Это напоминает ситуацию, описанную в «Источнике», когда Говард Рорк взрывает дорогостоящее здание, поскольку его замысел при строительстве был изменен.). Естественно, ни один продюсер не согласился бы на такие условия. Не пошел на это и Эл Радди. В результате из-за упрямства автора романа контракт так и не был подписан. (Фильм был снят уже после смерти Айн Рэнд, в 2014 году.)

В это время Айн стала чувствовать, что ее жизненная энергия, прежде бившая ключом, начинает потихоньку иссякать. Материально она была более чем обеспечена, ее окружали многочисленные друзья и поклонники ее таланта, а имя Айн Рэнд было известно всему миру. Несмотря на это, она чувствовала себя всё более усталой, пассивной и лишенной мотивации.

Так было, пока однажды в 1973 году в ее квартире не раздался телефонный звонок, на какое-то время вновь вернувший ей радость жизни.

Гостья из прошлого

В 1972 году в шести городах СССР проходила выставка «Исследования и разработки США», которую увидели в общей сложности более двух миллионов человек[347]. Один из посетителей экспозиции в Волгограде рассказывает:

«Цветной буклет по выставке и значок — раздавали всем целый день. Разрозненные номера журнала “Америка” и буклет крупного размера 50х25 см на восемь страничек об автомобилях Ford — только с утра, первые час-полтора.

На выставке… на открытом пространстве, рядом с тремя автомобилями (форд-мустанг, форд-континенталь и какой-то мелкий), стоял спускаемый лунный модуль. При входе в щитовой павильон звучала красивая космическая музыка. Внутри гид-американец время от времени щелкал пацанов на Polaroid и раздавал снимки»[348].

Подобные экспозиции, как ни странно, приезжали в СССР достаточно регулярно. В 1965 году выставку в Ленинграде, посвященную архитектуре США и размещенную в музее Академии художеств, посетил писатель Владимир Солоухин. По его словам, чтобы попасть туда, люди стояли в очереди по пять-шесть часов; ежедневно раздавалось около восьми тысяч дорогостоящих цветных буклетов[349].

Эти выставки давали возможность советским людям почувствовать атмосферу красочной и недоступной Америки. Наверное, по этой же причине на выставку «Исследования и разработки США» в один из дней ее работы, с 4 ноября по 13 декабря, пришла немолодая ленинградка. В качестве сувенира она получила номер красивого крупноформатного журнала «Америка» за 1971 год.

Надо сказать, журнал «Америка» был очень странным периодическим изданием. Он печатался в США на отличной бумаге, выходил на русском языке и был предназначен для распространения исключительно в СССР. Издатели журнала прекрасно понимали, что, если они начнут рассказывать лишь о прекрасном состоянии американской экономики, давать фотографии ломившихся магазинных полок и голливудских кинозвезд, советская цензура тут же запретит его ввоз. Поэтому на страницах «Америки» не делался акцент на преимуществах жизни в США по сравнению с СССР и не обсуждались политические проблемы. Тем не менее, листая журнал, читатели, естественно, замечали несоответствие советских пропагандистских баек о «зверином оскале империализма» и

реальной американской жизни. По этой причине «Америка» издавалась смехотворным для советской периодики того времени тиражом в 50 тысяч экземпляров, а выписывать его могли лишь партийные бонзы.

Взяв журнал в руки, посетительница американской выставки — а это была Элеонора Дробышева — стала его листать. Дойдя до восьмой страницы, она не поверила своим глазам: с глянцевых страниц на нее глядела ее постаревшая сестра Алиса, с которой они не виделись с 1926 года{350}.

Информация об Айн Рэнд была в статье «О несогласии», текст которой должен был продемонстрировать советскому читателю полную свободу деятельности оппозиционных лидеров и партий, гарантированную американской конституцией. Имя автора статьи не указывалось, однако можно предположить, что им был редактор журнала Леонард Рид. Помимо Айн Рэнд, именовавшейся «писательницей, поборницей консерватизма», в статье говорилось о таких знаменитостях, как педиатр Бенджамин Спок, исполнительница музыки кантри и левая политическая активистка Джоан Баэз, рок-певец и поэт Боб Дилан. Интересно, что автор не преминул рассказать о российском происхождении Айн Рэнд и ее иммиграции в США, однако, естественно, не упомянул о ее антисоветском романе «Мы живые» и неоднократных высказываниях, направленных против СССР и коммунистической идеологии в целом.

На первой странице журнала был указан адрес, по которому читателям можно было посылать «отзывы и пожелания». Вскоре в Вашингтон, в редакцию журнала «Америка» (в США он назывался «America Illustrated» — «Иллюстрированная Америка») пришло письмо на английском языке, отправленное из Ленинграда: «Я обращаюсь к вам с просьбой. В начале 1926 года моя сестра уехала в Голливуд, в США. Наша семья переписывалась с ней до конца 30-х годов, но потом переписка прервалась, и я больше ничего не получала от нее. В конце 1972 года я посетила выставку “Исследования и разработки США”, где вместе с другими изданиями получила журнал “Америка”, № 182 за декабрь 1971 года. В этом журнале я увидела фотографию моей сестры и небольшую заметку о ней. Она — писательница. Ее имя — Айн Рэнд (миссис Фрэнк О’Коннор). Я написала ей письмо, но так как я не знаю ее адреса (в журнале сказано, что она живет в Нью-Йорке), я прошу вас найти ее адрес и переслать ей прилагающееся письмо».

Лилиан Куртуа, помощник редактора журнала, вначале решила выполнить просьбу ленинградки — переслать письмо на имевшийся в редакции адрес Айн Рэнд. Однако потом она

решила, что дело слишком важное, и набрала телефонный номер писательницы. «Я никогда не забуду нашего телефонного разговора, — вспоминает Лилиан. — Под конец мы обе плакали. Я рассказала ей о письме, и когда я говорила, она повторяла, рыдая: “Она жива! Она жива! О Боже, я думала, что она умерла! Все эти годы я думала, что она умерла!”».

Айн получила письмо Норы, однако, чтобы не насторожить советские спецслужбы, было принято решение, что первый ответ напишет редакция журнала, осторожно указав, что письмо дошло до адресата. Вскоре между сестрами завязалась переписка. Среди новостей, полученных Айн, были и грустные — она узнала подробности о смертях отца, матери и Наташи. До нас дошли два письма, написанные ею на русском и английском (Нора хорошо его знала) и отправленные в Ленинград в августе и сентябре 1973 года. Из них можно узнать, какова была процедура получения приглашения и виз для Норы и ее мужа Федора Дробышева, пожелавших посетить США в том же году. Известно также, что Айн несколько раз звонила Норе{351}.

Писательница была несказанно рада — наконец-то она увидит любимую сестру! Она полагала, что, вырвавшись из ненавистного тоталитарного СССР, Нора и ее муж, естественно, захотят остаться в процветающей демократической Америке. Она намеревалась приобрести для них дом в Нью-Джерси, где проживали множество русских иммигрантов, а пока сняла им квартиру в том же доме на 34-й улице, в котором проживала сама. Обрадованная Айн даже ненадолго поборола постоянную усталость и апатию, преследовавшие ее в последние месяцы.

Советские власти не только беспрепятственно дали чете Дробышевых разрешение на выезд за границу, но и откровенно сообщили им, что не будут возражать в случае, если те захотят остаться в США. Их единственное условие — известить об этом советское посольство{352}. Это крайне удивительно, учитывая, что, во-первых, во время холодной войны советских граждан крайне неохотно выпускали за границу, особенно тех, у кого имелись родственники за рубежом; во-вторых, власти не могли не знать, что сестра Норы — радикальная антисоветчица, в интервью «Плейбою» заявившая, что «любая свободная нация имеет моральное право, хотя и не обязательство, напасть на Советскую Россию, Кубу или любой другой “рабский загон для скота”». Или они побоялись медийной шумихи, которая могла возникнуть за границей, если бы они препятствовали поездке в США сестры знаменитой писательницы?

И вот, наконец, долгожданный день настал. Айн и Фрэнк наняли лимузин с шофером, чтобы встретить Нору и ее мужа в

офисе «Аэрофлота». Слегка задержавшись из-за пробок, они влетели в офис, где обнаружили двух немолодых, мешковато одетых пожилых людей, нервно ерзающих на скамейке. Женщина, несколько более грузная, чем сама Айн, была очень похожа на нее — те же огромные глаза и полные чувственные губы. Сестры, крепко сжимая друг друга в обьятиях, рыдали, не в силах остановиться. Они не виделись 47 лет!

Однако с самого начала что-то пошло не так, как рассчитывала Айн. Уже в машине она стала расспрашивать сестру о ее жизни, однако та, указав пальцем на шофера, прошептала: «Не стоит говорить в его присутствии. Он — шпион, разве ты не понимаешь?» Ее муж закивал головой в знак согласия. Айн рассмеялась и попыталась их разуверить, однако Нора продолжала с опаской смотреть по сторонам и не желала разговаривать в присутствии водителя.

Войдя в квартиру, где жил и Айн с Фрэнком, и увидев домработницу, много лет обслуживавшую семью писательницы, Нора сразу же решила, что та — тоже агент спецслужб. Страхи Дробышевых стали еще сильнее, когда поприветствовать их приехал Леонард Пейкофф. Всё это, естественно, произвело тяжелое впечатление на Айн, привыкшую к западной свободе.

Дальнейшие неприятные события мы знаем в двух версиях: одна со слов Айн была опубликована Барбарой Брэйден, вторая принадлежала Норе. Они в чем-то совпадают, а в чем-то противоречат друг другу. Несомненно, что в какой-то момент между сестрами стали происходить резкие стычки идеологического характера. Норе совершенно не понравились романы сестры, что, естественно, резко задело чувствительное эго писательницы. Кроме того, Нора с ее коллективистским мировоззрением не смогла принять проповедуемые Айн индивидуализм и эгоизм. «Прежде всего, именно альтруизм всей нашей семьи дал Алисе возможность выехать в Штаты», — позднее заявит Нора в одном из интервью. По всей видимости, что-то в этом роде она сказала и сестре. Однако справедливости ради отметим: в данном случае Нора полностью права — именно самоотречение семьи Розенбаум и помощь чикагских родственников, приютивших юную иммигрантку на первое время и снабжавших ее деньгами, позволили будущей знаменитости Айн обосноваться в США.

Другим камнем преткновения стал, на удивление, Александр Солженицын. Приехав в США, Нора захотела прочесть произведения знаменитого писателя, о котором столько слышала в СССР. Это показывает, что Нора отнюдь не была настолько заражена советской идеологией, как об этом позднее говорила

Айн Рэнд. Добавим, что Солженицын был тогда только что выслан из СССР. По всей видимости, сведениями об этих событиях была полна американская пресса, что также могло несколько разозлить самолюбивую Айн. Вскоре Леонард Пейкофф принес Норе трехтомник Солженицына, и его проза понравилась той гораздо больше, чем сочинения сестры, что, конечно, возмутило ее.

Вскоре сестры окончательно разругались из-за опубликованного Солженицыным в Париже 3 марта 1974 года «Письма вождям Советского Союза». По-видимому, Айн Рэнд могли разозлить содержавшиеся там призывы к сохранению в Советской России авторитарного строя с изменением лишь его вектора — от лживого марксистского тоталитаризма, пропитанного антинародной идеологией, к сильной власти с традиционными для русского народа ценностями, прежде всего — православной верой и моралью. Айн швырнула брошюру Солженицына на пол: «Забирай этого отвратительного человека с собой!» — и затем в запале потребовала, чтобы Нора вернула все написанные ею книги, которые она подарила ранее.

Кроме того, у мужа Норы во время пребывания в США случился сердечный приступ. По словам Барбары Брэнден, он был госпитализирован и длительное время оставался в больнице «Белвью Хоспитал», в одном из лучших кардиологических центров Америки, пребывание в котором оплачивала Айн. По словам же Норы, та ни разу не посетила больного за две недели, пока он лежал в общей палате, отделенный от других пациентов лишь занавесками.

Кто бы ни был прав в этой истории, но так или иначе чета Дробышевых решила покинуть США. У них остались неприятные впечатления не только от общения с родственницей, ставшей американкой, но и от Нью-Йорка, который они сочли замусоренным и грязным, в особенности по сравнению с идеально чистым Ленинградом. (Не можем не отметить, что здесь они были совершенно правы — Нью-Йорк и в наши дни не блещет чистотой.) В Ленинграде у них была благоустроенная квартира в хорошем районе, а также дача в поселке Сосново. В Америке они откровенно скучали, в то время как в Ленинграде, по их собственным словам, проводили время, добывая дефицитные товары и стоя в очередях. Особенно семейную пару возмутило, что, когда они пришли в магазин купить зубную пасту, продавец не помог им в выборе товара, а просто подвел к стойке с разнообразными тюбиками.

Айн даже не проводила Дробышевых в аэропорт. Они больше никогда не виделись и не разговаривали по телефону. Более того, Айн специально проконсультировалась со своим адвокатом,

опасаясь, что после ее смерти сестра как ближайшая родственница может автоматически унаследовать имущество писательницы. Адвокат заверил ее, что этого не произойдет. «Они — ничтожества!» — с отвращением говорила писательница о родственниках.

На наш взгляд, Айн Рэнд была не права. Ни Нора, ни ее муж не были «совками», не состояли в КПСС и не являлись приверженцами коммунистических идей, хотя относились к советской власти, по-видимому, достаточно лояльно. Нора была образованным человеком, читала в оригинале английские книги, любила творчество Солженицына, Фолкнера, Хемингуэя, Набокова, По и Ирвина Шоу (отметим в скобках, что ее сестра терпеть не могла этих писателей)[45].

Так печально закончилась эта глава из жизни писательницы. Впереди была еще одна — последняя.

The End

Айн всё еще продолжала издавать свой бюллетень, отвечать на вопросы приверженцев ее идей, выступать перед общественностью и заботиться о Фрэнке, однако чувствовала себя всё более слабой. Наконец после долгих уговоров она обратилась к врачам. Их вердикт был неутешителен — злокачественная опухоль в легком.

Узнав диагноз, Айн осталась столь же спокойной и уверенной. Убедив себя, что в данной ситуации самым рациональным будет бросить курить, она быстро и без особого труда избавилась от многолетней зависимости. Перед операцией она попросила Мэри Энн Рукавину и Леонарда Пейкоффа присматривать за Фрэнком, пока она будет находиться в госпитале. Операция прошла успешно, однако писательница как будто постарела на 20 лет. Три недели пребывания в госпитале были для нее тяжким испытанием. Ей не нравились доктора и медсестры, по ее мнению, не соответствовавшие занимаемым должностям в силу возраста либо уровня интеллекта. Врачи советовали ей двигаться, но она решительно отказывалась вставать с постели, считая, что это — совершенно нерациональное требование, учитывая тяжесть ее состояния. Вспышки ее гнева и раздражения стали утомлять медработников; кроме того, из-за известности и авторитета пациентки они опасались публичных скандалов и старались общаться с ней через посредника — Аллана Блюменталя.

После выписки из госпиталя Айн потребовала, чтобы ее болезнь оставалась тайной для окружающих, за исключением Фрэнка и ближайших друзей. Восстановление проходило очень медленно. Айн практически не выходила из квартиры, продолжала лежать в кровати, читая детективные романы и смотря телевизор. Только когда по предписанию врачей Фрэнк начал совершать прогулки, она стала вместе с ним выходить из дома на непродолжительное время и небольшие расстояния. Состояние Фрэнка продолжало ухудшаться: у него начались провалы в памяти, перемежавшиеся вспышками ярости, направленной на супругу. Энн Хеллер сообщает, что он продолжал много пить, заказывая алкоголь с доставкой на дом из ближайших магазинов. После смерти в его студии было найдено множество пустых бутылок — свидетелей грустных последних дней бывшего киношного красавца.

К сожалению, силы к Айн Рэнд полностью так и не вернулись. Иногда она могла по два-три дня не вставать с кровати, и тогда

выпуск «Бюллетеня Айн Рэнд» запаздывал на несколько недель. Она получила от издательства аванс за роман о неразделенной любви (о нем речь шла выше), однако даже толком не начала работать над ним, и аванс пришлось вернуть. Ее отношения с близкими друзьями становились всё более напряженными: при встрече она могла часами упрекать их в нерациональном поведении или неправильных эстетических взглядах. В результате ухаживать за ней остался практически один человек — Леонард Пейкофф, на которого она и оформила завещание. Другим близким человеком была племянница Фрэнка, Мими Саттон, иногда появлявшаяся в Нью-Йорке и часто звонившая.

В 1970-е годы атаки Айн Рэнд на лучших друзей стали еще более резкими. Она прекратила контакты с самыми близкими коллегами-объективистами — историком Робертом Гессеном, сестрой Натаниэля Элейн и ее мужем Гарри Кальберманом, семьями Хольцер и Блюменталь, — а также со многими другими людьми, долгие годы заботившимися о ней и разделявшими ее идеи.

В 1975 году писательница прекратила издавать «Бюллетень Айн Рэнд», объяснив, что работа над журналом отвлекает от написания книг. Кроме того, с этого момента, окончательно разочаровавшись в современниках, она сочла, что у нее больше нет времени сражаться с иррационализмом, с которым она боролась всю жизнь. Она научилась играть в «скрэббл» (в русском варианте эта настольная игра называется «эрудит»), беря в партнеры в основном молоденьких и полных энтузиазма объективистов, которые с почтением внимали каждому ее слову, не осмеливаясь возражать. Немало удовольствия ей доставляло старое хобби — коллекционирование марок. В 1971 году Рэнд опубликовала в филателистическом журнале статью «Почему я люблю собирать марки»{353}, после чего почитатели стали присылать ей марки и буквально завалили письмами. Айн очень радовалась, когда получала в подарок или приобретала редкую марку. В какой-то момент ее коллекция включала ни много ни мало 52 тысячи экземпляров!

В январе 1976 года в ее квартире зазвонил телефон: «Айн, это Натаниэль Брэнден». Потрясенная, она сначала не могла поверить, что это и вправду ее бывший любовник, а удостоверившись, повесила трубку{354}. Писательница ни за что на свете не хотела восстанавливать отношения с ним. Удивительно, но в 1979 году Эстель Израэль (Деверс Брэнден), третья жена Натаниэля, смогла наладить контакт с писательницей: просто пришла к дверям ее квартиры и дождалась выхода хозяйки. Несмотря на подозрение, что за этим стоит

желание Натаниэля восстановить общение, Айн установила с ней довольно дружеские отношения. Писательница призналась, что как минимум несколько раз говорила с Эстель по телефону и что та «была достаточно милой»{355}.

Мы знаем, как выглядел рядовой рабочий день писательницы в 1970-е годы, незадолго до смерти Фрэнка:

«Встать в 7.30.
7.30— 8.30 — проснуться и одеться.
8.30–13.00 — главная работа (включая завтрак для Фрэнка).
13.00–14.00 — ланч, уборка дома, заказать продукты.
14.00–15.00 — почта.
15.00–16.00 — алгебра.
16.00–17.00 — урок чтения.
17.00–18.00 — чтение.
18.00–20.00 — готовка, ужин, помыть посуду.
20.00–23.00 — чтение.
23.00—1.00 — телевизор.
1.00 — лечь в постель»{356}.

Как видно из этого распорядка, и в столь почтенном возрасте Айн рано вставала и поздно ложилась, много работала и даже занималась чем-то достаточно для нее новым, например, алгеброй. Единственное, что в этом документе совершенно отсутствует, — физические упражнения, к которым, как мы помним, она с детства питала стойкое отвращение.

В конце 1970-х годов произошло событие, которое вновь смогло поднять настроение писательницы. Кинокомпания «Джаффи Продакшнз» и телекомпания Эн-би-си намеревались снять сериал, основанный на романе «Атлант расправил плечи». К изумлению Айн Рэнд, они приняли все ее требования. Над новым сценарием она и сценарист Стерлинг Силлифант работали в течение года. Наконец-то Айн предалась делу, которое ей по-настоящему нравилось. Они нашли общий язык, и вскоре сценарий был готов. Айн и продюсер Майкл Джаффи подняли бокалы с шампанским в честь окончания работы. Сценарий был торжественно передан в Эн-би-си. Однако на той же неделе в руководстве телекомпании произошли глобальные перемены. Возглавивший ее Фред Сильверман сразу же закрыл проект съемок «Атланта…». Джаффи и Силлифант были страшно разочарованы, а Айн просто убита. Увы, и эта попытка экранизации романа не осуществилась.

Айн продолжала появляться на телешоу, хотя в основном отказывалась от предложений читать лекции. Ее участие в знаменитом шоу Фила Донахью в 1979 году вышло крайне неудачным: передача превратилась в пикировку между

писательницей и бывшей поклонницей ее идей. Зато другой телеведущий, Том Снайдер, несмотря на полярное расхождение во взглядах по целому ряду вопросов, в разговоре с создательницей объективизма выбрал правильную тональность, отчего та буквально расцвела, и вся передача прошла на дружеской ноте. Снайдер отважился спросить Айн: «Скажете ли вы “Господи, благослови эту страну”?» — на что та широко улыбнулась и сказала: «Да. Мне нравится значение этого выражения: оно обозначает самую высокую степень». В конце передачи журналист сказал: «Господь благослови вас!» — и услышал ее ответ: «Спасибо. Вас также».

К концу 1979 года Фрэнку стало хуже: сердце стало давать сбои, он перестал узнавать людей. Айн почти не покидала своего любимого мужчину, держала его за руки, плакала и целовала впалые щеки. 9 ноября 1979 года, прожив долгую и насыщенную событиями жизнь, Фрэнк О’Коннор скончался. Айн, окруженная многочисленными поклонниками, пришедшими попрощаться с любимым человеком знаменитой писательницы, похоронила его на кладбище Кенсико, в городке с символическим названием Валгалла, недалеко от Нью-Йорка. Во время похорон вместо официальных речей звучали строки Редьярда Киплинга. Барбара Брэнден сообщает, что это была поэма «Если». По мнению Энн Хеллер, во время прощания с Фрэнком читалось киплинговское стихотворение: «When Earth’s Last picture…» («Когда на последней картине…»).

Айн смогла пережить и эту трагедию. В первые, самые тяжелые дни она часто звонила племяннице Фрэнка, еще и еще раз просила рассказать о нем: каким он был в молодости, как выходил нескольких больных цыплят, как пел по воскресеньям в церковном хоре… Она училась жить без Фрэнка — вставать без него утром, не думать, сыт ли он, не видеть его голубых глаз на загорелом лице.

Постепенно ей это стало удаваться. Она продолжала смотреть телевизор, читать детективы, разбирать марки и играть в «скрэббл». Кроме того, в 1979 году она начала консультировать Гарри Бинсвангера, начавшего с ее благословения редактировать журнал «Объективистский форум». Вскоре она смогла заставить себя разобрать накопившиеся за несколько месяцев письма и многочисленные приглашения принять участие в форумах, лекциях, теле- и радиопередачах. Одним из первых публичных мероприятий, на котором Айн решила появиться, вновь стало шоу Фила Донахью. На этот раз писательница показала себя в наилучшем свете: она была обаятельна и остроумна, как будто сбросила с себя груз последних лет.

Айн вновь засела за сценарий телесериала «Атлант расправил плечи». На этот раз она решила, что напишет его самостоятельно — и, если не найдется достойная кинокомпания, сама станет его продюсером.

В 1981 году в квартире писательницы зазвонил телефон: Барбара Брэнден, пытавшаяся забыть обиды последних лет, попросила у Айн Рэнд разрешения встретиться с ней. Через два месяца она вновь стояла на пороге знакомой комнаты и смотрела в огромные мудрые глаза своей учительницы. Их беседа прошла в достаточно доброжелательном ключе, хотя Рэнд и заявила: «Не думай, что можно забыть о прошлом и о разрыве отношений». Они расстались друзьями и пообещали друг другу, что встретятся опять. Однако через несколько месяцев Барбара написала Айн, что собирает материалы для ее биографии. Не получив ответа, Барбара позвонила писательнице, однако та отказалась говорить с ней. По мнению самой Брэнден, это была реакция на ее идею написать биографию Айн Рэнд. Больше они никогда не встречались и не общались по телефону.

Летом того же года Айн пригласили на удивительное событие — конференцию Национального комитета денежной реформы, на которую ежегодно собирались ведущие бизнесмены и политики США. Глава комитета, Джеймс Бланчард, был верным поклонником идей и творчества Рэнд. Решив пригласить писательницу в мир, похожий на тот, что описан в ее главном романе, Бланчард обставил всё в соответствующем стиле: в Новый Орлеан ее вез специальный частный ретровагон с распорядителем и поваром, приготовившим ее любимые блюда; роскошный лимузин доставил ее с вокзала в дорогой отель.

Выступление писательницы слушали более четырех тысяч ВИП-персон со всех концов США и из-за границы. Ее речь, озаглавленная «The Sanction of the Victims» — «Добровольные жертвы»[46]{357}, была посвящена роли бизнесменов в современном капиталистическом обществе. Рэнд вновь обрушилась на идеологию альтруизма и представила бизнесменов «жертвами неописуемой несправедливости», виктимизирующих самих себя и незаслуженно презираемых обществом, тогда как на деле именно они, по ее мнению, являются двигателями прогресса, источниками экономического роста и благосостояния буржуазного общества. Айн призвала бизнесменов гордиться тем, что они делают, перестать приносить себя в жертву общественной морали и сражаться за свой статус: «Сражайтесь за то, что является сущностью человека, — за верховенство его разума. Со светлой надеждой и полной уверенностью сражайтесь, осознавая свою безусловную правоту и

веря в нее, ибо ваш нравственный принцип есть принцип жизни, ибо вы ведете бой за всё новое, ценное, великое, доброе — за всё светлое и радостное на земле»{358}.

Отвечая на вопросы после лекции, писательница продемонстрировала весь диапазон своего могучего интеллекта: юмор, резкость высказываний, точность определений. Практически каждая ее реплика сопровождалась хохотом и аплодисментами. Досталось и польскому объединению независимых профсоюзов «Солидарность», и Рональду Рейгану, которого она считала полным ничтожеством, и СССР, и философии «морального большинства».

Кстати, в последовавшей после лекции дискуссии поднималась тема советско-американских отношений. Айн Рэнд заявила, что Америке не следует продавать Советскому Союзу зерно, компьютеры и технику, а дипломатические отношения с ним должны быть разорваны. По ее мнению, Россия являлась слабейшей страной на планете, единственным оружием которой была идеология альтруизма.

— Есть ли какая-нибудь надежда у России? — спросил кто-то.

— Нет, — однозначно ответила она.

По залу прокатилась волна хохота.

Главной ошибкой лидеров польской «Солидарности» она считала попытку побороть коммунизм с помощью «меньшего зла» — социализма, заранее обреченную на провал{359}. Отметим, что в данном случае предсказание Рэнд не сбылось: вскоре, буквально через три-четыре года, в Польше и СССР начались события, запустившие маховик радикальных перемен, приведших к потеплению отношений с Западом и полной экономической и идеологической перестройке. Впрочем, тогда, в 1981 году, в мире не было, пожалуй, ни одного аналитика, который смог бы это предсказать.

После лекции многие бизнесмены выразили желание профинансировать проекты Айн Рэнд, в том числе съемки сериала «Атлант расправил плечи». Однако это оказался ее финальный триумф.

По возвращении в Нью-Йорк она стала еще слабее. Тем не менее в первый день 1982 года писательница снова была за рабочим столом — написала первую страницу второй части сценария сериала, следуя, как всегда, русской примете «как встретишь Новый год, так его и проведешь».

В феврале она была госпитализирована из-за проблем с сердцем и легкими. В апреле она должна была прочесть очередную лекцию на Форуме Форд-Холла в Бостоне[47]. Понимая, что не в силах сделать это, она попросила Леонарда

Пейкоффа заменить ее. Последние годы писательница работала над книгой «Философия: кому она необходима». Осознавая, что не сможет ее закончить, она поручила Леонарду завершить и опубликовать эту работу{360}.

Айн встречала смерть так же, как встречала жизнь: факты никогда не пугали ее. В начале марта она сказала: «Я хочу домой, хочу умереть дома». Зная, что пребывание в госпитале ничем не сможет ей помочь, врачи согласились ее отпустить. Вечером 5 марта на ее домашний номер позвонила Мими Саттон. Подошедший к телефону доктор сообщил, что пациентка в крайне тяжелом состоянии. Мими сказала в трубку: «Айн, я люблю тебя», — не зная, слышит ли та ее. На следующее утро сиделка позвонила Леонарду Пейкоффу и попросила его немедленно прибыть. Он приехал слишком поздно. У Алисы Розенбаум — Айн Рэнд — миссис Чарлз Фрэнсис О'Коннор — остановилось сердце.

Печальная новость облетела весь мир. О смерти знаменитой писательницы сообщали первые полосы газет и журналов. Группы поклонников собирались, чтобы почтить ее память, в университетских кампусах, парках и на частных квартирах. Попрощаться с Айн Рэнд в ритуальном зале на Мэдисон-авеню приехали сотни ценителей ее творчества со всей страны: политики, журналисты, бизнесмены, близкие друзья и просто знакомые, университетские преподаватели. На груди покойной лежала фотография Фрэнка, с которой она просила похоронить ее, а на пальце блестело золотое кольцо — то самое, которое в 1929 году надел Фрэнк в знак их брачного союза. Звучала музыка — но совсем не траурные марши или реквиемы, а ее любимые «ерундовые» мелодии, похожие на ту, которую она услышала в далеком детстве, на набережной в Сестрорецке или в Крыму. Специальные люди должны были следить, чтобы на церемонию прощания не прорвались Натаниэль и Барбара, однако они не приехали{361}.

Айн похоронили там же, где и Фрэнка, — на кладбище Кенсико в Валгалле, на холме. Под снегопадом стояли десятки ее друзей и поклонников, слушая стихотворение Киплинга «Заповедь»:

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,

Тогда, мой сын, ты будешь Человек![48]

Пожалуй, именно так прожила свою жизнь Айн Рэнд — наполнив смыслом каждое мгновенье, оставаясь прямой и твердой как с врагами, так и с друзьями.

Глава восьмая
POST MORTEM

Наследие

Присыпанный снежными хлопьями гроб медленно опустили в землю. Каждый из пришедших отдать последний долг положил на него прощальный цветок. Какое-то время спустя над могилой установили два простеньких памятника с надписями «Фрэнк О'Коннор 1897–1979» и «Айн Рэнд О'Коннор 1905–1982».

Однако на этом наша история не заканчивается. После смерти писательницы остались ее идеи, книги, статьи, философия, многочисленные друзья и ученики. Наконец, осталась удивительная, подобная огненному следу кометы, биография Айн Рэнд, исследованием которой специалисты занялись практически сразу после ее смерти.

Духовным наследником писательницы стал Леонард Пейкофф. Именно к нему перешли ее обширный архив документов, книги и многое другое. В 1982 году Пейкофф выпустил книгу «Зловещие параллели: Конец свободы в Америке», в которой доказывалось, что США самым зловещим образом движутся по тому же пути, который ранее прошла нацистская Германия[49]. В 1984 году, верный памяти своей учительницы, Пейкофф на основании ее архивных материалов издал несколько рассказов, пьес и отрывков из романов, не опубликованных при жизни писательницы и ставших важным дополнением к ее творческой биографии. Изданием наследия Айн Рэнд Пейкофф продолжает активно заниматься по сей день.

В 1985 году он вместе с объективистом и крупным бизнесменом Эдом Снайдером основал Институт Айн Рэнд (Ayn Rand Institute) — пожалуй, самую важную организацию, занимающуюся распространением идей писательницы. В 1989 году конфликт Пейкоффа с философом Дэвидом Келли привел к тому, что последний покинул эту организацию и основал свой собственный институт, известный как «Общество Атланта»{362}. Впоследствии к нему примкнул Натаниэль Брэнден. Исследователи называют сторонников Института Айн Рэнд «ортодоксальными объективистами», в то время как члены «Общества Атланта» часто именуются «нео-объективистами»{363}.

Позиция Натаниэля по отношению к своей бывшей учительнице после их разрыва в 1968 году была крайне неоднозначной. С одной стороны, в своих трудах он остался верен основным принципам объективизма, с другой — отошел в сторону от проповедовавшейся Рэнд строгой рациональности, отдавая должное роли эмоций в жизни человека. Еще в 1971 году он говорил: «Я чувствую, что должен принести извинения…

каждому изучающему объективизм, который когда-либо слышал мои лекции в Институте Натаниэля Брэндена… за то, что внес вклад в ужасную атмосферу интеллектуальной репрессивности, которая пронизывает объективистское движение».

Это не помешало ему в 2009 году опубликовать серию лекций по объективизму, разработанную им под руководством Айн Рэнд еще в 1950—1960-е годы{364}. В целом следует отметить, что писательница вырастила очень успешного ученика: Брэнден стал преуспевающим врачом и популярным автором, написавшим более двадцати книг, переведенных на 18 языков и напечатанных общим тиражом более четырех миллионов экземпляров. Для нашей темы, пожалуй, особенно важна его автобиографическая книга «Судный день: Мои годы с Айн Рэнд» (1989){365}, в которой он максимально откровенно рассказывает о восемнадцатилетнем периоде его жизни, проведенном рядом со своей наставницей и любовницей. Эту книгу можно осуждать за резкость и чрезмерное погружение в глубины личной жизни, но она ценна драгоценной информацией о характере и привычках писательницы.

Другим важным интерпретатором ее биографии стала Барбара Брэнден, чья книга «Страсть Айн Рэнд» (1986) вызвала новый всплеск интереса к биографии и творчеству писательницы, одновременно породив бурю возмущения среди ревностных рэндистов. В частности, Леонард Пейкофф и его окружение принципиально не верили сообщениям Барбары о романе между Айн и Натаниэлем, пока в конце 1980-х годов вторая жена Леонарда, Синтия, среди архивных бумаг не наткнулась на дневник писательницы с ее рассказом о любви к Натаниэлю. Тем не менее Пейкофф, двоюродный брат Барбары, и после этого не желал общаться с родственницей до самой ее смерти в 2013 году.

В 1999 году по книге Барбары был снят одноименный телевизионный фильм, содержащий достаточно откровенные эротические сцены. Основной темой фильма были взаимоотношения между Брэнденами, Айн, Фрэнком и второй женой Натаниэля, Патрицией. Актеры были действительно похожи на реальных персонажей; пожалуй, самым знаменитым из них был Питер Фонда, блестяще сыгравший роль стареющего красавца Фрэнка и получивший за нее премию «Золотой глобус». Этот фильм можно порекомендовать для просмотра любому, кто интересуется биографией писательницы. К сожалению, в русском прокате фильм пока не демонстрировался.

В 2011 году Барбара приняла участие в съемках документального фильма «Всё под присмотром машин любящей благодати» (режиссер Адам Кёртис), первая часть которого целиком посвящена анализу идей Аийн Рэнд и их применению в

современности.

Самым влиятельным учеником писательницы стал, безусловно, Алан Гринспен (р. 1926), еще при ее жизни начавший карьеру экономиста-аналитика в правительстве США, а в 1987 году возглавивший совет управляющих Федеральной резервной системой США. В американских политических и экономических кругах его порой называли «самым влиятельным человеком в мире»!

В 1994 году в среде объективистов произошел третий раскол: Леонард Пейкофф разорвал отношения с экономистом Джорджем Рейснером, и в результате Институт Айн Рэнд покинула еще одна значительная часть ее последователей{366}.

Новая волна интереса к трудам и личности писательницы прокатилась по всему миру в связи с мировым экономическим кризисом 2008 года. Удивительно, но после начала кризиса сам Гринспен признал, что Рэнд была неправа, когда утверждала, что рыночная экономика может сама регулировать себя: по его мнению, события 2008 года продемонстрировали необходимость определенного государственного вмешательства в экономику. «Упс! Десятилетия деятельности Айн Рэнд выливаются в водосточную трубу» — так саркастически прокомментировали это заявление некоторые американские журналисты{367}. Другие, напротив, считают, что экономический кризис произошел именно из-за неудачного государственного вмешательства и что Рэнд как раз показывала, как кризис можно преодолеть.

Нет сомнений, что именно на этой волне произошло удивительное — «Атлант…» наконец-то был экранизирован! С 2011 по 2014 год было снято три серии фильма. Полагаем, писательница была бы в ужасе от того, как киноиндустрия обошлась с ее любимым детищем. Каждую серию снимал другой режиссер и, соответственно, в них играли разные актеры. Сценарий был адаптирован под реалии начала XXI века: персонажи пользовались современными компьютерами, телевизорами, мобильными телефонами и т. п. В фильме не снялась ни одна кинозвезда, и все три серии провалились в прокате. (Кстати, изначально предполагалось, что роль Дагни Таггарт сыграет Анджелина Джоли; возможно, ее участие привлекло бы публику{368}.)

Айн Рэнд по-прежнему продолжает быть притчей во языцех. В США ее имя известно абсолютно всем. Она очень популярна среди современных американских ультраконсерваторов и бизнесменов. С 1999 года в США издается научный «Журнал изучения Айн Рэнд» («The Journal of Ayn bland Studies»). Создана даже компьютерная игра «Биошок» («Bioshock»), действие которой

происходит в фантастическом тайном городе на дне Атлантического океана в 1960 году. В игре содержатся многочисленные реминисценции на произведения Айн Рэнд: открыто удивительное вещество «адам» (вспомним «риарден» из «Атланта…»); основатель тайного города на дне океана, промышленный магнат Эндрю Райан (несложно угадать здесь анаграмму имени писательницы: Andrew Ryan — Ayn Rand), следуя концепции невмешательства государства в экономику и отказа от общечеловеческой морали, приводит свое детище к разрушению; его оппонентом выступает лидер Сопротивления Атлас. Пожалуй, создатели игры — не поклонники, а, напротив, критики идей Рэнд.

Институт Айн Рэнд действует и по сей день, проводит лекции, семинары, конференции и специальные курсы, где преподается философия Айн Рэнд и продвигаются идеи объективизма. Именно там находится самое крупное в мире собрание книг по объективизму, а также личный архив писательницы, поработать в котором удается далеко не всем. Редчайшее исключение было сделано, к примеру, для Дженнифер Бёрнс{369}. Другим биографам — например Крису Ша-барре, Энн Хеллер, Роберту Кэмпбеллу{370} — в допуске было отказано. Новую биографию писательницы много лет готовит к печати Шошана Мильгрэм, получившая допуск к архивным материалам Института Айн Рэнд. Благодаря любезности сотрудников Архива Айн Рэнд со многими личными документами удалось ознакомиться и авторам этой книги.

В последние годы Институт Айн Рэнд предпринимает усилия по продвижению объективизма во всём мире. В октябре 2012 года с этой целью был основан Центр Айн Рэнд в Израиле, в апреле 2015-го — Институт Айн Рэнд в Европе, а в феврале 2017 года — Центр Айн Рэнд в Японии. Клубы объективистов появились в последние годы в Мексике, Аргентине, Великобритании, Болгарии, Индии и Китае. Есть также организация «Международный объективизм» («Objetivismo Internacional»), которая занимается распространением объективизма в испаноязычных странах.

В последние годы жизни писательницы и после ее смерти о ней и ее творческом и философском наследии были написаны сотни монографий, тысячи статей, миллионы отзывов, реплик и постов в Интернете, сделана не одна научная карьера. Аллюзии на повести и романы Айн Рэнд можно встретить в современной музыке, зданиях, художественных произведениях, в молодежной субкультуре, карикатурах, комиксах, инсталляциях и перформансах{371}. По самым скромным подсчетам, ежегодно в

мире публикуется не менее четырехсот тысяч экземпляров ее книг. Пожалуй, сложно найти другого автора российского происхождения, чье имя столь же часто было на языке у обитателей Западного полушария. По мнению некоторых исследователей, мы имеем дело с явлением, которое можно называть настоящим культом Айн Рэнд{372}.

Путь на родину

Знакомство российского читателя с творческим наследием Айн Рэнд состоялось сравнительно недавно. Правда, несмотря на декларируемое ею отвращение к Стране Советов, именно там состоялся ее творческий дебют — в 1920-е годы были опубликованы две брошюры о Голливуде.

Первая русскоязычная публикация об Айн Рэнд появилась, как мы помним, в американском журнале «Америка», распространявшемся в СССР, в 1971 году — без указания ее настоящего имени и обсуждения антисоветской направленности ее произведений.

В отличие от того же Владимира Набокова, чье имя было известно хотя бы понаслышке, а произведения порой доходили до советского читателя через «тамиздат», Айн Рэнд оставалась совершенно неизвестной в СССР. Ее книги не переводились на русский язык на Западе. Тем более это было невозможно на покинутой ею родине — из-за их резкой антисоветской критики и прокапиталистической риторики.

Первые краткие упоминания об Айн Рэнд в отечественной литературе — в основном негативные — стали появляться в 1980-е и начале 1990-х годов. Литературоведы и политологи, естественно, произведения писательницы не читавшие, но о ней самой кое-что слышавшие, критиковали ее за крайний индивидуализм и антикоммунизм{373}.

Полноценный приход Рэнд в русскоязычное культурное пространство связан с деятельностью Дмитрия Костыгина, начавшего свой путь к финансовому успеху переводами ее книг в лихие девяностые. На сочинения Айн Рэнд его «подсадил» американский экономист Кен Скуланд, с которым Дмитрий познакомился в Санкт-Петербурге в свою бытность экскурсоводом. Посетив в 1993 году по приглашению Скуланда США, 21-летний Костыгин нашел частных инвесторов для издания в России книг Айн Рэнд в его переводах. В 1993 году он перевел «Мы живые», в 1995-м — «Источник», в 1997 году — трилогию «Атлант расправил плечи». Параллельно Костыгин занимался бизнесом — создал несколько компаний, оборот которых в 2001 году превышал 250 миллионов долларов{374}. Удивительная карьера этого человека — пожалуй, один из наиболее ярких примеров того, как идеи Айн Рэнд, будучи правильно примененными к современным реалиям, могут привести к финансовому успеху. Будь писательница жива, она, несомненно, гордилась бы Косты-гиным не меньше, чем Аланом

Гринспеном.

Тогда же, в 1990-е годы, в свет выходят первые переводы философских трудов писательницы{375}. Новая, качественно иная волна интереса к Айн Рэнд, ее идеям и произведениям, поднимается в России, как и во всём мире, сразу после экономического кризиса 2008 года. Ее книгами начинают зачитываться политики, бизнесмены, студенты, домохозяйки… Как и в Америке, в России ее творчество порождает широкий спектр откликов — от поклонения и почитания до полного неприятия и резкой критики. Одним из самых восторженных поклонников писательницы стал известный предприниматель Евгений Чичваркин. Самым ярым критиком Айн Рэнд в России является, пожалуй, Дмитрий Санин, опубликовавший в 2018 году едкую сатирическую книгу «Анатомия “Атланта”. В постели с Айн Рэнд», заявив, что его труд в семь раз меньше по объему, в семь раз менее уныл, в семь раз менее опасен для интеллекта, сэкономит массу времени и «предохранит от неизбежных синяков на лице, вызванных злоупотреблением жестом “рукалицо” при чтении оригинала». Что ж, даже сам факт наличия как поклонников, так и противников показывает, что идеи писательницы продолжают волновать умы.

О том, насколько неодномерна популярность Рэнд и ее идей, могут свидетельствовать, в частности, казусы, произошедшие с авторами этих строк. В 2010 году после упоминания фактов биографии и творчества писательницы, не запланированных школьной программой, один из нас был вызван в прокуратуру Евпатории по обвинению в… пропаганде фашизма. По странной логике человека, написавшего кляузу в правоохранительные органы, Айн Рэнд была против коммунизма и Советского Союза, а значит, поддерживала фашизм; следовательно, тот, кто рассказывает о ней, также пропагандирует идеологию фашизма. Если бы автор кляузы не поленился поинтересоваться истинным отношением Айн Рэнд к фашизму, то узнал бы, что еврейка Алиса Зиновьевна Розенбаум ненавидела его столь же люто, как и любые другие проявления государственного тоталитаризма. А после публикации нами статьи о биографии Айн Рэнд в израильском журнале «Морешет Исраэль»{376}редакция получила свирепое письмо известного американского профессора-рэндолога, требовавшей удаления статьи и принесения ее авторами извинения за искажение светлого образа юной писательницы.

За посткризисное десятилетие (2008–2018) на русском языке были опубликованы все художественные произведения Айн Рэнд, включая вышедшие в свет после смерти автора; изданы

практически все ее философские, политологические и экономические труды, а также несколько работ, интерпретирующих ее творчество и биографию. Надеемся, что весомый вклад в знакомство соотечественников с судьбой и идеями писательницы внесет наша книга — первая серьезная попытка российских исследователей проанализировать жизненный и творческий путь Алисы Розенбаум, ставшей властительницей дум, великой и непримиримой Айн Рэнд.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проследив длинный жизненный путь писательницы, попытаемся воссоздать ее предпочтения, страсти, характер и привычки. Какой была эта удивительная несгибаемая женщина, с терпением Атланта несшая на своих хрупких плечах тяжкий груз разработанной ею радикальной философско-политической доктрины?

Невысокая, с огромными глазами, Айн Рэнд совсем не походила на главных героинь ее романов — длинноногих блондинок. Тем не менее она, безусловно, была привлекательна, и легкая полнота ее совсем не портила. Несмотря на декларируемую всю сознательную жизнь нелюбовь к физическим упражнениям, Рэнд была достаточно бодра и полна жизненной энергии даже в 76 лет. Правильный овал лица, полные чувственные губы, карие глаза — почти все современники писали, что она пронзала взглядом насквозь и видела всю сущность человека. Прямые темные волосы, подстриженные по моде 1920-х годов. Она не очень любила собственное тело и не заботилась о нем, как и о своем здоровье. Была аскетична в одежде, хотя, разбогатев, купила себе норковую шубу; часто носила дырявые чулки, неаккуратно красила губы. Говорила с хрипотцой — возможно, из-за постоянного курения.

Курить она начала сразу же после переезда в США и продолжала предаваться этой вредной привычке вплоть до обнаружения в 1973 году злокачественной опухоли в легких. Курила практически беспрерывно, размахивая мундштуком в такт словам. Любила швейцарский шоколад и кондитерские изделия. Не любила фрукты и вообще природу. Прекрасно готовила, хотя делала это крайне редко и весьма неохотно. Обожала кошек. Так и не научилась водить автомобиль, что крайне необычно для Америки.

Прекрасный оратор, она чувствовала себя совершенно свободно в любой аудитории, вне зависимости от числа присутствующих и их статуса. Записей ее русской речи нет, зато осталось множество выступлений на английском. Она до конца жизни говорила с акцентом, особенно заметным в сложных для русской фонетики дифтонгах, однако это нисколько не портило общего впечатления от ее выступлений, поскольку и разговорным, и литературным английским она владела виртуозно, практически не допускала ошибок. Во время публичных выступлений резкой и язвительной фразой могла отбрить как поклонника с его топорной лестью, так и противника.

Терпеть не могла неожиданностей, социальные тусовки, легкое общение; интересовалась только глубокими интеллектуальными беседами. Любила спрашивать в самом начале знакомства: «Каковы твои жизненные принципы?» Если в ответ человек начинал мямлить и говорить банальности, то навеки исключался из числа знакомых. Она считала свое мнение истиной в конечной инстанции — по всем вопросам, начиная от философии и заканчивая музыкой и искусством. Если с ней начинали спорить, могла впасть в безудержный гнев, до предела повышала голос и порой не контролировала себя. Эта черта, присущая ей с юных лет, с годами только усилилась. Могла бесповоротно разорвать отношения, если собеседник не соглашался с ее утверждением, что, например, «Бах — бездарен, а композитор имярек — велик и прекрасен». Пыталась обратить «в свою веру» практически каждого, с кем беседовала.

Айн Рэнд имела массу предрассудков, которые сложно объяснить рационально. Боялась летать и, насколько нам известно, лишь однажды, в 1963 году, смогла преодолеть страх и села в самолет. Признавалась Барбаре Брэнден, что боится посещать Европу, так как там ее могут похитить коммунисты{377}. Ужасно боялась бактерий, мыла посуду чуть ли не кипятком, надевая огромные перчатки. Уходя из дома, по нескольку раз проверяла замок, раз за разом возвращаясь к двери дома. Коллекционировала марки, с детства собирала всякие мелочи, а поэтому хранила билеты, открытки, письма и фотографии; привезла в Америку ворох семейных фото и документов, чем изрядно облегчила работу ее биографов. Крайне осторожно переходила дорогу, поскольку вскоре после иммиграции ее сбило такси (по-видимому, она не сильно пострадала, но память об этом событии сохранилась). Пила много кофе, чтобы поддерживать себя в возбужденном состоянии и работать ночи напролет.

Писательница явно не замечала разницы между страной в 1920-е годы, из которой она эмигрировала, и Советским Союзом 1970-х годов, всерьез полагая, что невиновные в преступлениях коммунизма граждане продолжают преимущественно сидеть в лагерях. Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на любовь к США, она резко осудила американскую интервенцию во Вьетнаме.

Посещение с Айн киносеанса, оперы или театра для ее спутников зачастую превращалось в муку: если что-то из увиденного ей не нравилось, она громко, чтобы все слышали, выносила безапелляционный вердикт. Крайне сложно логически объяснить ее вкусы и предпочтения в области литературы и искусства. Она любила музыку Рахманинова, Чайковского и

Шопена, оперетты, эстрадные мелодии 1920-х годов, но терпеть не могла Моцарта, Бетховена, Баха и Генделя. Обожала живопись Дали и Вермеера, но отвергала Рембрандта, Пикассо и импрессионистов. Ее отношение к импрессионистам понятно: их романтическое искусство взывало к эмоциям и чувствам, а не к реалистическому восприятию мира. Однако как в таком случае объяснить ее любовь к сюрреалисту Дали и неприязнь к реалисту Рембрандту? Ей нравилось творчество Достоевского, Исака Динесена (Карен Бликсен), О. Генри, Гюго, Александра Дюма-старшего и непритязательные детективные новеллы Микки Спиллейна, однако она терпеть не могла произведения Томаса Манна, Томаса Вулфа, Шекспира и всю русскую литературу — по ее словам, за мрачность и иррациональность (отчего же тогда в числе ее любимых писателей мрачный и трагичный Достоевский?). Из философов превозносила Аристотеля и ругала Платона и Канта. Неплохо рисовала, в том числе портреты и эскизы афиш, но делала это крайне редко.

Следовала ли она сама своим идеям и принципам? Большинство поклонников Айн Рэнд утверждают, что создательница доктрины объективизма целиком и полностью воплощала в себе его идеалы, потому и достигла таких высот. На наш же взгляд, писательница постоянно противоречила самой себе и вовсе не соблюдала провозглашаемые ею постулаты.

Как мы помним, одним из краеугольных камней ее доктрины являются безоговорочное осуждение альтруизма и героизация самодостаточности, индивидуализма и эгоизма: «Живи только для себя и не думай о ближних, а тем более о дальних. Они сами позаботятся о себе». Тем не менее мы знаем, что Айн и ее муж частенько одалживали деньги безработным писателям; один из них в течение длительного времени жил у них на ранчо. Позднее Айн часто раздавала стипендии и денежные призы бедным студентам. В 1939 году она перевела деньги финской армии, воевавшей против СССР, а с 1973 года начала передавать средства в помощь Государству Израиль, что можно однозначно охарактеризовать как благотворительность, или альтруизм, который она так горячо отрицала{378}. Позабыв о себе, она заботилась о Фрэнке в последние годы его жизни: грела его ослабевшие руки, кормила с ложечки — точно так же, как (Сира Аргунова, героиня романа «Мы живые», делала всё ради выздоровления любимого. Всё это не очень согласуется с провозглашенным ею кредо — эгоизмом и индивидуализмом.

Другим центральным постулатом ее доктрины является вера в силу разума, уверенность в том, что в жизни надо руководствоваться только рационализмом и логикой, а не

эмоциями и предрассудками. Однако ей самой это удавалось далеко не всегда. К примеру, она всю жизнь носила «на счастье» золотые часы, однажды найденные ею в Лос-Анджелесе{379}. Разве можно холодным расчетом объяснить любовь сразу к двум мужчинам — законному мужу и ученику — и принятое ею решение жить одновременно с обоими?

Айн Рэнд ненавидела царскую Россию и СССР, но время от времени готовила русские блюда, особенно любила бефстроганов, обожала ходить с Фрэнком и друзьями в русские рестораны Нью-Йорка. Она отрицала религию — и при этом прекрасно помнила зазубренные еще в школе православные молитвы, а одной из самых любимых ее картин было полотно Сальвадора Дали с изображением распятия. Презирала феминизм, считая, что женщина должна подчиняться мужу, — и сама была ярким примером независимой женщины, самостоятельно принимала даже самые радикальные решения. Была целиком за свободное либеральное общество — и осуждала гомосексуализм. Говорила, что жить надо для радости и удовольствия, — и была трудоголиком, часто работала сутки напролет, не зная отдыха. Не принимала советский коллективизм, но, к примеру, в 1927 году участвовала в некоем подобии коммунистического субботника — уборке территории Голливуда вместе с другими актерами массовки{380}. Ненавидела коммунизм и большевиков, однако при этом одним из ее любимых персонажей был революционер Анжольрас из романа Гюго «Отверженные», а в ее собственных произведениях большевики Андрей Таганов («Мы живые») и комендант Кареев («Красная пешка») являются положительными героями. Она экспертно рассуждала о различных экономических проблемах, но сама не вкладывала свои достаточно крупные заработки в акции компаний, не играла на бирже, а просто держала деньги на банковском счету.

Подобных противоречий можно найти множество. Впрочем, это не должно удивлять. Она была слишком многоплановым и противоречивым человеком, чтобы ригористично следовать какой-либо одномерной доктрине. Как мы видим, индивидуализм и эгоизм в ней часто объединялись с добротой и человеколюбием, рационалистическое и логическое — с чувственным и суеверным, хрупкое — с резким и непреклонным. Наверное, другой и не могла быть эта удивительная и многомерная личность — писательница, драматург, сценарист, мыслитель.

Так же неоднозначны для понимания и ее идеи и произведения. К примеру, одни видят в них панацею против кризисных явлений финансового рынка; другие, напротив, считают, что выход из кризиса 2007–2008 годов показал: по-

настоящему гибкой и жизнеспособной может быть только умеренно регулируемая государством экономика, против которой так резко выступала писательница. Кто-то взахлеб читает ее объемистые романы, а кому-то они кажутся сухим «капреализмом» — по сути, «соцреализмом наизнанку»{381}.

Насколько актуальны ее идеи для современной России? Пожалуй, едва ли наше достаточно традиционное общество примет проповедовавшийся ею атеизм и доходивший до эгоизма индивидуализм.

Однако, на наш взгляд, совершенно не обязательно принимать весь комплекс жизненных установок писательницы; можно попросту взять лучшие из них. Несомненно, россиянам чрезвычайно пригодились бы свойственная всем главным героям Айн Рэнд настойчивость в достижении цели, бескомпромиссность в том, что касается жизненных принципов, возвышенный романтизм в личных отношениях. Нельзя не восхищаться достижениями этой маленькой целеустремленной женщины, ее способностью прошибать любые стены, заставлять мир прогибаться под напором ее железной воли. А если бы мы все стали работать так отчаянно и увлеченно, как Хэнк Риарден, Дагни Таггарт и Говард Рорк! Если бы, как сама Айн Рэнд, сосредоточивались на главном — на работе, на развитии своего интеллекта, не придавая значения дорогим нарядам, новым машинам, не тратя время на пустые знакомства, ненужные встречи и прочую мишуру!

Так кем всё же была Айн Рэнд? Если рассказать ее удивительную жизнь, «стоя на одной ноге», получится история еврейской Золушки, бежавшей из большевистского СССР, чтобы стать королевой американской интеллектуальной жизни, политики, культурологии, киноиндустрии и идеологии свободного предпринимательства.

Помогут ли ее идеи и романы вам, решайте сами.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АЛИСЫ РОЗЕНБАУМ — АЙН РЭНД

1905, 20 января[50] — в Санкт-Петербурге в семье Зиновия Захаровича и Анны Борисовны Розенбаум родилась первая дочь Алиса.

1907, 15 июня — рождение в Санкт-Петербурге сестры Натальи.

1910, 21 августа — рождение сестры Элеоноры (Норы).

Переезд с родителями и сестрами в дом 120 на Невском проспекте.

1914, май — июнь — поездка семьи Розенбаум в Европу.

Осень — поступила в частную женскую гимназию М. Н. Стоюниной.

1917— подружилась с Ольгой Набоковой.

1918, ноябрь — декабрь — отъезд Розенбаумов из Петрограда в Одессу.

1918, декабрь — 1919, январь — переезд семьи в Евпаторию.

1919, 30 мая — переведена в шестой класс гимназии А. П. Рущинской и А. А. Миронович.

1920, ноябрь — окончательное установление в Евпатории власти большевиков.

1921, 30 июня — окончила школу II ступени № 4 в Евпатории.

Июль — возвращение семьи в Петроград.

2 октября — поступила на общественно-педагогическое и литературно-художественное отделение факультета общественных наук Петроградского государственного университета.

1922 — познакомилась с Львом Беккерманом.

1923, 13 декабря — отчислена из Ленинградского государственного университета.

Переезд семьи в дом 16 в Дмитровском переулке.

1924, 15 июля — после ликвидации академической задолженности по политэкономии подала заявление с просьбой о выдаче свидетельства об окончании Ленинградского государственного университета.

13 октября — получила свидетельство об окончании Ленинградского государственного университета.

15 ноября — поступила в Школу экранного искусства.

1925, 28 декабря — забрала документы из Техникума

экранного искусства.

Опубликовала в серии «Популярная кино-библиотека» брошюру об американской актрисе Поле Негри.

1926, 17 января — покинула Ленинград с намерением эмигрировать в Америку.

10 февраля — из французского Гавра отправилась в США на пароходе «Де Грасс».

18 или 19 февраля — прибыла в Нью-Йорк.

Конец февраля — август — проживала у родственников в Чикаго.

3 сентября — приехала в Лос-Анджелес и поселилась в общежитии «Клуб студии Голливуд».

4 сентября — встретилась с режиссером Сесилом де Миллем и начала сниматься в массовке.

Не ранее 11 сентября — встретила Фрэнка О'Коннора. Публикация в СССР брошюры «Голливуд, американский киногород».

1927 — начала работу у де Милля в качестве помощника сценариста.

1929, 15 апреля — в Лос-Анджелесе вышла замуж за Фрэнка О'Коннора.

Весна — начала работать делопроизводителем в костюмерном отделе голливудской киностудии «Радио Кейт Орфеум Пикчерз».

29 июня — получила грин-карту — вид на жительство в США.

1931, 3 марта — получила американское гражданство.

1932, сентябрь — продала кинокомпании «Юниверсал Пикчерз» сценарий «Красная пешка» и поступила туда на работу в качестве сценариста.

1934, 25 июня — начала работать сценаристом на киностудии «Парамаунт Пикчерз».

22 октября — премьера пьесы «Женщина в суде» («Ночью 16 января») в театре «Холливуд Плейхаус».

24 ноября — вместе с Фрэнком переехала в Нью-Йорк.

1935, 16 сентября — премьера пьесы «Ночью 16 января» на Бродвее.

1936, апрель — опубликован роман «Мы живые».

1937, 6 мая — расстрел Льва Беккермана в Ленинграде как «врага народа» по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

1938, май — отказ советских властей выдать семье Розенбаум разрешение на эмиграцию в США. Публикация издательством «Кассел» в Лондоне повести «Эго» («Гимн»).

1939, 22 января — смерть отца в Ленинграде.

1940, 14 февраля — премьера пьесы «Непокоренная» в театре «Билтмор» в Нью-Йорке.

1941, 15 ноября — смерть матери в Ленинграде.

Выпуск киностудией «Парамаунт Пикчерз» экранизации пьесы «Ночью 16 января».

1942, Июнь — гибель сестры Натальи в Ленинграде во время немецкого авианалета.

31 декабря — сдала рукопись романа «Источник» в издательство «Боббс — Меррилл».

Экранизация в Италии романа «Мы живые» без разрешения автора.

1943, 8 мая — выход в свет романа «Источник».

1944, июль — приобрела дом с садом и ранчо в городе Чатсуорт.

1947, 20 октября — участвовала в работе Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

1949, 23 октября — премьера фильма «Источник».

1950, 2 марта — познакомилась с Натаном Блюменталем.

1951, лето — переезд Н. Блюменталя и его подруги Барбары Вайд-ман в Нью-Йорк.

23 октября — перехала с мужем в Нью-Йорк.

1952 — смена Натаном Блюменталем имени на Натаниэля Брэйдена.

1953, январь — женитьба Н. Брэндена на Б. Вайдман.

1954, осень — вступила в связь с Н. Брэйденом.

1957, 10 октября — выход в свет романа «Атлант расправил плечи».

1958, осень — начало лекторской деятельности Н. Брэндена по популяризации идей объективизма.

1961 — публикация сборника статей «Для нового интеллектуала».

1962, январь — открытие Института Натаниэля Брэндена.

Июнь — публикация книги Н. и Б. Брэнден «Кто такая Айн Рэнд?».

1964, март — дала интервью журналу «Плейбой».

Выход в свет сборника статей «Добродетель индивидуализма: Новая концепция эгоизма».

1966 — выпустила сборник статей «Капитализм: Незнакомый идеал».

1967— выпустила книгу «Введение в объективистскую эпистемологию».

1968, август — сентябрь — разорвала отношения с Брэнденами; закрытие Института Натаниэля Брэндена.

1969, ноябрь — опубликовала сборник статей «Романтический

манифест: Философия литературы».

1971, сентябрь — издала сборник статей «Новые левые: Антииндустриальная революция».

1972, ноябрь — декабрь — возобновила контакты с проживавшей в СССР младшей сестрой Элеонорой, в замужестве Дробышевой.

1974 — поездка Элеоноры с мужем в США.

1979, апрель — второе издание книги «Введение в объективистскую эпистемологию». Приняла участие в телешоу Фила Донахью.

9 ноября — смерть мужа в Нью-Йорке.

1981, 21 ноября — выступила с лекцией «Добровольные жертвы» в Новом Орлеане.

1982, 6 марта — умерла в Нью-Йорке.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения Алисы Розенбаум

[Розенбаум А.] Пола Негри. М.; Л., 1925.

Розенбаум А. Голливуд, американский киногород. М.; Л, 1926.

Russian Writings on Hollywood / Ed. by M. S. Berliner; translated by D. Garmong. Irvine, 1999[51].

Художественные произведения Айн Рэнд[52]

Rand A. We the Living. New York, 1936.

Rand A. Anthem. London, 1938.

Rand A. The Fountainhead. Indianapolis, 1943.

Rand A. Atlas Shrugged. New York, 1957.

Rand A. Night of January 16th. New York, 1968.

The Early Ayn Rand / Ed. by L. Peikoff. New York, 1984. *Rand* / (.Three Plays / Ed. by R. E. Ralston. New York, 2005.

Переводы на русский язык художественных произведений Айн Рэнд

Рэнд А. Атлант расправил плечи / Пер. Д. В. Костыгина. СПб., 1997.

Рэнд А. Гимн / Пер. Д. В. Костыгина. М., 2011.

Рэнд А. Источник / Пер. Д. В. Костыгина. М., 2011.

Рэнд А. Муж, которого я купила / Пер. А. В. Молоткова, А. Л. Караваевой, Т. А. Неретиной. М., 2011.

Рэнд Э. Мы — живые / Пер. Д. В. Костыгина, С. А. Костыгиной. СПб., 1993.

Рэнд А. Ночью 16 января / Пер. А. Молоткова, Т. Ребиндер. М., 2012.

Рэнд А. Подумай дважды / Пер. А. В. Молоткова, Т. Ю. Ребиндер. М., 2012.

Рэнд А. Идеал / Пер. Ю. Соколова, Т. Ребиндер. М., 2017.

Публицистические и философские произведения Айн Рэнд

Rand A. Screen Guide for Americans. Beverly Hills, CA, [1946].

Rand A. For the New Intellectual. 1961.

Rand A. The Virtue of Selfishness. New York, 1964.

Rand A. Capitalism: The Unknown Ideal. New York, 1966.

Rand A. Introduction to Objectivist Epistemology. New York, 1967.

Rand A. The Romantic Manifesto. New York, 1969.

Rand A. 7he New Left: The Anti-Industrial Revolution. New York, 1971.

Rand A. Philosophy: Who Needs It / Ed. by L. Peikoff. Indianapolis, 1982.

Rand A. The Voice of Reason / Ed. by L. Peikoff. New York, 1989. The Ayn Rand Column / Ed. by P. Schwartz. New Milford, Conn., 1991.

The Ayn Rand Reader / Ed. by G. Hull, L. Peikoff. New York, 1999.

Rand A. Return of the Primitive / Ed. by P. Schwartz. New York, 1999.

Rand A. The Art of Fiction / Ed. by T. Boeckmann. New York, 2000. *Rand A.* The Art of Nonfiction / Ed. by R. Mayhew. New York, 2001. The Ayn Rand Sampler / Ed. by L. Peikoff. New York, 2002.

Ayn Rand Answers / Ed. by R. Mayhew. New York, 2005.

Переводы на русский язык публицистических и философских произведений Айн Рэнд

Рэнд А. Концепция эгоизма / Пер. М. Словиной, А. Лебедева, под ред. Д. Костыгина. СПб., 1995.

Рэнд А. Апология капитализма / Пер. С. Силаковой. М., 2003.

Рэнд А. Санкция жертвы / Пер. Ю. Новгородского // Экономическая политика. 2008. № 4. С. 107–113.

Рэнд А. Добродетель эгоизма / Пер. Г. Зелениной и др. М., 2011.

Рэнд А. Возвращение примитива: Антииндустриальная революция / Пер. с англ. М., 2011.

Рэнд А. Искусство беллетристики / Пер. Т. А. Неретиной. М., 2011.

Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал / Пер. Г. Зелениной, М. Кульневой, Е. Милицкой и др. М., 2011.

Рэнд А. Романтический манифест. Философия литературы / Пер. М. Суханова, Я. Токарева. М., 2011.

Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике / Под ред. М. Савиной. М., 2012.

Переписка, дневники, заметки, интервью

Ayn Rand's Marginalia / Ed. by R. Mayhew. New Milford, CT, 1995.

Letters of Ayn Rand / Ed. by M. S. Berliner. New York, 1995.

Journals of Ayn Rand / Ed. by D. Harriman. New York, 1997.

Objectively Speaking: Ayn Rand Interviewed / Ed. by M. Podritske, P. Schwartz. Lanham, MD, 2009.

Научно-исследовательская литература

Айн Рэнд. 100 голосов / Сост. С. Макконнелл; пер. Ю. Соколова. М., 2018.

Вайс Г. Вселенная Айн Рэнд / Пер. Е. А. Королевой. СПб., 2014.

Вильгоцкий А. В. Кто такая Айн Рэнд? М., 2015.

Григоровская А. В. Первый американский роман о Советской России: «Живое» и «Мертвое» в романе Айн Рэнд «Мы живые» // Политическая лингвистика. 2016. № 1. С. 144–150.

Никифорова Л., Кизилов М. Крымский период в жизни американской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) // Judaica Ukrainica. К., 2012. Т. 1. С. 287–313.

Шляпентох В. Айн Рэнд: ее марксистские и большевистские корни // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 1–8.

Эткинд А. Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арендт//Знамя. 2000. № 12. С. 161–181.

100 Voices: an Oral History of Ayn Rand / Ed. by S. McConnell. New York, 2010.

Ayn Rand and Song of Russia / Ed. by R. Mayhew. Lanham, MD, 2005.

Binswanger H. The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z. New York, 1988.

Branden A The Passion of Ayn Rand. New York, 1987.

Branden N. Judgement Day: My Years with Ayn Rand. Boston, 1989.

Branden N. The Vision of Ayn Rand: The Basic Principles of Objectivism. 2010.

Britting J. Ayn Rand. New York; Woodstock; London, 2004.

Bums J. Goddess of the Market: Ayn Rand and the American Right. Oxford, 2009. P. 301.

Bums J. In the Ayn Rand Archive // Raritan. 2012. № 32. P. 53–74.

Campbell R. L. Six Years Outside the Archives: The Chronicle of a

Misadventure, in Three Acts // Journal of Ayn Rand Studies. 2017. Vol. 17. № l.P. 68–83.

Essays on Ayn Rand's «Anthem» / Ed. by R. Mayhew. Lanham, MD, 2005.

Essays on Ayn Rand's «Atlas Shrugged» / Ed. by R. Mayhew. Lanham, MD, 2009.

Essays on Ayn Rand's «The Fountainhead» / Ed. by R. Mayhew. Lanham, MD, 2006.

Essays on Ayn Rand's «We the Living» / Ed. by R. Mayhew. Plymouth, 2012.

Feminist Interpretations of Ayn Rand / Ed. by M. R. Gladstein, C. Sciabarra. Pennsylvania, 1999.

Gladstein M. R. Atlas Shrugged: Manifesto of the Mind. New York, 2000.

Gladstein M. R. Ayn Rand. New York, 2009.

GotthelfA. On Ayn Rand. Belmont, CA, 2000.

Heller A. C. Ayn Rand and the World She Made. New York, 2009.

Kelley D. The Contested Legacy of Ayn Rand: Truth and Toleration in Objectivism. New Brunswick; New Jersey, 2000.

Nikiforova L., Kizilov M. Eupatoria Pages of the Biography of the American writer Ayn Rand — Alisa Rosenbaum (1905–1982) // Moreshet Israel: A Journal for the Study of Judaism, Zionism and Eretz Israel. 2018. № 16. P. 109–139.

O'Neill W. F. With Charity Toward None: An Analysis of Ayn Rand's Philosophy. New York, 1977.

Paxton M. Ayn Rand: A Sense of Life (The Companion Book). Layton, UT, 1998.

Rosenthal B. G. The Russian Subtext of «Atlas Shrugged» and «The Fountainhead» // The Journal of Ayn Rand Studies. 2004. № 6:1. P. 195–225.

Sciabarra C. M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania, 2013.

Sciabarra C. M. The Rand Transcript // The Journal of Ayn Rand Studies. 1999. Vol. 1. № 1. P. 1–26.

Sciabarra Ch. M. The Illustrated Rand // The Journal of Ayn Rand Studies. 2004. Vol. 6. № 1. P. 1–20.

Sures [Rukavina] M. A., Sures Ch. Facets of Ayn Rand. [Marina del Rey, CA], 2001.

The Philosophic Thought of Ayn Rand / Ed. by D. Den Uyl, D. Rasmussen. Chicago, 1986.

Valliant J. S. The Passion of Ayn Rand's Critics: The Case Against the Brandens. Dallas, 2005.

Walker J. The Ayn Rand Cult. Chicago, 1999.

Weiss G. Ayn Rand Nation: The Hidden Struggle for America's

Soul. New York, 2012.

Людмила Никифорова
Михаил Кизилов

Людмила Никифорова — филолог, педагог, председатель Евпаторийского культурно-просветительского общества им. А. Ахматовой, автор многочисленных статей по истории русской литературы и искусства.

Михаил Кизилов — историк, востоковед, выпускник Оксфорда, специалист по истории восточноевропейских евреев, русско-еврейской литературы и этнографии народов Крыма.

Если у жизни есть музыкальная тема... то моей является вера, одержимость или мания – или все они разом, выраженные одним словом: индивидуализм. Я родилась с этой навязчивой идеей и никогда не видела и доныне не знаю дела более достойного, более неверно понятого, более кажущегося безнадежным и более трагически необходимого.

Айн Рэнд

ISBN 978-5-235-04343-5

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Мы пользовались переводом Д. В. и С. А. Костыгиных, в котором английское название романа «We the Living» переведено как «Мы живые». В других переводах встречаются варианты названия «Мы, живые» и «Мы — живые».

2

Несмотря на то что отечественные переводчики пишут эту фамилию как Бранден, единственно правильной является транскрипция Брэнден. Именно так звучит эта фамилия на английском языке во всех интервью с Барбарой и Натаниэлем Брэнден, а также в передачах, посвященных биографии Айн Рэнд.

3

Сама писательница даже после перехода России с юлианского календаря на григорианский (1918) указывала в качестве даты своего рождения именно 20 января (например, она стоит в американском паспорте, выданном ей 29 июня 1929 года; см.: Britting J. Ayn Rand. New York; Woodstock; London, 2004. P. 39). Однако известно, что в 1926 году Алиса Розенбаум отметила в Берлине свой двадцать первый день рождения 2 февраля (см.: Branden ÄThe Passion of Ayn Rand. New York, 1987. P. 62), что как раз соответствует 20 января по старому стилю.

4

Черта оседлости — существовавшая с 1791 по 1917 год граница территории на западе Российской империи, за пределами которой было официально запрещено проживать евреям, за исключением отдельных социально «полезных» категорий — купцов первой гильдии, военных чинов, рекрутов, ремесленников, крупных финансистов, промышленников, врачей, людей искусства и прочих, получавших специальные разрешения.

5

Еврейское местечко — небольшое поселение городского типа в черте оседлости с преобладанием еврейского населения.

Впрочем, это правило действовало не всегда: Эстер могла зваться Стефанией или Ириной, Зорух — Григорием, Зеэв — Вольфом и т. д.

7

Вероятнее всего, имеется в виду граф Алексей Алексеевич Игнатьев (1877–1954) — известный русский и советский военный деятель, дипломат, автор мемуаров «Пятьдесят лет в строю».

8

В электронном списке евреев, погибших во время блокады Ленинграда, она ошибочно названа Анат бат Барух, то есть Анат, дочь Баруха (см.: Список погибших в годы Блокады Ленинграда во время Второй мировой войны евреев и лиц, носящих еврейские имена и фамилии [Электронный ресурс] // URL: http://infoportal.co.il/iportal/ Our_Projects/JBLWS/List/Blokadniki_list_00025549-032917.4.htm). На деле ее полное еврейское имя — Хана бат Берко (Берах) Каплан.

9

Яков родился в Санкт-Петербурге в 1877 году, учился медицине в Харьковском университете, в 1900-м вернулся в родной город, где открыл магазин одежды.

Видимо, сведения А. Ф. Векслера и Т. Я. Крашенинникова, что владельцем «Забалканской» аптеки был В. П. Олькеницкий, неверны. Все доступные нам справочники Санкт-Петербурга того времени, а также данные Э. Хеллер и Б. Брэнден свидетельствуют, что эта аптека принадлежала Добруле Конгейм.

11

По мнению Э. Хеллер, переезд на Невский проспект мог состояться в конце 1909 года.

12

Исаак Моисеевич Гузарчик (1864—?) — врач-гинеколог, сотрудник Императорского клинического повивального института в Санкт-Петербурге, автор диссертации «Капиллярный дренаж матки как метод лечения послеродовых эндометритов» (1898). Из архивных документов известно, что в местной еврейской общине он часто исполнял функции могеля — человека, делавшего новорожденным мальчикам ритуальное обрезание (см.: Метрическая книга о рождении евреев-купцов // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 422. Оп. 3. Д. 394. Л. 1; Д. 410, Л. 36 об.).

13

Подругой версии, на наш взгляд, менее убедительной, в этот период семья ютилась в одной комнате.

14

По другой версии, так назвала кота Алиса.

15

Впрочем, возможно, свою кличку домашний питомец получил по названию американского парохода, прибывшего в Россию в 1892 году с гуманитарным грузом продовольствия для страдавших от голода, вызванного нехваткой хлеба, связанной с экспортом слишком большого количества зерна.

тута Айн Рэнд в США, в то время как ответные письма пропали во время Великой Отечественной войны.

17

Тиддлиуинкс — игра в «блошки», ныне почти забытая. Для игры используются небольшие диски (фишки), а также более крупный диск, при надавливании на край которого фишки «запрыгивают» в стоящую на середине игрального стола чашу или коробку. Цель игры — забросить максимальное количество фишек.

18

Интересно, что в 1990-е годы Элеонора Зиновьевна говорила интервьюерам, что ей необходимо идти в синагогу, чтобы купить мацу. Вопрос, вернулась ли она к религиозным традициям лишь после перестройки или соблюдала их и в советское время, остается открытым; на наш взгляд, более вероятен первый вариант.

19

По сведениям Б. Брэнден, это решение было принято Алисой несколько позже — во время пребывания в Крыму (1919–1921).

20

Гимназия занимала третий и четвертый этажи здания, а на пятом, верхнем, жила сама ее владелица.

21

Самое неприязненное высказывание писательницы о родине можно найти в ее телевизионном интервью, данном Филу Донахью в 1980 году. На вопрос журналиста, с каким чувством она покидала СССР в 1926 году, Айн Рэнд ответила: «[С чувством] полного отвращения ко всей стране, включая период царизма. Это самая отвратительная и, кстати, самая иррациональная страна на земле» (Ayn Rand Interviewed by Phil Donahue [Электронный ресурс] // URL: http:// www.youtube.com/watch?v=lZqKpfVW0i0&t=127s). Еще одно высказывание: «Мое чувство по отношению к России в то время было просто усиленным чувством, которое у меня было с детства и до революций. Я чувствовала, что это была настолько иррациональная, настолько испорченная и гнилая страна, что я не была удивлена, что у них появилась коммунистическая идеология, — и я чувствовала, что нужно оттуда выбраться и найти цивилизованный мир» *(Rand A.* Anthem / Ed. by L. Peikoff. New York, 1995. P. VIII–IX).

Можно предположить, что с этой болезнью Наташа справилась, учитывая, что в 1929 году она благополучно вышла замуж, а погибла в 1942-м в блокадном Ленинграде во время бомбежки.

23

В рукописной копии аттестата за седьмой класс, полученной Алисой Розенбаум в советском Крыму в 1921 году (см.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 5. Д. 3576. Л. 4), есть графа «Логика», однако вместо оценки там стоит прочерк. Дело в том, что до революции был единый бланк, а поскольку программы мужских и женских гимназий различались, напротив соответствующего предмета ставились оценка или прочерк.

Информация предоставлена К. И. Финкельштейном.

Это был краткий переходный период семилетнего обучения, на смену которому в 1923 году пришла школа-девятилетка с двумя ступенями.

26

В русском переводе романа «Мы живые», осуществленном Д. В. и С. А. Костыгиными, почему-то указано, что переезд занял три недели, тогда как в оригинале стоит: «It has taken two weeks to make a three days' trip».

27

По сведениям Дж. Бриттинга, им удалось получить лишь одну комнату (см.: *BrittingJ.* Ayn Rand. New York; Woodstock; London, 2004. P. 20).

28

Мгновение *(ит.)*.

29

По этой причине избранник сестры не очень понравился Норе, предпочитавшей блондинов.

30

Алиса неверно называла ее «Апполонией (так. — *Л. Н., М. К.)* Шалупез». Возможно, она попросту не знала, как правильно транслитерировать кириллицей польскую фамилию СЬа1ир1ес.

31

Здесь и далее в текстах Алисы Розенбаум, опубликованных на русском языке, сохранены авторские орфография и пунктуация.

32

По мнению Энн Хеллер, машинка была уложена в бабушкин чемодан.

Икра *(англ.)*.

писательница» или «финский писатель». По этой причине многие русские авторы указывали, что в качестве псевдонима было использовано имя финского писателя, не зная, что Айно или Айна — исключительно женское имя.

35

Позднее Ферн Гольдберг, в замужестве Браун, стала успешной детской писательницей.

По другой версии, озвученной самим режиссером, он обнаружил голодающую Айн Рэнд, привез к себе домой, а его жена разместила ее в «Клубе студии Голливуд». Э. Хеллер зафиксировала еще несколько версий этой истории. Сложно сказать, какая из них больше соответствует действительности.

37

Возможно, это была аллюзия на известного евпаторийского большевика Давида Караева, о котором Айн могла слышать в Крыму.

38

Цитаты из романа приводятся в переводе Д. В. и С. А. Костыгиных.

39

По словам Элеоноры Дробышевой, мать переводила книги для Госиздата, однако нами не было найдено ни одного перевода, сделанного Анной Борисовной для этого издательства.

Ьа188е2-Га1ге *(фр.* букв, позвольте делать) — экономическая доктрина невмешательства государства в экономику.

41

К сожалению, этот дом, который мог бы стать музеем творчества писательницы, был снесен в 1972 году.

42

По преданию, к иудейскому законоучителю Гиллелю (75 год до н. э. — ок. 5 года н. э.) подошел человек и попросил научить его всей Торе за время, пока он сможет стоять на одной ноге.

43

Все эссе, опубликованные в этой колонке, были переизданы в сборнике: *Rand A.* The Ayn Rand Column: Written for the Los Angeles Times / Ed. by P. Schwartz. Irvine, 1998.

Впервые ее материалы были опубликованы в виде серии статей в журнале «Объективист» в 1966–1967 годах.

45

Федор Дробышев умер в том же году, что и его свояченица. Элеонора в постперестроечное время стала религиозной и регулярно посещала синагогу. В 1997–1998 годах она дала несколько интервью сотрудникам Института Айн Рэнд. Скончалась Нора 12 марта 1999 года в 88 лет, намного пережив старшую сестру.

46

Используемый в России перевод «Санкция жертвы», на наш взгляд, не совсем правильно отражает суть речи. В ее тексте, опубликованном позднее, писательница объясняет, что «the Sanction of the Victims» — «готовность добра страдать от рук зла, принять роль жертвы за “грех” создания ценностей».

47

Форум Форд-Холла — самая старая в США серия бесплатных публичных лекций (основана в 1908 году). Помимо Айн Рэнд, среди ее самых известных спикеров — Мартин Лютер Кинг, Айзек Азимов, Генри Киссинджер, Роберт Фрост и др.

Перевод М. Л. Лозинского.

49

По требованию своей неуступчивой наставницы Пейкофф с ангельским терпением перерабатывал эту книгу в течение тринадцати (!) лет.

Все даты до 1918 года приводятся по юлианскому календарю.

51

Перевод на английский язык двух вышеуказанных работ.

52

Указаны первые издания произведений в хронологическом порядке.

comments

Комментарии

1

1

2

2

3

3

4

4

5

5

6

6

7

7

8

8

9

9

10

10

11

11

12

12

13

13

14

14

15

15

16

16

17

17

18

18

19

19

20

20

21

21

22

22

23

23

24

24

25

25

26

26

27

27

28

28

29

29

30

30

31

31

32

32

33

33

34

34

35

35

36

36

37

37

38

38

39

39

40

40

41

41

42

42

43

43

44

44

45

45

46

46

47

47

48

48

49

49

50

50

51

51

52

52

53

53

54

54

55

55

56

56

57

57

58

58

59

59

60

60

61

61

62

62

63

63

64

64

65

65

66

66

67

67

68

68

69

69

70

70

71

71

72

72

73

73

74

74

75

75

76

76

77

77

78

78

79

79

80

80

81

81

82

82

83

83

84

84

85

85

86

86

87

87

88

88

89

89

90

90

91

91

92

92

93

93

94

94

95

95

96

96

97

97

98

98

99

99

100

100

101

101

102

102

103

103

104

104

105

105

106

106

107

107

108

108

109

109

110

110

111

111

112

112

113

113

114

114

115

115

116

116

117

117

118

118

119

119

120

120

121

121

122

122

123

123

124

124

125

125

126

126

127

127

128

128

129

129

130

130

131

131

132

132

133

133

134

134

135

135

136

136

137

137

138

138

139

139

140

140

141

141

142

142

143

143

144

144

145

145

146

146

147

147

148

148

149

149

150

150

151

151

152

152

153

153

154

154

155

155

156

156

157

157

158

158

159

159

160

160

161

161

162

162

163

163

164

164

165

165

166

166

167

167

168

168

169

169

170

170

171

171

172

172

173

173

174

174

175

175

176

176

177

177

178

178

179

179

180

180

181

181

182

182

183

183

184

184

185

185

186

186

187

187

188

188

189

189

190

190

191

191

192

192

193

193

194

194

195

195

196

196

197

197

198

198

199

199

200

200

201

201

202

202

203

203

204

204

205

205

206

206

207

207

208

208

209

209

210

210

211

211

212

212

213

213

214

214

215

215

216

216

217

217

218

218

219

219

220

220

221

221

222

222

223

223

224

224

225

225

226

226

227

227

228

228

229

229

230

230

231

231

232

232

233

233

234

234

235

235

236

236

237

237

238

238

239

239

240

240

241

241

242

242

243

243

244

244

245

245

246

246

247

247

248

248

249

249

250

250

251

251

252

252

253

253

254

254

255

255

256

256

257

257

258

258

259

259

260

260

261

261

262

262

263

263

264

264

265

265

266

266

267

267

268

268

269

269

270

270

271

271

272

272

273

273

274

274

275

275

276

276

277

277

278

278

279

279

280

280

281

281

282

282

283

283

284

284

285

285

286

286

287

287

288

288

289

289

290

290

291

291

292

292

293

293

294

294

295

295

296

296

297

297

298

298

299

299

300

300

301

301

302

302

303

303

304

304

305

305

306

306

307

307

308

308

309

309

310

310

311

311

312

312

313

313

314

314

315

315

316

316

317

317

318

318

319

319

320

320

321

321

322

322

323

323

324

324

325

325

326

326

327

327

328

328

329

329

330

330

331

331

332

332

333

333

334

334

335

335

336

336

337

337

338

338

339

339

340

340

341

341

342

342

343

343

344

344

345

345

346

346

347

347

348

348

349

349

350

350

351

351

352

352

353

353

354

354

355

355

356

356

357

357

358

358

359

359

360

360

361

361

362

362

363

363

364

364

365

365

366

366

367

367

368

368

369

369

370

370

371

371

372

372

373

373

374

374

375

375

376

376

377

377

378

378

379

379

380

380

381

381